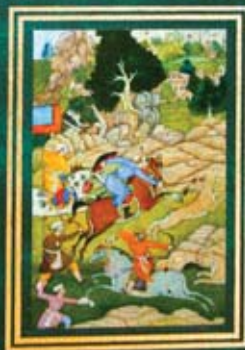

ساروانی از کتب

ساروانی از کتب

ساروانی از کتب

THE AKBARNAMA

of

Abu-l-Fazl

Translated from Persian

by H. Beveridge

Абӯ-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга пятая

Самара
Издательский дом «Агни»
2010

ББК 63.3(5)

А 17

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»*

Научная подготовка С.Н. Воробьёвой
Перевод с английского: И.О. Клубкова, А.Е. Дунаев
Художник-оформитель Н.В. Краснова

*На обложке: Охота на львов. Могольская школа, конец XVI–XVII века
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург*

Абу-л Фазл Аллами

А 17 Акбар-наме. Книга пятая. — Самара: Издательский дом «Агни», 2010.
— 400 с.: ил.

ISBN 978-5-89850-131-0

Издательский дом «Агни» продолжает публикацию перевода на русский язык «Акбар-наме» — уникального источника по истории Индии XVI века, принадлежащего перу Абу-л Фазла Аллами, политического деятеля, друга и советника падишаха Акбара. Пятая книга охватывает события 1572 — 1578 годов. Это один из самых насыщенных разнообразной деятельностью периодов в жизни Акбара, когда он в полной мере проявил себя как великий правитель и талантливый полководец. Значительное место в повествовании отводится тем шагам, которые предпринимал падишах для преодоления противостояния между представителями разных конфессий и достижения «мира для всех» — *сулх-и кул*.

Текст дополнен фрагментами из выдающегося свода документов «Аин-и Акбари» («Установления Акбара»), которые познакомят читателей с организацией армии в империи Великих Моголов. Издание снабжено подробным научным комментарием, иллюстрировано фрагментами индийской миниатюры и фотографиями памятников, созданных в эпоху Акбара.

Книга несомненно заинтересует любителей истории, литературы и искусства Востока.

ISBN 978-5-89850-131-0

ББК 63.3(5)

© Издательский дом «Агни», 2010

БИОГРАФИЯ ШЕЙХА АБУ-Л ФАЗЛА

[Написана Г. Блохманном в 1873 г. как вводная часть к его переводу
I тома «Аин-и-акбари» (кн. 1, 2), выполненному с персидского на
английский язык.]

Шейх Абу-л Фазл — министр Акбара и его друг, родился в Агре 6 мухаррама 958 г.х.¹ во время царствования Ислам шаха. Семья, к которой он принадлежал, берёт начало от шейха Мусы, пятого предка Абу-л Фазла, который жил в IX веке хиджры в Сивистане (Синд), в месте, называемом Реи. В этой «хорошей деревне» дети и внуки шейха Мусы жили до начала X века, когда шейх Хизр, тогдашний глава семьи, следуя устремлениям сердца в результате обрётённого мистического знания, переселился в Хиндустан. Там он путешествовал, посещая тех, кто был близок к Богу, и тех, кто совершенно не знал об этом; и после короткого пребывания в Хиджазе с арабским племенем, к которому семья принадлежала, вернулся в Индию и поселился в Нагоре к северо-западу от Адждмира, где жил с набожными людьми, наслаждаясь дружбой Мир Сайид Яхьи из Бухары. Звание шейха, которое носили все члены семьи, и сохраняло напоминание о родине предков.

В 911 г.х. родился шейх Мубарак, отец Абу-л Фазла. Мубарак не был старшим сыном шейха Хизра, несколько детей до него рождались и умерли, и Хизр, радуясь рождению следующего сына, назвал его Мубарак (Благословенный), без сомнения, с намёком на надежду, которую ислам протягивает верующим: дети, рождённые прежде, благословляют тех, которые родятся после них, и просят Аллаха о продолжительности их земной жизни.

Шейх Мубарак в 4-летнем возрасте проявил большие умственные способности и формировал характер и наклонности в общении с шейхом Атаном, который был тюркского происхождения и прибыл во время правления Сикандара Лоди в Нагор, где жил в услужении у шейха Салара, и умер, как говорили, в престарелом возрасте — 120 лет. Шейх Хизр решил поселиться в Нагоре на постоянное жительство, но перед этим ещё раз взглянуть на свою родину — Сивистан. Его внезапная смерть во время путешествия оставила семью в Нагоре в большом горе. Голод, который наступил в бесплодных песках окружающей пустыни, унёс много жителей, и из всех членов семьи в Нагоре выжили только Мубарак и его мать.

¹ 14 января 1551 г.

Мубарак рос, совершенствуясь и закладывая основание тех энциклопедических знаний, которые потом сделали его известным. Вскоре почувствовал желание и необходимость завершить своё образование и посетить великих учителей других стран, но любовь к матери оставила его в родном городе, где он продолжал занятия, направляемый учением великого святого Ходжа Ахрара², к которому было направлено всё его внимание.

Однако когда умерла его мать и в то же время возникли волнения Малдео, Мубарак едет в Ахмадабад в Гуджарате, привлечённый то ли славой самого города, то ли гробницей соотечественника своего Ахмада из Кхатту³. Здесь он нашёл второго отца в лице учёного шейха Абу-л Фазла, *хатиба*, или проповедника, из Казаруна в Персии, и познакомился с несколькими почтенными людьми: шейх Умар из Татты и шейх Юсуф. После нескольких лет пребывания там вернулся в Хиндустан и поселился 6 мухаррама 950 г.х. на левом берегу Джамны напротив Агры, рядом с Чарбагом⁴, который построил Бабур, и около святого Мир Рафи-ад-дина Сафави из Инджу (Шираз), среди сторонников которого Мубарак занимал особое место.

Здесь родились два старших сына Мубарака — шейх Абу-л Файз⁵, а через 4 года шейх Абу-л Фазл. Мубарак достиг 50-летнего возраста и решил остаться в Агре, столице империи; это были годы необычайной засухи, что предшествовала первому году царствования Акбара, и ужасного бедствия, которое обрушилось на Агру в 983 г.х. и стало причиной большого рассеяния населения и его решения поселиться в другом месте.

Энциклопедическая учёность, которой отличался Мубарак, привлекла большое количество учеников и отразилась на образовании, которое он дал своим сыновьям; и сыновья почтительность, с которой он (Абу-л Фазл) рассказывает об отце в отступлениях своих многочисленных работ, и утверждение враждебных писателей, таких как Бадауни, не оставляют сомнения, что всесторонняя образованность Мубарака легла в основу космополитических и в значительной степени антиисламских взглядов Абу-л Файза и Абу-л Фазла, за что обоих братьев клеймили писатели-мусульмане как атеистов, или как индусов, или как поклоняющихся солнцу, и которые являются главной причиной отступничества Акбара от ислама.

За несколько лет до 963 г.х., во время господства афганцев, шейх Мубарак включился в религиозное движение [махдистов], которое началось примерно в 900 г.х. и продолжалось весь X век. Движение было вызвано приближением конца первого тысячелетия по хиджре. Согласно часто упоминаемому пророчеству, последние дни ислама должны быть отмечены упадком как в политическом, так и моральном плане, и когда это достигнет апогея, появится *имам Махди* — «Управитель эпохи»⁶, который восстановит упавшую веру в её первоначальном виде.

² Умер в Самарканде 29 раби-ал-аввала 895 г.х., или 20 февраля 1490 г.

³ Ахмад из Кхатту похоронен в Саркхише вблизи Ахмадабада. Он умер в 849 г.х. (1445 г.).

⁴ Позднее называли Хашт Бишти или сады Нурафшан. Сейчас он называется Рам Багх.

⁵ Родился в 954 г.х., или в 1547 г.

⁶ Сахиб-и заман. Это 12-й имам. Первые 11 следовали за Пророком

Также должен появиться Христос; и после все люди при его содействии придут к исламу, начнётся Судный день. Принимая во внимание эту обещанную личность, «Раузат-ул Аимма», персидский труд о жизни 12 имамов, сообщает следующее.

«Муслим, Абу Дауд, Нисаи, Байхаки и другие составители сборников традиционных высказываний Пророка утверждают, что Пророк однажды сказал: «Мухаммад Махди будет из моей семьи и от потомков Фатимы (дочь Пророка и жена Али)». И Ахмад, Абу Дауд, Тирмизи, Ибн Маджах утверждают, что Пророк однажды сказал: «Когда придёт день, Аллах даст человека из моих потомков, который наполнит мир справедливостью, так как до него мир был в угнетении» и ещё: «Конец мира не придёт до тех пор, пока Царь земли не появится, и будет он из моей семьи, и его имя будет моим именем». Дальше Ахмад и другие составители заявляют, что Пророк однажды сказал: «Мухаммад Махди принадлежит к моей семье, 8 и 9 лет». В согласии с этим люди верят и в приход Махди. Но есть группа в исламе, которая говорит, что Имам Махди уже пришёл в мир и сейчас существует, его имя Абу-л Касим, а его эпитеты — «избранный, непоколебимый», «Махди ожидаемый», «Правитель века». По мнению этой части людей, он родился в Сурраман-раа (около Багдада) 23 рамазана 258 г.х. и в 265 г.х. пришёл в свою *сардабу* («прохладное место», «летняя вилла») и скрылся пока там. В книге под заголовком «Шавахид» говорится, что когда он родился, на правой руке у него было написано: «Говори: пришла правда, а грех (заблуждение) исчез, воистину грех исчезающий» (Коран, XVII, 83). С этим также связано, что когда он родился (в мире), то появился коленопреклонённым, указал пальцами на небеса, чихнул и сказал: «Хвала Аллаху, Господину мира». Есть ещё один рассказ о посещении Имама Хасана Аскари (одиннадцатый имам), которого спросили: «О, сын Пророка, кто будет *халифа* и *имам* после тебя?» Аскари тогда вошёл в свою комнату и спустя некоторое время вышел с ребёнком на плечах, что имел лик как полная луна и которому было года три, и сказал человеку: «Если бы ты не обрёл благость в глазах Бога, он не показал бы тебе ребёнка; его имя то же, что имя Пророка». Секта, которая верит в то, что Махди живёт в настоящее время, считает, что он правит всеми городами на дальнем западе, и у него даже есть дети. Аллах один знает истину!»

Утверждаемые проповеди Основателя, касающиеся прихода Восстановителя Веры, обрели особую важность, когда ислам вступил в столетие, предшествующее концу первого тысячелетия, а учёных во всём мире волновал этот вопрос, пока, наконец, движение Махди приняло в Индии определённую форму — проповеди Мир Сайид Мухаммада⁷, сына Мир Сайид Хана из Джаунпура.

⁷ Бадауни в своём «Наджат-ур-рашид» приводит несколько подробностей о появлении этого же движения в Бадахшане, откуда идея эта, кажется, распространилась в Персии и Индии. В Бадахшане оно было зарождено Сайид Мухаммад Нурбахшем — учеником Абу Исхак Хатлани, который приобрёл большое количество сторонников и возмущил спокойствие настолько, что против него были посланы войска. Он потерпел поражение и бежал в Ирак в горный район, где приобрёл 30 тысяч последователей. Ему приходилось часто сражаться с правителями, и он всех одолевал. Бадауни сохранил копию прокламации, которую Нурбахш послал всем святым. Одним из его учеников был Шейх Мухаммад Лахиджи, комментатор «Гулшан-и Раз».

Этот человек был потомком Пророка и носил его имя; падение Джаунпура стало для него знаком, что пришли последние дни.

Необычные события, которые похожи были на чудеса, озаменовали его деятельность; и голос с небес шепнул ему слова: «Анта Махди» («Ты есть Махди»). Некоторые люди действительно говорят, что Мир Сайид Мухаммад не намеревался объявлять, что он обещанный Махди, но нет сомнения, что он настаивал на своей миссии «Правителя эпохи». Он приобрёл много сторонников главным образом благодаря своим ораторским способностям, но в результате давления со стороны недругов уехал в Гуджарат, где обрёл сподвижника в лице Султан Махмуда I. Из Гуджарата отправился по просьбе царя и к радости многочисленных недругов в паломничество в Мекку. Оттуда его, кажется, выгнали. По возвращении обнаружилось, что его учение сопряжено с неприятностями, и он сказал ученикам, которые сопровождали его: «Бог убрал с моего сердца бремя Махди. Если я благополучно вернусь, я отрекусь от всего». Но по прибытии в город Фарах в Белуджистане, где его приезд вызвал большую сенсацию, умер (911 г.х., или 1505 г.). Его могила стала местом великого паломничества, хотя шах Исмаил и шах Тахмасп пытались её разрушить. Движение, однако, продолжалось. Некоторые его последователи верили, что он был Махди, и даже историк Бадауни, который старался строго следовать фактам, говорит о нём как о великом святом.

Другие Махди появлялись в разных частях Индии. В 956 г.х. (1549 г.) Махди с большими претензиями появился в Биане к юго-востоку от Агры, в лице шейха Алаи. Этот человек был бенгальским мусульманином. Его отец считался в своей стране учёным святым, и после посещения Мекки он поселился в 935 г.х. с младшим братом Наср-ул-лахом, тоже учёным человеком, в Биане, где они вскоре стали уважаемыми и влиятельными людьми. Шейх Алаи смолodu показал себя учёным юристом и строгим святым, а после смерти отца собрал вокруг себя много учеников. «Но любовь власти вышла, наконец, из справедливых голов», и в день Ида он ударил важного шейха из своего *хауда* и, поддерживаемый своими братьями и старшими родственниками, провозгласил, что он один достоин быть шейхом в городе.

Примерно в это же время человек по имени Миян Абдулла, афганец — *ниязи* и ученик Мир Сайид Мухаммада из Джаунпура, прибыл из Мекки и поселился в уединённом месте около Бианы. Подобно своему учителю, тоже обладал ораторскими способностями, и делал предсказания на улицах, и в короткое время собрал большое количество последователей среди дровосеков и водносов. Шейх Алаи также находился в благоговейном страхе от эмоциональных выступлений Миян Абдуллы, бросил учить и бороться за влияние, сделался факиром, велел жене либо следовать за ним в пустыню, либо уйти, раздав всю собственность, даже книги, бедным последователям *ниязи*, и присоединился к общине, которую создали собратья: разделили заработанные деньги, полученные от подаяний, и бросили работу, потому что в Коране сказано: «Не должен человек, привлечённый к торговле или продаже, переставать размышлять о Боге». Религиозные собрания, на которых людей готовили к приходу обещанного Мах-

ди, проходили каждый день после пяти молитв, что братья возносили вместе, и повсюду, куда бы ни шли, появлялись вооружённые до зубов. Вскоре они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы вмешиваться в городские дела и проверяли базары и убирали вещи, запрещённые законом, оказывали неповиновение судьям, если им противостояли, или помогали, по своему усмотрению. Их положение с каждым днём усиливалось, и дела в Биане пошли таким образом, что отцы отделились от детей, а мужья от жён. Прошлые утверждения шейха Алаи и основательность его бесед позволили ему занять место второго лидера; в действительности он вскоре превзошёл Миян Абдуллу по убедительности бесед, и последний, наконец, постарался избавиться от своего соперника, отослав его с 600 или 700 вооружённых людей в Мекку. Алаи отправился со своей группой через Басавар в Хаваспур, проповедуя по пути и обращая в веру, но ввиду некоторых препятствий все вернулись в Биану.

Слава шейха Алаи, наконец, достигла ушей Ислам шаха, который потребовал его в Агру, и хотя царь решил его убить как опасного демагога и был даже оскорблён грубым поведением Алаи в его присутствии, он [Ислам] был так очарован импровизированной речью, которую произнёс Алаи, о тщеславии мира и фарисействе учёных, что послал провизию для людей Алаи. Для развлечения знатных афганцев и генералов при Дворе Алаи победил учёных в вопросах, связанных с пришествием Махди, и Ислам шаху день за днём доносили, что его вельможи ходят на собрания к Алаи и вступили в новую секту.

Именно в это время шейх Мубарак стал учеником и проникся идеями махдизма. Неясно, однако, вступил он в секту по религиозным или политическим мотивам, тем не менее, одной из задач братьев было разбить партию учёных при Дворе, во главе которой стоял Махдум-ал-мулк⁸; но несмотря на мотив, результатом явилось то, что Махдум стал его закоренелым врагом, отобрал у него дарованную землю, вынудил его спасаться бегством и преследовал его более 20 лет, пока сыновья Мубарака не повернули скрижали в его сторону и добились его изгнания.

⁸ Махдум-ал-мулк был титулом Абд-ул-лаха из Султанпура. Следующая биографическая справка из «Хазинат-ул-Асфийа» показывает мнение правоверных суннитов о Махдуме. «Маулана Абд-ул-лах Ансари из Султанпура принадлежит к самым учёным людям и святым Индии. Он был чист и по своим религиозным убеждениям. Со времени Шер шаха до царствования Акбара он имел титул Махдум-ал-мулк (букв. «служащий государству»). Он был учён в законе и строг в жизни, рьяно преследовал еретиков. Когда Акбар начал свои религиозные новации и обращал народ в свою, Божественную Веру и поклонению Солнцу, приказывая им изменить символ веры словами: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Акбар, наместник Бога», Маулана Абд-ул-лах был в оппозиции по отношению к императору. Изгнанный от Двора, он удалился в мечеть; но Акбар сказал, что мечеть принадлежит его владениям, и ему следует уехать в другую страну. Тогда Махдум уехал в Мекку. По возвращении в Индию он был отравлен Акбаром в 1006 г.х. Написал несколько работ, таких, как «Кашф-ул-гуммах», «Иффат-ул-Анбийя», «Минхадж-уд-дин», и т.д.

«Его сын Хаджи Абд-ул-Карим отправился в Лахор после смерти своего отца, где стал религиозным главой. Он умер в 1045 г.х. и был похоронен в Лахоре рядом с загородным домом Зебунисы, у Мауза Кот. Его сыновья были Шейх Яхья, Илах Нур, Абд-ул-Хакк и Ала Хузур. Шейх Яхья подобно своему отцу совершал чудеса».

Что касается даты, то она неверна: Махдум-ал-мулк умер в 990 г.х., а так как Бадауни, сторонник Махдума, ничего не говорит об отравлении, утверждение «Хазинат-ул-Асфийа» ошибочно. Бадауни также пишет, что сыновья Махдума были никчёмными людьми.

Учёные при Дворе, однако, не расстроились из-за успеха Алаи, а влияние Махдума оказалось настолько велико, что он всё-таки подействовал на царя, чтобы изгнать шейха Алаи, и его последователи быстро повиновались приказу и отправились в Дакхин. Пока же в Хандиахе на Нарбаде, на границе империи Ислам шаха, он обратил в веру Бахар-хана Азам Хумаюна и половину его армии, и царь, узнав об их последних успехах, аннулировал свои приказы и вновь призвал шейха Алаи.

В это же время (955 г.х.) Ислам шах покинул Агру, чтобы положить конец беспорядкам в Пенджабе, что учинили афганцы *ниязи*, и когда прибыл к местечку поблизости от Бианы, Махдум-ал-мулк привлёк внимание царя к Миян Абдулле Ниязи, который после отъезда шейха Алаи в Дакхин странствовал по горам района Бианы с тремя или четырьмя сотнями вооружённых людей и был известен тем, что распространил собственное влияние на людей своего клана, а также на бунтовщиков *ниязи* в Пенджабе. Ислам шах приказал правителю Бианы, который был махдист, привезти Миян Абдулла к нему. Тот посоветовал религиозному лидеру скрыться, но Миян Абдулла смело появился перед царём и так рассердил его своим пренебрежением к этикету, что Ислам шах отдал приказ бить его до смерти. Царь в течение часа наблюдал с лошади исполнение наказания и уехал, только когда Миян Абдулла остался лежать безжизненным на земле. Но он, благодаря большой заботе, вернулся к жизни. Скрывался в течение долгого времени, отказался от всех махдистских принципов и позже, в 993 г.х. (1585 г.), получил от Акбара свободное [от налогов] владение в собственность, потому что тоже был одной из жертв Махдум-ал-мулка. Он умер, когда ему было за 90, в 1000 г.х. [1592 г.] в Сархинде⁹.

Ислам шах, после того как успокоил все волнения, возвратился в Агру, и почти сразу же его присутствие потребовалось в Пенджабе, и там шейх Алаи присоединился к царскому лагерю. Когда Ислам шах увидел шейха, сказал ему тихо: «Прошепчи мне на ухо, что ты раскаиваешься, и я не буду тревожить тебя». Но шейх Алаи не захотел сделать так, и Ислам шах, чтобы не терять свой авторитет, приказал слуге наказать его хлыстом и нанести несколько ударов в его присутствии. Шейх Алаи только пришёл в себя с трудом после чумы, что несколько лет бушевала в Индии, у него на шее тяжело заживали глубокие раны. При нанесении ударов одна из ран открылась, и он, будучи без сознания, умер. Его тело бросили под ноги слона и отдали приказ, чтобы никто не смел хоронить его, как вдруг, к ужасу всего лагеря и царя, поверившего, что настал последний день, обрушился разрушительный циклон. Когда шторм утих, обнаружили тело Алаи, укрытое розами и другими цветами, и последовал более почтительный приказ — предать тело земле. Это произошло в 957 г.х. (1551 г.).

⁹ Бадауни посетил его в Сархинде, и услышал от Абдуллы Ниязи о раскаянии Мир Сайид Мухаммада перед смертью. Кроме всего прочего, Абдулла также рассказал ему, что после смерти Мир Сайида в Фарахе, хорошо известный в этом городе человек на землях, принадлежащих *белуджам*, провозгласил себя Христом; и он ещё добавил, что ему известно не менее 13 человек почтенного происхождения, которые также провозглашали себя Христом.

Народ предсказал быстрый конец Ислам шаху и гибель его дома¹⁰. Махдум-ал-мулк после этого уже не был популярен.

Общие черты всех махдистских движений заключаются в том, что: 1) проповедники последующих дней были людьми образованными и с большими ораторскими способностями, что давало им власть над толпой; 2) махдисты занимали враждебную позицию по отношению к учёным людям, которые имели должность при Дворе. Ислам не имеет государственного духовенства; но мы найдём точную копию наших иерархических структур в улемах при Дворе, из которых назначались *садры* в провинции, *мир адлы*, *муфтии* и *кази*. В Дели и Агре группа учёных всегда состояла из ортодоксальных суннитов, считавших своим долгом поддерживать надёжных царей.

Насколько велико было их влияние, свидетельствует факт, что из всех мусульманских императоров только Акбару и, возможно, Ала-ад-дину Хилджи удалось усмирить их высокомерие.

Смерть шейха Алаи стала большим торжеством для улемов Двора, а результатом явилось ярое преследование всех приверженцев махдистов, что длилось вплоть до царствования Акбара. Оно утихло только на короткое время, когда возвращение Хумаюна и падение власти афганцев привели к жестокому политическому кризису, во время которого учёные впервые подумали о собственной безопасности, хорошо зная, что Хумаюн — убеждённый сторонник шиизма. Но когда Акбар твёрдо укрепился, а Двор в Агре после падения Байрам-хана, который был шиитом, опять наводнился хиндустанскими суннитами, преследование началось снова. Ненависть части Двора к шейх Мубарак достигла такой степени, что шейх Абд-ун-Наби и Махдум-ал-мулк представили императору дело следующим образом: поскольку Мубарак принадлежал к махдистам и поэтому был не только сам проклят, но привёл и других к проклятию, — его следует убить. Они даже добились приказа доставить Мубарака к императору. Тот мудро сбежал из Агры, оставив лишь немного мебели — для мести своих врагов. Скрываясь некоторое время, обратился за ходатайством к шейху Салиму Чишти из Фатехпур Сикри, но получил совет удалиться в Гуджарат. И обратился за помощью к молочному брату Акбара, великодушному Хан-и Азам Мирза Коке. Тому удалось-таки развеять сомнения императора, указав на пребывание шейха в ужасающей бедности и на тот факт, что, в отличие от его жадных обвинителей, Мубарак не использовал положения, дабы получить владения в собственность — и добился, наконец, защиты ему и его семье. Спустя время шейх Мубарак попросил предоставления земельного владения для своего сына Абу-л Файза, который уже обрёл литературную славу, хотя ему исполнилось только 20 лет, и ждал с сыном [приёма] у шейх Абд-ун-Наби. Но тот, из-за теологической надменности, выставил их из кабинета как людей,

¹⁰ Обстоятельства, связанные со смертью Алаи, напоминают конец Сиди Мула во время царствования Джалал-ад-дина Фируз шаха. Место в Пенджабе, где происходило действие, называется Бан (Бадауни, 1. 408). Тот факт, что Бадауни провёл свою молодость в Басаваре рядом с Бианой то есть почти в центре махдистского движения, говорит о его приверженности на протяжении жизни принципам махдизма.

заподозренных в сочувствии к махдистам и склонности к шиизму. Даже в 12-й год царствования Акбара, когда поэмы Файзи¹¹ были отмечены при Дворе — Акбар тогда находился под Читором — и молодому поэту был послан вызов самому явиться перед монархом, враги в Агре увидели в этом приглашении знак судьбы и уговорили управителя завладеть жертвой в это время. Отряд могольских солдат окружил дом Мубарака.

Файзи случайно не было дома, и солдаты, подозревая заговор, грубо повели себя с Мубараком, а когда Файзи, наконец, пришёл, его силой повели в Читор. Страх за отца, да и за собственную жизнь, не исчез до тех пор, пока благоприятный приём при Дворе не убедил его в добром расположении Акбара и слепоте врагов¹².

Абу-л Фазл тем временем рос, усердно занимаясь под опекой своего отца. Преследования, которым Абу-л Фазл и шейх Мубарак подвергались из-за приверженности к махдизму от учёных Двора, наложили сильный отпечаток на его молодой ум. Нет сомнений: пройдя эту школу злоключений, Абу-л Фазл и получил урок терпимости, набрался опыта, из которого в последующие годы сформировалось основание дружбы с Акбаром; с другой стороны, эти тяжёлые обстоятельства стимулировали силу воли для занятий, что впоследствии позволило ему во время религиозных дискуссий при Дворе возглавить оппозицию и победить благодаря незаурядной учёности и большой терпимости к мнениям клику улемов, которую Акбар очень не любил.

В возрасте 15 лет он показал раннее развитие умственных способностей, что у индийских мальчиков наблюдалось часто. Прочитал работы по всем отраслям наук, которые имели название *хиками* и *накли*, или *макул* и *манкул*. Следуя по стопам отца, начал обучать других до того, как сам достиг 20-летия. Один случай показывает, как интенсивно он читал даже в это время. Рукопись редкого труда Исфакхани попала в его руки. К несчастью, однако, половина каждой страницы вертикально сверху вниз была неразборчива или же испорчена огнём. Абу-л Фазл решил восстановить редкую книгу, срезал обгоревшие части, подклеил новую бумагу к каждой странице и начал восстанавливать недостающие половинки текста — в результате внимательного и вдумчивого чтения добился успеха. Спустя некоторое время появилась полная копия этой книги, и при сравнении в некоторых местах найдены действительно другие слова, а где-то и новые доказательства, но в целом в восстановленной части представлено столько моментов совпадения, что его друзья были немало удивлены основательностью, с какой Абу-л Фазл работал, как сумел уловить стиль и мысли трудного автора.

Абу-л Фазл был настолько поглощён занятиями, что предпочёл жизнь затворника вместо нестабильного покровительства вельмож и зависимости от Двора, что в те дни было неминуемо. Но с того момента, как Файзи был при-

¹¹ Абу-л Файз подписывался литературным псевдонимом Файзи.

¹² 20 раби ал-аввала 975 г.х., или 24 сентября 1567 г. Ода, которую Файзи представил, станет основой для «Акбар-наме».

глашён Акбаром сопровождать Двор, пробудилась надежда на светлое будущее, и Абу-л Фазл, которому исполнилось 17 лет, увидел в поддержке, проявленной императором, несмотря на многочисленных врагов Мубарака при Дворе, гарантию того, что его собственный труд также не останется без плодов. Мастерство, с помощью которого Файзи обрёл дружбу Акбара и сохранил её, подготовило дорогу Абу-л Фазлу; и когда последнего представили¹³ в конце 981 г.х. (начало 1574 г.) Акбару как брата Файзи, приём оказался настолько благожелательным, что тот оставил все мысли о том, чтобы вести жизнь среди манускриптов.

«Под наставительным оком своего отца духовного и земного на пятнадцатом году [жизни], — пишет Абу-л Фазл в «Акбар-наме», — ознакомился с науками рационалистическими и традиционными (*фанун-и-хикми-у-алум-и-накли*). Хотя они распахнули врата знания и обеспечили ему доступ в приёмные покои мудрости, однако вследствие своего злополучия стал он себялюбивым и самонадеянным. Стопа его деяний на некоторое время застыла, восхищаясь собственными достоинствами, а сонм учеников вокруг него лишь увеличил его самомнение. Их слепое преклонение и недостаток рассудительности вложили в его ум мысль об аскетизме и отшельничестве. Хотя днём его комната освещалась наставлением в науках, ночью он отправлялся путём странников и общался с приверженцами «Пути Исканий». Он черпал вдохновение у тех нищих, обладателей [истинных] сокровищ. Я [здесь повествование начинается от первого лица] пребывал в теснинах изумления и смятения пред лицом противоречивых воззрений поверхностно учёных и популярности подражателей формы. У меня не было сил ни хранить молчание, ни испустить крик. Хотя увещевания моего достопочтенного отца и оберегли меня от глуши безумия, однако целебные средства не достигали глубины моей смятенной души. Порой моё сердце тянулось к мудрецам страны Катай (*хитта-и-Хата*), порой оно стремилось к аскетам горы Ливан (друзам) (?). Иногда покой мой нарушало желание общения с ламами Тибета, а иногда тяга к португальским *падре* цеплялась за мой подол. Временами беседа с *мубидами* Персии, а иногда познание тайн Зенд-Авесты лишали меня сна, ибо душа моя чуждалась общества как здравомыслящих, так и (духовно) охмелевших из моей страны. Хотя голод исканий утолялся средоточием (*миср-и-джама*) совершенств внешних и внутренних — под чем подразумевается моё благотворное общение с достопочтенным отцом, — однако поскольку то неповторимое создание Мастерской Творения пребывало под завесой уединения, средства от моего беспокойства не находилось. Вследствие собственного неведения я считал, что моё внешнее положение несовместимо с конечным состоянием (*укба*), а потому пребывал в смятении и старался отдалиться от своего окружения. В конце концов судьба мне улыбнулась, и на святейшем собрании (посвящённых религии встречах, устраиваемых Акбаром) было упомянуто о моих стремлениях, [человека] смущённого мирским обществом. Мой почтенный брат, мои благожелательные друзья, мои любящие родственники и мои ученики еди-

¹³ Детали представления Абу-л Фазла ко Двору, приведённые у Бадауни, слегка отличаются от собственного рассказа Абу-л Фазла.

нодушно говорили: «Ты обретёшь счастье служения *Хедиву* духовному и земному». Я не был расположен к этому, а моё желчное отношение к обществу вносило разлад в мою душу, ценящую уединение. Ибо я не раскрыл дальновидное око, а талант мой был поглощён разрывом цепей принуждения. Как свойственно невежественным и поверхностным, я взирал на внешние обстоятельства как на пагубу для мира внутреннего, а границы считал антитезой абсолюта. Наконец мой отец поднял завесу и повёл меня к истине. Он объяснил мне удивительные деяния владык судьбы и снял с главы моей капюшон самообмана. Вдохновенными речами [в обществе] и в беседах с глазу на глаз, а также на собраниях здравомыслящих он внушал мне мысль о духовных совершенствах восседающего на троне удачи (Акбара). Мудрыми рассуждениями доказал, что «сострадание и знание Господа, кои присущи этой ниспосланной Господом жемчужине, в известной мере ведомы и другим. Ныне он — водитель караванов [Земного] Мира и Уединения, заря света формы и материи. Многообразие внешних связей не нарушает его истинного единства. Связанный внешне, внутренне он свободен. В нём — источник решений духовных и земных». По необходимости я предпочёл доводы моего отца собственным желаниям; а поскольку сокровищница моего сердца, преисполненного духовности, была свободна от мирских дел, для подношения возвышенному Двору я написал комментарий на стих о Престоле¹⁴ и поднёс его как извинение за то, что не могу предложить ничего более». Его Величество принял Абу-л Фазла любезно и милостиво.

В это время Акбар был очень занят подготовкой к завоеванию Бихара и Бенгалии. Файзи сопровождал его в походе, но Абу-л Фазл, естественно, оставался в Агре. Но когда Файзи написал брату, что Акбар требует его к себе, Абу-л Фазл немедленно отправился ко Двору по возвращении императора в Фатехпур Сикри, где Акбар случайно заметил его сначала в мечети Джами. Абу-л Фазл, как и раньше, представил комментарий, написанный им к вступлению главы Корана, озаглавленной «Сурат-ул-Фатх» — «Победа» (сура «Победа»).

Часть учёных и фанатичных суннитов при Дворе, возглавляемые Махдум-ал-мулком и шейх Абд-ун-Наби, имели основание огорчаться успехами Файзи и Абу-л Фазла; после возвращения Акбара из Бихара снова начались незабываемые вечерние дискуссии по четвергам, о которых историк Бадауни оставил очень живой рассказ. Акбара сначала просто раздражало «подобное фараоновскому тщеславию» учёных при Дворе; рассказы о бесконечных перебранках этих религиозных казуистов дошли до его слуха; религиозные преследования и несколько смертных приговоров, вынесенных его главным судьёй шиитам и «другим еретикам», очень действовали на него, и теперь он впервые осознал, что книжники и фарисеи образуют собственную силу в его государстве, которое строилось им в течение 20 лет. Увлечённый благословенной идеей ценности его индийских подданных, он решил, когда задумчиво и одиноко сидел по утрам

¹⁴ Название 256-го стиха 2-й суры Корана.

на камне в Фатхпур Сикри, управлять беспристрастно людьми всех вероучений в своих владениях, но крайние взгляды учёных и законников постоянно побуждали его подвергать кого-то гонениям, вместо того чтобы успокаивать. Он ввёл дискуссии, поскольку, думая о себе, что может ошибаться, решил: его долг руководителя — «спрашивать, выяснять». Нет необходимости повторять здесь, какие это были обсуждения. Единство, которое существовало между учёными, исчезло в самом начале, злоупотребления заняли место доводов, и даже обычные правила этикета, в присутствии самого императора, были забыты. Сомнения Акбара, вместо того чтобы проясниться, только увеличились; некоторые пункты ханафитского толка, за который цеплялись многие сунниты правильнее было бы составить по изречениям законников, принадлежащих к другим трём сектам, а моральный образ Пророка, так тщательно исследованный, оказался не на высоте. Махдум-ал-мулк написал злобный памфлет против шейха Абд-ун-Наби, садра империи, а последний ответил на оскорбление тем же, назвав Махдума глупцом, и проклял его. Абу-л Фазл, которого Акбар с самого начала назначил руководителем партии, разжигал ссоры, искусно переводя диспуты с одной темы на другую, и, наконец, убедил императора, что подданный должен смотреть на царя не только как на светского, но и духовного руководителя. Распространение этого нового учения обеспечило успех в судьбе Абу-л Фазла. Оба, Акбар и он, были верны учению до конца своих жизней. Но новые идеи вызвали оппозицию в исламе, закон в котором стоит выше любого царя, такое устройство мы называем невозможным, и хотя своевольные правители, такие как Ала-ад-дин Хилджи, раньше пытались ввести закон целесообразности (*маслахат-и вакт*) над законом Корана, им никогда не удавалось отделить религию от закона или сделать администрацию империи независимой от мулл. Когда Абу-л Фазл четырьмя годами позже, в 986 г.х. [1578 г.], поднял этот вопрос на вечерних четверговых дискуссиях, то вызвал настоящий ураган; и пока велись диспуты мучительные, какими они были до сих пор, находился один вопрос, связанный с жизнью Пророка, или сектантскими разногласиями, и они сосредотачивались на принципах ислама. И только сейчас сунниты при Дворе увидели, какой большой за последние четыре года стала брешь, этот «крепкий и ясный закон и прекрасная вера разрушились», и Акбар уверовал, что есть здравомыслящие во всех религиях и воздержанные мыслители и люди, наделённые чудодейственной силой среди всех наций. Ислам, по его мнению, не обладал совершенством по сравнению с другими видами почитания. Группа учёных, видя, что их официальное положение в опасности, теперь показали готовность уступить, но было уже поздно. Они даже подписали замечательный документ, который шейх Мубарак в содружестве с сыновьями составил, — уникальный документ во всей истории ислама. Бадауни, к счастью, сохранил полную копию его.

Император был официально признан справедливым правителем и в качестве такого возведён в звание *муджтахид*, то есть непогрешимого авторитета во всех делах, касающихся ислама. Таким образом, ум справедливого правителя стал единственным источником законодательства, и вся масса учёных и юристов ограничила себя в религиозных делах следованием декретам Акбара.

Шейх Абд-ун-Наби и Махдум-ал-мулк, конечно, подписали этот документ против своей воли, но подпись их стояла, в то время как шейх Мубарак добавил к подписи слова о том, что он охотно подписал своё имя и несколько лет ждал реализации этого прогрессивного действия.

«Документ, — говорит Абу-л Фазл в «Акбар-наме», — принёс превосходные результаты: (1) Двор стал местом собраний мудрецов и учёных всех верований; хорошие учения всех религиозных систем были признаны, а их изъяны не позволяли скрывать их хорошие черты; (2) установилась полная терпимость (*сулх-е кул*, или мир со всеми); (3) а упрямые и зломыслящие были покрыты позором, выставлены на осмеяние и попали в немилость Его Величества и таким образом поставлены у позорного столба немилости. Копия документа, который был передан императору, осталась у шейха Мубарака, написанная им от руки, с проставленной датой «раджаб 987 г.х.» (сентябрь, 1579 г.)

Несколько недель спустя шейх Абд-ун-Наби и Махдум-ал-мулк были отосланы в Мекку. Шейх Мубарак и его сыновья торжествовали победу над недругами. Каким великодушным был Абу-л Фазл, можно видеть из манеры, в которой он заносит в хронику «Акбар-наме» изгнание этих людей. Ни одного предложения, ни одного слова, указывающих на его личные обиды против любого из них, хотя те преследовали их, пытались убить отца и разрушить его семью; этот рассказ протекает спокойно и достоин государственного деятеля, оправдывает высокую похвалу, которой историки удостоили его характер: «ни оскорблений, ни грубых слов никогда не обнаруживали в его семье».

Диспуты закончились (1579 г.), Файзи и Абу-л Фазл удостоились прочной дружбы императора. Доверие, которым проникся Акбар к Файзи, лучше всего доказывает его назначение в тот же год воспитателем к принцу Мураду, а так как оба брата вступили в армию, тогда единственную службу, и получили *мансабы*, или полномочия, их занятость в разных министерствах давала им возможность получать новые отличия. Удостоившись личной дружбы Акбара, оба оставались при Дворе в Фатхпур Сикри или сопровождали императора в его походах. Два года спустя Файзи назначили *садром* в Агру, Калпи и Калинджар, где в его компетенцию входило добиваться сведений о свободной от налога недвижимости (*сьюргалах*), которые в результате обманной практики части государственных чиновников и жадности самих владельцев столь возросли, что это привело к серьёзному уменьшению земельного дохода. А Абу-л Фазл в начале 1585 г. был произведён в *мансаб хазари*, или на пост командира 1 000 всадников, а в следующем году назначен *диваном* в провинцию Дели. Чин Файзи был намного ниже — командир только четырёх сотен. Но он и не заботился о дальнейшем продвижении. Посвятив себя Музе, нашёл удовлетворение в назначении его придворным поэтом — такого высокого звания Акбар удостоил его в конце 1588 г. Хотя император не уделял много внимания поэзии, его оценка гения Файзи была справедливой, ибо после Амира Хусрава Дехлеви не было выше поэта, чем Файзи в мусульманской Индии.

В конце 1589 г. Абу-л Фазл потерял мать, памяти которой посвятил страницу в «Акбар-наме». Император, чтобы утешить его, нанёс ему визит и

сказал следующее: «Если бы люди в этом мире жили вечно и умирали только однажды, добрым друзьям не надо было бы направлять свои сердца к Богу и вверяться Ему и Его Воле, но никто не живёт долго в караван-сараях мира, и страдающий сделает хорошо, если примет утешение».

Акбар основал новую религию *дин-и илахи*, или Божественную Веру, главная черта которой, в соответствии с документом шейха Мубарака, упомянутым выше, заключалась в вере в одного Бога и Акбара как Его наместника (*халифу*) на земле. Исламские молебны отменили при Дворе, и поклонение избранных стало базироваться на парсийских [зороастрийских] и частично на церемониях индусов. Новая эпоха (*тарих-и илахи*), введённая во всех правительственных протоколах, как и праздники, соблюдаемые императором, были полностью зороастрийскими. Мусульманские вельможи при Дворе выказывали противодействие, но небольшое; они с большей тревогой смотрели за продвижением придворных-индусов, чем на религиозные новации Акбара, которые поразили их, и только. Но их чувства против Абу-л Фазла были более заметны, и они часто советовали императору послать его в Дакхин, надеясь, что плохое управление во время войны или в администрации уменьшит его влияние при Дворе. Принц Салим (Джахангир) также принадлежал к недовольным, и его нелюбовь к Абу-л Фазлу, как мы увидим ниже, так глубоко укоренилась, что он смотрел на него как главное препятствие в выполнении своих фантастических планов. Неожиданный визит к Абу-л Фазлу дал ему прекрасную возможность обвинить его в двуличности. Придя в дом, он нашёл там 40 писцов, записывающих комментарии к Корану. Приказав им следовать за ним тотчас, привёл к императору, показал копии и сказал: «Вот Абу-л Фазл учит меня совсем другим вещам, чем то, что он практикует у себя дома». Этот инцидент, говорят, на время охладил отношения между Акбаром и Абу-л Фазлом. Подобная, но менее вероятная история рассказана автором «Закхират-ул-Хаванин». Он говорит, что Абу-л Фазл раскаивался в измене исламу, и по ночам посещал инкогнито дома дервишей и, давая им золотые *мухуры*, просил «молиться за устойчивость веры Абу-л Фазла», вздыхая в это время, и ударяя свои колени, и восклицая: «Что я буду делать?»

И так же, как писавшие об истории литературы попытались спасти Файзи от измены и впоследствии от проклятий, представив, что перед смертью он восхвалял Пророка, так же и другие авторы преуспели, найдя для Абу-л Фазла место в Раю; ибо рассказано в нескольких книгах, что Шах Абу-л-маали из Лахора¹⁵, человек известной святости, однажды выразил своё осуждение слов и поступков Абу-л Фазла. Но ночью, как говорится в рассказе, во сне увидел, что тот пришёл на собрание, которое вёл Пророк в Раю; и когда Пророк увидел, как он вошёл, попросил его сесть и сказал: «Этот человек совершил в течение своей жизни много плохих поступков, но одна из его книг начинается словами: «О Господи, вознагради добро ради Твоей справедливости и помощи

¹⁵ Родился в 960 г.х., умер в Лахоре в 1024 г.х. «Хазинат-ал-асфийа», с. 139.

несчастливым ради любви их», и эти слова спасли его». Последние два рассказа преувеличены, возможно, сознанием религиозных суннитов, но первый, если верен, умаляет ту последовательность мнений и форму философского убеждения, которой наполнены работы Абу-л Фазла. И хотя его сердце находило в чистом деизме и религиозной философии больше успокоения и больше элементов гармонии, чем в казуистике мулл, его ум с молодых лет был приучен к усердной литературной работе, и поэтому вполне естественно для него, даже после отхода от ислама, продолжать изучение Корана, потому что высокие диалектические знания и глубокие филологические исследования мусульманской литературы сосредотачивались на толковании этой священной книги.

К этому периоду относятся и литературные предприятия, которые начались под покровительством самого императора. Абу-л Фазл, Файзи и учёные, такие, как Бадауни, Накиб-хан, шейх Султан, Хаджи Ибрахим, шейх Мунаввар, и другие, занимались составлением исторических и научных материалов и переводами с санскрита или хинди на персидский.

Файзи взялся за «Лилавати», известную книгу по математике, а Абу-л Фазл переводил «Калилу и Димну» под названием «Айяр Даниш» с арабского на персидский. А также принял участие в переводе «Махабхараты» и составлении «Тарих-и-Алфи» — «Истории тысячелетия». Эта последняя упомянутая работа, любопытно заметить, имеет близкую связь с движением махдистов, о чём уже говорилось. Хотя, начиная со смерти шейха Алаи, сторонники идеи тысячелетия («золотого века») подвергались преследованию, и движение во всех его проявлениях заглохло, идея реставрации при наступлении нового тысячелетия оживилась во время дискуссий в Фатхпур Сикри и путём обучения людей типа Шариф-и Амули¹⁶, со столь значительным изменением, что самого Акбара называли «Повелителем эпохи», в результате чего дряхлеющий ислам практически «испустил дух». Эта новая особенность получила полнейшее одобрение у Акбара и оказала большое влияние на развитие его религиозных воззрений. «Тарих-и-Алфи» поэтому представлял ислам как религию прошлого — он существовал тысячу (*алф*) лет и сделал своё дело. Ранняя история, к досаде суннитов, определялась на основе взглядов шиитов, и ещё хуже, хронология была изменена, поскольку отправной точкой стала смерть Пророка, а не *хиджра*, или побег Пророка из Мекки в Медину.

К середине 1000 г.х. (начала 1592 г.) Акбар назначил Абу-л Фазла на пост *духазари*, или командира 2 000 лошадей. И тот теперь принадлежал к великим *амирам* (*умара-йи кибар*) при Дворе. Как и раньше, он оставался в непосредственном окружении императора. В том же году Файзи послали в Дакхин в качестве посла Акбара к Бурхан-ул-мулку и радже Али-хану из

¹⁶ Мы узнаем о последнем движении махдистов в 1628 г., при вступлении на престол Шах Джахана. Акбар умер и не восстановил идеи «тысячелетия»; во время царствования Джахангира, особенно в начале, Двор был безразличен к религии, а царь сохранил церемонию *сиджда*, или простиранья, которое, как верили мусульмане, должно быть только перед Аллахом. Но Шах Джахан при вступлении своём на престол восстановил многие мусульманские ритуалы, что ушли в забвение при Дворе; а так как он родился в 1000 г.х., теперь он считался настоящим реставратором. С тех пор это движение не имело последователей.

Хандеша, что послал дочь в жёны принцу Салиму. Файзи вернулся через 16 месяцев.

Шейх Мубарак, который после опубликования своего знаменитого документа, почти удалился от мира, умер в следующем году в Лахоре (в воскресенье, 17 зу-ль-каада 1001 г.х., или 4 сентября 1593 г.). Он достиг 90-летнего возраста и в последние годы своей жизни занимался составлением 4-томных гигантских комментариев к Корану, которым дал название «Манба-у Нафаис-ул-Уйун». И закончил эту работу, несмотря на потерю зрения, незадолго до смерти.

Историк Бадауни рассказывает о нём следующее:

— Шейх Мубарак, принадлежал к когорте выдающихся учёных людей настоящего времени. По практической мудрости, благочестию и вере в Бога он стоял высоко среди людей своего времени. В молодости он был строгим аскетом; действительно, был настолько строг в своих взглядах на то, что законно, а что нет, что если кто-то, например, приходил молиться с золотым кольцом на пальце, или одетый в шелка, или в красных носках на ногах, или в красных или жёлтых одеждах, мог приказать нарушителя правил удалить. В правовых решениях был так суров, что за каждую обиду, превышающую простой удар, по его мнению, правильным наказанием являлась смерть. Если случайно слышал музыку, проходя по улице, бежал прочь, но с течением времени, в результате Божественного усердия, настолько увлёкся музыкой, что не мог жить, не услышав пения или мелодии. Он прошёл через некоторую противоположность образа мышления и жизненных путей. Во времена правления афганцев часто посещал братство шейха Алаи; в начале правления Его Величества, когда верх взяли *накишбанди*, был связан с этой сектой; затем примкнул к школе Хамадани, и, наконец, когда верх при Дворе единолично взяли шииты, заговорил на их языке. «Люди говорят по мере своего разума» — меняться было его образом жизни, а остальное вы знаете. Но в то же время он постоянно занимался изучением религиозных наук. В просодии — искусстве составлять загадки [муамма] и других отраслях он понимал хорошо; а в мистической философии был великолепный мастер. Знал на память Шатиби¹⁷, объяснял его превосходно, но и знал, как прочесть Коран десятью разными способами. Не бывал во дворцах царей, но слыл любезным собеседником, речь которого изобиловала анекдотами. К концу жизни, когда его зрение ослабло, оставил чтение и жил в уединении. Комментарий, составленный к Корану, похож на «Тафсир-и Кабир»/«Великий Комментарий», — это четыре толстых тома с названием «Манба-у Нафаис-ул-Уйун». Он довольно необычный, там в предисловии есть место, где автор называет себя обновителем нового века¹⁸. Мы знаем, что обозначает это обновление. Приблизительно в то время, когда закончил свой труд, он заучил на память оду Фаризи, в которой содержится 700 стихов, и оду Барда, оду Каб ибн Зубайра и другие, и рассказывал их как ежедневные про-

¹⁷ Автор одного из трудов о *таджвиде* — искусстве правильного чтения Корана.

¹⁸ Бадауни говорит в своём «Наджату-р-рашид», что Джалал-ад-дин Суйути, самый универсальный учёный своего времени во всей Аравии, подобно ему назвал себя реставратором X столетия.

поведи вплоть до 17 зу-ль-каада 1001 г.х., когда оставил этот мир и предстал перед судом Аллаха.

Я не знаю человека большей учёности. Но — увы! — под покровом дервиша было столько грешного устремления к земному преуспеянию, что он не оставил нашу религию в покое. Когда я был молодым, учился в Агре несколько лет в его компании. Он действительно человек с большими достоинствами, но совершал плохие мирские поступки, захвачен был страстью к собственности и чинам, ещё тот приспособленец, применял хитрость и фальшь и ушёл так далеко в искажении религиозной истины, что ничего не осталось от его прежних достоинств. «Поистине, мы и вы либо на прямом пути, либо в явном заблуждении» (пер. И.Д. Крачковского) (Коран, 34:23). Кроме того, есть общее высказывание, что сын приносит бедствие на голову отца; следовательно, люди стали говорить: «Бедствие на Язида¹⁹ и на его отца тоже».

Через два года после смерти шейха Мубарака Абу-л Фазл потерял и своего брата Файзи, который умер в возрасте 50 лет после шести месяцев болезни 10 сафара 1004 г.х. (15 октября 1595 г.). Когда в один из этих моментов Акбар навестил его ночью и увидел, что тот не может долго разговаривать, осторожно поднял его голову и сказал ему: «Шейх Джио, я привёл с собой Хаким Али, не поговоришь ли ты со мной?» Не получив ответа, император в горе сорвал свой тюрбан, бросив его на землю, и громко заплакал; потом, попробовав утешить Абу-л Фазла, ушёл²⁰. Как глубоко Абу-л Фазл любил старшего брата, очевидно из многочисленных упоминаний в «Акбар-наме» и «Аин-и-Акбари», где он рассказывает о нём, и ничего так не трогает, как строки, которыми он предваряет в «Аине» сделанную им подборку из поэм его брата. «Драгоценные камни его стихов никогда не будут забыты. Когда досуг мне позволит, и моё сердце обратится к мирским делам, я соберу великолепные произведения этого непревзойдённого автора эпохи и отберу глазом заботливого критика, рукою друга его стихи. Но сейчас есть только одна братская любовь, которая не идёт дорогой привередливого критика, и которая велит мне записать некоторые из его стихов». Абу-л Фазл, однако, несмотря на свои тяжёлые обязанности, сдержал обещание и через 2 года после смерти брата собрал разбросанные листы «Маркиз-ул-Адвар» Файзи, не упоминая многочисленные извлечения, которые сохранил в «Акбар-наме».

Примерно в это же время Абу-л Фазл получил пост командира 2 500 лошадей, внёс своё имя под этим рангом в список вельмож в «Аин-и-Акбари», работу над которым закончил в том же году, когда собрал литературное наследие своего брата (1596—1597).

В следующем году, на 43-м году царствования Акбара, Абу-л Фазл первый раз начал активную службу. Султан Мурад не очень справлялся с дела-

¹⁹ Хусайн, в чью память распеваются жалобные песни в мухарраме, был убит Язидом; последнего в основном зовут Язид-и малун — Язид обвинённый. Здесь Бадауни называет Абу-л Фазла Язидом. Бедный Бадауни имел только тысячу *бига* земли, которые ему дал Акбар, освободив от арендной платы, но его школьный товарищ Язид Абу-л Фазл был командиром 2 тысяч и был другом императора.

²⁰ Бадауни, II. 406.

ми в Дакхине, и Акбар послал Абу-л Фазла с приказом вернуться с принцем, чьё чрезмерное пьянство стало причиной большого беспокойства императора, предоставив военачальникам самим отвечать за охрану завоёванной территории. Если офицеры не могли обеспечить надёжное ведение войны, ему следовало проводить принца и взять командование с помощью Шахрух мирзы. Войны в Дакхине с самого начала под руководством принца Мурада и Хан-ханана отмечены поразительной двуличностью со стороны царских военных, и тысячи людей и огромные резервы оказались в убытке, особенно во время царствования Джахангира из-за предательства и интриг высших чинов. Действительно, Хан-ханан сам был очень посредственным военным. Успехи Абу-л Фазла основывались на честности и верности. Когда он прибыл в Бурханпур, то получил приглашение от Бахадур-хана, царя Хандеша, чей брат был женат на сестре Абу-л Фазла. Он согласился приехать при одном условии, если Бахадур-хан действительно поможет ему (и таким образом поможет делу императора). Бахадур-хан не собирался помогать им в войнах с Дакхином, но послал Абу-л Фазлу богатые подарки, надеясь, что таким образом избежит наказания за свой отказ. Абу-л Фазл, однако, не был человеком, берущим взятки. «Я дал клятву, — сказал он, возвращая подарки, — не принимать подарки при четырёх условиях: (1) дружбы; (2) я не должен оценивать высоко подарок; (3) я не стремлюсь принимать подарок и (4) необходимость принять его. Теперь, предположив, что первые три пункта подходят для данного случая, покровительство императора уничтожает всякое желание во мне принимать подарки от других».

Принц Мурад в это время отступил из Ахмаднагара в Иличпур, а так как смерть маленького сына Мирзы Рустама привела его в уныние, он продолжал пить, хотя был опасно болен белой горячкой. Когда же узнал о миссии Абу-л Фазла тотчас вернулся в Ахмаднагар, чтобы найти отговорку не возвращаться к отцу, и отправился к берегам Пурни²¹ в 20 косах от Даулатабада, где его настигла смерть. Абу-л Фазл прибыл в тот же день и застал лагерь в полном смятении. Все командиры рекомендовали немедленно возвращаться; но Абу-л Фазл сказал, что решил идти вперёд: враг рядом, страна чужая, и времени на возвращение нет, надо только сражаться. Несколько командиров отказались и повернули назад, но Абу-л Фазл, ничего не слушая, после нескольких дней промедления двинулся вперёд, ублажил военных и за короткое время снабдил всем необходимым.

Очень осторожно вводя войска в страну, ему удалось занять и контролировать завоёванные районы, за исключением Насика, который находился далеко к западу. И послав отряды против нескольких крепостей, захватил Байталу, Талтум и Сатонду. Его главные части были на Годавари. Затем пришёл к соглашению с Чанд Биби, которая, наказав Абханг-хана Хабши, воевавшего с ней, получила Джанир в качестве поместья и покинула цитадель Ахмаднагара.

²¹ Имеется в виду южная Пурна. Северная Пурна течёт в Тапти в Хандеше, в то время как южная Пурна, с Дудной, впадает в Годавари. Принц Мурад направился из Иличпура в Нарналу, а оттуда в Шахпур, который он построил в 8 милях к югу от Балапура. Сейчас это руины.

Акбар в это время отправился в Уджжайн. Операции в Дакхине стали ещё более сложными из-за того, что Бахадур-хан отказался выразить своё уважение принцу Даниялу, и война с Хандешем была решена. Акбар решил пойти в Азир, твердыню Бахадур-хана, и приказал принцу Даниялу взять командование в Ахмаднагаре. Даниял послал немедленно инструкции Абу-л Фазлу прекратить все действия, так как сам хотел взять Ахмаднагар. Когда принц оставил Бурханпур, Абу-л Фазл по требованию Акбара оставил мирзу Шахруха, Мир Муртазу, Ходжа Абу-л Хасана в своих войсках, а сам поспешил встретить императора. 14 рамадана 1008 г.х. (1599 г. — начало 44-го года царствования Акбара) он встретил Акбара в Кхаргоне, рядом с Биджагархом. Император приветствовал его следующими стихами.

Безмятежна ночь, и красив лунный свет,
Я хочу побеседовать с тобой о многих вещах.

И предложил ему прекрасную должность командира 4 000. Императорская армия двигалась на Азир и начала осаду²². Однажды Абу-л Фазл обследовал траншеи и наткнулся на дезертиров, предложивших показать ему дорогу, по которой можно подойти к стене крепости Малаи, важному укреплению ниже Азиргарха. На полпути к горам, к западу и немного к северу, стояли два внешних укрепления Малаи и Антар Малаи, которые следовало взять раньше Азира, а между северо-западом и севером — бастион, Чхуна Малаи. Часть его стены оказалась не закончена. С востока к юго-западу располагалась горная гряда, а на юге — высокая гора Корхиа. Гора на юго-западе Сапан была занята царскими войсками. Абу-л Фазл решил воспользоваться сведениями пербежчиков, выбрал отряд, чтобы следовать за ними. Отдав приказ офицеру, командующему траншеей, слушать звук труб и горна, чтобы поспешить на помощь с лестницами, отправился в темноту ночи, пока шёл дождь, с отборными людьми к горе Сапан... Отряд под командой Кара бека сломали ворота, послышался сигнал горна... Осаждённые в смятении удалились в Азир. В тот же день другие отряды заняли Чхуна Малаи и гору Корхиа, и Бахадур-хан, неспособный больше сопротивляться, попросил прощения у принца Данияла (1009 г.х.), который захватил Ахмаднагар²³ и присоединился к отцу в Азире.

Примерно в это время возникли беспорядки в Дакхине, вызванные Раджу Манна, и смутьяны поставили царём сына Али Шаха. Так как послед-

²² «Акбар не скоро пересёк Неребаду (Нарбалу), когда радзия Бадор-кса/раджа Бахадур шах, который владел крепостью Хассер (Азир), укрепил её против царя и собрал провизию в окрестностях. Царь, думая, что опасно оставлять эту крепость в тылу, стал размышлять, как её захватить. Эта крепость состояла из 3 замков: первый назывался Чхо-Тзанин, второй — Чоммергарх, а третий был расположен на самом верху горы, так что он хорошо просматривался со всех сторон на расстоянии 6 косов. Царь без промедления окружил её со всех сторон и стал энергично вести осаду ночь и день, так что после шести месяцев она была почти захвачена. Бадор-кса, однако, понимая всю опасность, чтобы спасти свою жизнь и собственность, пришёл с повинной к царю и сдался ему...».

²³ Среди награбленных вещей в Ахмаднагаре была великолепная библиотека. Библиотека Файзи, имевшаяся у него, после его смерти перешла государству и вошла в императорскую библиотеку.

ний нашёл много последователей, Хан-ханану приказали выступить против него, а Абу-л Фазла послали в Насик; но спустя некоторое время повелели присоединиться к Хан-ханану. Акбар вернулся в Агру на 46-м году царствования, оставив принца Данияла в Бурханпуре. Жизнь Абу-л Фазла в Дакхине не была лёгкой. Хан-ханан в Ахмаднагаре бездействовал, у него не было охоты сражаться, и он оставил всё на Абу-л Фазла, который считал его предателем. Абу-л Фазл успешно проводил военные операции при умелой помощи своего сына Абд-ар-Рахмана. После примирения с сыном Али Шаха, он атаковал Раджу Манна, снова взял Джалнахпур и, окружив район, нанёс несколько поражений ему. Манна нашёл временное убежище в Давлатабаде, а в последующей стычке его чуть не схватили.

Во время осады Азира принц Салим, посланный против *раны* из Удайпура, восстал против отца и двинулся в Илахабад, где провозгласил себя царём. Хотя по возвращении Акбара из Бурханпура произошло примирение, в 47-й год правления Акбара принц снова проявил мятежность, а так как многие лучшие военные проявили благосклонность к Салиму, император вновь призвал Абу-л Фазла как единственного надёжного слугу. Поскольку его присутствие при Дворе было необходимым, Акбар послал ему приказ оставить войска в Дакхине. Возложив на сына Абд-ар-Рахмана командование войсками, Абу-л Фазл отправился в Агру в сопровождении небольшого количества людей. Салим, затаивший скрытую ненависть, подумал, что в этой поездке Абу-л Фазл окажется беззащитен, и у него есть прекрасная возможность избавиться от него. Он уговорил раджу Бир Сингха, главу клана Бундела в Орчхе (Ундчхха), через территорию которого Абу-л Фазлу предстояло проехать, подождать его в засаде и убить²⁴. Бир Сингх был в немилости при Дворе и ухватился за эту возможность угодить принцу, который впоследствии вознаграждал бы его. Он выставил большое количество всадников и пеших людей около Нарвара. Когда Абу-л Фазл прибыл в Уджжайн, его предупредили о намерении Салима и упрашивали ехать через Гхати Чанда. Но Абу-л Фазл сказал, что воры и разбойники не в силах остановить его на пути ко Двору, и продолжил двигаться к Нарвару. В пятницу, 4 раби-ал-аввала 1011 г.х. (12 августа 1602 г.), на расстоянии примерно половины *коса* от Сарайи Бар, что в 6 *косах* от Нарвара, в поле зрения появились люди Бир Сингха. Сопровождавшие Абу-л Фазла отговаривали его от сражения, а старый слуга Гадаи-хан Афга посоветовал быстро поехать к Антри, в 3-х *косах* отсюда, так как там Рай Райан и Сурадх Сингх с 3 000 царских всадников: можно сначала присоединиться к ним, а затем наказать Бир Сингха. Но Абу-л Фазл подумал, что сбегать позорно. Смело оборонялся, но вскоре был окружён и, пронзённый мечом всадника, мёртвый упал на землю. Бир Сингх отрубил голову Абу-л Фазлу и отослал её Салиму в Илахабад, который, как говорят, бросил её «в недостойное место», где она лежала долгое время.

²⁴ Место, где был убит Абу-л Фазл, имеет в рукописях название Сарай Бар.

Голландский путешественник Де Лаэт приводит следующий рассказ о смерти Абу-л Фазла.

«Салим вернулся в Халебассу (Илахбас, старое название Илахабада) и начал чеканить золотые и серебряные монеты со своим именем, которые он посылал даже своему отцу, чтобы ещё больше его рассердить. Царь от этого пришёл в ярость и написал обо всём, что случилось, Абу-л Фазлу, который успокоил царя и сообщил, что придет к нему как можно скорее, и добавил, что его сын перешёл границы по отношению к нему то ли из честных намерений, то ли по глупости. И спустя некоторое время, получив отпуск от Даниель Кса (Данияль Шах), отправился в путь с двумя или тремя сотнями всадников, а багаж следовал за ним. Кса-Селим, которому всё это было хорошо известно, вспоминая, как враждебен был Фазл ему, и боясь, что отец ещё больше рассердится на него, решил, что лучше перехватить того во время путешествия. Итак, он попросил Радзия Бертзингха Бондела, который жил в провинции Оссиин (Уджжайн), подстеречь Фазла около Сура (Нарвара) и Гуалера (Гвалиора) и прислать его голову ему, пообещав, что отблагодарит за это и сделает его командиром 5 тысяч всадников. Радзия согласился и ожидал его (Абу-л Фазла) с 1 000 всадников и 3 000 пехоты в 3 или 4 *косах* от Гуалера, послав ещё разведчиков возле деревень, чтобы предупредили о приближении Фазла. Когда последний, не обратив внимания на засаду, подъехал к Голлебаге (Калабагх) и направился к Соуру, Радзия Бертзингх и его люди напали на него со всех сторон. Фазл и его всадники сражались храбро, но силы противника превосходили их. Фазл получил 12 ран во время схватки и был захвачен в плен под деревом и обезглавлен. Его голову отослали принцу, который был очень рад».

Принц Салим с эгоистичной небрежностью и чрезмерным безразличием, которым отличался на протяжении жизни, открыто сознаётся в своих «Мемуарах», что осуществил убийство Абу-л Фазла, потому что тот был его врагом, и с наивностью, свойственной ему, представляет себя покорным сыном, коего по злобности других отец лишил своей любви. Он пишет:

«При моём восшествии на престол я продвинул в чине раджу Бир Сингха, раджпута Бундела, он стал командовать тремя тысячами. Он мой любимец и, конечно, выделяется среди остальных своей храбростью, добрым характером и честностью. Именно поэтому я помог ему. К концу царствования моего отца шейх Абу-л Фазл, по рождению индустанский шейх, который был хорошо известен своей учёностью и мудростью и украсил себя драгоценным камнем верности, хотя и продал себя за высокую цену моему отцу, был вызван из Дакхина. Он не был моим другом и вредил открыто и тайно моей репутации. Тогда зломыслящие и подлые люди сделали моего отца сердитым на меня, и я знал, что если бы Абу-л Фазл вернулся ко Двору, я бы лишился возможности примирения. И так как он должен был проехать через территорию Бир Сингха Бундела, который в это время восстал против императора, я послал письмо последнему, написав о том, что если он устроит засаду Абу-л Фазлу и убьёт его, я щедро награжу его. Небеса благоволили нам, и когда Абу-л Фазл проезжал по его земле, тот остановил его, разбросал в короткой схватке его людей, убил его

и послал его голову мне в Илахабад. И хотя мой отец первое время был сердит, смерть Абу-л Фазла дала хороший результат: я смог теперь без дальнейших неприятностей идти к своему отцу, и его плохое мнение обо мне постепенно исчезло».

В другом месте своих «Мемуаров», упоминая об убийстве, он говорит, поскольку позднее осмысление пришло к нему, что приказал Бир Сингху убить Абу-л Фазла, потому что «он был врагом Пророка».

Когда известие о смерти Абу-л Фазла достигло Двора, никто не осмелился сообщить его императору. Согласно старому обычаю, соблюдаемому потомками Тимура, о смерти принца не извещали царствующего императора простыми словами, но *вакил* принца сам представлял перед тронем царя с голубым носовым платком на запястье; и так как никто не мог сказать Акбару о смерти его друга Абу-л Фазла, его *вакил* предстал с голубым носовым платком перед тронем. Акбар оплакивал смерть Абу-л Фазла больше, чем смерть своего сына; в течение нескольких дней он никого не хотел видеть, а после того как узнал об обстоятельствах [этой смерти], воскликнул: «Если Салим захотел стать царём, он мог убить меня и пощадить Абу-л Фазла» и затем прочитал следующие стихи:

Мой шейх в своём рвении спешил встретиться со мной,
Он хотел поцеловать мои ноги и махнул рукой на свою жизнь.

Акбар, чтобы наказать Бир Сингха, послал отряд под руководством Патр Даса и Радж Сингха в Орчху. Они нанесли главе Бундела в нескольких схватках поражения, выгнали его из Бхандера и изолировали в Ириче. Когда осада достигла успеха, и был сделан пролом в стене, Бир Сингх один улизнул по траншеям Радж Сингха и бежал в джунгли, преследуемый Патр Дасом. Так как казалось безнадежным поймать его, Акбар призвал Патр Даса ко Двору, но приказал военным оставаться возле Орчхи, чтобы убить мятежника, если тот появится. В начале последнего года царствования Акбара Бир Сингх был пойман врасплох раджей Радж Сингхом, который уничтожил большое число его приверженцев. Бир Сингх сам был ранен и с трудом спасся бегством. Но смерть императора, которая произошла вскоре, освободила Бир Сингха от всех страхов. Он нагло появился при Дворе Джахангира, получил Орчху и в качестве награды стал командовать 3 тысячами всадников.

«Часто утверждается, — говорит автор «Маасир-ул-умара», — что Абу-л Фазл был неверным. Некоторые говорят, что он был индусом, или огнепоклонником, или свободным мыслителем, но некоторые идут ещё дальше и называют его атеистом; но другие говорят, что он был пантеистом и, подобно другим суфиям, возвышался над законом Пророка. Нет сомнений, что он был человек с возвышенными идеалами и желал жить в мире со всеми людьми²⁵. Он никогда не говорил неприличных вещей. Оскорбление, задержки зарплаты, штрафы, от-

²⁵ Я могу здесь отметить, что Абу-л Фазл никогда не принимал титула.

сутствие внимания к своим слугам никогда не существовали в его доме. Если он назначал человека, который через некоторое время оказывался бесполезным, он не убирал его, но держал его долго как только мог; ибо он бывало говорил, что если он уволит его, народ может обвинить его в отсутствии проницательности в характерах из-за назначения неподходящих слуг. В день, когда Солнце входило в созвездие Овна, он проверял весь свой дом и оценивал все вещи, опись оставлял у себя и сжигал учётные записи прошедшего года. Он отдавал весь свой гардероб своим слугам, за исключением штанов, которые сжигались в его присутствии».

«У него был необычайный аппетит. Говорят, что не считая воду и напитки, он съедал каждый день 22 *сера* пищи. Его сын Абд-ар-Рахман обычно сидел за столом как *сафарчи*²⁶; управляющий кухни, который был мусульманином, тоже присутствовал, и оба наблюдали, как Абу-л Фазл съедал дважды одно и то же блюдо. Если он довольствовался, это блюдо приносили на следующий день снова. Если ему что-то показалось невкусным, Абу-л Фазл передавал его (блюдо) своему сыну, а тот управляющему, но ни одно слово не было сказано об этом. Когда Абу-л Фазл был в Дакхине, его стол по изобилию превзошёл все. В огромном шатре (*чихильравати*) каждый день готовили тысячу богатых блюд и раздавали *амирам*, а рядом был другой большой шатёр, установленный для всех посетителей, кто придёт обедать, богатых или бедных, и *кхичри* [кашу из риса и бобовых] готовили весь день и кормили всех, кто просил об этом».

«Как писатель Абу-л Фазл не имел себе равных. Его стиль — возвышенный и свободный от специальной терминологии и банальной слащавости других *мунши*²⁷; и сила его слов, построение его предложений, соответствия в соединении слов и изящество его сложных предложений были такими, что трудно было кому-либо подражать им».

Почти бесполезно добавить что-либо к этому восхвалению, адресованному стилю Абу-л Фазла. Абдулла-хан II [Шейбанид], правитель Бухары, сказал, что больше боится пера Абу-л Фазла, чем стрелы Акбара. Повсюду в Индии тот известен как «великий *Мунши*». Его письма изучаются во всех медресе, и хотя начинающий может счесть их трудными и ставящими в тупик, это совершенные образцы. Однако хорошее знакомство не только с персидским языком, но также со стилем Абу-л Фазла делает чтение любой из его работ удовольствием. Его композиции уникальны и, хотя повсюду они изучались, ему невозможно подражать.

Писатели после него пишут в стиле «Падишахнама», «Аламара-и Сикандари» или ещё более напыщенной манере «Аламгирнама», «Рукаат [Письма] Бедия» и по образцу работ в «Инша».

Работы Абу-л Фазла достойны похвалы потому, что они основаны на чистоте содержания. Те, кто знаком с восточной литературой, поймут, что это

²⁶ Суфрачи — стольник.

²⁷ Это мнение также подтверждает автор «Хафт Иклим».

означает. Я не встретил ни одного места, где бы о женщине говорилось легкомысленно или о безнравственности с равнодушием. О его любви к истине и благородстве его чувств я уже говорил.

Влияние Абу-л Фазла на свой век было огромным. Может быть, он и Файзи увели ум Акбара от ислама и Пророка — это обвинение выдвигали против них все писатели-мусульмане, но Абу-л Фазл привёл своего правителя также к истинной оценке его обязанностей, и с момента, когда он появился при Дворе, проблема успешного правления смешанными народами, которую исламу следовало разрешать, была бережно принята во внимание, и политика терпимости стала результатом этого.

Если Акбар чувствовал необходимость этого нового закона, Абу-л Фазл провозгласил его и боролся за него своим пером, и если Хан-хананы одерживали победы, новая политика примирила народ с иностранным правлением; и хотя измена Акбара исламу почти забыта, ни один император династии Моголов не подошёл так близко к идеалу отца народа, как он. С другой стороны, возврат в поздние времена к политике религиозной нетерпимости, что в глазах мусульман окружает воспоминания об Аурангзебе ореолом святости и склоняет набожных к произнесению «рахима-л-лаху» (Да простит Аллах его), когда упоминается его имя, стал началом разрушения империи.

Приведённые в другом месте многочисленные выдержки из Бадауни показывают, что придворные Акбара приписывают Файзи и Абу-л Фазлу его отступничество от ислама, и я не хочу приводить другие работы, а просто упомяну стих Урфи в одной его оде, где тот прославляет Пророка.

О Пророк, защити Иосифа моей души (то есть мою душу) от зла братьев; ибо они неблагородны и завистливы и вводят меня в заблуждение, подобно злым духам, и ведут меня, как волки, к источнику (неверия).

Комментаторы единодушно объясняют этот отрывок как намёк на братьев Файзи и Абу-л Фазла. Я могу также процитировать *тарих* по поводу смерти Абу-л Фазла, который, как говорят, составил Хан-и Азам Мирза Кока.

«Замечательный меч пророка Бога отрубил голову мятежника!»

Но Абу-л Фазл предстал перед ним во сне и сказал: «Дата моей смерти заключена в словах «Раб Абу-л Фазл», которые также дают 1011 год²⁸.

Работы Абу-л Фазла следующие:

1. «Акбар-наме» вместе с «Аин-и-Акбари», её третьим томом. «Аин-и-Акбари» была написана в 42-м году царствования Акбара; только небольшое добавление сделано в 43-м году — рассказ о завоевании Барара (1596—1597 гг.). [I том «Акбар-наме» повествует о предках Акбара и его детстве.] Второй том

²⁸ Слово *багхи*, мятежник, имеет цифровое значение 1013, но главная в слове буква ба с цифровым значением 2 отсечена; и 1013—2=1011 год хиджры, в котором Абу-л Фазл был убит.

содержит повествование о первых 46 годах правления Акбара²⁹. Он имеет продолжение — описание конца царствования Акбара, написанное Инайят-ул-лах Мухибб Али. В двух рукописях я видел, что он назывался «продолжателем». М. Элфинстоун пишет, что имя продолжателя Мухаммад Салих.

2. «Мактубат-и Аллами», также называют «Инша-йи Абу-л Фазл». Эта книга содержит письма, написанные Абу-л Фазлом к царям и руководителям разного ранга. Среди них есть интересные, адресованные к португальским священникам и Абдулле-хану II из Бухары, в ответ на его вопрос, отрёкся ли Акбар от ислама. Кроме того, есть предисловия и обзоры, ценные эссе о развитии искусства письма, отрывки из которого приведены в «Аин» и так далее. Собраны они были после смерти Абу-л Фазла Абд-ус-Самадом, сыном Афзал Мухаммада, который пишет, что был сыном сестры Абу-л Фазла и также его зятем. Книга, как выше отмечено, часто читалась в медресе, и существует много её литографических изданий. Все они содержат 3 книги, но Амир Хайдар Хусайни из Билграма говорит в предисловии к своей «Саваних-и Акбари», что имел комплект из 4 книг, отмечая в то же время, что рукопись 4-й очень редкая. Похоже, что Амир Хайдар имел уникальную копию.

3. «Айяр-и Даниш»³⁰ [перевод с арабского книги «Калила и Димна»].

Кроме того, я видел в разных книгах, что Абу-л Фазл также написал «Рисала-и Мунаджат», или «Трактат о молитвах»; «Джами-ул-лугат» — лексикографическую работу и «Кашкол». Последнее слово означает «чаша бедняка» или «маленькая корзинка или чаша», в которую бедняки на Востоке собирают рис, финики, получаемые в качестве милостыни, «а также этот термин применяется к собранию анекдотов или коротких рассказов. Но я не видел копий этих работ. Выше также упоминалось о двух комментариях, которые Абу-л Фазл представил при появлении при Дворе, которые, кажется, сейчас не существуют. И снова упоминаю о том, что он принимал участие в переводах с санскрита и составлении «Тарих-и Алфи».

«Дурар-ул-Маншур», современное «Тазкира», написанное Мухаммад Аскари Хусайни из Билграма, выделяет следующую надпись, написанную Абу-л Фазлом для храма в Кашмире³¹, как образец сразу и письма Абу-л Фазла, и его религиозных представлений. Это очень характерно для Абу-л Фазла, и сразу же узнаётся его стиль.

²⁹ 46-й год — от 15 рамадана 1009 г.х. до 26 рамадана 1010 г.х., то есть за 5 месяцев до смерти Абу-л Фазла.

³⁰ Так слово произносится в Индии, вместо «Ийяр-и Даниш» — «Испытание мудрости». Автор «Хафт Иклим», кажется, намекает на эту работу; он говорит, что Абу-л Фазл, когда он увидел его в 1006 г.х., был занят переписыванием «Навадир-и Хикауат».

³¹ Абу-л Фазл говорит в 4-й книге «Аин»: «Лучшие люди в Кашмире — это брахманы. Хотя они не освободились ещё от слепой веры и приверженности к обычаям, они всё же поклоняются Богу без аффектации. Они не насмеваются над людьми других религий, не имеют желаний, не преследуют выгоду. Они сажают фруктовые деревья и таким образом вносят вклад в благосостояние живых существ. Они воздерживаются от мяса и живут холостыми. Их около 2 000 в Кашмире». Акбар, кажется, считал этих кашмирских риши образцом человека.

О Господь, в каждом храме я вижу людей, которые обращаются к Тебе,
и на каждом языке я слышу людей, восхваляющих Тебя!

Многобожие и ислам склоняются пред Тобой,

Каждая религия говорит: «Ты — один, и нет Тебе равных».

Если это мечеть, люди шепчут святую молитву, и если это
христианская церковь, люди бьют в колокола из любви к Тебе.

Иногда я посещаю христианский монастырь, иногда мечеть,

Но везде я ищу Тебя из храма к храму.

Твой выбор не имеет отношений с ересью или ортодоксами, ибо все они
стоят за завесой Твоей истины.

Ересь — еретикам, а религия — ортодоксам. Но пыльца лепестков
розы³² принадлежит сердцу продавца духов.

Этот храм был воздвигнут для того, чтобы связать сердца стремящихся
к единению в Хиндустане и особенно тех почитателей Его, которые живут в
провинции Кашмир,

При руководстве Властителя трона и короны, светоча создания,
Шаха Акбара,

В котором 7 минералов находят единообразие, в котором 4 элемента
достигают совершенного смешения³³.

Тот, кто в результате лицемерных побуждений разрушает этот храм,
разрушит сначала своё собственное место служения; ибо, если мы будем сле-
довать велению сердца, мы должны держаться со всеми людьми, но если мы
стремимся к внешнему, мы найдём всё правильное разрушенным.

О Господи, Ты справедлив и судишь действие по побуждению:

Ты знаешь, возвышенно ли побуждение, и говоришь царю, какие по-
буждения у него должны быть.

У меня есть несколько заметок о семье Абу-л Фазла, которыми можно
закончить это биографическое описание. «Аин» даёт следующий список сыно-
вей шейха Мубарака.

1. Шейх Абу-л Файз, больше известный под поэтическим именем Фай-
зи. Он родился в 954 г.х. (1547 г.) и, кажется, умер бездетным.

2. Шейх Абу-л Фазл родился 14 января 1551 г., убит 12 августа 1602 г.

3. Шейх Абу-л Баракат родился 17 шаввала 960 г.х. (1552 г.). «Хотя
он не достиг высокой степени учёности, знал много, был человеком практики и
опытным в фехтовании. Он человек с хорошим характером и любящий дерви-
шей». Служил под руководством Абу-л Фазла в Хандеше.

4. Шейх Абу-л Хайр родился 22 джумада-ал-аввала 967 г.х. «Он хо-
рошо информированный молодой человек с упорядоченным разумом». И также

³² Эта строка суфийская. Стремление сердца к Богу сравнивается с ароматом, который исходит от лепестков розы. Продавец духов (аромата), то есть стремящийся к единению, действительно религиозен, и одинаково далёк и от ереси, и от ортодоксальности.

³³ То есть Акбар есть *инсан-и камил* — совершенный человек.

должен был пойти на императорскую службу, ибо упоминается в «Акбар-наме» как посланный императором в Дакхин прислуживать принцу Даниялу.

5. Шейх Абу-л Макарим родился 23 шаввала 976 г.х. Сначала он был необузданный, но под руководством отца научился хорошему обхождению. И также учился под руководством Шах Абу-л Фатха Ширази.

Все эти пять сыновей были от одной матери, которая, как уже упоминалось, умерла в 998 г.х.

6. Шейх Абу Тураб родился 23 зуль-хиджжа 988 г.х. «Хотя у него была другая мать, он был допущен ко Двору и занимался самосовершенствованием».

Кроме того, Абу-л Фазл упоминает двух сыновей, родившихся после смерти отца от кумма, или наложниц, а именно: шейх Абу-л Хамид родился 3 раби ас-сани 1002 г.х.; Шейх Абу Рашид родился 1 джумада-ал-аввала, 1002 г.х. «Они похожи на своего отца».

О дочерях Мубарака я нашёл 4 упоминания у историков:

1. Одна вышла замуж за Худаванд-хана Дакхини. Бадауни называет её мужа Рафизи, то есть «шиит», и говорит, что он умер в Кари в Гуджарате.

2. Она была замужем за Хусам-ад-дином.

3. Она была замужем за сыном раджи Али Хана из Хандеша. Их сын Сафдар-хан в 45-й год правления Акбара был сделан командиром 1 тысячи.

4. Ладли бегим³⁴ вышла замуж за Ислам-хана. Мистер Т.-В. Бил из Агры, учёный автор «Мифтах-ут-таварих», информирует меня о том, что Ладли бегим умерла в 1017 г.х., или на 5 лет раньше своего мужа. Её мавзолей называется «Рауза Ладли бегим» и находится в двух милях к востоку от мавзолея Акбара в Сикандаре около Агры. Внутри всё было отделано мрамором, и он был окружён стеной из красного песчаника из Фатехпура. Закончен в 1004 г.х. В 1843 г. м-р Бил увидел несколько могил в Рауза без надписей, а спустя несколько лет место продано правительством богатому индусу. Новый владелец снял мраморные камни, продал их и разрушил могилы, так что старая Рауза теперь не существует, есть только стена. Мистер Бил думает, что тела шейха Мубарака, Файзи и Абу-л Фазла тоже были похоронены здесь, потому что при входе была видна следующая надпись в характерной *тугре*:

Во имя Бога милосердного, милосердие, в которое я верю!

Этот мавзолей был возведён для божественного учёного, мудреца вечности, собирателя знания, шейха Мубарак-ул-лаха (Пусть его тайна будет священной!), с сыновней почтительностью к океану знаний, шейхом Абу-л Фазлом — Пусть Всемогущий Бог хранит его! — в тени величества справедливого царя, коего могуществу, благородству и щедрости следуя, Джалалуд-дуния-ва-д-дин Акбар, Падишах-и Гази, — пусть Всемогущий Господь увековечит основы его царства! — под управлением Абу-л Бараката в 1004 г.х. (1595–1596)».

Оказывается, Рауза построен в год, когда умер Файзи. Шейх Муба-

³⁴ Ладли — любимица.

рак, как упоминалось выше, умер в 1593 г. Кажется, однако, поскольку шейх Мубарак и Файзи были похоронены в месте напротив Агры, на левом берегу Джамны, где он впервые поселился в 1551 г., ибо Абу-л Фазл говорит при описании Агры в «Аин»: «На другой стороне реки есть вилла Чарбаг, построенная Фирдус-макани (императором Бабуром). Здесь автор родился, и здесь покоятся останки его отца и его старшего брата. Шейх Ала-ад-дин Маджзуб и Мир Рафи-ад-дин Сафави и другие достойные люди также похоронены здесь». У нас нет сведений, касающихся переноса тел на другую сторону Джамны, хотя Абу-л Фазл в надписи без сомнения показывает, что этот перенос намечался. Жаль, однако, что Рауза продан и разрушен.

Сын Абу-л Фазла — известный шейх Абд-ар-Рахман Афзал-хан. Он родился 12 шаабана 979 г.х. и получил от деда суннитское имя Абд-ар-Рахман. На 35-м году правления Акбара, когда ему было 25 лет, царь женил его на дочери брата Саадат Яр Коки. От неё Абд-ар-Рахман имел сына, которому Акбар дал имя Бишотан³⁵.

Когда Абу-л Фазл командовал армией в Дакхине, Абд-ар-Рахман был, как об этом говорят в Персии, *тир-и-руи таркаши-у* — «стрелой в руку в верху колчана», всегда готовый выполнить дела, которые другие отказывались делать, и мудро и смело делал всё необходимое. Он особенно отличился в Талингане. Когда Малик Амбар в 46-м году захватил Али Мардан Бахадура и овладел страной, Абу-л Фазл отправил Абд-ар-Рахмана и Шер Хаджу на борьбу с недругом. Они пересекли Годавари рядом с Нандером и нанесли поражение Амбару в Манджаре.

Джахангир не перенёс на сына свою ненависть, которую питал к отцу, сделав его командиром 2 тысяч всадников, дав ему титул Афзал-хана, и назначил его на 3-й год своего правления правителем Бихара вместо Ислам-хана (мужа сестры Абу-л Фазла), который был послан в Бенгалию. Абд-ар-Рахман также получил Горакхпур в качестве *джагира*. Как правитель Бихара, он имел штаб-квартиру в Патне. Однажды во время его отсутствия в Патне, дервиш по имени Кутб-ад-дин появился в районе Бходжпура, который принадлежал очень беспокойному радже Уджжайна, и объявил, что он — принц Хусрав, безуспешный бунт которого и заключение Джахангиром в тюрьму сделали его популярным в народе. Собрав много людей, он отправился в Патну, занял крепость, которую шейх Банараси и Гияс, офицеры Абд-ар-Рахмана, трусливо бросили, и разграбил имущество Афзал-хана и царскую казну. Абд-ар-Рахман вернулся из Горакхпура, как только узнал о мятеже. Претендент укрепил Патну и направил армию к реке Пун-Пун. Абд-ар-Рахман атаковал его и за короткое время разбил врага. Кутб теперь был привезён в крепость, следуя за Абд-ар-Рахманом, который его захватил. Он сразу же с ним расправился, а голову послал ко Двору вместе с двумя трусливыми офицерами. Джахангир, всегда скорый на наказания, обрил их головы, обернул в женские покрывала поверх

³⁵ Это имя носил брат Исфандияра, который часто упоминается в «Шахнаме» Фирдоуси.

лиц, затем их привязали к хвостам ослов, что шествовали по городам *ташхир* в предупреждение другим.

Вскоре после этого Абд-ар-Рахман заболел и прибыл ко Двору, где его очень хорошо приняли. Он долго болел и умер на 8-й год царствования Джахангира (1022 г.х.) или через 11 лет после убийства его отца.

Бишотан, сын Абд-ар-Рахмана, сына шейха Абу-л Фазла. Он родился 3 зу-ль-каада 999 г.х. В 14-й год правления Джахангира был командиром 7 сотен с 300 лошадей. В 10-й год правления Шах Джахана упоминается как командир 500 всадников, и в этом ранге умер на 15-й год правления того же царя.

Глава 1

Во имя Аллаха милостивого
и милосердного!

Я подкреплю слова свои именем Господа,
Ибо имя Его есть путь к Реальности.
Для этого и наделил Он нас языками.
Речь¹ не способна тягаться с Прославлением
по весомости.

Какую значимость может придать ей
познающий Бога Разум?

В пустыне, что разрушает паланкин,
Люди не могут следовать поступью речи.
Оратор, чья слава до небес звучит,
Крик сетований издаёт в просторах этих.

Увы, увы! Какой мощью обладает случайный атом, мечущийся в пустыне волнений, и насколько жаждет он постигнуть существующее Солнце? Какую силу имеет, чтобы подняться из бездны Заблуждения к высотам Сознания? Разве поместит он черепки своих фантазий и поношенную парчу знаний в один ряд с диковинами сокровищницы Истины и великолепием истинных богатств?

Нам непонятны тайны небесные
И океан, что в раковине заключён!²
Ни мудрец, ни глупец не постигнет их,
Хамелеон³ ослеплён, как летучая мышь.

Однако недалёкие смертные превращаются в материал для Божественного восхваления независимо от того, какие совершенства обнаружили они в своих деяниях или нашли в просвещённом

- труде⁴, и хотя несравненная Личность не войдёт в их круг, они всё же будут считать вышеназванное Божественными Атрибутами. Ввиду того что непревзойдённый Создатель восхваляет Себя самого
- 2 прославленным голосом Своих чудес и излагает повесть Своего па-негирика языком творения, то даже если бы я признал, что на кого-то снизошла небесная сила превозношения Творца, такой человек воздержался бы от действий, когда столь мощная вспышка солнца Истины даруется зрению и слуху, и не обратился к собственным талантам, и не поднял чела понимания из пропасти иступлённого восторга. И пусть восхваление будет на веки веков прерогативой избранных небесами, садовников ароматных трав морали и распознавателей духовных и физических тайн, дабы в этом прославленном присутственном зале доверили они книги своего знания потокам⁵ молчания и проложили тропу невежества, закрыли страницы своего красноречия и заговорили безъязыким языком⁶. Следовательно, было бы лучше, чтобы странник пустыни замешательства обратился к увековечиванию событий правления, соединённых с вечностью, и одним великим деянием⁷ хоть как-то справился с двумя трудновыполнимыми задачами!

Слава Аллаху несравненному, бесплотному
За то, что создал такое отражение красоты Своей, как шах.
Его прославленная сущность выходит за пределы
возможностей мысли,
А послание его не постигнуть человеческому разуму.
Слава Ему!

Его (Акбара) острый взгляд — астробия⁸ независимого солнца, его распознающее истину сердце — небесная обсерватория Атрибутов. Он отпрыск благородного рода, обладающий радостным ликом, добрым нравом, открытым челом, прекрасным телосложением, благородной душой, возвышенным гением, чистыми помыслами, нерушимой верой, совершенной мудростью, всевозможными талантами, большими способностями, великим достоинством, отменным мужеством, справедливостью, выдающимся умом, неподдельной

щедростью, бесконечным всепрощением, изобильным милосердием, согласием с властью, безмерной искренностью, качествами целеустремлённых воинов и несметными богатствами. Он⁹ собрание все-светных диковин, не запятнанный миром обладатель чистого сердца, правитель духовной державы, [муж] непрестанной бдительности! Как [все эти качества] собрались в одном месте? Как одно тело может удерживать [всё это] на плечах гения?

Сфера мудрости и проницательности, Акбар шах,
Единственный в своём роде,
Чей лик озарил землю, подобно рассвету.
Царь, чьи очи просветило сердце,
Царь, что обучался у самой Мудрости.

Слава Богу-Творцу, сделавшему украшение царского трона свидетелем Его прекрасных и ужасающих Атрибутов, а знаменосца Тени Аллаха — образцом Его прославленных достоинств.

Илия¹⁰, что умом подобен Искандеру, творец источника,
Определитель звезды Полярной, толкователь «Альмагеста».
В нём сущность сана царского и святость,
Кладёзь Божественных мистерий,
С его могучей властью он — глава всех принцев,
С великой мудростью — прославленный [муж] Века.
Пока день с ночью существуют,
пусть ночь его в день обратится,
Пусть царский бриллиант ночь эту озарит.

3

Поскольку (даже) посредством взлётов и падений (препятствий) я не могу достичь Двора его восхваления (из-за того что) не наделён ни даром благословенной речи, ни славой мудрости, то, если возьмусь за осуществление сей задачи короткими пальцами и сломанным пером, охватит меня тайфун стыда, и не доберусь¹¹ я до берегов океана! Как описать словами смертного его благородные качества и прославленные таланты, известные властелинам небес?

Кто осмелится преступить границы своих возможностей? Истинная просвещённость заключается в том, чтобы закрыть своё сердце от этого и обратиться к выполнению благородной задачи при содействии длани Веры. Я должен принять тайное послание, и оградить душу свою от внушений дьявольского телесного духа (*део-нафс*)¹², и допустимыми чарами заставить свой внутренний и внешний мир ослепить взор основательных и критичных. Я обязан хоть как-то выполнить различные обязательства выражения благодарности и претворить в жизнь задачу украшения власти. Я должен приостановить в преддверии своего существа [действие] чар, что пробуждают спящих, и талисмана, что приводит в чувство лишившихся рассудка.

Я выразил в труде сем мысль,
Что память обо мне пребудет в мире.
Возможно, этот сад увидев,
Друзья прочтут молитву за меня.
Посредством применения таланта древних
Пусть речь моя и сердце¹³ находятся в согласии.

Когда мне, опустошённому, была оказана милость и отворилась дверь замысла, луч коснулся моего чистого сердца, дабы каждый отдельный том охватывал каждые тридцать лет жизни Властелина Земли, и чтобы стал легче тяжкий груз надежды учеников Века, а смертные воодушевились изучением чудесной судьбы Правителя Мира. И стали бы они для всех — для близких и далёких — повсеместным распределением Божественной щедрости. С сей точки зрения череда бесконечных эпох началась с истоков существования Господина всех святых. С этой небесной ноты громко забили барабаны радости.

Надеюсь, летопись эта будет бесценна,
И оставит след она в мире и радость доставит.
Благодаря благу одобрения мудрого царя
Обретает она имя и славу.

Хотя речь идёт о середине 17-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол принца всех правителей, всё же весть непреходящей власти распорядилась, чтобы второй цикл был датирован относительно времени озарения лика Возлюбленного Творения (*шахид-и-африниш*).

Пусть второй цикл от Рождения начнётся,
И славен будет — о Аллах! — завоеваниями.
Пусть тверда будет поступь его власти, удача неизменна,
Пусть в мире исчезающем вечным царём он будет.
Счастливая заря для Века занялась,
Пусть восточный свет западное небо озарит,
И существует долго могущественный трон судьбы того,
Кого избрали служители небес¹⁴.

4

В это время случилось так¹⁵, что Сулейман Карарани, выживший дыхание власти в Ориссе, Бенгалии и Бихаре, покинул сей мир. Святые мудрецы и политики, заботящиеся об упокоении смертных, что тесно связаны с одной властью, одним правителем, одним проводником, одной целью и одной мыслью, увидели в этом событии знак помощи Судьбы, в то время как лишённые проницательности мужи, считавшие мятежи злобных афганцев в восточных провинциях доводом в поддержку собственных мнений и высказывавшиеся против похода на Гуджарат, были повергнуты в пропасть неудач. Другая шайка, чей узкий интеллект не мог воспринять мысль о Гуджарате и его завоевании и которые извергали глупый лепет, воспользовались этим событием в качестве предлога для пустословия и стали убеждать в необходимости похода в восточные провинции. Когда почитающий Господа Хедив решил, что угнетённый народ Гуджарата нужно поместить в колыбель милости, он не стал прислушиваться ко всякой ерунде и изрёк своими священными устами, как это хорошо, что вести о смерти Сулеймана доставили во время похода на Гуджарат. Сообщили бы ему об этом во время пребывания в столице, и он, безусловно, из уважения к мнению многих военачальников совершил бы сперва поход в восточные провинции.

Теперь же, после смерти Сулеймана, Шахиншаху нет необходимости лично идти в те земли. Они будут завоёваны умением и отвагой [опытных] военных мужей. Таким образом, Муним-хану Хан-ханану вместе с другими военачальниками приказали завоевать Бихар, Бенгалию и Ориссу.

- Хан Калан¹⁶ получил ранение. Дело было так. Хан Калан вместе с другими военачальниками авангарда подошёл к городу Бхадраджану¹⁷, что близ Сирохи, и стал там лагерем. Рай Ман Сингх Деохра, предводитель сирохи, замыслил коварный обман и отправил нескольких раджпутов в качестве послов, заявив о покорности. Когда те засвидетельствовали своё почтение Хан Калану, тот перед их отбытием, согласно индийскому обычаю, подзывал каждого из них и давал *пан* [бетель] и прощался. Один из этих дерзких и неистовых [воинов] ударил его кинжалом в ключицу, и удар пришёлся на ширину трёх пальцев ниже лопатки. Бахадур-хан Турбати, один из слуг, подбежал и сбил раджпута с ног. Садик-хан и Мухаммад Кули-хан быстро среагировали и убили его. Других же повергли наземь как соучастников злодеяния. Когда правда об этом происшествии дошла до слуха Его Величества, он наперекор глупым фантазиям недалёких людей ещё больше укрепился в намерении завоевать Гуджарат. В день тир, 13 абана, Божественного месяца (около 20 октября 1572 г.), [Шахиншах] подошёл к месту, где находились военачальники, и те вышли приветствовать его. Поняв, что сирохи задумали мятеж, он приказал победоносным войскам выступить против них и уничтожить бунтовщиков, решив лично принять в этом участие. В день сарош, 17 абана, Божественного месяца, [царь] стал лагерем на земле сирохи. Самонадеянные мятежники укрылись в ущельях. По традиции, существующей у горячих раджпутов, огромное войско, состоящее из воинов, охраняющих дворец их господина, и из тех, что служат в святилище идолов, собралось в храме Махадео¹⁸, что в одном косе от Сирохи. Властелин Мира сдержал нетерпеливых героев от нападения на подобный сброд и отправил мечников и лучников разобраться с обречёнными. Среди служителей порога удачи сбился с пути и испил шербет смерти Дост Мухаммад, сын Татар-хана.
- 5

Случилось так, что из Персии от Султан Мухаммад Худабанда, старшего сына шаха Тахмаспа, управлявшего Хорасаном от имени отца, прибыл с посольством Яр Али-бек Туркамани¹⁹ и привёз диковины Персии. Его приняли с царскими почестями.

В том же месте (Сирохи) Рай Раи Сингху и нескольким слугам был дан приказ остаться в Джодхпуре и Сирохи и надзирать за этими землями, и если недовольные, прослышав о приближении царского войска, захотят уйти из Гуджарата и учинить беспорядки в падишахских землях, они должны это предотвратить. Когда разум Шахиншаха успокоился относительно дел этой страны, он принял решение двигаться дальше. У границ Паттана отправил вперёд Шах Фахр-ад-дина²⁰ с предписаниями Итимад-хану, который уже неоднократно присылал прошения и выражал желание принять у себя возвышенный Двор, а также дал [хану] полезные советы, как не сойти с пути благополучия. Когда Его Величество стал лагерем в окрестностях города Диха²¹, шпионы доложили, что как только Шер-хан, владевший Ахмадабадом, прослышал о приближении падишаха, то бежал в земли Сурата²² и Джунагарх, а своих сыновей Мухаммад-хана и Бадара отправил в Паттан, дабы укрыли они в безопасном месте его семью и имущество. Те это исполнили и теперь собирались присоединиться к отцу. Помимо этого, Ибрахим Хусейн мирза, прибывший ранее на помощь Итимад-хану, вернулся в свои владения, а Итимад-хан намеревался поступить на службу к Его Величеству. [Падишах] отправил раджу Ман Сингха²³ с отрядом воинов захватить сыновей Шер-хана, но те укрылись в ущельях. Войска, однако, настигли и захватили их обоз. В день аштад, 26 абана, Божественного месяца, соответствующий субботе, 1 раджаба [980 г.х.] (7 ноября 1572 г.), Его Величество стал лагерем в очаровательном городе Паттане, ранее известном, как Нахрвала. Все жители — и высокородные, и безродные — положились на справедливость и доброту Шахиншаха и засвидетельствовали своё почтение. Его Величество удостоил вниманием Мирзу-хана и расспросил его о мученической смерти Байрам-хана (его отца). Он милостиво пообещал отдать ему в управление Паттан, но поскольку тот пока не был способен²⁴ сам заниматься делами, назначит Сайид

6

Ахмад-хана выполнять эти обязанности. Там же он поручил Хаким Аин-ал-мулку привести ко Двору Итимад-хана и Мир Абу Тураба. Мирза Муким, родственник Мирза Шараф-ад-дин Хусейна, одним из первых ступил на благословенный путь и прибыл поцеловать пороги. Здесь также вспомнили о доброй службе Музаффар-хана, и поскольку достоинства его перевесили недостатки, ему приказали отменить отъезд в Хиджаз и прибыть ко Двору. 2 азафа, Божественного месяца, или 7 раджаба [980 г.х.] (13 ноября 1572 г.), Его Величество продолжил путь в Ахмадабад.

Когда он подошёл к Джутане²⁵, оказалось, что Музаффар Гуджарати, являвшийся представителем верховной власти для жителей Гуджарата, оставил Шер-хана Фулади и в смятении блуждал в округе. Найти и привести сего смущённого странника ко Двору послали сначала Мир-хана Ясавала и Карид Каравала, а затем Абу-л Касим Намакина²⁶ и Карм Али. Проехав некоторое расстояние, Мир-хану в руки попал зонтик и шатёр Музаффар-хана. Тогда же к нему присоединились Мир Абу-л Касим и Карм Али, отправившиеся вслед за ним. Они двинулись в путь, и Мир-хан всё-таки поймал Музаффара, укрывавшегося в поле, и доставил его к царю. Падишах сжалился над ним и передал Карм Али. В ночь того же дня со своими войсками прибыли, засвидетельствовали почтение и были осыпаны царскими милостями Мир Сайид Хамид Бухари и Улугбек Хабши. Прошло немного времени, и Шах Фахр-ад-дин и Хаким Аин-ал-мулк доставили ко Двору Мир Абу Тураба, главного советника Гуджарата, а также доложили, что Итимад-хан едет, дабы заявить о своей покорности. Прежде чем Шах Фахр-ад-дин прибыл, он [Итимад-хан] направил вперёд Мир Абу Тураба, Ваджих-ал-мулка и Муджахид-хана ко Двору, дабы те обеспечили ему доверие, а затем вернулись назад. Когда Шах Фахр-ад-дин встретился с послами, он успокоил их и отправился к Итимад-хану. Хаким Аин-ал-мулк, приехав, заставил Абу Тураба повернуть назад и доставил его в Ахмадабад. После долгих обсуждений все гуджаратские военачальники и знать тех земель обратились сердцем к преданности и прославили стороны своих монет и вершины кафедр именем Его Величества Шахиншаха, после чего отправились ко Двору. Итимад-

хан отпустил послов с Мир Абу Турабом из города Кари²⁷. Когда вести об этом достигли царского слуха, Ходжа Джахан, Хан Алам и Мадик-хан были отправлены встретить их и привести с почётом. На следующий день, когда царские знамёна выступили из Джутаны, Итимад-хан с большим войском оказался уже близко. Ходжа Джахан, Мир Абу Тураб и другие получили приказ поспешить вперёд и возвысить его возможностью прибыть и засвидетельствовать почтение. Когда Его Величество в славе своей сел на слона, посланцы привезли Итимад-хана, и тот был прославлен преклонением колен. После этого прибыли и поцеловали ковёр Ихтияр-ал-мулк, Малик Машрик²⁸, Джуджхар-хан Хабши, Ваджиха-ал-мулк и Муджахид-хан, и каждого приняли милостиво в соответствии с положением. Итимад-хану и нескольким знатным людям Гуджарата повелели сесть (на слонов?) и подъехать ближе. Его Величество беседовал с ними весь путь, воодушевляя, и спешил к городу Кари. Саиф-ал-мулк и другие находились в Махмудабаде. Садик-хана и прочих слуг отправили подарить этим копушам благо засвидетельствовать почтение. Во время этой стоянки из предусмотрительности и осторожности, которые являются помощниками в управлении, вызвали гуджаратских военачальников, коим сообщили, что Его Величество доверит управление этими землями Итимад-хану и оставит всех военных мужей, которые ему понадобятся. Необходимо, чтобы каждый из них был настороже, не терял бдительности и проявлял осмотрительность, и чтобы соблюдались условия достойного поведения (*футуват*)²⁹. Мир Абу Турабу предстояло обеспечивать безопасность Итимад-хана, а последний поручился за всех, кроме абиссинцев. Его Величество приказал включить абиссинцев в число царских рабов на тех же условиях, на которых они служили Султану Махмуду. Соблюдая³⁰ определённые правила, необходимые для охраны верховной власти, их передали в руки великих военачальников. На следующий день знамёна удачи стали лагерем у селения Сантадж³¹.

Произошло и одно предостерегающее событие. Отряд вольнодумцев и бродяг тех земель — и таковых тысячи — подняли крик, что войску удачи был дан возвышенный указ разграбить лагерь гуд-

жаратцев. Чем они сами и занялись, и в результате поднялись великие волнения. Когда это дошло до слуха Хедива, он призвал великих военачальников и приказал наказывать мародёров и казнить всех, у кого обнаружат награбленное. Сам же учинил прилюдный суд и велел привести разъярённых слонов. Бунтовщиков доставили к Его Величеству, и тех затоптали животные. Добро вернули владельцам, а волнения вскоре утихли, и воцарились мир и покой. Благодаря славе этого правосудия приобретённые территории стали обителью спокойствия. В день абан, 10 азара, Божественного месяца, или 14 раджаба [980 г.х.] (20 ноября 1572 г.), знамёна направились в окрестности Ахмадабада, и одним взглядом Его Величества работа, которую даже толпа посчитала бы трудной, оказалась с лёгкостью выполнена. Множество людей — и знатных, и безродных — покорились и обрели счастье. Каждый по мере возможностей своих возблагодарил³² за избавление от бедствий века и был удостоен возвышенного взора. Ахмадабад, являвшийся столицей и состоявший из 380³³ *пура* (кварталов), каждая из которых походила на город, стала ареной небесных совершенств благодаря прославленному прибытию Шахиншаха. Его Величество посещал этот город несколько раз. Исполнились желания многих поколений смертных; угнетённые удостоились милости, а угнетатели канули в пропасть разрушения. Талантливые вышли из тайной палаты одарённости в мир видимый. В сей радостный день³⁴ началось чествование великих качеств Шахиншаха, и безмерное веселье охватило всех. Жаждающие обрели желаемое, возносились молитвы просящих. Пока лагерь находился в Ахмадабаде, прибыли с достойными подарками послы от Аминхана Гори³⁵, и их удостоили чести засвидетельствовать почтение. Ибрагим Хусейн мирза прислал лицемерное прошение и подарки, но поскольку не был искренен, не удостоился доверия.

Глава 2

Поход священного войска Шахиншаха из Ахмадабада в порт Камбей и лицезрение им моря

Когда восхитительный край Гуджарат стал обителью мира и спокойствия благодаря пришествию Шахиншаха, он вручил управление Ахмадабадом и этим берегом реки Махиндри (Махи) Хан Азам Мирза Азиз Коке. Другой берег, а именно Барода, 9

Кампанир, Сурат и области, незаконно присвоенные мирзами, были доверены чиновникам Гуджарата, затянувшим помочи верности и включённым в число царских слуг. Итимад-хана Гуджарати поставили их главой, и сии чиновники, как прежние, так и назначенные вновь, занялись управлением землями и подавлением [непокорных] мирз. Засим Его Величество решил, что, повидав море, вернётся в столицу (Ахмадабад). Таким образом, в день асман, 27 азара, Божественного месяца, или в понедельник, 2 шаабана [980 г.х.] (8 декабря 1572 г.), он начал путь в порт Камбей, что отстоит от Ахмадабада на расстоянии 30 косов. Чиновники Гуджарата, на несколько дней отстранившись от дел, отдали необходимые распоряжения и остались в городе. Он [Акбар] покинул Хаким Аин-ал-мулка, связанного с ними узами родства, с намерением наставить тех дикарей пустыни.

Во время похода ему донесли, что Ихтияр-ал-мулк, преисполненный злых и коварных умыслов, скрылся, а Итимад-хан и прочие чиновники Гуджарата склоняются к дурному пути. Сразу же Шахбаз-хан получил приказ быстро двинуться туда и вернуться с [названными] изменниками, не позволив им свернуть в пустыню заблуждения.

Первого дая¹, Божественного месяца, Его Величество разбил лагерь в Камбее, и в сем приятном местечке слились океаны духовный и физический. Купцы из Рима, Сирии², Персии и Турана сочли прибытие Шахиншаха великим благом и засвидетельствовали почтение. Его Величество с избранной свитой взошёл на корабль и отправился на прогулку по морю. Новые напутствия вошли в сердца искренних. В день шахриюр, 4 дая, Божественного месяца, Шахбаз-хан доставил ко Двору Итимад-хана и некоторых чиновников Гуджарата. Поскольку порочные и вероломные мужи нарушили обещания верности, Его Величество [Шахиншах] вновь обратил внимание к делам этой страны и передал каждое из них в ведение верного слуги. Если описать тех злополучных в нескольких словах, то малодушие, обман и лживость сочетались [в них] с недостатком честности, простоты и смирения (*фаротани* — возможно, низость) и образовали смесь (*маджун*), которой было дано имя Гуджарат. Ярким образчиком таковых [недостойных] являлся Итимад-хан. Когда в Гуджарате слышался отзвук удачи величественной армии, его военачальники выпустили нить разума. Наконец, они выработали план и принесли клятву верности, однако все их мысли были заняты тем, чтобы при помощи этой хитрости сохранить прежнее положение вещей. Поскольку Его Величество — океан благоволения, он не обратил внимания на присущую им порочность, но осыпал их милостями. Хотя дальновидные советники, которые в определённой мере постигли характер сих злонамеренных, намёками или без обиняков предлагали заключить их под стражу, эти предложения не были приняты. Напротив, положение тех людей (гуджаратцев) ещё более упрочилось. В ту пору когда Его Величество отправился созерцать океан, их отъезд и пребывание вдалеке сделали очевидным, что порочная шайка питает [коварные] намерения. Что за войну они затеяли, раз она потребовала их отъезда в это самое время? Но Владыка Мира, движимый [характерной для него] благожелательностью и дружелюбием, счёл, что они честны, — и когда негодяи узрели сияющее правосудие и день за днём возрастающую удачу царя, то осознали, что ныне, когда столь обширные земли осветились его справедливостью, им невозможно более пребывать в

прежнем состоянии и лучше будет уйти и поднять главу раздоров. В ночь³ второго дня после отправления Его Величества Ихтияр-ал-мулк воспользовался возможностью и бежал, а Итимад-хан и все, кто был с ним в союзе, [также] приготовились уйти, когда прибыли Абу Тураб и Хаким Аин-ал-мулк. Заговорщики пытались избавиться от них при помощи обмана и увёрток и старались задержать их и выиграть время, прибегая к переговорам и хитростям. Они [лелеяли надежды] взять их под стражу и увезти, а затем умертвить и выполнить злодейские планы. Но прибыл Шахбаз-хан, и их порочные намерения [рассыпались в прах]. Шахбаз-хан рассудил, что, если он поспешит взять под стражу Ихтияр-ал-мулка, эта шайка сбежит. Не срывая покрова с деяний тех неверных, он отправился к порогу удачи. Поскольку Его Величество Шахиншах есть пробный камень для всех типов [людей], фальшивая чеканка тех мужей вскоре обнаружилась, а сами они подверглись наказанию. Твёрдость разума и величие Владыки Мира предстали [очам] рода людского, и поводыя царства укрепились. Благожелательная удача пронизательных стала очевидной, а народу открылось поведение [низкой] клики. Доброе имя Шахиншаха было вписано на страницы сердец высоких и низких. Если бы Его Величество, следуя своему сокрытому разумению или просьбам дальновидных, заточил бы сих злодеев до срока, каким образом оказалось бы явлено истинное положение дел народу — людям поверхностным и слепым, — с которым имеют дело правители?

Когда разум Шахиншаха освободился от дел тех порочных и двуличных людей, он обратился к искоренению мятежных мирз. Ибо с той поры как банда потерпела неудачу в Мальве и явилась в эту страну, Барода оказался в руках Ибрахим Хусейн мирзы, Сурат — в руках Мухаммад Хусейн мирзы, а Кампанир — в руках Шах мирзы. Его Величество вверил управление портом Камбеем Хасан-хану Хазанчи и в день амардад, 7 дая, Божественного месяца, двинулся на Барода. Находясь близ неё, он отправил Шахбаз-хана, Касим-хана, Баз Бахадур-хана и отряд энергичных бойцов к Кампаниру, дабы они освободили от мятежников ту крепость. Хан Азам Мирза Кока был послан к управителю Ахмадабада. Он [Акбар]

11

вложил в ум того счастливого [необходимые] принципы управления, такие, как стремление к справедливости, неизменная бдительность, умение видеть различные типы людей, охрана чести, поддержание мира со всеми, и убедил его [способствовать] упрочению доброго мнения (Акбара) о нём. Тот (Акбар) также назначил в качестве его советников Шах Фахр-ад-дин-хана, Дастам-хана, Масум-хана, Сайид Хамид Бухари, Шейх Мухаммад Бухари и множество преданных героев и осыпал всех милостями, превосходящими их заслуги. Он послал их, чтобы они покарали мирз соответствующим образом, буде те попытаются поднять там волнения. В день азар, 9-го числа названного месяца (дая), [Шахиншах] достиг Барода. На следующий день ему стало известно, что злополучные мирзы укрепили крепость Сурат и соединились близ Кампанира. Хан Аалам, Сайид Махмуд-хан Барха, Шах Кули-хан Мухрам, раджа Бхагван Дас, Ман Сингх и Ходжа Гияс-ад-дин Али Исфакхани⁴ и ещё один отряд были отправлены, чтобы преподать урок тем опьянённым. Пробило полночь, и разведчик доложил, что, когда известия о приближении войска Шахиншаха достигли Ибрахим Хусейн мирзы, [укрепившегося] в крепости Броач, он умертвил Рустам-хана Руми⁵, который принял решение присоединиться к царю и принести клятву верности. Хотя в этих стенах он был не в силах спастись от мирозавоёвывающих стягов, однако вино спеси в его мозгу заставило его отойти от лагеря удачи на расстояние восемь косов, с намерением чинить разорение в том краю. Поскольку немало верных слуг оказалось послано против тех бродяг, Повелитель Мира, в избытке своей храбрости неизменно желавший взяться за меч на поле брани, выразил удовлетворение и решил лично двинуться скорым маршем и покарать тех негодяев.

Глава 3

Стремительный поход Его Величества Шахиншаха против Ибрахим Хусейн мирзы, сражение и разгром врага

Поскольку Его Величество знал, что наказание надменных и мятежных является для верховной власти делом первостепенной важности, он спешно послал Шахбаз-хана Мир Бахши вернуть назад военачальников, уехавших подавлять восстание мирз, и приказал им присоединиться к падишахским силам. Оставив Мир Мухаммад-хана Калана, Ходжа Джахана, Шуджаат-хана и Садик-хана в лагере позаботиться о принцах (детях Акбара), сам поместил стопу в стремени победы. И взял с собой Ходжа Абдаллаха, Джелал-хана Курчи, Райсал Дарбари, Асаф-хана, Джаймала¹, Бахадур-хана Курдара, Макбул-хана, Ака Сарха² Бадахши, Матхур Даса и Адам Таджбанда. Дилавар-хану³ было приказано находиться у границ лагеря и следить, чтобы никто не последовал за ними. Его Величество посчитал неразумным брать с собой более двух-трёх⁴ слуг (*мардум*), дабы Ибрахим Хусейн не скрылся, увидев полчища победоносных воинов. Хотя преданные подданные, удостоенные права речи, просили и умоляли, всё было напрасно. [Шахиншах] сказал, что полагается на Божью помощь, и ему не понадобится большое войско для уничтожения жалких мятежников. Но из дальновидности — основы завоеваний и мирового господства — приказал, чтобы войско⁵, отправленное вперёд, объединилось с его силами.

В ту же ночь, когда доставили известия о мятежниках, Шахиншах сел на своего резвого скакуна за два часа до наступления рассвета и поскакал вперёд. Малик Ашрак Гуджарати⁶ взяли в качестве провожатого, поскольку он знал местность. В том стреми-

тельном походе проводники шли неверным путём по воле Провидения. Наконец, дорогу нашли благодаря свету озаряющего солнца судьбы и ускорили шаг.

13 Одним из таинственных знаков, принёсших радость спутникам Его Величества, стало следующее. Когда наступило утро и озаряющий [белый свет] блеск великого светила овладел миром, появился олень. Шахиншаху пришла в голову мысль, что если он поймает животное, это станет знаком победы. Тут же выпустили *чита*, и оленя сразу схватили. Когда об этом узнали спутники Его Величества, сердца их укрепились в тысячу раз, и они продолжили поход... Ни единого следа врагов. Казалось, те слышали о победоносном падишахском войске и ускорили темп. Задержка была вызвана и тем, что войско сбилось с пути. Когда до вечера оставалось лишь два часа, они встретили брахмана и расспросили его о мятежниках. Тот ответил, что они перешли через реку Биканир⁷ и большими силами стали лагерем у Сарнала, что в четырёх *косах* отсюда. Его Величество посоветовался со своими людьми. Джелалхан сказал: «Наши войска ещё не подошли, а враг силен. Поскольку численность наша невелика, неразумно вступать в бой днём с таким количеством [воинов]. Правильнее будет сделать на какое-то время привал и напасть на них ночью». Кладезь истины и мужества не одобрил идею ночной атаки, заключающей в себе хитрость и обман, и чтобы воодушевить своих спутников, сказал: «Мужество — великий помощник; многие трусы обрели храбрость благодаря стыду. Лучше не откладывать дневную работу на ночь и биться с той же ловкостью и рвением, с какими мы выступили в поход». Он произнёс воодушевляющие слова: «Друзья, будьте отважны, и пусть каждый из нас крушит врага». Ходжа Абд-ал-лах заметил: «Ваше Величество, помните, как вы часто говорили, что «хорош тот слон, что не останавливается на уничтожении одного противника, а принимается уничтожать и давить многих». Его Величество, одобрив эти речи, принял решение вступить в бой с Божьей помощью в дневное время⁸ и поспешил вперёд ещё быстрее. Наконец, на горизонте показался расположенный на вершине холма город Сарнал⁹. Когда Его Величество прошёл немного дальше, он выстроил своих людей на

берегу Махиндри и приказал им облачиться в доспехи. Когда сей Божественный тигр готовился к битве, прибыло лишь около сорока человек, [чуть позже] доложили о подходе остальных войск. Он был рассержен задержкой: «Мы не позволим им участвовать с нами в сражении». Но когда стало ясно, что промедлили они потому, что сбились с пути, а посланный за ними Шахбаз-хан слишком долго до них добирался, гнев его утих, и [Шахиншах] позволил некоторым из них явиться. Хан Алам, Сайид Мухаммад-хан Барха, раджа Бхагван Дас, Шах Кули-хан Махрам, *куар* Ман Сингх, Баба-хан Какшал, Бхупат, Салим-хан Какар, Бходж, Хаджи Юсуф-хан и многочисленные военачальники и всадники, склонив головы стыда, присоединились к падишахской процессии. Итак, численность войск достигла двух сотен. Когда переходили реку, Ман Сингх попросил назначить его в передовой отряд. Его Величество ответил: «Что у нас за силы, чтобы делиться на отряды? Сегодня мы единое целое и должны обратиться сердцем к сражению». Тот упрашивал, объясняя: «Это привилегия преданности — выехать первым и продемонстрировать самопожертвование». Справедливый принц удовлетворил его желание и позволил вместе с несколькими опытными воинами отправиться вперёд. Сам же продолжил путь с Божьей помощью и направил гнедого коня в глубокую реку. Благодаря удаче и чудодейственной личности [Шахиншаха] на реке оказался брод, и все преданные слуги перешли её целыми и невредимыми. Ибрахим Хусейн мирза незадолго до этого расположился в городе Сарнал. Когда же увидел пыль победоносных войск и переходящих реку всадников, узрел Божественную славу (*фар Изди*) и сказал своим людям: «Поистине, с ними царь, раз они так ловко преодолели реку». Злой рок и недалёковидность подтолкнули его тотчас же приготовиться к бою, выйти из города и занять позицию на возвышенности. Когда Его Величество перешёл реку, берег оказался изрезанным¹⁰. Преданных героев покинуло благоразумие, и они устремились вперёд. Некоторые оказались на пересечённой местности и стали искать возможность для достижения успеха. Властелин Земли и несколько военачальников, следовавших непосредственно за ним, подошли к воротам Сарнала, расположенных со стороны реки, где

несколько негодяев попытались преградить им путь. Макбул-хан, калмак-раб, и несколько храбрецов ринулись вперёд и сровняли их с землёй. Ворвавшись в город, обнаружили, что улицы заполнены имуществом, и выяснилось, что Ибрахим Хусейн мирза уже выехал с остальными мятежниками другой дорогой и приготовился принять бой. Властелин Мира с отрядом приближённых отправился вслед за ними, с большим трудом передвигаясь по узким и загромождённым
15 улочкам и воодушевляя спутников. Враг теснил Баба-хана Какшала и его лучников. Другие герои твёрдо удерживали занятые позиции. Множество опытных воинов, отставших в ущельях, подъехали со всех сторон и атаковали врага. Один из них, Бхупат¹¹, брат Бхагван Даса, сошёлся лицом к лицу с отрядом противника и отважно принял смерть.

Повсюду шёл жаркий бой,
Сражение велось со злополучным множеством.
Войск было мало, но поскольку сопутствовала им удача,
Преодолели они и численное превосходство, и трудности,
Ибо исход войны даруется звёздами,
А не богатством и размером рати.

Так как местность была неровная и повсюду рос колючий кустарник¹², там не могли рядом пройти два всадника. Тигр лесов отваги продемонстрировал силу Господа и медленно продвигался вперёд по узким проходам. Раджа Бхагван Дас находился подле него, и когда со всех сторон разгорелся жаркий бой, три отважных воина из рядов противника набросились на правителя с львиным сердцем. Один решил атаковать раджу Бхагван Даса и нацелил на него дротик, но раджа твёрдо держался в седле и ударил его копьём. Дротик не достиг цели, а раджа нанёс негодяю такой удар, что тот упал наземь. Ещё два воина атаковали Его Величество. Колючие кустарники преграждали путь, так что Хан Алам, Шах Кули-хан Махрам и другие, к сожалению, не могли ничем помочь [Шехиншаху]. Убийца тигров и отважный воин увидел, что двое злодеев приближаются к нему, пустил галопом коня, перепрыгнул

через кустарник и оказался прямо перед ними. Слава Божественного сияния ужаснула их, и они бежали. Ибрахим Хусейн мирза был повергнут удачей царя.

Разве не знаешь, что когда вступил он в бой,
Судьба издала крик: «Берегись!»
Какой храбрец сойдётся с ним в схватке?
Хватит ли у него мужества взглянуть ему в лицо?
Так ужасает он, что герои, знатные и безродные,
Падают, как пьяные от вина.
При каждом натиске продвигается он на тридцать шагов,
При каждом ударе слон падает наземь,
Воины бегут толпами,
Бросаясь в реку и на скалы.

Тотчас же разбежались они в беспорядке, а воины преследовали их и многих убили. Благодаря благословенной личности Шахиншаха великая победа была одержана малыми силами.

Не видел мир сражения такого,
Не слышал о подобном от сведущих историков.

Рассказ об этом великом шедевре находится за пределами возможностей языка; такое поучительное событие редко встречалось среди подвигов древних, потому как столь великий царь, в чьём распоряжении тысячи воинств, не может, благодаря своей отваге и широте души, медлить, но должен с несколькими подданными совершить поход против многочисленных храбрых войск и с Божьей помощью поднять знамёна победы и изгнать высокомерных [мятежников]! Несомненно, сил человеческих недостаточно для таких свершений и даже для понимания оных. Очевидно, всё это можно объяснить особым [покровительством Господа]! 16

Мирозавоёвывающий разум [Шахиншаха] не желал прекращать преследование до тех пор, пока Ибрахим Хусейн не будет схвачен, но поскольку чаша жизни последнего ещё не переполни-

лась, тёмная ночь набросила на мирзу непроглядные покровы. Предусмотрительному царю пришлось вернуться и стать лагерем в городе Сарнал¹³. Он возблагодарил Господа и вознаградил своих слуг. И отправил в стан Сурх Бадахши с сообщением о победе, в коем рассказывалось о чудесах Божественной помощи. На следующее утро продолжил путь в лагерь и прибыл туда 12 дая, Божественного месяца, соответствующего ночи среды, 18 шаабана [980 г.х.] (24 декабря 1572 г.). И вновь распахнулись врата радости и благодарности.

В это время произошло ещё одно событие. Шах Кули-хан Махрам, Садик-хан и другие избранные герои получили приказ проследовать в окрестности крепости Сурат, дабы никто из обороняющихся не смог скрыться. Когда вести о падишахском войске достигли осаждаемую крепость, Гулрух Бегам, дочь Мирза Камрана, жена Ибрахим Хусейн мирзы, взяла своего сына Музаффар Хусейн мирзу и нескольких доверенных сторонников и отправилась в Декан. И хотя военачальники погнались за ней, однако не настигли¹⁴, и мудрая женщина мужественно¹⁵ скрылась от них.

Случилось также, что Шахбаз-хан Бахши Беги был наказан¹⁶, что послужило предупреждением для всех столпов государства. Произошло это потому, что ему доверили Махмуда, сына Искандар Афгана, а тот смог скрыться из-под надзора и бежал в Декан. Его Величество строго высказался по этому поводу. На деле то была доброта под видом гнева, дабы слуги порогов Халифата не допускали слабости в делах верховной власти — что поистине является формой Божественного преклонения, — не теряли бдительности и соблюдали осторожность.

Глава 4

Его Величество [Шахиншах] планирует захват крепости Сурат

17

Когда стало ясно, что мятежники решили превратить крепость Сурат, расположенную в Гуджарате на берегу Тапти, около океана, в своё убежище, занялись её укреплением и доверили [оборону] Хамзабану, который прежде был *курчи*¹ (телохранителем) Шахиншаха, но ныне по злему року находился на стороне мятежников, Его Величество направил мысли на взятие цитадели. Радже Тодар Малу, известному проницательностью и умом, приказали разведать возможности проникновения и выхода из крепости и доложить, как лучше её захватить. Тот сообщил, что крепость можно взять без труда². Однако было решено, что Его Величество лично развяжет этот узел. Раджа представил столь сложную задачу как легко выполнимую исключительно из заботы о великой судьбе Шахиншаха. Если бы речь шла об обычных соображениях, он бы никогда не осмелился на столь смелое заявление. Но поскольку были завоёваны столь огромные территории, а правитель удалился от столицы на значительное расстояние и уже несколько месяцев находился за щитами [преданного] войска, а повсюду — и в Гуджарате, и в восточных провинциях — подняли головы мятежники, великому властителю представлялось неразумным принимать личное участие в захвате крепости. Властелин Мира в своей проницательности пришёл к выводу, что даже если дела действительно обстоят так, всё же препоручение этой задачи военачальникам приведёт к задержке в осуществлении задуманного, и если он лично не примет участия в данной кампании, то корень злодеев, снабжающий их средствами мятежа, останется в почве смуты, как и раньше. Таким

образом, Шахиншах решил, что сам займётся решением этого дела и превратит сложное в лёгкое. Был издан указ, чтобы Шахам-хан Джалаир вместе с несколькими верными воинами направился к крепости Кампанир, а находящийся там Касим-хан Мир Бакр прибыл в стан, ибо слыл лучшим учеником Его Величества в деле возведения *сабатов* [подкопов] и закладывании мин. Хан Азаму также направили приказ, в котором сообщалось, что Его Величество под Божественным покровительством осуществит задуманное, а он, как рука власти, должен вместе с остальными военачальниками, оставленными ему в помощь, воздать по заслугам мятежным мирзам, если те вторгнутся в [падишахские] земли. Поскольку осторожность — основа управления, Шер бека Тавачи послали в Мальву передать Кутб-ад-дин Мухаммад-хану и мальвским военачальникам, от-
18 правленным в Гуджарат, приказ проследовать туда как можно скорее, дабы при необходимости весь состав военачальников оказался в распоряжении (Хан Азама), и мятежный мусор был бы вычищен из страны.

Как только Шахиншах успокоился относительно дел Ахмад-абада, то выступил в поход в день бахрам, 20 дая, Божественного месяца, соответствующий среде, 25 шаабана [980 г.х.] (31 декабря 1572 г.), из Бароды в Сурат. Он двигался переход за переходом, по пути охотясь и верша правосудие, пока не достиг окрестностей крепости в день ардибихишт, 3 бахмана, Божественного месяца, соответствовавший понедельнику, 7 рамазана [980 г.х.] (11 января 1573 г.). Пушечные ядра не раз долетали до царского шатра, но благодаря Божественной защите не причиняли никакого вреда. Поскольку войско стояло лагерем неподалёку от крепости, Его Величество по настоянию военачальников переместился поближе к водоёму Гопи³. Тот также находился рядом с цитаделью, но был защищён лесом и холмами. Пушечные ядра здесь тоже долетали до границ квартала, но Божественная защита делала своё дело. Победоносные войска Его Величества окружили твердыню, и каждая из её сторон находилась в ведении опытных верноподданных. Осаждённые, вследствие неудачливости и черносердечия, отвернулись от солнца судьбы и, положившись на неприступность места, изобилие припа-

сов, количество пушек и т.д., а также из-за упрямства мирз, пали в пропасть беззаботности. Некоторые время от времени делали вылазки и нападали на батареи. Доблестные герои воздавали негодьям по заслугам. Однажды, когда сверху сыпался град ядер и пуль, а внизу группа мятежников атаковала батареи, Саиф-хан ринулся в бой и показал себя. На обратном пути получив огнестрельное ранение, месяц был прикован к постели, но со временем поправился. Кто-то сказал ему: «Его Величество недоволен тобой; и почему такие, как ты, всегда впереди, ибо он⁴ говорит многим, не достигшим твоего ранга: «Почему вы сознательно и намеренно подвергаете себя опасности?» Отважный воин ответил: «В битве при Сарнале я сбился с пути и не мог присутствовать на испытывающем мужество поле. Из-за бесчестья того дня жизнь моя мне в тягость, и я хочу её облегчить».

19

Во время осады захватили несколько слонов и кое-что принадлежащее мирзам. Несколько недалёких и злополучных людей передали своих [животных] и имущество *ране* Рам Део, землевладельцу тех мест. Когда возвышенный лагерь разместился там, отряд воинов совершил набег, и те слоны и добро попали им в руки. Они посчитали это хорошим предзнаменованием и доставили добычу Его Величеству, который по-царски наградил их.

В это же время нескольких военачальников отправили в столицу. Дело обстояло так. Мухаммад Хусейн мирза и Шах мирза находились недалеко от Паттана и ждали возможности поднять смуту. Ибрахим Хусейн мирза, с позором покинувший поле битвы в Сарнале, присоединился к этим двум мятежникам в Идаре. Власти, что связана с вечностью, свойственно, чтобы ошеломлённые враги проявляли активность поднятием знамён своей победы, что превосходит даже победу преданных [подданных], и содействовали собственной неудаче. Примеры тому приводятся в сей книге судьбы. Ещё одно доказательство заключено в том, что среди братьев возник спор относительно поражения Ибрахима при Сарнале. От критики они перешли к несдержанным выражениям и в итоге поссорились. Ибрахим Хусейн мирза, известный как своим искусством владеть мечом, так и отсутствием ума, рассердился на них и уехал

и по глупости решил напасть на столицу. Его неразумные братья по злему року обрадовались его отъезду и не попытались даже успокоить. Когда вести о произошедшем достигли слуха Его Величества, он отправил Султан Махмуд-хана Барха, Шах Кули-хана Махрама и раджу Бхагван Даса в столицу, дабы поехали они за Ибрахим Хусейн мирзой. Шахам-хану был дан приказ приостановить осаду Кампанира и поспешить в Калпи, расположенный в его *джагире*, поскольку доложили, что мятежник (Ибрахим) находится там. Когда великие военачальники прибыли в столицу, учинённые Ибрахим Хусейн мирзой беспорядки уже улеглись, но [мятежные] головы подняли восточные афганцы. Муним-хан Хан-ханан попросил о помощи. Раджа Бихари Мал, управлявший столицей, послал свою рать в восточные провинции. Она уже дошла до Этавы, когда Луди оставил Дауда, и на шайку обрушился камень разлада. В результате войско вернулось в столицу.

- Поскольку повествование наше зашло уже так далеко, историку необходимо вкратце рассказать о восточных провинциях. В двух словах эта долгая история заключалась в следующем. Когда
- 20 Сулейман Карарани, один из военачальников Салим-хана, захватил Ориссу, Бихар и Бенгалию, он, будучи лицемером, открыто не порвал нить повиновения. И постоянно посылал прошения и подарки и, таким образом, поддерживал о себе мнение при Дворе. Вследствие такой находчивости пелена ханжества оставалась нетронутой. Тот, кто не привязывает себя к подпруге такого Властелина Судьбы (как Акбар), иногда посыпает чело собственное и своих последователей прахом уничтожения. Любой, кто выступает против своего господина, вскоре получает по заслугам, и от его власти не остаётся и следа. Случай Сулеймана — наглядный пример этой истины. Когда он умер, афганцы возвысили Баязида, его старшего сына. Возвышение это способствовало безумию последнего, и он при поддержке бродяг тех земель прочёл хутбу в собственную честь. Он высокомерно отбросил притворство, при помощи которого его отец держал в руках надменных и мятежных, и начал угнетать и притеснять их. А также решил сместить советников отца. Хансу, сына его двоюродного брата Имада, который был его зятем и приятелем, возмутило подобное

поведение, и, поддавшись подстрекательствам зачинщиков мятежа, он умертвил Баязида. Таким образом, негодяй пренебрёг множественном связей, совершил злодеяние и тем самым сделал то, что падишахским слугам не удавалось осуществить тысячью усилий. Луди, являвшийся здравомыслящим духом тех земель, вместе с другими военачальниками возвысил младшего сына Сулеймана, Дауда, схватил и казнил Хансу. Гуджар Карарани, меч этой страны, поставил править в Бихаре сына Баязида, и Луди выступил против Бихара с большими силами. В результате упущения Муним-хана Хан-ханана и интриг Луди Гуджар присоединился к союзу последнего.

Дело было так. Когда стало известно о смерти Сулеймана, Муним-хан отправился из Кунара в Бихар. В то же время умер Сикандар Узбек, который устраивал и его, и остальных. Хан-ханан снарядил Тенгри Кули, Фаррах Ирглика, Паянда Мухаммад Саг-каша и других на Хаджиपुर, а Талиби, Мирза Али, Надим бека и прочих отправил на Патну. Гуджар не смог им противостоять, прислал подарки, попросил о мире и пообещал поступить на царскую службу и помочь в завоевании Бенгалии. Он попросил включить его с этого дня в ряды падишахских слуг и пожаловать ему, его семье и вассалам Горахпур, а провинцию Бихар отдать в управление царским военачальникам. Или же оставить ему на этот год *саркары* Хаджиपुर и Бихар, дабы управлял он ими в интересах государства. На следующий же год у него будет своё земельное владение в Бенгалии. Муним-хан Хан-ханан удовлетворил его просьбу и уже собирался отдать ему Горахпур. Тем временем об этом прознал Луди, управитель⁵ данных городов и интриган тех мест, и вместе с Хашим-ханом, который слыл известным лицемером, расстроил дело. Поскольку Гуджар не мог уже рассчитывать на Муним-хана, ему пришлось заключить союз с Луди. Муним-хан отвёл войска после того, как Луди прислал достойные дары.

В это время доставили известия, что Юсуф Мухаммад захватил Горахпур и был готов поднять мятеж. Вот как это произошло. Муним-хан привёз Юсуф Мухаммада, сына Сулейман Узбека, ко Двору и сообщил о его вероломстве. Его Величество Шахиншах приказал заключить его под стражу, дабы за ним следили и пе-

ревоспитали. Когда царские знамёна отбыли в Гуджарат, негодяй бежал из столичных застенков и, объединившись с шайкой бродяг, отбил Горахпур у людей Паянда Мухаммад Сагкаша. Хан-ханан, узнав об этом, направил Джан Мухаммад Бахсуди, Паянда Мухаммад Сагкаша и Тенгри Кули подавить мятеж. И сам выступил в поход из города Махмудабад вместе с Мухаммад Кули-ханом Барласом, Маджнун-ханом Какшалом и другими военачальниками. По пути Маджнун-хан и остальные Какшалы забеспокоились и оставили войско Муним-хана. Причиной тому послужили разговоры пустозвонов и лжецов, которые заявили, что Баба-хан, Джаббари, Мирза Мухаммад, Шах Мухаммад и другие Какшалы, сопровождавшие Его Величество Шахиншаха в гуджаратской кампании, убили Шахбаз-хана и присоединились к мирзам, и Его Величество отдал приказ арестовать Маджнун-хана. Хан-ханан послал Мир Фаридуна, Мухаммад-хана Узбека и Абу Саида успокоить Маджнун-хана и привести его обратно. Хотя послы пытались опровергнуть слухи, у них ничего не вышло. Тем временем доставили письма от Баба и Джаббари, в которых говорилось о милости Шахиншаха и об их доброй службе. Маджнун-хан устыдился своего поведения и отправился к войску Хан-ханана. Когда же прибыл, тот уже захватил Горахпур и вернулся назад. Они обменялись различными знаками учтивости. И вот подошёл день гибели Дауда, который самонадеянно отправился на Джаунпур. Он послал вперёд себя Луди с лучшими войсками и отборными слонами. Луди подошёл с большими силами и захватил Заманию. Мухаммад Касим мухрдар сдал её на [поставленных] условиях. Хан-ханан выслал *сазавалов* [сборщиков налогов] и собрал военачальников. Он также отправил вперёд Мухаммад Кули-хана Барласа, Маджнун-хана, Кийя-хана, раджу Гаджпати и большое войско. И сам неторопливо двинулся. Тогда и нашёл он предзнаменование в следующем двустииши «Дивана» — на мистическом языке (*Хафиза*).

22

О шах красоты! Справедлив будь к боли моего одиночества.
Без тебя погибает сердце моё, время пришло тебе
возвратиться.

Хан-ханан процитировал эту оду в своём послании и отослал ко Двору. Он молил священный разум Шахиншаха о помощи, а сам направился гасить пламя мятежа. Надменность Луди возросла после взятия Замани, и он отрядил Юсуф Мухаммада, бежавшего из Горахпура и присоединившегося к афганцам, через Ганг с пятью-шестью тысячами воинов. Мирза Хасан-хан, раджа Гаджпати, Назр Бахадур и Талиби, Тенгри Кули и другие слуги Муним-хана положились на удачу Шахиншаха и стали вести войну осмотрительно. Мятежники потерпели поражение: кто-то был убит, многие утонули. После этой победы Мухаммад Кули-хан Барлас и другие военачальники присоединились к падишахским силам, и войско собралось у Газипура. Хан-ханан также присоединился к ним с соответствующей [его положению] ратью. Луди возвёл укрепления между Сиах Абом и Гангом и занял там позицию с большим войском. Каждый день шли отдельные схватки между храбрецами с обеих сторон. Хотя военачальники отважно вели войну, враг превосходил их по численности людей, слонов и орудий. Поскольку падишахские знамёна поднимались над осаждённым Суратом, Муним-хан предложил заключить мир. Луди гордо отказался. Военачальники оказались в двусмысленном положении. Вступать в сражение было неразумно, но и отступить никак невозможно. Внезапно прибыли известия об успехе Шахиншаха, и Луди охотно заключил мир и отступил.

Вот рассказ об этом поучительном событии. Когда Дауд отправился из Бенгалии в Монгир, то убил Юсуфа, сына Таджа и своего двоюродного брата, из опасений, что Луди его возвысит. Хотя мысль эта пришла ему поистине благодаря удаче Шахиншаха, молва приписала её нащёптываниям завистников. Поскольку Луди был старым слугой Таджа, а его дочь помолвлена с его (Юсуфа) сыном, Дауд поверил всему, что злопыхатели сказали ему о Луди. Когда последний об этом проведал, то оставил Дауда и спешно уладил дела с Муним-ханом, послав достойные подарки ко Двору. Когда Дауд узнал, что Луди выступил против него и приближается, он в спешке отступил и укрепил [крепость] Гархи. А также раздал сокровища своего отца воинам. Джалал-хан Садхаури и Кала Пархар, прозванный Раджу, оставили Луди, и среди его последовате-

лей возникли разногласия. Луди, выступивший против Дауда, был вынужден отступить, и укрыться в Рохтасе, и просить помощи у Муним-хана. Он открыто написал, что становится слугой Двора, и жаждет увидеть его как можно скорее, и надеется, что с его помощью будет возвышен возможностью поцеловать царские пороги. Муним-хан направил ему помощь и стал ждать прибытия падишахских знамён. Куда завели меня мои слова, как далеко унесли ради оживления повествования?

Во время осады Сурата Мухаммад Хусейн мирза и другие мятежники потерпели поражение.

Глава 5

Битва Хан Азам мирзы Азиз Кокалташа с Мухаммад Хусейн мирзой и кланом Фулади, поражение последних

Мудрый и проницательный знает, что когда Властелин Земли замышляет правое дело и принимается за умиротворение человечества, слуги порогов удачи под его благословенным руководством проявляют преданность и единодушно признают в деяниях своего царя, учителя и благодетеля Божественный приказ, целиком посвящая себя службе. Труды мира украшаются, а славные свершения [становятся явными]. Правитель Мира достигает духовного и земного успеха, а преданные подданные следуют собственным путём потерь и обретений и признают служение Султанату высочайшей формой Божественного поклонения. Таким образом, они выполняют обязанности, редко встречавшиеся во времена прежних правителей. Примером тому служит следующий рассказ о великой победе. Вот краткое изложение истории Божественного покровительства. Когда благодаря удаче Шахиншаха Ибрахим Хусейн мирза был выдворен из Гуджарата и направился в сторону столицы, Мухаммад Хусейн мирза, Шах мирза и Фулади, разрозненно блуждавшие в горах, объединились и подошли к городу Паттан. Сайид Ахмад-хан взял на себя оборону цитадели. Как только Хан Аазиму сообщили о приближении мятежников, он собрал свои силы. По счастливому совпадению Шер бек Тавачи, отправленный за мальвскими военачальниками, пополнил [его войска отрядами] Кутб-ад-дин Мухаммад-хана, Шах Будаг-хана, Мутталиб-хана и других землевладельцев Мальвы. Хан Аазим также послал людей призвать Шейх Мухаммад Бухари, на-

24

ходившегося в Дулке и готовившегося отправиться по царскому приказу в Сурат.

Когда собрались все военачальники, Хан Аазим [Атка] продолжил тщательную подготовку войск. Он взял на себя командование центром, в который входили Шах Будаг-хан, Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди и его сын Масум-хан, Мутталиб-хан, и большой отряд воинов. Кутб-ад-дин Мухаммад-хан, Мир Джамал-ад-дин Хусейн Инджу¹ отвечали за правый фланг. Шейх Мухаммад Бухари, Мухаммад Мурад-хан, Шах Мухаммад-хан, Хаджи-хан Афган и сын Хавас-хана украсили левый фланг. Шах Фахр-ад-дин, Музаффар Могол и Пайинда Арлат расположились сбоку от левого фланга. Дастам-хан, Науранг-хан, Мухаммад Кули-хан Тукбай и Михр Али Силдуз составляли авангард. Баз Бахадур и другие входили в *алтимаш* [резерв]. Построив свои силы, Хан Аазим направился к Нахрвале, известному как Паттан. В день гош, 14 бахмана, Божественного месяца, соответствовавший пятнице, 18 рамазана [980 г.х.] (22 января 1573 г.), войско достигло окрестностей Паттана. Враг прекратил осаду и повернулся к победоносной армии. Шер-хан Фулади и Джунаид Карарани командовали центром. Мухаммад Хусейн мирза, Шах мирза и Аакил Хусейн мирза возглавляли правый фланг. Мухаммад-хан, старший сын Шер-хана, и Садат-хан управляли левым. Бидар-хан, младший сын Шер-хана Фулади, находился в авангарде. Мятежники не собирались начинать сражение в тот день, поскольку ещё не прибыл сын Джуджхар-хана и другие бунтовщики. Шер-хан Фулади решил применить коварную тактику и послал людей к Шейх Мухаммад Бухари с предложением заключить мир. Многие военачальники, думавшие лишь о собственной безопасности, не понимали сложившейся ситуации и склонились к принятию мира. Шах Будаг-хан прошептал Хан Аазиму: «Остерегись, не соглашайся на мир: цель этих бесчестных людей — оттянуть время». Хан Аазим ответил: «Я того же мнения». Так как разум военачальников был за мир, а в происходившем они не смогли разобраться, потому что лазутчики Шер-хана изъяснялись языком хитрости, Хан Аазим сказал: «Если вы действительно хотите мира, отведите войска от того места, где вы сейчас, и станьте лагерем,

пока мы к вам не подойдём, ибо нам не приличествует отступать». Поскольку слова этой шайки были лживыми и неискренними, они не согласились на выдвинутое условие. Падишахские военачальники продолжили путь к полю битвы. Так как предполагалось, что мирзы атакуют победоносную рать с тыла, то в центре аррьергарда разместились Мирза Мукум и Саркис-хан с отрядом отважных воинов.

Когда два войска сошлись, левый вражеский фланг атаковал царский правый и оттеснил большинство людей Кутб-ад-дин-хана. Последний с несколькими воинами мужественно удерживал позиции. Он² нанёс удар своим мечом между бивнями вражеского слона, чем вызвал восхищение. Авангард несчастных мятежников ринулся на падишахский передовой отряд. Слон Науранг-хана³, находившийся в состоянии *маст*, набросился на всадника своего войска и раздавил его. В этот момент храбрецы вражеского авангарда оттеснили царский передовой отряд. *Алтимаш* (резерв) также не смог выстоять и проявил трусость. Разбегаясь, одни бросились направо, а другие — налево. Афганцы погнались за ними. Около пятисот всадников устремились на Хан Аазима, но вскоре были рассеяны. Отряд, что оттеснил авангард и *алтимаш*, атаковал правый фланг падишахского войска. Последние пали духом, и Мурад-хан отступил, выставив себя посмешищем. Шах Мухаммада ранили, и слуги увезли его в Ахмадабад. Шейх Мухаммад Бухари⁴ и несколько его родственников — сын Сайид Баха-ад-дина, брат Шейх Фарида Сайид Джафар и другие — проявили мужество и пожертвовали жизнями. Мятежники решили, что уже одержали победу, и занялись грабежами. Мирзы лично выступили против Мир Фахр-ад-дин-хана и его людей. Мир оказал сопротивление, но не смог выстоять против решительного натиска. Кутб-ад-дин-хан остался с несколькими людьми и продемонстрировал стойкость в бою с врагом. Оттеснив войско Кутб-ад-дина, мятежники принялись грабить обоз, а Кутб-ад-дин подошёл к ним с тыла и атаковал. С Божьей помощью за полным поражением последовала абсолютная победа. Хан Аазим и герои [главного] отряда оттеснили злобных афганцев и ринулись на центр противника, сражающийся с Кутб-ад-дином. Поскольку большая часть вражеских воинов отправилась грабить обоз, те пали

26 духом, увидев эти силы, и милостью небес была одержана великая победа. В это время появились мирзы. После жаркого сражения оттеснили крайний отряд левого фланга и преследовали его на протяжении двух *косов*. Последнее явилось большим преимуществом. Если бы они атаковали центр, дело завершилось бы плачевно. После того как [мирзы] отъехали далеко, а их люди рассеялись по причине грабежей, они услышали о поражении Шер-хана и повернули назад к полю битвы. На деле, если бы продолжили преследование до Ахмадабада, их ждал бы успех. Но по злему року они вернулись на поле боя. Когда приблизилось войско мирз, Хан Аазим выстроился в боевом порядке вместе с множеством преданных героев, Шах Будаг-хан сказал: «Пришло время атаковать». Хан Аазим уже собрался это сделать, когда Яр Мухаммад ухватил его поводья и изрёк: «Большинство военачальников стоят на месте, как же вы можете атаковать?» Когда мирзы подъехали ближе, то узрели всё величие падишахского войска, украшенного силой духа, и не решились вступить в бой, и поскольку злой рок был начертан на их челе, повернули поводья и бежали. С Божьей помощью сложная задача превратилась в лёгкую. Если бы герои бросились за ними вслед, вряд ли кто-то из них уцелел. Несомненно, осторожные не считают допустимым испытывать судьбу или прислушиваться к авантюристам и недоброжелателям. Итак, большинство военачальников, став свидетелями сей таинственной милости, обвязали свои шеи новыми нитями преданности и умножили целеустремлённость.

Одним из чудесных событий⁵, произошедших в тот счастливый день, стало следующее. Стрелой был сражён погонщик вражеского слона, находившегося в состоянии *маст*. Никем не управляемое животное шло туда, куда хотело, и направлялось к тому месту, где слышался бой барабанов, и набрасывалось там на сражающихся. Звучавшие в каждом отряде барабаны радости на время замолчали, после чего утихло буйство слона. Его поймали люди Шах Будаг-хана с целью преподнести в качестве подарка Акбару.

Когда злополучные потерпели поражение, Шер-хан Фулади бежал в Джунагарх, а мирзы отправились в Декан. Хан Аазим и военачальники пустились за ними в погоню. Как только добрые

вести достигли слуха Его Величества, он возблагодарил Господа и издал приказ, чтобы Хан Аазим послал Кутб-ад-дин-хана, Шах Будаг-хана, Мурад-хана, Михр Али Силдуза с отрядом воинов догнать мятежников, а сам явился и засвидетельствовал почтение. Хан Аазим прибыл на территорию Сарнала вместе с Дастам-ханом, Науранг-ханом, Матталиб-ханом и Масум-ханом, когда Разави-хан доставил *фирман*. Хан Аазим принял его с уважением и поцеловал [царский] порог в день дайбамихр, 15 исфандармаза, Божественного месяца, соответствовавший понедельнику, 20 шаввала [980 г.х.] (23 февраля 1573 г.), и был милостиво принят.

Случилось также, что во время осады Сурата прибыл Музаффар-хан⁶. Уже упоминалось, что по собственной доброте Шахин-шах простил ему недостойное поведение и послал за ним. Когда тот достиг Ахмадабада, Хан Аазим уже отбыл подавлять мятеж мирз. И хотя он (Хан Аазим) намекнул ему, что пристало бы оказать содействие в выполнении этой задачи, тот не прислушался и пренебрёг возможностью сослужить службу. Он продолжил путь, а когда прибыл в Бароду, ему привезли царский *фирман*. Онный гласил, что хан должен повернуть назад, независимо от того как далеко уехал, и поспешить на помощь Хан Аазиму. Он был вынужден повернуть. Когда же прибыл в Ахмадабад, выяснилось, что царские войска уже одержали победу, а Хан Аазим направился ко Двору в соответствии со священными приказами. Вследствие этого Музаффар-хан поспешил ко Двору и обрёл благо совершения *корниша* перед прибытием Хан Аазима. Его приняли с царской благосклонностью.

Во время осады из порта Гоа и его окрестностей к подножию возвышенного трона прибыла многочисленная группа христиан, удостоенная почётной аудиенции (*мулазамат*). По-видимому, они приехали по просьбе осаждённых, дабы последние могли передать им крепость и, таким образом, достигнуть берегов безопасности. Но когда посланники увидели величие царского могущества и узрели численность войск и размах осады, то представились послами и совершили *корниш*. Они преподнесли множество диковин, и знательный Хедив оказал каждому особую милость и расспросил о Португалии, а также об обычаях и традициях Европы. Казалось,

он делает это из жажды знаний, ибо его священное сердце — хранилище духовных и земных наук. Однако его дальновидная душа желала, чтобы расспросы эти явились средством привития культуры (*истина*s, то есть близкое знакомство или общительность) этому варварскому племени⁷.

Глава 6

Открытие¹ крепости Сурат ключом возвышенного гения [Его Величества] Шахиншаха

28

Что мне говорить о людях с просветлённым сердцем, проникновенных и дальновидных? Даже поверхностные и прагматичные прекрасно осознают, что тот, кто связан с вечной удачей, исключительно благодаря этой [поддержке] завоёвывает то, что представляется невозможным сталкивающимся с трудностями мужам. В особенности же им это понятно, когда связи этой сопутствует благословенная преданность. Насколько же судьба благоволит их славным начинаниям, если они принадлежат к счастливым, возвышенным степеням² преданности *Хедиву* горизонтов! В результате каждая задача, за которую возвеличенный Богом муж (Акбар) берётся самолично, выполняется триумфально и без заминки. Те несколько дней, что облачены в одежды промедления, есть решение Божественной мудрости, согласно которой требуется, чтобы письмена степеней преданности верноподданных и уровни служения каждого из них были начертаны в галерее видимости, драгоценные камни способностей отшлифованы, способ Властелина [Земли] просвещать людей открыт миру, инкрустированная золотом медь помещена в плавильную печь, монета державы очищена, и испытание это достигло высшего предела.

Наконец, с Божьей помощью взятие неприступной крепости, успешное осуществление которого дальновидные не могли себе представить даже через годы осады, было приведено в исполнение под руководством Шахиншаха всего за месяц и семнадцать дней. Сапёры проложили длинные траншеи, добрались по ним до стен и взялись за их разрушение. Расторопные слуги возвели вокруг насыпь

(тилха) и оттуда стали осыпать гарнизон пулями. Чудеса демонстрировали также бомбардиры. Как только самоуверенный противник осознал истинное положение дел и очнулся от дремоты, распахнулись ворота мольбы и просьб. Хамзабан послал своего тестя Муллу Низам-ад-дин Лари к возвышенному Двору, и тот, будучи представлен [Акбару] сановниками, обладавшими правом [разрешения] аудиенции, велеречиво поведал о смятении гарнизона. Сей ловкий и речистый человек сообщил властителю, являвшемуся другом несчастных и благодетелем жалких, причитания и молитвы оборонявшихся. Сердце Хедива горизонтов прониклось к нему расположением, и бескрайний океан благосклонности пришёл в движение. Несмотря на то что мольбы эти явились результатом [неизбежной] необходимости, а сановники, обладавшие правом [высказывать собственное мнение], выступили против проявления милосердия, Шахиншах не принял во внимание эти обстоятельства. Наоборот, их стремление к наказанию лишь усилило доброжелательность всемирного благодетеля. Он убедил приближённых посредством особого подхода к каждому. Тех, что обладали небесным характером, он порадовал Божественными речами, а тех, что имели земной нрав, утихомирил при помощи мирских доводов (*макалат кауни*). По его (Низам-ад-дина) просьбе падишах послал Касим Али-хана и Ходжа Дост Килана, (Давлата)³, товарищей на битве и на пиру, успокоить Хамзабана и остаток гарнизона и доставить их к месту проявления покорности. В день рашн, 18-го числа Божественного месяца исфандармаз, соответствовавший четвергу, 23 шаввала [980 г.х.] (26 февраля 1573 г.), упрямы крепости засвидетельствовали своё почтение сотней молитв. Милость Шахиншаха приняла в палаты своего покровительства жизни, имущество и честь всех пристыженных злодеев. Но Хамзабану отрезали язык⁴, ибо тот постоянно болтал попусту. Других же, которых благоразумие требовало лишить свободы на несколько дней, взяли под стражу. На следующий день Его Величество осмотрел цитадель и приказал, чтобы большие мортиры (*дег* — возможно, всего лишь пушки), которые называли Сулеймани, доставили в столицу⁵. Оказалось, что они принадлежали султану Сулейману, правителю Турции (Рум). Он намеревался захватить ев-

ропейские порты на границе с Индостаном и отправил туда большие мортиры и многочисленные силы. Но управители Гуджарата не поддержали его должным образом, и войско вследствие нехватки провианта оказалось вынуждено вернуться, и возможности забрать с собой большие орудия⁶ у них не было.

Одним из происшествий после захвата Сурата явился приезд ко Двору Бахарджи⁷, правителя Багланы, влиятельного землевладельца тех мест. Он привёз с собой Шараф-ад-дин Хусейн мирзу с цепью на шее. Справедливый Творец возвеличил украшателя Султаната ещё в начале его правления тем, что искатели благополучия могли достичь вершины блаженства посредством признания и подчинения его власти. Величайшее благо, выпавшее на долю Хедива последователей Аллаха, заключается в том, что тот, кто перестаёт ему подчиняться, становится бродягой пустыни разрушения и начинает испытывать необходимость в пороге, что высок, как небеса. Или же погружается в водоворот бед и в результате собственных действий доставляется пред царские очи. Яркое свидетельство тому было явлено сыном Ходжи. Вот краткий рассказ. Когда этот слабоумный и лишившийся рассудка человек не понял учения Шахиншаха, затаил мысли о власти и проторил путь вероломства, то стал бродягой и начал блуждать от двери к двери всякого, знатного и безродного, и предал свою честь пыли бесчестья. Что тут сказать? Он явил свою низость. Во-первых, отдал Джалаур, недавно обретенный (им) благодаря поддержке падишахской удачи, Фулади и присоединился к этим негодяям. Проведя какое-то время в Паттане, отправился к Чингиз-хану, а когда чаша жизни последнего иссякла, примкнул к мирзам. После того как правитель Хандеша 30 замышлял выступить против Гуджарата, но потерпел поражение и вернулся восвояси с потерями, Шараф-ад-дин присоединился к нему. Затем возвратился ни с чем и объединился с Мухаммад Хусейн мирзой. Когда мирозавоевывающие знамёна прибыли для завоевания Гуджарата и камень раздора упал меж мятежниками тех мест, Ходжазаде следовало бы явиться с поклоном ко Двору и загладить свои преступления, но поскольку он был совсем плох, то поспешил в Декан. Ему пришлось ехать через земли вышеупомянутого за-

миндара [землевладельца], и последний, либо из желания проявить преданность, или ради собственной выгоды, взял мирзу под стражу и заполучил всё его имущество. Он также попытался схватить жену и детей Ибрахим мирзы, когда те проезжали через эти земли, но потерпел неудачу, и лишь двухлетняя дочь мирзы попала к нему в руки. Когда Его Величество узнал об этом, то послал Мир-хана Ясавала привести этого землевладельца и его пленников ко Двору. И поскольку оказалось, что правитель Хандеша направил к высокому порогу своего брата раджу Али-хана, и тот уже доехал до Надарбара, но задержался из-за обычных мелких препятствий, чинимых землевладельцами, Мир-хану был дан приказ привести и его. После этого Шахиншах направил Джотик Рая⁸, Джай Тавачи-баши и Балбадхара брахмана освободить вышеназванного землевладельца от оков волокиты, дабы ум его оживился собиранием цветов в саду служения. Посланцы подчинились приказу и доставили его вместе с пленниками ко Двору. Невинную дочь⁹ Его Величество взял под защиту и передал блюстителям гарема. Ходжазаду поугади слон, который на деле не был предназначен для убийства людей, и поскольку властелин по своей справедливости и исключительному милосердию не предавал преступников смерти, [преступника] заключили в тюрьму. Ибо прежде чем разрушать сотворённое Аллахом (то есть жизнь), необходимо как следует поразмыслить.

Следует упомянуть, что Баглана¹⁰ — это область, расположенная на территории 100 косов длиной и 300 косов шириной. [Местное войско] насчитывает 2 000 всадников и 16 000 пеших воинов. Доход составляет 6,5 крор дамов. Правитель у них зовётся Бахарджи. Там на вершинах холмов расположены две крепости — Салхир и Мулхир, а также имеются два больших города — Антапур и Чинтапур. Земли эти тянутся между Гуджаратом и Деканом и подчиняются сильнейшему из этих двух. Когда Гуджарат был завоёван падишахскими людьми, местный правитель испугался величия и силы Шахиншаха, решил сослужить хорошую службу и озарил своё чело покорностью.

31

Случилось также, что Его Величество получил ранение в руку, вскоре излеченное. [Коротко останавлиюсь на] этом поучи-

тельном несчастном случае. Тот, кто восседает на троне Халифата, всегда скрывается за особым занавесом, в то время как распорядители судьбы постоянно срывают завесу и являют миру духовные и земные достоинства того, кто возвеличен Богом. Однажды вечером во время пира в узком кругу, где [наливалось] много горячительных напитков, речь зашла о храбрости героев Индостана, и [кто-то] сказал, что те не дорожат своими жизнями. Например, несколько раджпутов могли держать обоюдоострое копье, а два других равных по силе¹¹ воина бежали с противоположных сторон на их острия, дабы последние пронзили их насквозь. Сей Божественный ратоборец мира ради сокрытия своей славы и проверки людей или же от тоски¹², порождённой его пребыванием во внешнем мире, подвязал свой меч за рукоять к стене и, направив остриё в священную грудь, заявил, что коли раджпуты могут проявлять отвагу таким образом¹³, то и он сможет броситься на этот меч. Ужас охватил всех пирующих, никто слова не мог вымолвить, не говоря уже о противодействии. Ман Сингх преданно ринулся вперёд и с такой силой ударил по мечу рукой, что тот упал и порезал ладонь Шахиншаха между большим и указательным пальцами. Присутствовавшие убрали меч, а Его Величество в ярости сбил Ман Сингха с ног и начал душить. Сайид Музаффар¹⁴ по глупости попытался освободить последнего из тисков сего Божественного тигра и, вывернув раненый палец, спас Ман Сингха. Однако это усугубило рану, но с Божьей помощью она вскоре зажила.

Когда разум Его Величества успокоился относительно дел этой страны, он поручил заботу о возвышенной крепости (Сурат) Кулидж-хану¹⁵ и дал ему весомые советы. В день мар исфанд, 29-го числа Божественного месяца исфандармаз, соответствовавший понедельнику, 3 зу-ль-каада [980 г.х.] (8 марта 1573 г.), он отправился в Ахмадабад, и в это же время раджа Али-хан был удостоен чести поцеловать царский порог¹⁶.

Начало 18-го Божественного года
с момента [священного] Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года шахриюр второго цикла

В это благословенное время сияющие знамёна Султана весны (Солнца) отполировали зеркало распределения сил, а сады украсились шелками роз и атласом жасмина. Северные ветры и зефиры унесли сорняки и мусор осени из розария мира, а ровные,

Весь цветник трепетал, и казалось, вот-вот улетит;
И казалось, жасмин в лёгком ветре куда-то спешит.
На листке чёрной ивы рукою надежд ветерок
Описать прелесть розы в душистом послании смог.
Всюду розы с жасмином для мыслей засаду плетали,
Соловьи с сотней горлинок [нежные] рифмы слагали.
И [весною] цветник [обретал лучезарность].
Розы никли к шипам: ведь за мягкость
 нужна благодарность.
Сад указ разгласил, пожеланий своих не тая:
«Да убьёт злого ворона сладкий напев соловья»¹.

По прошествии 8 минут 7 секунд ночи среды, 6 зу-ль-каада 980 года хиджры (12 марта 1573 г.), озаряющее мир великое светило отбросило свои лучи на дом Овна, и мир стихий обрёл славу духовного царства. Грандиозным актом справедливости Шахиншаха в начале этого года стало вынесение смертного приговора абиссинцу

Джуджхар-хану, одному из великих военачальников Гуджарата, известному своим влиянием. Когда границы Броача осенили знамёна судьбы, мать Чингиз-хана воззвала к правосудию Двора, заявив, что алчный (*зармаст*) абиссинец явился под видом друга и убил её сына. История эта была почти всем известна, многие в лагере её подтверждали, и об этом уже упоминалось². Но поскольку значительное количество ложных, а внешне правдивых, заявлений являются клеветой, следовало проявить осторожность и во всём разобраться. В результате был дан приказ, чтобы мудрые и беспристрастные люди расследовали это дело, доложили о результатах опроса свидетелей и т.д. Они проделали эту работу и выяснили, что обвинения оказались справедливы. Прозвучал приказ предать разрушителя творения Аллаха казни. Его затоптал слон в присутствии знатных и безродных. Пожилая и покинутая женщина никак не ожидала, что такого влиятельного человека накажут за его преступления, и была поражена, став свидетельницей подобного правосудия. Она излила благодарность *Хедиву* познавателей Аллаха, а люди извлекли урок из сего справедливого наказания. Злобные и высокомерные вжали головы в ворот неизвестности.

33

Когда священная процессия приблизилась к Ахмадабаду, жители выехали навстречу приветствовать Его Величество. В день дин, 24-го числа Божественного месяца фарвардин, соответствовавший пятнице, 29 зу-ль-каада, Его Величество стал лагерем в окрестностях Ахмадабада. Через десять дней дела страны были улажены. Он доверил управление провинции Хан Азаму. *Саркар* Паттан поручил Хан Килану. Дхулка и Дандоках вверил заботам Сайид Хамид Бухари и таким же образом распределил другие земли. Хотя Хан Килан и Кутб-ад-дин Мухаммад-хан являлись дядями Хан Азама и были старше, всё же мудрость Шахиншаха поставила их в подчинённое положение, ибо по законам верховной власти предпочтение отдаётся мудрости, а не годам, и надежды возлагаются на преданность, а не на возраст. Дальновидность — это основа, а не физическая величина. Интеллект — важная составляющая, а не размер видимого тела. Руководство для назначений — таланты и достоинства, добродетели же предков во внимание не принимаются.

Глава 8

Возвращение [Его Величества] Шахиншаха в Агру после завоевания Гуджарата

Завершив завоевание сей обширной страны, наказав высокомерных и самонадеянных, наградив преданных и покончив с делами управления государством, возвышенный гений Шахиншаха после празднования Ида¹ принял решение отправиться в день ардибихишт, 3-го числа Божественного месяца ардибихишт, соответствовавший понедельнику, 10 зу-ль-хиджжа [980 г.х.] (13 апреля 1573 г.), в столицу через Паттан и Джалаир. Когда знамёна судьбы приблизились к Сидхпуру², он ещё раз дал наставления Хан Азаму. В частности, призвал его проявлять смекалку, применять все свои способности, следить за человеческими пороками, прощать раскаявшихся преступников, с исключительной проницательностью подходить к разбору споров и беспристрастно относиться как к друзьям, так и врагам. В тот же день он благосклонно принял и осыпал милостями военачальников, имевших владения в тех землях, после чего позволил им уехать. Раджа Али-хан, также принятый по-царски, вернулся в Хандеш. Музаффар-хан получил в управление провинцию Мальва и отправился туда. Ман Сингху, Шах Кули-хан Махраму, Мурад-хану, Мухаммад Кули-хану, Сайид Абд-ал-лаху, Джаганнатху, Радже Гопалу³, Бахадур-хану, Лашкар-хану, Джалал-хану, Бходже⁴ и другим было приказано поспешить в Дунгарпур через Идар и оттуда продолжить путь в столицу. К ране⁵ и другим заминдарам тех земель [Шахиншах] повелел отнестись по-царски милостиво и привезти для засвидетельствования почтения, а непокорных — наказывать.

Когда дела [управления] мирозавоёвывающими войсками оказались завершены, Шахиншах отправился в путь переход за переходом. В день когда подошёл к Сирохи, он послал Мадху Сингха⁶ с отрядом воинов за питомцем сада судьбы, шахзадой Султан Даниялом, увезённым из Аджмира в Амбер, дабы привезти его в Аджмир, где пребудет тот под защитой тени Присутствия. Чтобы удостоить чести раджу Бхагван Даса, благословенная сестра⁷ последнего, занимавшая высокое положение в падишахском гареме, была отправлена присутствовать на оплакивании Бхупата, павшего в битве при Сарнале.

Когда Его Величество достиг Сирохи, доставили письмо от пенджабских военачальников, в котором говорилось, что Ибрахим Хусейн мирза направился в их сторону со злыми намерениями, получил по заслугам и взят под стражу, и человечество теперь освободилось от пламени его мятежа. Поведаем вкратце об этом содействии судьбы. Ибрахим Хусейн мирза, взбунтовавшийся против духовного и земного господина, потерпел поражение и стал бродягой, присоединившись к своим братьям в Идаре. Как уже сообщалось, удача Шахиншаха вызвала среди них разногласия, вследствие чего [мирза] отправился в столичную провинцию, прихватив с собой младшего брата Масауд мирзу. Он подошёл к Нагору через Джалаур и Джодхпур. Фаррух-хан, сын Хан Килана, назначенный туда главнокомандующим, осуществлял оборону города. Мирза блокировал крепость, и ситуация казалась совсем плачевной, но Рай Раи Сингх, Мирак Колаби, Мухаммад Хусейн Шейх и многие другие, оставленные Его Величеством в Джодхпуре, в то время как сам он отправился на завоевание Гуджарата, и землевладелец Суджата Рай Рам, сын Малдео, а также Накиб-хан, Мир Гиас-ад-дин Али⁸ с отрядом облачённых в одежды служения и направлявшихся в Гуджарат людей, объединились и бросились в погоню за мирзой. Когда они были уже близко, он прекратил осаду и стал спешно отходить. В день сарош, 17-го числа Божественного месяца дай, соответствовавший понедельнику, 3 рамазана [980 г.х.] (7 января 1573 г.), царские подданные прибыли в Нагор, где к ним присоединился Фаррух-хан. Военачальники засомневались, следует ли пре-

35

следовать мирзу, но затем, по настоянию Рай Раи Сингха, пришли к согласию и отправились на следующий день в погоню. В конце дня около селения Кахнтони⁹, подвластного Нагору, они настигли Ибрахим Хусейн мирзу. С наступлением ночи им пришлось отвести свои силы и сделать привал. Рай Раи Сингх занял позицию в центре. Рай Рам держал правый фланг, а Мирак-хан Колаби, Мухаммад Хусейн Шейх, Фаррух-хан, Накиб-хан, Итибар-хан, Али Чулак, Мухаммад Хусейн Джалабан и Мир Кутб-ад-дин — левый. Случилось так, что водоёмы оказались в руках противника. По прошествии одной смены дозора людей охватила жажда, и отряд моголов отбил один из источников. Мирза разделил свои силы на три отряда и атаковал царские войска. Схватка началась с авангарда Рай Рама, у которого появилось преимущество, когда Рай Рам лично бросился в бой и стал теснить [противника]. Ибрахим Хусейн мирза послал отряд против могольских военачальников. Бравые воины отделились от своего войска и вступили в сражение. Мирза понял, что люди его терпят поражение, и сам вступил в бой, в котором [храбро] проявил себя Мирак-хан Колаби. Войско охватила нерешительность, но тут на помощь пришёл Рай Раи Сингх. Ибрахим Хусейн мирза не смог выдержать такого натиска и ретировался. Большинство царских воинов избежало ранений, лишь Накиб-хана поразила стрела, однако вскоре он поправился. Победоносные воины, несмотря на наступление ночи, не покинули поля битвы. В тот день великая беда обрушилась на мирзу. Его лошадь была сражена стрелой, и ему пришлось какое-то время бежать. Однако к нему подъехал один из слуг, [мирза] вскочил на его коня и бежал с несколькими людьми. Если бы военачальники на следующий день проявили себя, он бы попал к ним в руки. Но их устраивала одержанная победа, и потому они разъехались по своим владениям. Негодяй же направился в сторону Дели. Раджа Бихари Мал, пребывавший в столице, послал Хангара¹⁰ с ратью в Дели, и все джагирдары, не вошедшие в это войско, также собрались в Дели. Сей несчастный человек (Ибрахим) поспешил в Самбал¹¹, когда прослышал о приближении [падишахских] сил, и сделал там ряд приготовлений. Хусейн-хан¹², находившийся в Патиали¹³, собрал несколько *джагирдаров*. Тогда же

доставили новости о взятии Сурата и походе войска Его Величества Шахиншаха. Ибрахим был вынужден отправиться в Пенджаб. Хан Джахан и другие пенджабские военачальники занимались взятием Нагаркота, и Ибрахим подумал, что там никого не окажется, и он без труда одержит победу, а также сможет попасть в Гуджарат через Синд. Из этих соображений и направился из Самбала в Пенджаб. Где бы он ни проходил, везде чинились притеснения и злодейства.

Хусейн Кули-хан в соответствии со священными приказами отправил письмо с наставлениями защитникам Нагаркота, но те не прислушались к его советам. Тогда военачальники осадили крепость. Собираясь отбыть ко Двору, раджа Джай Чанд из дальновидности препоручил заботу о своём сыне Бади Чанде, пребывавшем в нежном возрасте, радже Гобинд Есавалу¹⁴. Между тем раджа (Джай Чанд) вернулся в крепость и возобновил её защиту. Осадные работы были почти окончены, когда пришло известие о нападении Ибрахим Хусейн мирзы на Пенджаб. Как только верные военачальники услышали об этом, то устроили совет. Тем временем Мухибб Али-хан, мирза Юсуф-хан, Харрам-хан, Фатту и многие другие посчитали, что дело необходимо завершить миром, и им следует поспешить из этой горной страны к центру провинции, и принять меры предосторожности до того, как туда прибудет мятежник. Хан Джахан и остальные имели ограниченный¹⁵ взгляд на ситуацию. Поскольку они приложили огромные усилия, и цитадель уже была практически взята, им не хотелось заключать мир. [Военные мужи изрекли:] «Размер обретения или потерь вследствие удачной или неудачной осады крепости нам известен, а вот беспорядки, учиняемые бунтовщиком, — проблема серьёзная». Хан Джахан ответил: «Я согласен заключить мир, но осада прекратится лишь после того, как каждый подпишется под этим решением, дабы в случае недовольства Его Величества отступлением военачальники¹⁶ не несли за это никакой ответственности». Составили письменный документ, и [завоеватели цитадели] постучались во врата мира. Раджа посчитал это большой удачей и был счастлив. Мир заключили на четырёх условиях: 1. Раджа должен отдать свою дочь в священный гарем;

2. Он должен заплатить подобающую дань; 3. Он обязан направить к [царским] военачальникам влиятельных лиц из числа своих сыновей и других родственников, ибо если Его Величество не одобрит мирного договора, эти люди останутся у них до тех пор, пока не будет сдана крепость; 4. Поскольку данная провинция была пожалована в качестве земельного владения радже Бирбару [Бирбалу], то последнему причитается значительная сумма. Раджа согласился на все четыре условия. Хан Джахан выставил пятое, а именно: раджа Гопи Чанд должен приехать и засвидетельствовать своё почтение, и добавил: чтобы раджа чувствовал себя в безопасности, несколько братьев мирзы Юсуф-хана побудут в крепости до тех пор, пока раджа не вернётся. Или же сам мирза Юсуф-хан и Харрам-хан поедут и останутся в крепости. В итоге туда отправились братья мирзы Юсуф-хана, но раджа взял их с собой и прибыл в лагерь. Он засвидетельствовал своё почтение Хан Джахану и получил позволение уехать. Победоносное войско приступило к подавлению мятежа мирзы. Прошло совсем немного времени, когда вернулся раджа и из чувства преданности заявил: «Коли вы отправляетесь в поход против врага, я не могу вернуться домой». Так с великой радостью присоединился он к войску удачи.

Мирза же, чиня грабежи, подошёл к границам Дипалпура. Услышав о приближении падишахских военачальников, изумился и опечалился. Он отбросил мысли о Лахоре и отправился в Мултан. Военачальники оставили свой обоз и имущество и налегке бросились вдогонку за мятежником. Когда же приблизились к городу Таламба¹⁷, относящемуся к провинции Мултан, стало известно, что мирза прибыл и расположился там за день до этого. Военачальники принялись строить войска. Мухибб Али-хан и мирза Юсуф-хан заняли правый фланг. Харрум-хан, Дост-хан Сахари и Шах Гази-хан Табризи — левый. Джафар-хан, Фатту и остальные храбрецы расположились в авангарде. Они двинулись [на врага] в таком порядке. В тот день Ибрахим Хусейн мирза уехал с несколькими людьми поохотиться. Когда Масауд Хусейн мирза узнал о приближении царских войск, он приготовился к битве и послал людей за мирзой. Последний поспешил назад поступью погибели и, подготовив свои

силы, ступил на поле брани. Он начал сражение с правым крылом падишахской рати и частью авангарда. По милости небес подул ветерок победы. Хусейн-хан, поспешивший за мирзой из Самбала, отважно бился в этом бою. Масауд Хусейн мирза попал в плен, и множество поверженных мятежников было предано смерти. Военачальники возблагодарили [Господа] за сие великое благо и написали Саид-хану, управителю Мултана, что удачно завершили задуманное и собираются отправиться в свои владения, а покинутый всеми негодяй остался в провинции с горсткой людей, и поимка его явится хорошей службой, дабы все беспорядки разом прекратились бы.

Оказавшись в жалком положении, Ибрахим Хусейн мирза спешно ретировался. Когда же достиг окрестностей Мултана, путь ему преградили белуджи. Он попытался прорваться через них, и несколько его людей убили. Да и самого ранили, так что пришлось укрыться в доме одного белуджа¹⁸. Саид-хан, узнав об этом, отправился на его поиски, нашёл, схватил и сразу доложил обстоятельства дела падишаху. Когда придворные вручили письмо Его Величеству, он возблагодарил Господа сначала за покой, дарованный его подданным, а затем за поимку оскорбителя государства, после чего отдал приказ доставить [мятежника] ко Двору. Однако тот, кто попался вследствие собственных намерений, был уже мёртв: либо из-за ранения, либо от страха перед величием Шахиншаха, либо от величайшего стыда. Возможно, распорядители судьбы, зная о великом милосердии падишаха, понимали, что если того доставят ко Двору, властелин его простит, и по этой причине развязали узел, скрепляющий сей порочный дух с гнусным телом. В день бахман, 2-го числа Божественного месяца хирдад, соответствовавший 11 мухарраму [981 г.х.] (13 мая 1573 г.), Его Величество прибыл в Аджмир, где сей искатель Божественной благосклонности посетил святилище и осыпал всевозможными милостями сановников и гостей города. Доверенные придворные доставили туда из Амбера Султан Данияла, и по прошествии недели Его Величество продолжил путь в столицу.

Когда знамёна судьбы приблизились к Санганиру¹⁹, Шахиншах решил, что должен с небольшим отрядом поспешить в столицу,

в то время как войско будет двигаться туда неторопливо переход за переходом. По прошествии одного дня и двух ночей он преодолел значительное расстояние и прибыл в город Бачуна²⁰, что в восьми косах от Фатхпура. Джотик Рай²¹ доложил, что через три дня наступит благоприятное время для прибытия в столицу. Таким образом, Шахиншах провёл в том городе три дня. Шейх Салим²² и все великие и знатные люди выехали приветствовать его.

Глава 9

Прибытие Его Величества Шахиншаха в столицу

Достижения и успех великих мужей государства и религии, а также духовных и земных правителей неразрывно связаны с благими намерениями и подобающими действиями, основой которых является стремление угодить Богу. Различия между разными

38

слоями человечества связаны с этими двумя великими признаками. Тот, кто обладает данными достоинствами в большей степени, процветает всё более и более, а его священная личность становится источником великих свершений. Слава Аллаху! Сии великие признаки — опора государства и религии — присущи священной личности Шахиншаха в таком количестве и качестве, которые невозможно себе представить, и которыми не обладал ещё ни один великий муж прошлого. Что уж тут говорить о правителях наших дней? В результате ему постоянно сопутствует удача. Успех в делах государства и религии способствует его преклонению пред несравненным Создателем и преисполняет милосердия к простому люду. С ростом его удачи приумножается и его милосердие. В эту прекрасную пору, когда за столь короткое время была завоёвана такая огромная территория, он с тысячью молитв к Господу прибыл в столицу Фатехпур в день дибадин, 23-го числа Божественного месяца хирдад, соответствовавший среде, 2 сафара [981 г.х.] (3 июня 1573 г.). Все слои населения возвысились возможностью засвидетельствовать своё почтение, а их очи и сердца были обрадованы лицезрением [Шахиншаха]. Приветствовать его и выразить свои поздравления приехал Шейх

Мубарак, почтенный отец сего смущённого мужа сообщества бытия (Абу-л Фазла), проводивший дни вдали от мира и в молитвах и обладавший чудесной связью с Властелином Мира. Хотя он был мало знаком с Его Величеством, однако хранил в душе свет преданности сему несравненному мужу Века и занимал при нём высокое положение за свою чистоту и верность. Он сообщил, что, несмотря на всеобщие поздравления Властелину Земли, сердцу его было ниспослано невидимым миром следующее: «Пусть господин¹ Вселенной благословения объявит преданным и искренним, что Господь, Благодетель мира, вследствие изобилия наших праведных помыслов и деяний ниспослал на нас² великое счастье и возвышенное благо (то есть священную личность Его Величества), дабы своими широкими возможностями и хорошим управлением внешним миром он мог стать Главой (Пешва) духовной державы, и именно с этой целью были дарованы столь великие победы». Истинный ценитель остался очень доволен сим чудным поздравлением и отпустил святого отшельника с глубоким почтением. Он часто вспоминал сие важное послание и ссыался на него своими священными устами.

39 В это счастливое время ко Двору из провинций приехали и обрели желаемое военачальники. Среди них был Хусейн Кули-хан, управитель Лахора, который явился с множеством военных мужей своей провинции для засвидетельствования почтения. Он привёз Масауд Хусейн мирзу и всех попавших к ним в руки во время битвы пленников, завернутых в коровьи шкуры³, от которых не были отделены рога. Приезд этот вызвал при Дворе великое ликование. Милостивый Хедив простил им злодеяния и тотчас повелел освободить от этих одежд. Для назидания и по доброте приказал передать каждого из них в соответствующее место, дабы определить истинный характер каждого⁴.

40 В это же время через Идар прибыли куар Ман Сингх и другие военачальники, которых возвысили возможностью засвидетельствовать своё почтение. Вот краткий рассказ о победоносном войске. Когда оно приблизилось к границам Дунгарпура, местный заминдар повёл себя дерзко и приготовился к войне. Храброе воинство наказало мятежника, уничтожило значительное количество [его людей]

и разорило земли. Был убит Дарвешак, один из военачальников победоносной армии. Оттуда войско отправилось в соответствии с приказами царя, защищающего покорных и наказывающего преступных, в Удайпур, на родину *раны*. *Рана* выехал приветствовать их, принял с почтением и облачился в царский *хилат*. Он принял у себя в гостях Ман Сингха, но по присущей ему скверной натуре продолжил извиняться⁵ (за невозможность поехать ко Двору), заявляя, что «его доброжелатели не вынесут расставания с ним». Он пообещал прибыть к возвышенному порогу, но это вызвало возражения, после чего, попрощавшись с Ман Сингхом, всё-таки остался и продолжил медлить. В это же время Хусейн Кули-хан был возвышен титулом Хан Джахана. Каждого военачальника, сослужившего хорошую службу, осыпали великими милостями. Занимающий трон муж восседал на *маснаде* признательности и распределения даров. Он украсил Султанат справедливостью и возвеличил правосудие милостями и дарами. Он украсил небеса хвалой, землю — цивилизованностью, Век — спокойствием, дворец — узорами, человека — возвышением и принялся за совершенствование каждого. Он пролил свет подобающих правил и объединил духовную власть с земной!

Событием этого времени, приумножающим власть, явилось обращение Шахиншаха к завоеванию Бихара и Бенгалии, ибо крестьяне этих земель страдали под игом злобных афганцев. Хан Алам, Ашраф-хан, Муин-ад-дин Ахмад-хан, Касим Али-хан, Мирза Али и многие другие были отправлены в восточные провинции. Муним-хану Хан-ханану дали следующий приказ: «Когда возвышенные знамёна занимались очищением и освящением Гуджарата, верный слуга (Муним) действовал по обстоятельствам и избрал путь осмотрительности и промедления. Теперь же, когда, благодаря нашей власти и удаче, трон озарился нашим правосудием, необходимо, чтобы по получении этого послания вы отправились на завоевание этой страны и покарали заблудших и мятежных». Хотя преданные военачальники, имевшие владения в тех землях, составляли достаточное количество, всё же чем больше людей, тем легче выполнить задание, и потому туда послали множество других воинов. Из-за исключительной проницательности раджу Тодар Мала направили к Му-

41

ним-хану, дабы тот мог внушить ему много правил завоевательного похода, переданных ему [Муниму] (Акбаром). Ему следовало также изучить возможности и настрой военачальников и доложить об этом Его Величеству. Есть ли у них силы для мирозавоеваний, то есть надежда, что земли эти вскоре окажутся в руках падишахских подданных? В противном случае Его Величеству придётся отправиться в те места лично. Раджа спешно туда съездил, вернулся и доложил, что войск было очень много, военачальники пребывали в согласии и обладали искренними намерениями и возвышенным устремлением. Таким образом, разум Его Величества успокоился.

Глава 10

Второй поход [Его Величества]

Шахиншаха в Гуджарат и возвращение
с победой

Хотя в глазах поверхностных многие вещи служат поводом для ликования завистливых и недалёких, на деле всё происходящее — начало приумножающейся власти и предвестие величайшей удачи. Это одновременно и ключ к надежде и миру, и инструмент уничтожения лицемерных. Примером тому служат беспорядки, поднявшиеся в Гуджарате, подавлять которые Хедив Мира отправился лично. Вот краткое изложение сего поучительного события. Когда Его Величество Шахиншах отпустил Хан Азам Мирза Коку и отбыл в столицу, последний, зная, что Ихтияр-ал-мулк поднял чело мятежа в Идаре в союзе с тамошним *заминдаром* Рай Нарайном, а сыновья Шер-хана Фулади присоединились к ним, отправился, дабы не терять государственного времени, минуя Ахмадабад, напрямик в эту провинцию. Мирза Мукум¹, имевший там земельное владение, уехал оттуда из-за опасений перед этими злоумышленниками и присоединился к [Хан Азаму].

Хан Азам был занят истреблением бунтовщиков, когда снова поднялась пыль мятежа Мухаммад Хусейн мирзы². Вкратце дело было так. Мухаммад Хусейн мирза, находясь в Даулатабаде, что в Декане, услышал о приближении Его Величества к столице и направился в Сурат, где учинил беспорядки. Кулидж-хан укрылся в крепости и приготовился к обороне. Мирза ушёл оттуда в Броач, который захватил из-за вероломства слуг Кутб-ад-дина. Далее направился в Камбей, который также взял без боя из-за беспечности Хасан-хана (Хазанчи), уехавшего в Ахмадабад. Хан Азам направил Сайид Хамида, Сайид Баха-ад-дина, Шейх Мухаммада из

42

Монгира с войском помочь Кутб-ад-дин-хану. Тогда же собрался с силами и нагрянул со своим отрядом Ихтияр-ал-мулк, скрывавшийся в теснинах местных гор. Хан Азам укрепился в надёжном месте и засел там. Мятежники не осмелились на него напасть. Они решили: «Сколько он сможет там находиться? Какие преимущества он извлечёт из этого? Наша цель — Ахмадабад. Если Хан Азам покинет крепость, мы его атакуем и, вероятно, одержим победу. Если нет, мы захватим Ахмадабад». С этими преступными намерениями они и отправились в путь. Когда в конце дня Хан Азам услышал о выступлении врага, то спешно отправился в Ахмадабад. Поскольку день подходил к концу, противник не смог воспрепятствовать ему, и Хан Азам шёл всю ночь без привалов и на рассвете вошёл в город. В ту же ночь неподалёку прошёл после поражения в сражении за Камбей Мухаммад Хусейн мирза, часть обоза которого была захвачена. Поскольку положение его становилось плачевным, он решил держаться на расстоянии от войска Хан Азама и присоединился к Ихтияр-ал-мулку и сыновьям Шер-хана Фулади. Причина этой чудесной удачи в том, что в Камбей прибыли Кутб-ад-дин-хан, Сайид Хамид Бухари и Науранг-хан с другими слугами Хан Азама. Сей негодяй, несмотря на немногочисленное войско, осмелился оказать сопротивление, но потерпел сокрушительное поражение. Сайид Баха-ад-дин проявил отвагу и пожертвовал своей жизнью. Военачальники посчитали эту победу великой удачей и не стали его преследовать. Прояви они себя немного смелее, негодяя бы поймали.

Итак, когда он присоединился к сей злополучной шайке, то всерьёз решил, что им нужно двинуться на Ахмадабад. Гуджаратцы в течение трёх дней много говорили и обсуждали это дело. Исключительно благодаря удаче Шахиншаха, Хан Азам получил такую передышку и смог укрепить пути выхода и входа. Камбейские военачальники также приехали, а через несколько дней в окрестностях Ахмадабада появились злополучные и дерзкие мятежники. Хотя войско их явно не выстояло бы, вступив в схватку с царскими подданными, всё же Хан Азам был не уверен не только в своих, но и людях Кутб-ад-дин-хана и потому не начинал бой. Когда пронизательный Хедив прощался с ним, то дал следующий совет: если по

воле небес мятежники объединятся и начнутся великие беспорядки, не стоит опрометчиво вступать в сражение. [Хан Азам] последовал приумножающему удачу совету. Однажды Фазиль-хан (сын Хан Килана) выехал за ворота Ханпур и, стремясь к битве, наткнулся на вражеский отряд. Как только те напали на его людей, они сразу же бежали, а Фазиль-хана серьёзно ранили. Вернувшись в крепость, он скончался. Султан Ходжа³ потерял коня и упал в ров. Привязав корзину к верёвке, его вытащили. По воле небес им стало ясно, что у них недостаточно войск, чтобы вступать в сражение. Хан Азам отправил с Султан Ходжой доклад к возвышенному порогу, где описывал состояние дел и просил у Шахиншаха помощи, моральной и физической. Когда Ходжа прибыл ко Двору, и Его Величество узнал о поднятии пыли мятежа, а поскольку источник мужества и океан доброты чрезвычайно благоволил к Мирза Коке, его покоряющий мир гений решил, что он лично примет участие в походе и отправится в те земли. Так как из-за недостатка времени не было возможности подготовиться к столь грандиозному мероприятию, он открыл двери сокровищницы и излил в изобилии богатства на полы своих слуг в виде подарков и помощи. Священный гарем отправился в путь вместе с множеством преданных военачальников: Шуджаат-ханом, раджей Бхагван Дасом, Сайид Махмуд Бархой и Рай Раи Сингхом. [Шахиншах] воскликнул священными устами: «Хотя ради соблюдения правил я занимаюсь отправкой людей, всё же я думаю, что никто не приедет туда раньше меня». Хан Джахан, Саид-хан и множество пенджабских военачальников были посланы подготовить всё для защиты провинции. Он выбрал себе в сопровождающие Мирза Юсуф-хана⁴ и Махсус-хана⁵, а Музаффар-хану повелел взять с собой военачальников из Мальвы и спешно отправиться в Гуджарат. *Куар* Ман Сингху следовало собрать землевладельцев Качхивараха и поспешить (к Акбару). Раджа Бихари Мал, раджа Тодар Мал, Шейх Ибрахим, Хаким-ал-мулк, Шейх Ахмад и многие преданные воины были оставлены заботиться о принцах и столице.

Когда священный разум покончил с приготовлениями, [Его Величество] в день абан, 10-го числа Божественного месяца шахри-

юр, соответствовавший воскресенью, 24 раби ал-ахира [981 г.х.] (23 августа 1573 г.), сел на резвую мягко ступающую верблюдицу⁶.

Верблюд⁷ стремительнее, чем стрела.

Взявшись за поводья победы и всецело положившись на Бога, [Шахиншах] отправился в долгий путь в Гуджарат. Его сопровождали [доблестные] военачальники и [верные] приближённые: одни ехали на быстроногих верблюдицах, а другие — на огненных скакунах. Когда прошла одна ночная смена караула, то, чтобы дать отдохнуть преданным, он стал лагерем в городе Тода⁸. Утром — снова в путь под благоприятной звездой, и на ранней заре в понедельник подошли к Ханс Махалу⁹, где [падишах] разбил лагерь на какое-то время. Оттуда он отправился в путь с ещё большей скоростью и по прошествии одной смены ночного караула достиг Муиззабада¹⁰. В тот день у многих его подданных иссякли силы поспевать за ним. [Его Величество] также почувствовал тяжесть в ногах, но несмотря на это после полуночи сел на колесницу и продолжил путь с [невиданной] быстротой.

Колесница летит, словно облако,
Подобно терпению, что покидает влюблённых.
Эхо быстрины, что несётся туда и сюда,
Раздаётся до самых южных небес (?)¹¹.

[Падишах] отдал и такой приказ: в случае если его охватит сонливость, и он велит им ехать помедленнее, все должны сделать вид, что не слышат его слов, и ехать ещё стремительнее. Слуги подчинились этому указанию и поехали ещё быстрее. Наконец, утром во вторник они приблизились к процветающему Аджмиру¹². Его Величество посетил прославленное святилище и воздал почтение Аллаху. Он искал поддержки святого духа Ходжи [Муин-ад-дина Чишти] и раздал дары служителям храма. После этого отправился во дворец, который возвёл в этом городе, и отдохнул там. В конце того же дня сел на коня¹³ и быстро двинулся в путь и утром в сре-

ду вступил¹⁴ в район Мирты¹⁵, к Шах Кули-хану Махраму, Сайид Махмуд-хану Бархе, Мухаммад Кули-хану Тукбаю, которые находились в авангарде, но были остановлены. И он чуть приостановился, а затем двинулся дальше. По прошествии одной дневной смены караула город Джитаран озарился приездом Шахиншаха, и осталась лишь одна смена караула, когда он снова выступил в поход. В конце дня его жизнерадостный дух пожелал поохотиться. Когда показался чёрный олень, Его Величество сказал: «Если быстроногая *чита* поймает этого оленя, то будет знаком, что Мухаммад Хусейн мирза попадёт в наши руки». С такой мыслью он выпустил *чита*, и олень был пойман: в силки попала добыча радости. В полночь достигли Соджата (в Джодхпуре), где он отдыхал до утра четверга. Когда рассвело, вскочил в седло, и в это время ему сообщили, что священный гарем с высланным вперёд отрядом находится уже в городе Пали (Джодхпур). [Шахиншах] приказал, чтобы его сопровождающие ехали дальше, а сам с несколькими приближёнными отправился в Пали. Пройдя небольшое расстояние, узнал, что сообщение оказалось ложным. И повернул оттуда назад и поехал в надлежащую сторону. В конце дня, когда войско разбило лагерь в окрестностях города Бхагванпур и страдало из-за отсутствия возможности служения и задержки царских знамён, появился Хедив Мира и озарил всех своим светом. Повсюду воцарились радость и воодушевление. Его Величество пожелал отправиться в Гуджарат через Сирохи, поскольку так короче, но его доброжелатели настаивали, что лучше ехать через Джалаур. Они мотивировали это тем, что на первом пути их ожидало множество врагов, а у Его Величества было с собой слишком мало людей. Возможно, беспокойство их могло стать помехой на его пути. Однако [Шахиншах] не прислушался к их настояниям, ибо стопа его твёрдо полагалась на Господа, а сердце всегда пребывало в связи с тайным покровительством. Проводнику Шугуне дали приказ провести войско через Сирохи. Когда доброжелатели увидели, что бесполезно настаивать на своём, они сговорились с Шугуней и устроили так, чтобы он сделал вид, что ведёт их через Сирохи, а на самом деле доставил в Джалаур. С таким намерением они отправились в путь в начале ночи. Провожатый сбился с пути, и они ока-

46 зались в болотистом лесу. Многие подданные пали духом, и часть свиты отстала. Поистине, то было наказание за противодействие. В конце ночи, наткнувшись на селение, узнали, что территория эта подвластна Джалауру, и они двигаются в сторону последнего. Его Величество рассердился и сделал там привал на время. Утром в пятницу он отправился дальше. По левую руку показался тигр, и Саиф-хан Кока и Мирзада Али-хан захотели на него поохотиться. Его Величество сказал: «Друзья, поклянитесь пылью своих стоп, что не погонитесь за ним, ибо перед нами стоит другая задача. Не будет пользы нашему делу, если мы сознательно и намеренно предпримем подобное. Возможно, это принесёт вред. Более того, мудрые индусы считают, что появление слева тигра, схожего с этим, хороший знак, и они никогда его не убивают». Этими добрыми словами он удержал сердца, стремящиеся к охоте на тигра, и продолжил путь. Пройдя некоторое расстояние, они узнали, что отправленное загодя войско судьбы прошло этим путём. Шахбаз-хан получил приказ медленно привести свиту, в то время как Его Величество с несколькими подданными поехали вперёд.

Когда знамёна удачи приблизились к Джалауру, послышался бой барабанов, которые, как оказалось, принадлежали отправленному ранее войску. Они достигли Джалаура по прошествии двух смен дневного дозора. Великие военачальники возвысились возможностью проявить покорность. Командующий лагеря дал приказ разместить у себя спутников Его Величества и оказать им гостеприимство. Шахиншах посетил гарем, после чего дал возможность для *корниша* (приветствия). Он приказал торговцам лошадьми, приехавшим вместе со станом, показать свой товар. Те получили хорошие деньги, и многим воинам были пожалованы скакуны. Шахбаз-хану и Камал-хану из Джалаура повелели остаться в лагере, а остальные военачальники отправились с Его Величеством. Когда прошла половина ночи, он сел на резвого коня и в полдень в воскресенье выступил в путь. Привал сделал в Паттанвале. [Шахиншах] какое-то время любовался луной¹⁶ джумада-ал-аввала в этом прекрасном месте, после чего продолжил путь. Он ехал очень быстро и не отдыхал до конца воскресенья (букв. «видел отдых в бдении»). Накануне понедельни-

ка подошёл к городу Диса, что в 20 *косах* от Паттана. Шах Али Ланга¹⁷, управлявший там землями от лица Хан Килана, по недоразумению решил, что это вражеское войско, и запер ворота крепости. Когда же всё понял, был удостоен чести засвидетельствовать своё почтение. Военачальники считали, что Его Величество должен поспешить в Паттан и провести там прекрасный день, дабы отставшие храбрецы смогли их догнать. Падишах не видел необходимости в поездке в Паттан и [информировании] Хан Килана и тех, что там находились. Возможно, они могли по причине долгой службы стать 47 помехой для быстрого продвижения падишахской рати. Кроме того, если о её приближении станет известно врагу, тот может бежать. Много воодушевляющих слов слетело с его уст. Стараниями и докучливостью приближённых придворных Его Величество решил не ехать в Паттан, а направиться в Гуджарат (явно имеется в виду Ахмадабад, столица), быстроногий посланец должен поспешить и привести войско Паттана. Ходжа Гиас-ад-дин Али Асаф-хан отправился выполнять это задание. Властелин Мира выступил в путь с войском удачи в полночь. Утром в понедельник он подошёл к Балисане¹⁸, расположенной в пяти *косах* от Паттана. Тогда же были возвышены засвидетельствованием почтения Хан Килан с войском, а также Вазир-хан, Шах Фахр-ад-дин, Тайиб-хан, Хангар¹⁹ и другие военачальники. Предусмотрительно их направили сюда заранее, ещё до начала беспорядков, и поскольку дорога предстояла опасная, они из предосторожности стали лагерем в Паттане.

На этом отрезке пути завоевательные войска построились в боевом порядке. Мирза-хан, Шуджаат-хан, Сайид Махмуд-хан Барха, Садик-хан с отрядом героев составляли ядро центра, там, где находился особый *кур* [флаг]. Правый фланг заняли Хан Килан и другие храбрецы, Вазир-хан с отрядом отважных воинов защищал левый фланг. Мухаммад Кули-хан Токбай, Тархан Дивана и другие вошли в авангард. Дальновидный разум Шахиншаха предусмотрительно решил самому с группой преданных людей остаться в резерве. И каждый из этой сотни всадников равнялся тысяче.

Их копья пламенели подобно огню, что плавит доспехи,
Меч каждого напоминал бурав, что скалы пробивает.
То были одновременно и лук Рустама, и стрела Араша²⁰,
Стремительные, как олень, охотники за тиграми,
Совершенные в своём служении,
Сметливые в покорности.

В конце дня в понедельник Его Величество выступил в поход из Балисаны (Месаны ?). Шугуна, его особый проводник, спешно отправился в Ахмадабад сообщить гарнизону о приближении победоносной рати и передать приказ приготовиться к битве. Когда войска подошли ближе, силы Ахмадабада вышли и присоединились к ним.

48 Шахиншах ехал всю ночь и по прошествии части дня прибыл в селение Котана, относящееся к провинции Кари²¹. Там он узнал, что отряд вражеских воинов под командованием Раолии²², слуги Шер-хана Фулади, закрепился в крепости²³ и приготовился к сражению. Негодяи явно полагали, что Хан Килан выслал против Кари войска из Паттана. По этой причине они вышли и построились в боевом порядке. В тот же момент Его Величество дал приказ одному из отрядов победоносной рати выступить и разбудить презренных негодяев ото сна. Через минуту значительное число [вражеских воинов] погибло, оставшиеся же укрылись за стенами крепости. Победители уже готовились захватить цитадель, когда подошли знамёна удачи и стали лагерем на городском базаре. Шахиншах призвал опытных военачальников и спросил, как надлежит поступить теперь, когда враг отступил в крепость. Безрассудные и опрометчивые заявили, что необходимо начать осаду. Уникальная жемчужина мудрости и опыта изрекла, что взятие столь незначительной цитадели не даст им никакого преимущества, и все их усилия должны быть направлены на захват мятежников Гуджарата. Если они потратят время на эту крепость, выполнение задачи может затянуться на несколько дней. В этом случае враг прознает о приближении Его Величества и скроется. Вполне очевидно, что крепость без усилия захватят войска, идущие следом. В этот миг

пуля попала в воина, стоявшего рядом с [падишахом], тот испугался и проявил трусость. Когда его осмотрели, оказалось, что пуля прошла сквозь его одежду и там застряла (*сард шуда буд*). Благодаря близости священной личности Шахиншаха она оказалась безвредной.

В день роковой копьё пробивает кольчугу,
Не задевая туники заговорённого.

Наконец, все согласились с тем, что говорил Его Величество. И оставив крепость, продолжили путь. Пройдя два *коса*, Шахиншах приказал сделать привал, чтобы дать войскам передышку. Следующей ночью прибыли с факелами ехавшие следом Мирза Юсуф-хан, Касим-хан и отряд военачальников. Крепостной гарнизон решил, что это особое войско Его Величества, вышел из крепости и бежал без боя. Так слова [падишаха] подтвердились. Утром в среду войско продолжило путь в установленном направлении.

Когда Шахиншах оказался в трёх *косах* от Ахмадабада, Асаф-хан спешно отправился в столицу рассказать, что на обитателей с Божьей помощью надвигается тень правосудия, и военным мужам надлежит с благодарными сердцами и преданностью присоединиться к падишахскому войску. Вот имена военачальников, сопровождавших Его Величество в этом стремительном походе:

49

1. Мирза Хан, наследник Байрам-хана [Мирза Абд-ар-Рахим]
2. Саиф-хан Кока
3. Заин-хан Кока
4. Хусейн Ходжа Абд-ал-лах-хан
5. Джаганнатх
6. Рай Сал
7. Джаймал
8. Джагмал Патвар
9. Ходжа Гиас-ад-дин Али Асаф-хан
10. Раджа Бир Бар [Бирбал]
11. Раджа Дип Чанд

12. Мир Гиас-ад-дин Али Накиб-хан
13. Мухаммад Заман²⁴
14. Бахадур-хан
15. Ман Сингх Дарбари
16. Сайид Ходжа
17. Шейх Абд-ар-рахим
18. Рам Дас Качваха
19. Рам Чанд
20. Бахадур-хан *курдар*
21. Санвал Дас
22. Джадун Каитх Дарбари
23. Сарх Бадахши
24. Давар Бахала
25. Хар Дас
26. Тара Чанд Хос
27. Лал Каланват²⁵

Когда знамёна удачи приблизились к врагу, Его Величество занялся вопросами обмундирования и распределением доспехов. Одним из поучительных событий явилось следующее. Джаймал, сын Рупси, предстал пред царём в тяжёлых доспехах (*багтар*). Милосливый [властелин] испытал к нему сочувствие и приказал, чтобы ему выдали доспехи из его личных запасов, а его [Джаймала] доспехи отдал Карну, внуку Малдео, у которого их вообще не было. Когда Джаймал приехал к Рупси, последний спросил его о кольчуге, поскольку пользовался доверием, и узнав о том, что случилось, то из враждебности, которую испытывал к семье Малдео, а также вследствие высокого качества доспехов и из-за недостатка совести отправил человека потребовать их для себя. Посланник его по глупости потерял страх и доставил сообщение. Властелин горизонтов по величайшей мудрости не обратил внимания на постыдное поведение и произнёс: «Мы дали ему [Джаймалу] взамен наши особые доспехи. Ваше требование неучтиво». Рупси по недоумию снял доспехи и лишил своё тело защиты. Гора спокойствия и сдержанности, способный наказывать безумца, понял, что делать, снял свои латы (и

произнёс): «Поскольку слуги наши решили пойти в бой, который проверит отвагу каждого, без доспехов, нам не пристало терять лицо и участвовать в сражении в кольчуге». Когда раджа Бхагван Дас узнал о недостойном поведении Рупси²⁶, то дал ему полезный совет и налил уксус в чашу его опьянённого разума. Он серьёзно отчитал его, заставил раскаяться и попросить прощения. Тот склонил голову стыда и поспешил ко Двору. Раджа Бхагван доложил, что Рупси съел *банг* (*бханг*) и просит прощения. Милостивый Хедив внял его мольбам и простил содеянное. Оттуда и продолжил свой путь. В этом походе он ехал на коне по имени Нур Байза (Белый свет), раджа Бхагван Дас, поздравляя его с победой в Гуджарате, сказал: «Три знака успеха были явлены, каждый из которых, по мнению умудрённых мужей Индии, — предзнаменование победы. Первый — Вы сели на коня в момент, подобный этому²⁷. Второй — благоприятный ветер дует со спины победоносной рати. Третий — вокруг нас кружит большое количество ворон и соколов». Его слова получили одобрение, и сердца многих присутствовавших возрадовались.

Глава 11

Прибытие [Его Величества] Шахиншаха
в Ахмадабад, вознесение знамён
завоевания и победа
над Мухаммад Хусейн мирзой

Хотя исход деяний и разрешение трудностей отбрасывают блики света на таинственные цели Господа, однако проникательные [мужи] с живым умом, что Господней благостью и приложением [дарованного им] таланта проторили путь в сокрытые палаты судьбы и так ознакомились с тайнами бытия, осознают, что успех в [достижении] целей религиозных и мирских и снятие покрова с желаний — духовных или материальных — зависят от верного намерения, праведного мышления и подобающих действий. И особенно это касается замыслов высокородных правителей. Судьба воздвигает множество препятствий на пути к их целям, однако если удачливые и счастливые взглянут на многообразие своих деяний как на средство укрепления собственного благоразумия, и оценят возвышенное величие царства, и узнают различные типы рода человеческого, и привлекут их [к труду], и станут тем самым украшающим мир, и помыслят, что улучшение внешних условий ведёт к гармонии мира духовного, а не будут, подобно недалёким, считать мирской труд [недостойным] мира духовного и его отрицающим, но признают, что решение внешних трудностей есть утончённейшая форма поклонения Творцу мира, то нет сомнений, что Управитель мира вечного обеспечит исполнение любых их начинаний в наисовершеннейшей форме. Славные труды, для коих человеческих сил недостаточно и которые мирской разум объять не в силах, будут исполнены в кратчайшие сроки. Более того, даже то, чего эти принцы не желали, и

что не нашло пути к их просветлённому уму, Источник мира сущего облачит в прекраснейшие одеяния! Ныне сии возвышенные качества, источник обширных свершений, воплощены в священной особе Шахиншаха в мере, не нуждающейся в восхвалениях почитателей слов, и мера эта превышает то, что в силах постичь человеческий разум. Поэтому упрочение Богом данной власти сего возвышенного владыки и воплощение (букв. «раскрытие лика») замыслов того, кого возвысил Господь, не вмещаются в узкие границы человеческого рассудка. Хотя мне ведомо, что злонравные и недалёкие сочтут сие вступление, преисполненное восхвалений, панегириком обычных пустословов, однако, поскольку в сей книге судьбы на моей стороне — благородное и труднодостижимое право чистого сердца, недобрый взгляд тех подслеповатых глаз не оставит пятна на виске моей души. Дальновидный, друг знания и недруг лицемерия, тщательно изучив записи [деяний] Шахиншаха, обнаружит, что вписанные в свитки эпохи успехи, которые заносит наблюдатель перипетий существования, есть капля в океане и песчинка в пустыне! Особенно это верно для сего великолепного похода, достойного украсить собой [галерею] шедевров великих принцев!

Итак, Владыка Мира в сопровождении немногих подданных, проникнувшись праведным намерением, искренностью ума, высочайшим доверием к Господу и возвышенной отвагой, — а также потому, что даже при самом незначительном внимании к делу за короткое время удалось собрать 300 или 400 превосходных бойцов, — за девять дней совершил переход, столь длинный, что у караванов на него уходит месяц, и, столкнувшись с мятежниками числом более 20 000, одержал над ними победу в день бахрам, 20 шахри-юра, Божественного месяца, что соответствовал среде, 5 джумадал-аввала (2 сентября 1573 г.)¹.

Вот краткий рассказ о сем удивительном предприятии. Когда царские знамёна приблизились к врагу, а гуджаратской армии не было и следа, некоторые из имевших право аудиенции предложили напасть ночью. Его Величество не одобрил этого предложения, ибо оно было связано с обманом.

Ночная атака — дело труса,
Ею пренебрегают герои.

Положившись на Господню волю, он изготовился к битве.
Был дан приказ бить в литавры и [трубить] в горны.

Шум издала флейта войны,
Грохот литавр разнёсся по миру.

Бунтовщики, уверенные в своём превосходстве, осаждали [крепость] всё настойчивее. Они ожидали подхода Шер-хана Фулады. Когда величественный отряд достиг Сабармати, войскам повелили построиться в [боевые] порядки и переправиться через реку. Военачальники ожидали гуджаратскую армию и медлили. В это время показалось около трёхсот лошадей, прибывших из Саркеча, и Его Величество приказал особо [метким] стрелкам, а именно: Салбахану, 52 Кадир Али, Ранджиту и иным из тех, что расщепляют волос, редко бьющих мимо цели, палить по ним. Они бросились к траншеям. Тут же раздался звук труб и барабанов. Некоторые враги решили, что это приближается Шер-хан Фулады, тогда как другие были уверены, что это Хан Калан подоспел из Паттана на выручку Хан Азиму. Мухаммад Хусейн мирза удивился, заслышав шум, и лично отправился за сведениями. Субхан Кули Турк и несколько верных героев покинули расположение войск, [дошли] до берега реки и изучали вражеские позиции. Мирза возвысил голос и спросил, что это за войска. Субхан Кули Турк, желая вселить ужас в неприятелей и посеять среди них раздоры, ответил: «О невежда, узри лично Его Величество Шахиншаха с огромной армией; что проку подниматься и задавать вопросы — поспешай и уводи свои обречённые войска». Хотя сердце мирзы не осталось безучастным к царскому величию — что есть луч Божественной славы, — однако чёрным было соткано одеяние его судьбы, и потому он возразил: «О брат, ты запугиваешь меня, и говоришь ли ты то, что ведаешь сам? Если это действительно так, покажи мне [хоть] толику царских слонов и великой армии. Что за слова ты произнёс? Истина в том, что наши

гонцы покинули царя в Фатхпуре 14 дней назад». Субхан Кули отвечал: «Царь проделал этот длинный путь за 9 дней и прибыл с преданными спутниками». Только злосчастный услышал эти слова и поверил в их истинность, как поспешил в лагерь и начал строить войска. Когда Его Величество узнал, что враг не ведает о его подходе, он в своей безудержной отваге и великодушии к неприятелю некоторое время ожидал, пока быстрые разведчики не объявили, что враги облачаются в доспехи и строятся в линию. Тогда прозвучал приказ переправляться через реку. Хотя могучие [воины] пытались дождаться Хан Калана, однако не преуспели и объявили, что враги многочисленны, и будет разумно оставаться на этом берегу реки, пока не подоспеет армия Гуджарата. Его Величество молвил: «Во всех начинаниях, и особенно в этом, всё моё упование — на Господню помощь. Если бы я рассчитывал на обычные средства, то не отправился бы в сей долгий путь со столь малой свитой. Сейчас, когда враг поднялся и готовится к битве, что толку оставаться на этом берегу». Поскольку неразумие и сомнения в путях и средствах не покидали тех героев, они оттягивали переправу и хитростью удерживали Шахиншаха. Когда этот царственный наездник поля сечи, испытывающий людей, постиг настроения малодушных, забывших о первопричине всего, вскипел океан его непревзойдённого могущества. По вдохновению судьбы он оставил общество тех, чей взгляд скользит по поверхности, и, положившись на помощь Господа, вступил в ту бурную реку с ближайшими слугами, постоянно находившимися при нём.

53

И вновь он предался мщению.
На своём быстром коне он спешил,
Искры из-под копыт скакуна озаряли землю.
Он достиг реки, и запылали глаза рыб.
Смерть стала спутником его копья,
Пасть разинул крокодил зла.

Едва он направил коня в воду, как тот встал на дно, что вызвало восторг у непосвящённых и стало предвкушением радости

победы. В сей миг [падишах] потребовал свой шлем, который перед тем снял и отдал радже Диб Чанду, чтобы тот хранил его при себе. Раджа протянул его, но в суматохе скачки защищающая нос пластина упала на землю. Его Величество рек: «Это — добрый знак для нашего авангарда (*пейгах*)». И возвестил им [свите], что их ждёт победа. В этот миг один из неустрашимых героев положил пред Его Величеством голову мятежника. Это также стало предзнаменованием победы. Царь поскакал дальше вместе с верными приверженцами, и, военачальники, увидев это, отбросили нить расчётов и начали переправу через реку.

54 Мирза по собственному злополучию выступил, чтобы сразиться со своим благодетелем и Царём Века. Вали-хана, сына Джаджхар-хана Хабши, казнённого правосудием Шахиншаха во время первого похода в Гуджарат, он назначил предводителем правого крыла и дал ему некоторое число абиссинцев и гуджаратцев. Мухаммад-хан, сын Шер-хана Фулади, с крупными силами афганцев был отправлен на левое крыло. Шах мирзу, многих бадахшанцев и воинов из Мавераннахра, мозг и кости коих пропитались вероломством до самой соли², на поле боя вёл за собой сам мирза. С мрачными намерениями устремился он к собственной гибели и поднял меч на владыку духовного и земного. Его Величество взошёл на возвышенность в одном косе от реки и размышлял о знамениях победы, как прибыл Асаф-хан, и засвидетельствовал своё почтение, и доложил, что Мирза Кока не подозревал о подходе стягов удачи, а когда известия о прибытии Шахиншаха дошли до него, счёл их шуткой Мир Абу Тураба и иных верноподданных той страны. После многих заверений всё-таки поверил в сие, и теперь войска Гуджарата стянуты и готовятся выступить. [Асаф-хан] не успел закончить рассказ, а царские войска ещё не подошли, как враги появились среди деревьев. Его Величество, положившись на Господа, пошёл в атаку.

Шахиншах, жажда битвы, на коне [скакал]

Подобно пламени, ветром раздутому.

В доспехи облачилась грудь Кира,

Фонтана, питаемого океаном.
Неудержимые герои закованы в броню,
[В ней] сокрыты, словно огонь в железе.
Золотые стяги блистали повсюду
[Словно] светочи, в ночь соблазна указующие путь смерти.
Львы несли узду за уздой,
Пронзающие сердце пики сменялись другими.
Храбрецы, потрясая мечами, держали ряды,
Вздыбили они землю в центре (букв. «у пупа»).

Мухаммад Кули-хан Токбаи, Тархан Дивана и прочие не-
удержимые герои — меткие стрелки, располагающиеся в центре, в
передовом отряде, — устремились вперёд и после недолгой стычки
вернулись. Та скала твёрдости (Акбар) обратился к радже Бхагван
Дасу и передал всем воинам, что враг кажется многочисленным,
однако милость Божья к сему просителю при Дворе Господа превы-
шает то, что в силах представить себе человек. Нашим соратникам
подобает крепко держаться за верёвку Божественной милости и не
поддаваться смущению или тревоге. Да будут они едины сердцем,
ликом и путём, и пусть, избегая розни и не рассредоточиваясь, об-
рушатся на обречённое войско, несущее красные знамёна: ибо, оче-
видно, Мухаммад Хусейн мирза сделал красные знамёна значком
своего отряда. Пусть никто из наших доблестных бойцов не будет
безрассуден в отваге. Когда нам удастся избавиться от вожakov
мятежа, мы без труда одолеем остальных. Немало мудрых и обод-
ряющих слов он произнёс, и каждому своему отряду придал войско
из Божественного сонма.

Из мудрости он сотворил станок ткача³,
Зная парчу и прекрасную речь,
Он основой⁴ сделал душу, а красноречие — тканью,
Из мысли он приготовил краситель, из разума — вышивку.

В своём высокомерии Мухаммад Хусейн мирза отделился от 55
войска и выдвинулся вперёд с отрядом обречённых бродяг. Шах

Кули-хан Махрам и Хусейн-хан указали Его Величеству, что настал час атаковать, дабы надменные были наказаны. Тот, кому ведомы радости пиршества и поля битвы, молвил: «Неизменная и прозорливая мудрость — вечный наставник и охранитель человечества, и ныне, в сей день, эту бесценную жемчужину должно подвергнуть испытанию. Пока расстояние (букв. «пространство вокруг приставной лестницы») (между войсками) велико. Очевидно, что наш отряд очень мал, поэтому — да не допустит Господь — атакуя издали, наши люди могут рассеяться. Труд не будет исполнен должным образом, а доблесть их не будет явлена, и мы утратим осторожность». И поскольку наглядные примеры служат напутствию поверхностных, он сказал: «Если мы сложим ладони и возьмёмся за дело со сжатыми кулаками, то это будет лучше, чем браться за что-то, разжав руки». Произнеся [поучительную] речь, быстро двинулся вперёд, сохраняя, однако, величественный и спокойный вид. Тем самым очевидцам стали ведомы ступени мудрости, и познали они ступени храбрости, а в единении одно сердце стало тысячью. Была вознесена искренность и прославлено практическое [благоразумие]. Взросло знание Господа, и [обнажилась] истинная суть [событий]. Наконец, царские силы также подтянулись⁵, однако расположение и порядок их изменились. Многие малодушные на правом крыле повернули поводя, когда сражение стало жарче. И лишь когда враг приблизился, а сей герой, преследующий тигров, решил идти в наступление, Хапа Чаран⁶ также воскликнул: «Пришло время атаковать». Сие было исполнено без промедления. Владыка Мира и его воинственные и преданные сторонники обнажили мечи и напали. Загремели кличи: «Аллах Акбар» и «Яр Муин»⁷, наполнившие время и пространство (заман-у-замин).

Острия мечей стали облаками, кровь исторгающими,
Мечей блеск был ярче сердца тучи⁸.
Волнение сотрясло разум Времени,
Шум оглушал земную сферу.

Величие Божественного ореола, простёршегося над полем

битвы, не омрачилось тем, что предстояла яростная сеча. После нескольких ударов мечом воины правого крыла Шахиншаха потеснили мятежников. Мухаммад Хусейн мирза отбросил воинов левого крыла царских сил. Решив, что день для него удачен, чуть продвинулся вперёд, остановился и не обнаружил ни следа своих войск. В этот миг подоспели воины с правого и левого флангов [Акбара] и завязали упорный бой.

56

Божественной помощью, неизменно близкой к власти непреходящей и наиболее очевидной на сей раз, явилось то, что в царскую армию [мятежники] пустили *кахак банха* (ракеты)⁹, представлявшие собой разновидность фейерверка, однако благодаря опеке стражей судьбы вред не был причинён, а [снаряд], попавший в колючий кустарник, произвёл такой шум, что один из лучших слонов врага впал в беспокойство и вызвал великую неразбериху [в рядах] неприятеля. Это помогло воинам удачи. Его Величество, немного проскакав вперёд, натянул поводья, дабы оценить происходящее. Открылось странное положение дел. Силы центра ещё не подошли, тогда как остальные войска отеснили главные силы врага. Его Величество находился на поле битвы один, но сражался. За исключением Тара Чанда и Аалам-хана, рядом с ним не было никого из его личной свиты. Очевидно, украшающий мир Господь вложил в каждого заботу о собственной безопасности и ослабил нить разума дальновидных верноподданных. В противном случае множеству преданных героев подобало бы оберегать священную особу, считая близость к Его Величеству наиболее уместной формой почитания Господа и самым насущным из дел царства! Во время этого одиночества — полно, как я могу говорить об одиночестве, если невидимые полки шли по правую и левую руку от него? — оказалось, что Мухаммад Хусейн мирза ведёт бой. Ман Сингх Дарбари¹⁰ выказал доблесть в присутствии Шахиншаха и одержал победу. Рагху Дас Качваха, бывший безоружным, пожертвовал жизнью на глазах Его Величества, а Мухаммад Вафа, муж немногих слов, но многих дел из числа верных чела (учеников), не продававший своих услуг, также выказал храбрость в присутствии Повелителя Земли и, раненый, упал с лошади. Карн, внук Мал Део, также отличился в присутствии [Акбара].

Воины сражались так,
Что сомкнулись рука и ворот.
Кровь смешалась с потом,
Зубами они воспаляли свои раны¹¹.

Хотя в этот день все царские слуги свершили великие деяния, однако те немногие (которых я упомянул) — хотя им и неизвестно было, что Его Величество наблюдает за ними — особенно отличились.

57 Посреди сечи один негодяй ринулся на Его Величество и ударил его коня мечом по голове. Тот встал на дыбы, но Шахиншах обхватил левой рукой его шею и прижал [к земле]. Копьём в правой руке он нанёс презренному такой удар, что оружие пронзило доспехи и проникло в тело. Его Величество попытался вытащить копьё, но тут наконечник его сломался, а противник обратился в бегство. Подскакал другой негодяй и попытался нанести мечом удар в бедро падишаха. Истинный охранитель (Господь) не позволил нанести ему вред, и нечестивец бежал, [устрашённый] Божественным светом. Он [Акбар] проскакал ещё немного, когда рядом оказался другой подлец, направивший пику в Его Величество. Чела Гуджар разделался с ним, ранив его копьём. Хедив Мира украсил поле боя своей храбростью и посреди [огромной] толпы злодеев явил доблесть, которая превзошла подвиги древности.

Герой с палицей и стрелой, дракона сражающий,
Всадник, одолевающий льва и смельчака повергающий,
Орудующий кинжалом, головы срезающим,
Пускающий кровь упрямцам,
Порою он кровь проливал, порою пыль вздымал.
Порой он ранил слонов, а порой людей умерщвлял.

В этот миг с тысячью мучительных переживаний подоспел центр царских войск, ибо Сурх Бадахши, получив рану, из нечестивости и безрассудности прискакал к [этим] воинам и передал дурные известия о Его Величестве. Когда взгляд владыки с сердцем льва

упал на этих воинов, он, в избытке прозорливости и [осиянный] духом мученичества, приблизился к ним и воскликнул: «Храбрые, поспешите и разделайтесь с этими негодьями». Шуджаат-хан и некоторые из числа сих удачливых узнали голос повелителя духовного и земного и, отпустив поводья, поскакали, чтобы уничтожить злодеев. Они отбросили Мухаммад Хусейн мирзу и всех находившихся на том поле бесчестья. Перед тем некоторые из прославленных воинов центрального отряда — а именно Сайид Махмуд-хан Барха, Рай Раи Сингх и Фархат-хан — оставили центр и доказали свою доблесть. Благодаря таланту и удаче Шахиншаха задули ветры победы¹² и расцвели лазурные анемоны. Была явлена великая победа, каковая могла стать прологом к победам покорения мира. Его Величество возблагодарил Господа и, повернув поводья, неторопливо двинулся в Ахмадабад. Он осведомился о бойцах и спросил о причине задержки Мирза Коки и гуджаратского войска. Лал Калавант сообщил, что Саиф-хан Кокалташ пожертвовал своей жизнью и отошёл в мир иной. Сей кладезь милости и источник признательности был опечален этой трагедией, однако овладел собой и подробно расспросил об обстоятельствах. Выяснилось, что Саиф Кока бился в первой атаке подобно Рустаму и одержал победу над противником. Две заметные раны украсили его лик. Со 58 словами «Аджмири, Аджмири»¹³ он искал стремя Шахиншаха (то есть искал Акбара). Хусейн-хан молвил: «Увидев его, я поздравил его с победой и ранами (букв. «с краснотой его лица»), и вслед за тем мы расстались». Выяснилось, что, в то время как Мухаммад Хусейн мирза бился на поле сечи на стороне негодяев, Кока (Саиф-хан) оказался рядом с ним и, проявив великую отвагу, отправился в священные земли (погиб). С той поры как им оказалось пропущено сражение при Сарнале, он, надёжный и [безмерно] преданный [падишаху], постоянно искал смерти. В сей день это вино разыграло в его верной голове, заставив в одиночку броситься на толпу, и так он отправился в свой последний путь. Сей воспитанник мудрости полагал, что источник его жизни — Его Величество, и был стоек в своей верности. Его родители также рассматривали [Шахиншаха] как причину Божественного дара (сына).

Вот какова вкратце та поучительная история: почтенная мать [Саиф-хана] постоянно рожала дочерей. Его отец часто гневался и выражал недовольство. Когда она была беременна тем верным слугой, отец [однажды] разгневался и объявил: «Если и на этот раз будет дочь, я никогда больше не буду с тобой жить». Сия целомудренная явилась к Её Величеству Мириам-макани, рассказала об упрёке (высказанном её мужем) и испросила позволения избавиться от плода, дабы не навлекать подобных порицаний. По пути назад она повстречала [юного] Шахиншаха, и тот, когда узнал, что произошло, произнёс: «Если ты хочешь сохранить нашу привязанность, не вмешивайся. Господь дарует тебе сына (фарзанд), ведомого счастливой звездой». Хотя сия целомудренная дама получила дозволение Мириам-макани, она сочла указание питомца удачи таинственным посланием и воздержалась от своего намерения. То, что сошло с губ знатока тайн, исполнилось.

В пору когда принц проницательных мужей предавался горести из-за трагедии, Зайн-хан Кока, младший брат погибшего, доблестно бился, уложил двоих врагов и нашёл Субхан Кули Турка, покинутого на поле битвы. И явился облобызать стопы (Акбара), когда прослышал о ранах почтенного брата. Движимый привязанностью, он скакал ему на помощь, когда узнал, что положение изменилось (Саиф погиб). Некоторое время он пребывал в печали, а затем утешился царской милостью. По приказу повелителя Абд-ар-Рахман, сын Муийд-бека, был назначен присматривать за [находившимся в горестном смятении].

- 59 В то время когда Его Величество скорбел из-за потери столь верного приверженца и задержки Мирза Коки, гонцы, словно чтобы доставить отраду его вечно юной душе, принесли добрые вести о том, что Мухаммад Хусейн мирза пленён царскими слугами. Он [Акбар] молвил: «Последуй я дальновидной мудрости, то пролил бы кровь такого неблагодарного и тем обрёл бы утешение за трагедию Коки». Но разве был он способен на это, если присущие ему доброта и великодушие заставляли его колебаться в необходимости разорвать узы между духом и телом! Тогда привели к нему того неблагодарного, не ведавшего истину. [Во время сражения] полу-

чив рану на лице, он бежал от величественного сияния Шахиншаха — а также от натиска героев в центре, — и его лошадь угодила в колючий кустарник и рухнула наземь. Гада Али, один из царских бойцов, приблизился к нему и сказал: «Пойдём, я выведу тебя с поля битвы». Тот согласился, и Гада Али посадил его перед собой на коня и доставил в Присутствие [Акбара]. Один из слуг Хан Ки-лана присоединился к нему, когда усаживал того на лошадь. Когда же доставили [Мухаммад Хусейн мирзу] к Акбару, оба требовали награды. Стоявшие рядом с Его Величеством спросили его, как было дело, и тот злополучный, очнувшись, наконец, ото сна небрежения, раскрыл истину: «Соль повелителя земли и религии одолела меня». Когда владыка милосердия увидел негодяя в таком состоянии, океан его милости поднялся, и он отдал приказание, чтобы руки, связанные у того за спиной, освободили от пут и скрепили перед ним и передали его Ман Сингх Дарбари. И тут Шах Мадад, [молочный брат] мирзы, наперсник его вероломства, был приведён к Его Величеству. Шахиншах пронзил его копьём, которое держал в руке, и тот вмиг низвергся в бездны погибели. [Ибо] при Дворе Его Величества [все знали], что Бхупат, брат раджи Бхагван Даса в битве при Сарнале испил чашу смерти из рук этого мужа.

Одной из удивительных милостей Шахиншаха, явленных им в то время, когда он стоял и благодарил Господа, стали суматоха и шум. После расспросов оказалось, что Мухаммад Хусейн мирза спрашивал воды у Ман Сингх Дарбари. Фархат-хан, *чела*, услышав это, ударил того рукой по голове и воскликнул: «Кто приказал дать воды столь вероломному и неверному?» Источник милости и великодушия, узнав об этом, упрекнул Фархат-хана, велел принести личный запас воды и напоить Мухаммад Хусейна. Засиял свет благожелательности, а для разума настал день оживления. Украсилась признательность. Вознёсся стяг прощения и милосердия к грешникам. Засверкала величественная жемчужина его расположения. Прославилась неповторимая драгоценность снисходительности. Подверглась проверке монета человеколюбия. На поле брани было дано удовлетворение. Деяния, подобные этим, изумляют поверхностных, кои пребывают в границах заурядного, однако дальновидные, по

60

читающие духовные ценности и в какой-то мере знакомые с благородными качествами Его Величества, не удивляются этому. Скорее, они рассматривают их [качества] как часть его истинного характера.

Когда с помощью Господа произошли столь удивительные вещи, а Мирза Кока и гуджаратское войско не прибыли, и большая часть дня миновала, Его Величество покинул место стоянки. Мухаммад Хусейн мирза был передан Рай Раи Сингху, дабы тот посадил его на слона и сопровождал в город. В это время, когда множество храбрецов отошло ко сну, отдыхая после трудов и опасностей, а при Шахиншахе находилось около ста человек, вдруг показался большой отряд, насчитывавший более пяти тысяч человек. Воины размышляли и строили предположения, кто бы это мог быть. Многие полагали, что это Мирза Кока и войско гуджаратцев, тогда как иные считали, что это Шах мирза, бежавший в начале сражения и направившийся в сторону Махмудабада. Спустя некоторое время Его Величество объявил, что это приближался мятежник Ихтияр-ал-мулк. Волнение отразилось на челе большинства сопровождавших: у одних — потому что они беспокоились за Шахиншаха, ибо спутников при нём было мало, у других — из-за робости. Крушащий ряды повелитель, испытывающий собственные силы и ярость подобно молодому тигру в мощи своей юности, выказал удивительное вдохновение и, прежде чем обрушиться на врагов, ободрил своих спутников.

Пусть рядом с ним сражается один лишь человек —
Сотни тысяч ему не страшны.
Ведь сам Господь его (Акбара) удачу обеспечил!
Где же место страху перед неприятелем?

61 [Падишах] приготовился к битве, и взошёл на пересекающего мир коня, и произнёс возвышенные и вдохновенные слова. Он повелел бить в барабаны и дуть в трубы¹⁴. Барабанщик находился в таком смятении, что был не в силах ни выслушать царский приказ, ни исполнить свою задачу, пока его не привели в чувство угрозой копья, и [лишь] тогда забил в барабан. Шуджаат-хан, раджа Бха-

гван Дас и несколько других отважных выступили вперёд и разрядили луки. Его Величество же произнёс: «Не спешите, но ожидайте таинственных побед, ибо вскоре они принесут его голову». Во время этого смятения он, по настоянию раджи Бхагван Даса и Рай Раи Сингха, приказал казнить Мухаммад Хусейн мирзу, бывшего причиной мятежа. Когда Всемогущий Господь обрекает человека на гибель, чем поможет ему милосердие и прощение Шахиншаха? Но Единственному из всех творений, за намерения коего ручается Божественное сострадание, подобает быть источником милости и кладезем великодушия.

В отряде [негодяев], выступавшем с [наглой] напыщенностью, по мере приближения [сил Его Величества] росло смятение. С многими людьми Ихтияр-ал-мулк отделился от него и поскакал к берегу спасения из стремнины гибели. Попав в колючий кустарник, вылетел из седла на землю. Сухраб Туркмен, один из царских всадников, издалека прицелился в него и пустился в погоню. Когда тот упал, подскакал и освободил его плечи от бремени головы. Так погиб он [самым] недостойным образом.

Вот краткий рассказ об этом мерзавце. С крупными силами он осаждал Ахмадабад, будучи камнем преткновения на пути Мирза Коки, Кутб-ад-дин-хана и прочих. Узнав о пленении Мухаммад Хусейн мирзы и победе Его Величества, [струсил] и обратился в бегство. Разве есть глаза у слепых духом, и есть ли у них сердечная мудрость, чтоб увидеть крах своих замыслов или постичь собственное благо? Тот злополучный с 200 воинов обрушился на правое крыло Его Величества, а его огромное войско со множеством слонов врезалось в левый фланг Шахиншаха и осыпало прахом поражения собственные головы. Божьей помощью славная победа появилась в зеркале желания. Труд многих тысячелетий был исполнен за девять дней, ибо большая часть первого дня, после того как покинули столицу, прошла в прощании со слугами порога удачи, а день победы, в начале которого Его Величество сделал остановку, не засчитывается. На поле битвы пали 1 200 врагов, а раненых, скончавшихся на полях и лугах и близ дороги, насчитали примерно 500. Почти такое же число составили те, кто был ранен и бежал полуживой.

Время с устами действия (*забан-и-хал*) возликовало и изрекло от-
радные стихи:

Твоей удачей всех врагов твоих
Время ввергло в вечные утраты.
Муж умертвил одного, небесный кинжал воздаяния
Другому горло перерезал¹⁵, а третьего лишил приюта.

62 Как было показано, этот стих служит отражением того, что произошло с недостойными и мятежными братьями. Ибрахим Хусейн мирза скончался, находясь под стражей Саид-хана. Мухаммад Хусейн мирза стал яством пьющего кровь меча на пире гнева Шахиншаха. Шах мирза посыпал прахом гибели свою главу и превратился в скитающегося по пустыне бродягу. Около сотни победоносных витязей царского войска испили шербет мученичества. Во главе сих преданных стоял Саиф-хан Кока. Сухраб, двоюродный брат Садик-хана, Рагху Дас и Тимар Али Джалаир передали монеты своей жизни казначею смерти.

Когда сердце Его Величества успокоилось благодаря поучительной гибели Ихтияр-ал-мулка, он двинулся дальше. День почти истёк, когда показалось ещё одно войско, [идушее] в боевом порядке. Храбрецы поскакали вперёд и приготовились к сражению, как Шейх Мухаммад Газнави обнаружил, что это — Мирза Кока! Царские слуги возликовали, а Его Величество Шахиншах выразил удовлетворение прибытием мирзы. Он обнял его, подобно тому как любящие отцы обнимают верных сыновей. Кутб-ад-дин и прочие военачальники Гуджарата были возвышены, засвидетельствовав почтение, и спросили: чем им отблагодарить за спасение своих жизней? И тогда Сухраб поднёс голову безумного (Ихтияр-ал-мулка), удостоившись восхищения царских слуг. Его Величество простёрся в преданности Господу, и [так] исполнилось то, что сошло с его губ. В назидание народу приказали сложить башню из голов мятежников. На исходе дня Его Величество достиг Ахмадабада, и дворцы гуджаратских султанов прославились его прибытием. Вести о победе помчались в разные края, а гонцы разнесли известия среди

смертных. Музаффар-хану, военачальникам Мальвы и радже Ман Сингху отправили рескрипты с сообщением, что, поскольку одержана полная победа, и Его Величество решил вернуться, им надлежит изъявить почтение в столице. В тех восхитительных дворцах Шахиншах обратился к возвышению верных служителей и деяниям великодушия. Каждого он наделил великими дарами. Высокий и низкий удостоились его милости. Мирза Кока представил, будто кое-кто из учёных мужей и высокопоставленных лиц вступил в сговор с бунтовщиками. Но поскольку, по мнению Его Величества, они были невиновны, с ними обошлись с царственной благосклонностью. Среди них оказался и Шейх Ваджих-ад-дин¹⁶, прославленный [глубокими] познаниями в науках рационалистических и традиционных и следовавший правилам довольства, уединения и духовного совершенствования. Мирза поведал, что в его доме нашли вещи мятежников, и Его Величество спросил: «Каким образом ты оказался причастен к подобным делам?» Маулви ответил: «Причиной стало моё знакомство с ними, и учтивость заставила предоставить им один из моих домов». Поскольку честность его была очевидна, это спасло [Шейха] от бед эпохи. Подобным же образом оказались приведены сыновья Мир Гияс-ад-дин Кадири, так как и в их доме нашли имущество Ихтияр-ал-мулка. Их также спасли прозорливость и благосклонность Хедива Мира. Тогда же привели Шейх Музаффара, родича Абд-ан-Наби и *садра* Гуджарата. Ранее его по приказу Мирзы [Кока] наказали палками за алчность и попытки брать взятки. Представ пред Его Величеством, он оказался в сени его благоволения и безопасности. И так к Шахиншаху приводили многих раненых бунтовщиков, и они спасались благодаря его милости. Затем он проследовал в жилище Итимад-хана Гуджарати и занялся делами управления. Притесняемые получили облегчение благодаря его справедливости, а увядший мир расцвёл вновь.

В то время когда [Акбар] пребывал в обители Итимад-хана, Шуджаат-хан по врождённому неразумию вынес стопу за черту умеренности и совершил безрассудный поступок. Он заговорил о Муним-хане в неподобающих выражениях. Позабыв о должном уважении к возвышенному собранию, нарушил заповеди *тора* (эти-

кет или кодекс) непреходящей власти. Не уважающий старшего, а в особенности — верховного военачальника царских войск, навлекает на себя устный выговор от повелителя, что для благородных умов
64 более сурово, чем удары сверкающим мечом. Соответственно, он получил строгий упрёк и был передан Касим Али-хану, чтобы тот препроводил его к Хан-ханану, который наказал или простил бы — как сочтёт нужным. Это решение относилось не к нему одному, но [предполагалось] станет уроком для всех неразумных при Дворе. В это же время Кутб-ад-дин-хан и Науранг-хан с отрядом оказались посланы в область Броач — ибо Шах мирза бежал в те края — с целью схватить его и подвергнуть подобающей каре. Раджа Бхагван Дас, Шах Кули-хан Махрам, Лашкар-хан и других слуг пришлось отправить с задачей достичь земель *раны* (Партаба из Удайпура) через Идар и подавить междоусобицы в том краю и покарать надлежащим образом всех строптивых. Как и ранее, управление Паттаном доверили Хан Килану. Дандука и Дулка, а также ряд иных областей отдали Вазир-хану в качестве *джагира*, и он был послан в те края.

Глава 12

Возвращение мирозавоёвывающего [Его Величества] Шахиншаха в столицу

После того как распорядительный разум Шахиншаха за 11 дней уладил дела Гуджарата, он двинулся в столицу в *руз-и-руз*, 31 шахриюра, Божественного месяца, что соответствовало воскресенью, 16 джумада-ал-аввала [981 г.х.] (13 сентября 1573 г.). В тот день остановился в Махмудабаде. На следующий [царь] разбил лагерь в городе Дулка. В том отрадном месте оставался один день. Здесь оказал почести Мирза Коке и, напутствовав его мудрыми наставлениями, отпустил. [Его Величество] также возвысил Ходжа Гияс-ад-дина Али из Казвина, *бахши*, славного доброй службой и красноречием и прекрасно воевавшего в ту кампанию, присвоив ему титул Асаф-хана и оставив его в должности *бахши* в провинции Гуджарат, дабы он находился под началом Мирза Коки и помогал в делах управления. В сем месте были исполнены все приготовления для путешествия в Гуджарат, и в день ардибихишт, 3 михра, Божественного месяца, он стремительно прошествовал к столице. За два перехода достиг города Кари и ещё за два перехода добрался до Сатхпура¹.

Там он узнал, что войско, отправленное через Идар под началом раджи Бхагван Даса, достигло города Бадхнагара², а Равалия, *гулям* Шер-хана Фулади, укрепивший Кари во время похода Его Величества в Гуджарат, по-прежнему дышал неповиновением (в Бадхнагаре). На следующий день Его Величество остался там же, дабы узнать, нуждается ли тот (Бхагван Дас) в его помощи. Когда

65

выяснилось, что крепость взята, а Равалия, облачившийся в одеяние йога, пойман, Его Величество немедленно выступил. Достигнув Си-рохи, он оставил там Садик-хана с несколькими преданными спутниками, с тем чтобы они оберегали мир и подавляли мятежников.

В день сарош, 17 михра, Божественного месяца (или 27 сентября 1573 г.), он прибыл в Аджмир и посетил гробницу Ходжа Муин-ад-дина. Прислуживающие при ней и нуждающиеся были благодетельствованы Его Величеством. На исходе следующего дня по приказу обоз двигался медленно, переход за переходом, он же поскакал подобно ветру. [Шахиншах] провёл в пути остаток того дня, целую ночь и до конца дня следующего и оказался близ Ба-кара³. Здесь раджа Тодар Мал, спешно призванный из столицы, обрёл счастье засвидетельствовать почтение. Затем названный был отправлен с повелением разрешить затруднения в Гуджарате и т.д. Ему наказали решать всё по справедливости, не уделяя внимания непомерным людским притязаниям, и посылать донесения ко Двору, дабы чиновники предпринимали в соответствии с ними меры касательно воинов и подданных.

Словом, в начале вечера он сделал краткую остановку в селении Невата, где расположен дом Рам Даса Качваха, исполнившего по отношению к нему долг службы. После полуночи он вновь сел на своего быстрого коня и вечером прибыл в Ханс Махал. Не остановившись там, продолжал путь всю ночь и следующий день. В воскресенье отдыхал в *паргане* Тода. Когда оставалась единственная стража дня, тронулся в путь и после полуночи достиг Басавара. Там Ходжа Джахан и Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, прибывшие из столицы, чтобы приветствовать его, изъявили ему почтение. Они сопровождали его на протяжении оставшегося пути и на рассвете въехали в город Баджуна. Там он оставался некоторое время. Затем было приказано, чтобы победоносные герои, входившие в свиту, взяли копыта или пики наперевес и так продолжали путь в столицу.

66 Когда истекли полторы стражи дня бад, 22 михра, Божественного месяца, что соответствовало понедельнику, 8 джумада-ал-ахира [981 г.х.] (5 октября 1573 г.), Шахиншах направился в столицу. В тот день великое число военачальников и знать поспешили выйти ему

навстречу, и окрестные земли наполнились [людьми] высокими и низкими. Его Величество достиг Фатхпура, когда оставалась одна стража дня. Свежая влага заструилась по каналам, и мир превратился в орошаемый сад! Их высочества *бегим*, принцы и дамы-затворницы, ошастливленные Высоким Присутствием, лицезрели Его Величество. Безмерно рассыпались щедроты. Очи тоскующих наполнились светом, а в сердца ожидающих вошла радость непреходящая. Божественной помощью поход [Акбара] в тот отдалённый край (Гуджарат), его завоевание, умиротворение и возвращение вместились в 43 дня.

Где тот блестящий писатель, что дал бы достойное описание чудес сего назидательного похода? Когда [даже] очевидцы были преисполнены изумления, как могут описать его знающие о нём [только] понаслышке? Дарующий справедливость *Хедив* в подобную пору успеха, верша столь удивительные дела, одно из тысячи которых обратило бы могучих мужей стародавних времён к высокомерию и плотским утехам, держал себя вопреки духу своего века и [духу] смертных и становился лишь более скромным, всё более почитая *диван* справедливости, и обратился к совершенствованию духовному. Он просветил мир благородными принципами и мудрыми поступками. Великие люди и военачальники государства прибывали из различнейших уголков царства, и изъявляли почтение, и обретали желаемое. Не прошло и месяца, как ко Двору явился раджа Бхагван Дас с войском, которое Его Величество отправил по дороге, ведущей к Идару. Он сослужил добрую службу, и репутация его ещё более упрочилась. [Раджа] привёз с собой Умру, сына и наследника *раны*⁴, а также Равалию, попавшего в его руки при захвате Бадхнагара, для изъявления почтения, и он (Бхагван) был осыпан царскими милостями.

Вот краткий рассказ о походе той не знающей поражений армии. Она быстро взяла мощную крепость Бадхнагар и двинулась затем в направлении на Идар. Его заминдар Нараин Дас Ратхор⁵ счёл прибытие царских военачальников великой честью и вышел приветствовать их. Он поднёс подходящие дары; а когда победоносное войско достигло Гоганды, резиденции *раны*, рана Кика вы-

разил стыд и раскаяние в своём прежнем поведении и постоянном небрежении к службе и, изъявив покорность, предстал перед раджей Бхагван Дасом. Он [*рана*] также пригласил того в свой дом и принял его с почётом и радушием. Вместе с ним послал своего сына и наследника и передал, что по велению несчастливой судьбы жажда одиночества (*таваххуши*) охватила его, и потому он подаёт своё прошение через раджу и посылает сына в знак почтения. С течением времени, когда его скорбное (или невоспитанное) сердце смягчится, он прибудет сам и лично засвидетельствует покорность. Через некоторое время прибыл и раджа Тодар Мал из Гуджарата и изъявил почтение. Он передал в царские архивы исправленные соглашения (*джама манакка*) тех земель. *Рана*, направляясь куда-то, также посетил его и выказал покорность и лживость.

Одним из событий стало прибытие Музаффар-хана и назначение его на высокий пост *вакила*. Хотя подобный светоч престола царства и веры [то есть Акбар] не нуждается ни в *вакиле*, ни в *ви-зире* — ибо его дальновидный талант возлагает на себя ответственность за все обязанности управления, — однако Его Величество, либо с намерением сокрыть себя, либо из смирения пред Господом, или же чтоб возвеличить достоинство верных слуг, время от времени передаёт обязанности управления одному из придворных. Таким образом, ныне он рассудил, что на должность *вакила* вновь необходимо назначить Музаффар-хана. В Гуджарате было приказано, чтобы Музаффар-хан, где бы он ни находился, отправился в путь и явился, когда победоносные стяги достигнут столицы. Музаффар-хан взял с собой Халдин-хана, Мирак-хана Кулаби, Шах Кули Майманди, Ходжа Шамс-ад-дина и прочих из войска Мальвы и двинулся в Гуджарат. Близ Уджаина соединился с раджей Ман Сингхом, направляющимся из Качивара в Гуджарат. Ходжа Шамс-ад-дин Хавафи⁶ сообщает, что два *сеора* (аскеты-джайны), обратившись к астрологии, узнали и объявили, что войско вскоре вернётся. Музаффар-хан, чтобы проверить их, приказал временно взять их под стражу. В городе Дхуб⁷ от Асаф-хана и Касим Али Систани были получены письма с сообщением, что Гуджарат завоёван доброй удачей Шахиншаха, а мятежные и строптивые скинуты с высоты

самоуверенности в бездну гибели. Также вышел *фирман* с приказанием, чтобы военачальники остановились там, где есть, и изготовились к маршу в столицу. [Все] изумились проницательности тех двух отшельников. После ликования, вызванного добрыми известиями о победе, войско повернуло назад. Ман Сингх направился в свои владения, а Музаффар-хан всё ещё отдыхал в Сарангпуре, когда пришли известия, что царские знамёна достигли столицы. Музаффар выступил с чрезвычайной поспешностью и засвидетельствовал почтение в день аниран, 30 абана, Божественного месяца. Его приняли с царственной благосклонностью и назначили на высокую должность *вакила*. Свои дарования он направил на ревностное исполнение обязанностей в сфере финансов и управления. Когда же приступил к своим прежним задачам и исполнил добрую службу благодаря удаче Шахиншаха, его око, по злополучию, выпустило из виду величественную поддержку ниспосланной Богом удачи и помнило только о себе. Он пристрастился к лишающему разума вину мирского успеха и каждую удачу в [делах] управления приписывал теперь собственным способностям. Он захватил управление внешними делами, а поскольку Владыка Мира, чтобы сделать ему приятное, даровал [Музаффару] титул *вакила*, сей скудоумный постепенно возомнил, что достоин сей службы, и его высокомерие возросло. Он не понял причины небрежения Шахиншаха и его снисходительности (букв. «взгляда сквозь пальцы»), а устремлял взор [лишь] на себя самого и стал самонадеян. В конце концов встал вопрос о клеймении (*сахн-и даг-и-сипахи*), и поскольку он охмелел от вина самоуверенности, а разум его покрылся ржавчиной, то не вник в суть [дела] и позволил себе безрассудные замечания.

Вот сжатый рассказ об этом. Святой разум Его Величества опечалился, когда открылось, что меж господами и слугами возникли противоречия. Ибо недостойные и продажные чиновники, не имеющие ни частицы разума, ни верности, привыкли считать, что их выгода заключается в ущербе для других, и частенько допускали несправедливость, неразборчивость и небрежность. Это вело к тому, что слуги в случае малейших осложнений посыпали главу пеплом вероломства и уходили к иным господам. Во тьме своего разума они

не понимали низости неверности. Господ и военачальников также обуяла алчность, и они, жаждая накопить богатства, пренебрегали охраною собственной чести. Слугам своим они постоянно отдавали [лишь] ничтожную часть, а честь променяли на серебро и золото (*дирхам у динар*). Мироукрашающий разум Шахиншаха, который — с целью сохранить покров — отстранился от раздачи должностей, пенсий и жалованья — что является наипервейшей задачей великих правителей, — решил поднять сию завесу и уладить означенные дела в свете собственного дальновидного разума. Соответственно, им издан указ о клеймении, о превращении территорий империи в коронные земли и учреждении рангов чиновников. [Его Величество] решил, что ему надлежит прибегать ко всем этим мерам в зависимости от постоянства, службы, верности, бескорыстия и энергичности чиновников. Поскольку духовные начинания всегда оказывались важнее, нежели дела внешние, и поскольку он не нашёл советника или помощника, сведущего в этом деле, то несколько раз обсуждал сей вопрос с ближайшими участниками священных собраний. Раджа Тодар Мал любил рассказывать, что эта добрая идея посетила [именно] его ум, и только по скудоумию остальных она не пришла им⁸. Разумеется, большинство воинов [в случае реформы] сохранят верность, а их преданность лишь возрастёт благодаря такому решению. Однако было весьма вероятно, что Муним-хан и Музаффар-хан не одобряют этого плана.

Когда Музаффар-хан стал вершителем дел при величественном Дворе, этот проект был предложен его вниманию, однако тот, вследствие самообольщения и неразумия, проявил нежелание воплощать в жизнь священные установления и утратил благосклонность [Акбара].

Глава 13

Второй поход войска Его Величества [Шахиншаха] в Бенгалию и Бихар и наказание недостойных и строптивых

Весь запас неиссякаемой энергии владыки нашей счастливой эпохи направлен на то, чтобы дать возможность уроженцам любой страны — великим и малым — поклоняться Господу в соответствии со своими устремлениями, и создать гармонию меж обстоятельствами внешними и внутренними, и устроить всё так, чтобы они [люди] не возносили стопу за пределы своего ковра и не предавались самолюбованию и самовозвеличиванию. Скорее, им надлежит подняться чуть выше сей ступени и стать [более] собранными — дабы, не заслужив именованья невежд, они не снискали также репутации тунеядцев и глупцов! В каждой стране, куда Его Величество водил свои войска, и в каждом племени, оказавшемся под сенью его мирозавоёвывающей армии, единственной его целью было улучшить состояние той страны или привнести культуру в то племя. Соответственно, в пору когда Сулейман Карарани управлял Бенгалией и Бихаром, он никогда не забывал о своём положении и изъяснял покорность, и Его Величество рассматривал такое внешнее подчинение как истинное послушание (букв. «покупал его по цене истинной покорности»), и потому то племя (афганцы) не подвергалось ударам победоносных войск Шахиншаха. И хотя того (Сулеймана) из-за внутренней его греховности ожидала кара в преддверии адовом, однако — поскольку в глазах Мудреца Века (Акбара) внешняя праведность способствует внутренней упорядоченности и красоте — его [Сулеймана] внешнее одеяние (покорности) стало сред-

70

ством спасения [родного] племени. Когда же он скончался и настал час ведомых злой судьбой, охмелевших юношей, пренебрегавших сохранением внешних приличий, — и особенно когда управление теми землями перешло к Дауду, младшему сыну Сулеймана, — разодрана была завеса лицемерия, и тот вознёс стопу за пределы своих возможностей и превратился в источник неурядиц в стране. Кое-что об этом уже рассказывалось. Талант Шахиншаха обратился к усмирению того племени и улучшению положения подданных. Хотя тот (Дауд) заслужил наказание раньше назначенного ему срока, однако в согласии с заповедью могущественной власти — предпочитать великие дела малым — сия задача, весьма заурядная, оставалась за завесой отсрочки. Теперь же, когда разум Хедива Мира освободился от [забот] о мятежниках Гуджарата, он обратил свой лик к улучшению положения в восточных областях и ниспровержению твердолобых и надменных, там обретающихся. Достигнув столицы, послал [туда] Лашкар-хана Мир Бахши и Пармананда, родственника Тодар Мала, на коего было возложено управление флотом — военных кораблей с пушками и командой, вместе с этим флотом, а верховным военачальникам и держателям земель сурово предписал действовать в согласии друг с другом и не отступать от указаний Муним-хана Хан-ханана.

Удивительной особенностью удачи нашего повелителя является то, что противники его сами исполняют труд, который царским слугам не свершить при помощи тысяч усилий. Ещё одно доказательство тому получено, когда Дауд казнил Луди-хана. Изощрённый в хитростях и имевший ум, гораздый на планы, будучи средоточием разума восточных областей, тот немало способствовал делу афганцев. Не без вмешательства возрастающей день за днём удачи Шахиншаха он стал противником Дауда, вознесённого им. Уже было поведано, что Дауд умертвил собственного брата во втором колене — сына Тадж-хана — и возмутил ум Луди, а Муним-хан избежал великой опасности. Поскольку тот (Луди) не установил истинной связи с властью непреходящей (с Акбаром), а на внешнем плане поссорился со своим благодетелем, его разум¹ оказался для него препятствием, и афганцы от него отвернулись. Стараниями Катлу, Гуджара, Шамс-

хана Мусазаи, Исмаила Силахдара и других Дауд укрепил Гархи и открыл ладони, чтобы раздать сокровища Сулеймана. [Мужии] недалёкие и нрава легкомысленного объединились вокруг него, а Луди, тщетно полагавшийся на своё мастерство и своих безрассудных и хвастливых сподвижников, лишился поддержки и укрылся в крепости Рохтас. Дауд двинул на него войско, которое прибыло к Рохтасу. Поскольку Луди пребывал в отчаянном положении, он обратился к величественному Двору и запросил помощи у Муним-хана. Хан-ханан послал Хашим-хана, Тенгри Кули-хана, Бари Тавачи-баши² и Маулана Махмуд Ахунда с отрядом для [оказания] ему помощи мечом и советом. Сам же двинулся вперёд, дабы Луди мог прибыть и побеседовать с ним, и тогда дела Бенгалии и Бихара были бы легко улажены.

71

Вести о таком положении дел дошли до Его Величества, когда тот пребывал в столице, и устами свершения он предрёк добрые вести об успехе похода. Шахиншах уделил часть своего внимания облегчению завоевания той страны. Хотя для сей службы было выставлено крупное войско, однако не каждый имеет такой нрав, чтобы исполнять свою службу одинаково хорошо, независимо от того, держат его под наблюдением или нет. Чтобы подстегнуть робких и людей торгашеского склада, которые считают службу без вознаграждения и какие-либо усилия без их оплаты ущербом для себя и жаждут скорейшего воздаяния, назначили раджу Тодар Мала, прославившегося при Дворе верностью, надёжностью и учтивостью. Ему повелели следить, чтобы воины шли в бой, и не выпускать их из вида, дабы люди двух названных категорий полагали его наблюдателем, и не впали бы в расслабление или дрязги — к чему склонна их природа, — и считали отсутствующего (Акбара) присутствующим, и исполняли бы свой долг, как подобает верным слугам.

Муним-хан Хан-ханан достиг берега Тирмохини³, что образована слиянием рек Сару, Ганг и Джамна, когда подошёл Тодар Мал, и с пылом взялся за дело. За короткое время была собрана крупная армия. Военачальники её назначены следующим образом: центр возглавлял Хан-ханан; Маджнун-хан, Баба-хан и иные командовали правым крылом. Мухаммад Кули-хан Барлас, Кийя-хан,

Ашраф-хан и прочие повелевали левым крылом. Хан Алам, Мирза Али и другие находились в передовом отряде. После того как раджа осмотрел войско, Лашкар-хан и многие слуги Хан-ханана пересекли реку. Низам, под началом которого были крупные силы афганцев — так как перед царской армией находился недавно возведённый форт, обратился в бегство. Тогда же пришли известия от Тенгри Кули и подоспел отряд, отправленный с ним; [в депешах] сообщалось, что Луди отпустил их, и примирился с Даудом, и приготовился к битве, и ведёт многочисленное войско. Хотя сии известия несколько смутили поверхностных, вечная удача (Акбара) возрадовалась им и увидела в них возможность завоевания. Поэтому тайна этого непостижимого соглашения (*мансуба*) впоследствии открылась.

72 Чтобы не тратить слов [скажу, что] уловки Дауда, советчиками коего выступали Катлу и Гуджара, сбили Луди с пути. Дауд велел передать (Луди) следующие слова: «Ты — преемник Сулеймана; если по причине любви к этой семье ты разгневался на меня и ушёл, то исполнил свой долг, и я не питаю злых чувств к тебе. Во всех своих начинаниях я ищу твоей поддержки. Ныне, когда мощные армии выступили против меня, препояшь же чресла на битву по своей несравненной доброй воле, которую ты всегда изъявлял; я передам под твоё начало войска, казну и пушки». После долгих переговоров при посредничестве Гуджара между Даудом и Луди был достигнут мир. Дауд улестил его и послал вперёд. Несколько дней спустя Дауд по своему злополучию сошёлся лицом к лицу с победоносным войском, возвёл крепость и начал военные действия. На берегу Соны не прекращались схватки, из которых царские слуги выходили с неизменным успехом. Храбрецы пересекали реку и завязывали бой. Однажды через реку переправился отряд под командованием Лал-хана, посланный против Джарандакота⁴. Он действовал энергично, и четырнадцать вражеских судов перешло в его руки. Множество бунтовщиков было убито, а сын Лал-хана отдал свою бrenную жизнь на службе повелителю и снискал вечную славу. Лишь тогда афганцы пали духом, и стало известно, что Луди-хана убили.

Обстоятельства этого таковы: когда Луди, утратив подозрения, активно повёл военные действия, Дауд отправился следом за ним и прибыл в дом Джалал-хана Гидхаурийя (?)⁵. Он послал гонца, чтобы пригласить к себе Луди, Калу и Пхула, бывшего *вакилом* Луди, [под предлогом] необходимости беседы. Луди отправился без малейших опасений, а с ним и Пхул, но Калу не пошёл, заявив, что это приглашение выглядит подозрительно. Вначале Дауд почтительно беседовал с Луди, а затем вышел. Тут вошёл Катлу с прочими [воинами], чтобы арестовать их. Слуга Луди, державший его (Луди) меч, увидев, что затеяно предательство, замахнулся на Катлу, но был порублен на куски. Луди взяли под стражу, и среди афганцев начались волнения. Все военачальники оказались единодушны в том, что его следует казнить. Дауд спросил названного, как ему поступить. Тот ответил: «Не оскорбляй меня в моём достоинстве и чести; ныне, когда по наущению недалёких я впал в это зло, мне надлежит обрести отдохновение в сокрытых палатах погибели». Негодяи в своём безумии подсекли собственную мощь, предав его и Пхула смерти. То, что Луди таким образом устранили усилиями врагов — а избавиться от него [иначе] было бы сложно при помощи тысяч ухищрений, — стало знаком ниспосланной Богом удачи. Исмаила, сына Луди, доставили доброжелатели к Хан-ханану. После чего последний переправился через Сону. Из-за чрезмерной осторожности и словес недалёких болтунов лёгкая задача усложнилась. Умерщвление Луди явилось причиной таких раздоров среди неприятелей, что если бы царские военачальники показали энергию и решимость, та задача решилась бы легко и быстро. Однако поскольку исполнение сего дела назначалось на особое время и [требовалось] прибытие Его Величества, вместо стремительности заговорила осторожность. Все воины облачились в доспехи и уселись в седло, а раджа Тодар Мал, Лашкар-хан и Итимад-хан евнух отправились вперёд и выбрали место для лагеря. Ту территорию передали воинам, и спустя короткое время здесь воздвигнули мощную крепость с глубоким рвом. И таким путём бдительности и предусмотрительности они следовали, пока не подошли к Патне.

Благодаря возрастающей с каждым днём удаче Шахиншаха

Дауд, имея такую армию и вооружение, трусливо отступил и заперся в крепости Патна. Собственной стопой он снизошёл в горнило гибели! Царское войско установило пушки и обложило город. Сообщение о Божьей помощи вместе с подробностями о растущей удаче Его Величества полетело ко Двору. Благодаря сим депешам возносились новые благодарения [Господу]. В Агре Шахиншах небосклона порадовал род людской царскими милостями и наставил их в поклонении Господу и [праведных] привычках. Он явил чудеса щедрости и милосердия, а также приложил все старания для внешнего развития и духовного продвижения. Вопреки обыкновению большинства принцев эпохи благодарность Господу он изъяснил языком деяний. Чужеземные края (*виляят*) возвёл в то же достоинство, что и Султанат, и сделал одинаково значимыми (*хамсанг*) сидящего в пыли и восседающего на престоле.

Одно из прекрасных качеств Шахиншаха, явленных в это время, обнаружило себя, когда ему донесли, что Саиф-хан Кокалташ, отправившийся в мир непреходящий, после того как сослужил добрую службу и выказал верность, а также Шейх Мухаммад Бухари, претерпевший благородное мученичество во время первого похода в Гуджарат, оставили после себя большие долги. Дары царской щедрости сняли обязательства с тех верных, ибо их значительные долги были выплачены целиком, и скорбящие сердца кредиторов успокоились. Возвышенные речи и превосходные законы неизменно исторгались тем источником прозорливости и кладезем красноречия. Если бы верное перо записало образцы таковых, то — вне всякого сомнения — простодушные обвинили бы хронистов в преувеличениях. Хотя святая душа Шахиншаха не осквернялась обычными науками и обрётённым знанием, однако, поскольку в его священный разум абсолютный свет нисходил без человеческого посредничества или без общения с людьми, тот источник избытка изрекал святые слова интуитивно. Соответственно, некоторые из тех возвышенных речений будут приведены в заключение сего благородного тома.

Одно из таковых прозвучало, когда он в одну из пятниц присутствовал в Джама Масджид в Фатхпуре и лицезрел толпу мнимых почитателей [Аллаха]. Речь произносил маулана Абд-ар-Рах-

ман, проповедник, недавно прибывший из Мавераннахра. Во время проповеди он отметил, что родители Пророка были неверными, а потому им грозит преисподняя. Его Величество же произнёс: «Я полагаю, что это утверждение неверно, ибо если (Пророк) вступился за столь многих, то как могут быть исключены и приговорены к вечным мукам его собственные мать и отец?» Собрание разразилось аплодисментами и изъявило ему преданность.

Заметным событием стало празднество в честь обрезания славных принцев. Поскольку поддержание давних традиций образует мощный столп власти и следование по стопам предшественников — существенный момент в управлении внешним миром, и во многом потому, что носители чадры и тюбанов полагают Обычай и Традицию сопричастными Божественным законам, но прежде всего потому, что правители ищут поводов для празднеств и пользуются ими для [проявления] щедрости и снисходительности, Его Величество решил отметить обрезание принцев. Мужей способных и усердных назначили для организации сей восхитительной встречи. Распахнулись врата щедрости, были подготовлены источники ликования, и открылся блистательный базар даров. Хмель, что украшает мудрость, одолел уединённых ценителей мелодии. Силой необычных музыкальных переливов недуг печали покинул беспокойный разум участников пиршества любви. Желудки желаний тех, кто жаждал яств, наполнились. Устремлённые снискали успех. Радость покинула сокрытые пиршественные залы и вступила в палаты для открытых приёмов.

Мудр, щедр и великодушен —
[Он] ангел в обличье человека —
Широко он раскинул ковёр во дворе,
А улыбка его безмерное счастье дарует.

В день азар, 9 абана, Божественного месяца, что соответствовало четвергу, 25 джумада-ал-аввала (22 октября 1573 г.), те трое — священна их природа! — прошли через обряд обрезания и стали питомцами, украшающими собой сад Надежды.

Унёс ли ветер розы лепесток,
Иль же бутон сорвал завесу с лика своего?³
О нет: когда созрел древа желания плод,
Раскрывшийся цветок сорвался с ветки.

Мир обрёл приятность для малых и великих. Такая возможность для раскрытия сердца представилась правителю духовному и земному, который, не нуждаясь в поводах, постоянно бросал сокровища за пазуху бедным и сирым. Проницательный в силах вообразить, сколь великолепная щедрость была явлена! Сплетающий гирлянды века (Акбар) внешне украшает творения, внутренне же держится близ несравненного Господа, а сердце его украшено стиранием знаков [земного] существования.

Благой Господь! Непревзойдённый его талант —
Мудрость — сделал частицей его природы.
Не в силах я понять ни капли его щедрости,
Не в силах я узреть ни частицы его света.

Одним из приносящих счастье и благостных деяний стало взвешивание [Акбара] напротив драгоценных предметов [на другой чаше весов]. Народ был осчастливлен дарами и милосердием.

Он — шах, в его сердце — мощный талисман,
Девять сокровищ небес⁶ не перевесят его тела.
Его утончённость такова, что его не взвесить,
Если не положат оба мира на вторую чашу весов.

Глава 14

Отправление принца Султан Салима в школу

Мудрый повелитель держал детей под личным присмотром и не назначал им опекуна и постоянно обучал их самым превосходным образом; [даже] в стародавние времена немного сыщется подобных примеров. Их священные умы просветлялись науками день за днём. В ту пору, несмотря на то что свет сада удачи (Салим) неизменно обретал различные совершенства, внешние и внутренние, в обществе Его Величества и окружении Шахиншаха, а просветлённое сердце сего букета расцвета верховной власти восходило по ступеням просвещения благостью священной души падишаха и его возвышенными намерениями, и, хотя он изучал установления справедливости и любви к подданным, а также правила улаживания споров, согласно которым на друга и недруга надлежит взирать одинаково бесстрастно, и, хотя он познал тайны духа и ознакомился с чудесным очищением сердца, и сему питомцу удачи не было нужды отправляться [куда-то], чтобы стать учеником, однако издавна повелось, чтобы прозорливые правители отдавали своих даровитых отпрысков под надзор учителей, наделённых познаниями внешними и внутренними, дабы те, слушая и видя их [учителей], а также во время прогулок и бесед развивали бы свои качества, и чтобы благодаря общению и речам таких учителей уроки, полученные ими в священном Присутствии (их отца), закрепились бы у них в голове — даже если Присутствия [отца], казалось бы, нет. Другая причина заключается в том, что сия служба даёт способным

76

мужам эпохи возможность подняться из пучины нищеты, и сие занятие может стать путём обеспечения их благосостояния и достатка. Тем самым также предоставляется возможность заступничества за страдающих и преступников. Ибо в той же степени, в какой при этом величественном Дворе усмирение и наказание мятежных и своевольных образует основу правления смертными, настолько же украшается царство снисходительностью и прощением ошибок. Повелители мира не в силах прощать, когда ими владеет ярость. Вот почему дальновидные правители всегда выбирают несколько честных слуг и вручают им право перенимать бразды правления на время, когда поднимается гнев, и дают им возможность спасать виновных путём ходатайства. Ибо если на человеке нет вины, то такой заступник исполняет религиозный долг и спасает своего хозяина от несправедливого указа. А если он действительно виновен, то — ведь [душа] человека в основе своей образована грехом, забывчивостью и заблуждением — проступки многих виновных были смыты водами прощения, ибо несравненно величие человека¹; а когда бурлит ярость, никакое расследование или рассмотрение невозможно. В число обязательных традиций правления входит необходимость для каждого владыки — в соответствии с положением его — избрать себе слугу или иного человека, который занял бы это место и обладал бы такой твёрдостью, чтобы в подобные критические моменты явить мужество и произнести слова истины. По этой причине — а также иным, ведомым и понятным для мудрых и проникательных, — повелитель земель и религии постановил передать луч лампы славы и драгоценный камень диадемы Халифата — принца Султан Салима, ученика Божественной школы, — одному из прямодушных и его руководству. Маулана Мир Калан Карави, славящийся знанием наук открытых и тайных, был почтён сей значительной ролью. В день хирдад, 6 азара, Божественного месяца, что соответствовало среде, 22 раджаба² (18 ноября 1573 г.), устроили великий пир, и святая душа сего ученика ока владычества, в которую благоухание Божественного содействия вложило стремление к возвышенному знанию, приступила к [ученичеству]. Масло обучения ещё более усилило яркость того сияющего светоча врат Халифата. Исполне-

ние сего великого замысла началось со святым именем Господа [на устах], и раскрылись врата Божественных щедрот. Вслед за тем он приступил к буквам алфавита³, образующего основу учения и центр видимых явлений, и так началось его восхождение к вершинам знания. Святые и утончённые мужи, а также верные слуги Двора произнесли поздравления, и высокие и низкие изрекли слова молитвы.

77

Отраднейшим происшествием сего славного года стало благословенное прибытие затворницы Двора целомудрия, благородной дамы Хаджи бегим. Вернувшись из священных мест (Мекки и Медины), она, несмотря на узы любви меж нею и Его Величеством, избрала в качестве своего пристанища Дели. И поселившись неподалёку от могилы Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни, посвятила себя благотворительности. В сие время, когда были одержаны победы в Гуджарате и состоялись великие празднества, в день марисфанд, 29 дая, Божественного месяца, она пришла с поздравлениями. Его Величество вышел приветствовать её — дочь дяди по линии⁴ матери Его Величества Джаханбани Джаннат-ашияни. Их отпрыском являлся Аламан мирза. Его Величество Джаханбани Джаннат-ашияни питал к ней огромное уважение и [глубоко] почитал её. Я слышал, как Шахиншах говорил: «Расположение и привязанность ко мне, доказанные ею, и моя любовь к ней неописуемы. Все, кто не знал истины, считали её моей матерью. На шестом году меня мучила зубная боль. Сказав, что у неё есть испробованное ею лекарство, она удалилась, чтобы принести его. Её Величество Мириам-макани, будучи воплощением осторожности и предусмотрительности, со страхом подумала о последствиях, однако ничего не осмелилась сказать из почтения к Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни. Поэтому она хотела забрать меня к себе домой, но я не желал покидать ту женщину (Хаджи бегим). И когда принесла мне снадобье и поняла общие опасения, она из любви ко мне глотнула немного, хотя на этот счёт не было никакого приказа, а затем потёрла мне зубы этим лекарством. Умы незадачливых успокоились, а боль моя утихла».

Стоит отметить отправление Сайид Махмуд-хана вместе с иными сайидами рода Барха, а также Сайид Мухаммадом из Амро-

хи и значительного отряда храбрецов на земли Мадхукара⁵, строптивого и непослушного. Сайиды повели себя отважно и навели в том краю порядок. Мощь неугомонных мужей тех земель оказалась подорвана. Вскоре после того скончался Махмуд-хан.

78 В том году Мир Мухсин Ризави из Мешхеда, посланный с посольством в Декан во время первого похода в Гуджарат, привёз дары от правителя Декана и заверения в покорности. Вот краткий рассказ об этом. Когда Мухаммад Хусейн мирза и некоторые негодяи бежали в Декан, Его Величество счёл необходимым послать к правителю Декана способного мужа, чтобы дать ему совет и направить на путь верности, дабы он прислал мятежников ко Двору или изгнал их за пределы своей страны. Названный Мир был избран для сей обязанности, и, хотя Низам-ал-мулк, правитель Ахмаднагара, не [смог поймать удачу за стремя], чтобы захватить тех бунтовщиков и разбить их, однако совершил всё возможное и не позволил тем находиться в его землях. Он также передал подобающие дары с достойными доверия слугами и выказал верность. Мир донёс Его Величеству о брожении среди населения Декана и его непостоянстве. Деяния царского войска и недавние победы произвели на тех огромное впечатление, и [потому] они отправили своё добро в горные ущелья и держались начеку. Однако в согласии с принципом Шахиншаха предпочитать насущные дела повседневным завоевание Декана отложили, а вся его энергия была направлена на покорение восточных провинций и наказание тамошних мятежников. И поскольку он ожидал, что сей труд будет исполнен войском, каковое — как уже упоминалось — под началом Муним-хана осаждало крепость Патна, то отложил сию задачу, но не терял бдительности, чтобы при возникновении необходимости отправиться туда самолично.

Важным событием стало, что Его Величество сел в седло и почтил Присутствием праздник Ид в рамазане. Находясь на том великом собрании, он узнал, что там присутствует вершина чистоты Ходжа Абд-аш-шахид⁶, внук стража наставничества Насир-ад-дина Ходжа Абд-ал-лаха, известный под именем Ходжа Ахрар. Поскольку некоторые верили, а иные знали о праведности Ходжи и его

богоискательстве, *Хедив* Мира в [глубоком] почитании Господа обратил на него своё внимание, и, возымев почтение к святому мужу, вознёс его из низших рядов (наблюдателей), и назначил ему место рядом с собой. Да славится Господь! Его Величество, невзирая на собственное богатство — земное и небесное, — не впадает в неподвижность в своей любви к Господу и неизменно жаждет постичь его волю. Величие духовного владычества не в силах отворотить его от назначенной ему задачи — так разве может свершить это внешний блеск? Если муж, силой возвышенной удачи познавший ступени бытия и Господа и правящий теми двумя мирами, творит такие чудеса [силой] своей священной личности, то что в том удивительного?

Глава 15

Посещение Его Величеством [Шахиншахом] Адждмира

79

Его Величество по своему необъятному таланту и рассудительности, почитанию [Господа] и прочим качествам во всех своих начинаниях — как обычных, так и особенных — не отступает от возвышенного двора единобожия и частью своих обязанностей считает изъявление уважения тем, кто связан с семьями почитателей Господа. Хотя понимающие тайны мира видимого — или, точнее, благожелательные, но поверхностные наблюдатели мира сего — утвердились в мысли, что возрастающее день за днём величие и упрочивающееся духовное превосходство, а также истинное и полное завоевание земель и множество исключительных качеств физических и умственных есть достижение несравненной личности сего непревзойдённого в мире созданий, однако он, благодаря своей счастливой судьбе, познанию Господа и цельности сердца, не созерцает сам себя, но считает все явления нисходящими со Двора Вечности. Поэтому, когда ему предстоит какое-то дело, он в первую очередь укрепляет свою преданность на пороге Божества, рассматривая сие как украшение лика удачи. В сию пору его возвышенный ум осенила мысль, что завоевание Бихара и Бенгалии не удастся завершить лишь посланными туда силами, и священным стягам придётся двинуться туда. Соответственно, Его Величество начал с выражения благочестия и обхода могил. В день ормузд, начало исфандармаза, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 16 шаввала (8 февраля 1574 г.), отправился в Адждмир. Первая остановка находилась в окрестностях Дабара¹, и в том приятном

месте он оставался четыре дня. Различные категории рода людского обрели радость внешнюю и внутреннюю. Ходжа Абд-аш-шахид входил в царскую свиту, и здесь ему было дозволено отправиться в город. В день, когда царские знамёна остановились в Тода, Мирза Кока, движимый привязанностью, спешно прибыл из Гуджарата, и [Шахиншах] возвеличил его, пройдя ему навстречу несколько шагов и даруя ему царские милости. В день аштад, 26 исфандармаза, Божественного месяца, он остановился на расстоянии семи косов от Аджмира. На завтра, по своему обыкновению, пешком проследовал к прославленной гробнице. На исходе дня добрался до величественного строения и отдал долг паломничества. Нуждающимся и прочим, находящимся при гробнице, щедрость падишаха позволила отодвинуть границу избытка (то есть их щедро одарили). Изъявив почтение, он поселился в восхитительном дворце, который к сему времени был почти закончен. И отдал внимание подавлению порочных и строптивых и поощрению верных и покорных. Рай Рам Дас², доказавший способности к управлению и умеренность, был назначен *дивани* возвышенного *саркара*. Вышел указ, чтобы чиновники остались слугами Тодар Мала, как и прежде, — дабы дела *дивани* не терпели ущерба из-за отсутствия раджи, а ему не последовало вручение приказа о лишении должности, и секреты службы остались бы в сохранности.

Глава 16

Начало 19-го Божественного года
с [момента священного] Восшествия
на престол [Его Величества Шахиншаха]
— года михр второго цикла

В сию пору, когда в разгаре была весна духа, отзвук шагов Нового года привёл внешний мир в гармонию с внутренним. Мир внутренний также превзошёл ангельскую чистоту и достиг Божественной святости.

В священной той земле раскрылась
Частичка бутона ключом ветра,
С головки сбросила роза свою шляпку,
Одеяние из ста складок¹ она накинула на грудь.
Запели соловьи Господню славу,
Розарии покинув, для прекрасных звуков они уста открыли.
Разум мира обдала роза ароматом,
А ветвь опустила свой покров на скатерть розы².

В четверг, после прошествия 1 часа и 41 минуты от [начала] 17 зу-ль-каада 981 г.х. (11 марта 1574 г.), владыка света физического и духовного (Солнце) бросил свой луч на созвездие Овна. Удручённые обитатели земли и святые обитатели небес узрели новую красу, и 19-й год, год михр (седьмой) второго цикла, открылся радостью и великолепием. Несравненная жемчужина Халифата устроил роскошный пир у гробницы Муин-ад-дина, и состоялся великий *маджлис*. Весь день и всю ночь тот [властитель] с сердцем, равным океану, раздавал сокровища, [опустошая] поднос за подносом с красными и

белыми [медными и серебряными ?] монетами на подол присутствующих, и люди обрели достаток. Сердца жаждущих успокоились.

В то время когда Его Величество находился в Аджмире, до сведения его довели, что Чандар Сен, сын раджи Малдео, по безрассудству и злополучию сошёл с пути покорности и поднял мятеж. Он укрепил твердыню Сиванах — мощнейшую крепость в области Аджмир — и решил, что она обеспечит ему пристанище во время борьбы. Когда Его Величество узнал про это, сердце его испытало жалость к обитателям тех земель, и он назначил Шах Кули-хана Махрама, Рай Раи Сингха, Шимал-хана, Кису Даса, сына Джаймала из Мирты, Джагат Рая, сына Дхарм Чанда и ряд храбрецов покарать тех высокомерных. Учитывая их нрав, [Шахиншах] снабдил их мудрыми напутствиями и сказал: «Наш порог — славное место милости и прощения; и если лампада мудрости осветит тёмную душу того заблудшего в глуши невежества, и он устыдится содеянного, вложите в него надежду на царскую милость». Посланцы отправились в сторону города Соджат. Там распоряжался Кала, внук Рай Малдео, однако при подходе царских войск он бежал в Сирбари³, что лежит среди горных ущелий. Военачальники обратились в погоню и подожгли крепость, а он бежал оттуда в горы Корамба⁴. Доблестные войска, не различая равнины (дашт) и горы, не прекращали преследования. Кала, поняв, что будет пленён, вложил руку в подол мольбы и при заступничестве праведных мужей прикнул к победоносной армии. С собой он привёл своего брата Кесу Даса, Мохес Даса и Притхи Радж Ратхора, с тем чтобы поступили те на службу к [Акбару]. Ему же было дозволено остаться, чтоб восстановить свою удачу.

Когда сей труд осуществился благодаря небесной помощи, а спокойствие Чандар Сена было потревожено, военачальники двинулись к Сиванаху⁵. Тем местечком владел Равал Сухрадж, один из сторонников бунтовщика. В это время несколько слуг Рай Раи Сингха под началом Гопал Даса выступили с намерением захватить его (Чандар Сена) земли. Чандар Сен выслал Суджу и Деби Даса с некоторыми храбрецами для помощи Равалу; и когда войско, разграбив несколько деревень, возвращалось, навстречу ему выступил

Равал с отрядом и напал. Произошло сражение, и храбрецы с обеих сторон проявили себя. Суджа, Деби Дас и Ман, брат Равала, нашли смерть в той стычке, и помощью Господней вознеслись знамёна победы. Рай Раи Сингх, прослышав о сражении, двинулся к полю боя, но удача Шахиншаха возобладала, прежде чем он подоспел. Равал, потерпев такое поражение, отвратился от своего тернистого пути и отправил сына в не знающую поражений армию. Оттуда победоносные войска двинулись на завоевание Сиванаха. Чандар Сен⁶ счёл неразумным оставаться в крепости, а потому передал её Патаи Ратхору и Патаи Баккалу. Царские слуги приступили к осаде. Когда разум Шахиншаха успокоился относительно дел в той области, он двинулся к столице в день амурдад, 7 фарвардина, Божественного месяца, что соответствовал среде, 23 зу-ль-каада (17 марта 1574 г.).

В день рам, 21 фарвардина, Божественного месяца, достиг Фатхпура и развернул пред взором человечества знамёна заботы о подданных, искоренения угнетателей и помощи притесняемым.

Примерно в это же время, в начале сезона дождей, из восточных областей от Муним-хана пришли донесения с известиями, что осада Патны затягивается. Хотя бойцы обеих [армий] продолжали доказывать свою доблесть и победа склонялась на сторону царских слуг, однако из-за того, что с одной стороны твердыни протекала река, осаждённые в избытке получали продовольствие. Крепость также была хорошо оснащена, и [величина] войска, пушечная батарея, сокровища и множество слонов придавали уверенность врагу. Приближение сезона дождей и непогоды тревожило и раздражало царских солдат. Если бы Его Величество прибыл лично, узел затруднений удалось бы легко распутать. В донесении говорилось о многих вещах, которые могли стать причиной для похода Его Величества. Среди них было [известие] о мученической смерти Какар Али-хана и его сына. В один из дней они атаковали неприятеля, и исполнили отважные деяния, и убили множество врагов, а затем сами со славой испили последнюю чашу. Рассказывалось также о подвиге Хан Алама, на рассвете предпринявшего вылазку и бросившегося в атаку близ Панджпахари; он достиг ворот базара

(дарваза наххас)⁷, смело напал и захватил множество слонов и богатую добычу, после чего вернулся. И вызвал восхищение у придирчивых наблюдателей. Упоминалось и о прибытии Хасан-хана Батани и предложенном им плане атаки плотины Пун-пун.

Вот рассказ о том. Хасан-хан Батани слыл одним из героев века. Ведомый доброй удачей, он покинул врага и присоединился к царской армии. Муним-хан осыпал его царскими милостями.

83

[Батани] постоянно воодушевлял царских слуг и предлагал способы победы над врагами. Среди таковых значилось его замечание, что для успешного разрешения трудностей с Божьей помощью необходимо [наличие] двух условий. Первое: следует разрушить плотину на реке Пун-пун, чтобы вода, поступившая туда в этом сезоне и прибывающая день ото дня, излилась в Ганг, ибо в противном случае она достигнет крепости и сведёт на нет усилия осаждающих. Во-вторых, Хаджиपुर необходимо очистить от врага, ибо большая часть продовольствия для него доставляется оттуда. Муним-хан приказал Хан Аламу взять Хаджиपुर, однако тот возразил, что Двор назначил его в передовой отряд войска. Из-за этих разногласий сей замысел отложили. Маджнун-хана и некоторых храбрецов послали разрушить плотину. Они выступили ночью и исполнили это задание наилучшим образом. Благодаря доброй удаче Шахиншаха Сулейман и Баба Манкали, охранявшие плотину, предались в ту ночь сну беззаботности. Стыдясь своего поведения, они стали скитальцами в пустыне погибли и отправились в Гхорагхат.

Поскольку осада затянулась, а Его Величество и так склонялся к тому, чтобы направить поводыя на завоевание восточных областей, получение депеш укрепило его намерение. Итак, царская свита направились из Фатхпура в Агру, и началась подготовка к походу. [Осуществили мероприятия] по оснащению больших кораблей и приняли решение, что Его Величество Шахиншах вместе с принцами и несколькими дамами, а также избранными сановниками Двора отплывут на корабле, тогда как основные силы и великий обоз отправятся посуху. Поскольку на сборах число отсутствующих превысило число присутствующих, для обеспечения явки войск были назначены способные и усердные сазавалы. В Агре Шахиншах

уделил внимание подготовке к сему походу, считая улучшение мира [формой] почитания Господа.

84 В эту пору создатель сих славных записей, Абу-л Фазл, сын Мубарака, повинувшись возвышенному указанию и таинственному посланию, возвысился коленопреклонением при Святом Дворе Шахиншаха. Силою Божественной помощи это положило начало его исцелению от гордыни, исполненной самолюбования. Вот сжатое повествование о том. Явившись из сокрытой палаты чрева в шумный каба́к существования, он (Абу-л Фазл) на пятом году жизни приблизился к обычной рассудительности⁸. Под наставительным оком своего отца духовного и земного на пятнадцатом году [жизни] ознакомился с науками рационалистическими и традиционными (*фанун-и-хикми-у-алум-и-накли*). Хотя они распахнули врата знания и обеспечили ему доступ в приёмные покои мудрости, однако вследствие своего злополучия стал он себялюбивым и самонадеянным. Стопа его деяний⁹ на некоторое время застыла, восхищаясь собственными достоинствами, а сонм учеников вокруг него лишь увеличил его самомнение. Их слепое преклонение и недостаток рассудительности вложили в его ум мысль об аскетизме и отшельничестве. Хотя днём его комната освещалась наставлением в науках, ночью он отправлялся путём странников и общался с приверженцами «Пути Исканий». Он черпал вдохновение у тех нищих, обладателей [истинных] сокровищ. Я¹⁰ пребывал в теснинах изумления и смятения пред лицом противоречивых воззрений поверхностно учёных и популярности подражателей формы. У меня не было сил ни хранить молчание, ни испустить крик. Хотя увещевания моего достопочтенного отца и оберегли меня от глуши безумия, однако целебные средства не достигали глубины моей смятенной души. Порой моё сердце тянулось к мудрецам страны Катай (*хитта-и-Хата*), порой оно стремилось к аскетам горы Ливан (друзам)¹¹ (?). Иногда покой мой нарушало желание общения с ламами¹² Тибета, а иногда тяга к португальским *падре* цеплялась за мой подол. Временами беседа с *мубидами* Персии, а иногда познание тайн Зенд-Авесты лишали меня сна¹³, ибо душа моя чуждалась общества как здравомыслящих, так и (духовно) охмелевших из моей страны¹⁴. Хотя голод

исканий утолялся средоточием (*миср-и-джама*) совершенств внешних и внутренних — под чем подразумевается моё благотворное общение с достопочтенным отцом, — однако поскольку то неповторимое создание Мастерской Творения пребывало под завесой уединения¹⁵, средства от моего беспокойства не находилось. Вследствие собственного неведения я считал, что моё внешнее положение¹⁶ несовместимо с конечным состоянием (*укба*), а потому пребывал в смятении и старался отдалиться от своего окружения. В конце концов, судьба мне улыбнулась, и на святейшем собрании (посвящённых религии встречах, устраиваемых Акбаром) было упомянуто о его (то есть моих) стремлениях, [человека] смущённого мирским обществом. Мой почтенный брат¹⁷, мои благожелательные друзья, мои любящие родственники и мои ученики единодушно говорили: «Ты обретёшь счастье служения *Хедиву* духовному и земному». Я не был расположен к этому, а моё желчное отношение к обществу вносило разлад в мою душу, ценящую уединение. Ибо я не раскрыл дальновидное око, а талант мой был поглощён разрывом цепей принуждения. Как свойственно невежественным и поверхностным, я взирал на внешние обстоятельства как на пагубу для мира внутреннего, а границы считал антитезой абсолюта. Наконец мой отец поднял завесу и повёл меня к истине¹⁸. Он объяснил мне удивительные деяния владык судьбы и снял с главы моей капюшон самообмана. Вдохновенными речами [в обществе] и в беседах с глазу на глаз, а также на собраниях здравомыслящих он внушал мне мысль о духовных совершенствах восседающего на троне удачи (Акбара). Мудрыми рассуждениями доказал, что «сострадание и знание Господа, кои присущи этой ниспосланной Господом жемчужине, в известной мере ведомы и другим. Ныне он — водитель караванов [Земного] Мира и Уединения, заря света формы и материи. Многообразие внешних связей не нарушает его истинного единства. Связанный внешне, внутренне он свободен. В нём — источник решений духовных и земных». По необходимости я предпочёл довольство его (моего отца) собственным желаниям; а поскольку сокровищница моего сердца, преисполненного духовности, была свободна от мирских дел, для подношения возвышенному Двору я написал комментарий на стих о Престоле¹⁹ и поднёс его как

извинение за то, что не могу предложить ничего более. Шахиншах принял его милостиво. Он наградил меня особым взглядом, а счастьем служения — воистину драгоценным эликсиром — успокоил мой смятенный ум. Любовь к той священной особе охватила моё сердце. В сию пору мысли мои занимал поход в восточные области. Мне, сидящему в пыли, натура не позволяла искать сближения с сановниками Двора, а связанные с порогом чести, поглощённые делами Султаната [сановники] не располагали досугом, чтобы уделить внимание человеку неизвестному и смиренному. Препятствия не позволяли мне ступить на путь служения. Хотя [отжившие] представления по-прежнему таились в душе моей, однако духовные узы земной и великими царства и религии продолжали связывать меня; и когда повелитель земель, завоевав восточные области, вернулся в столицу Фатхпур, то вспомнил обо мне, затворнике. Мне выпала удача облобызать порог, и сей смущённый обрёл своё имя на Пути. Краткий рассказ о том будет дан в повествовании о происходящем в тот период²⁰.

86 Одним из событий стало прибытие Шуджаат-хана, посланного Хан-хананом, и изъявление им почтения. Уже упоминалось, что он под охраной Касим Али-хана был отправлен к Хан-ханану для наказания. Хан-ханан передал благодарность за сию великую милость. Он принял Шуджаат-хана благосклонно и с уважением и не отверг его извинений. Поскольку природе Шахиншаха присуще прощать, он даровал просимое и послал за Шуджаатом. В день амурдад, 7 хурдада, Божественного месяца, тот принёс в дар девять отборных слонов из добычи, захваченной Хан Аламом у врага. Среди них находился Гадж Ратн, великолепный слон, один из особых. Вскоре под личным присмотром Его Величества начались приготовления к походу. Под его руководством построили хитроумно устроенные корабли, описать кои перо не в силах. Каждый имел превосходную корму и палубу, а ещё на судах были разбиты сады, какие даровитый садовник не сумеет устроить и на земле. Нос каждого плавучего дома²¹ вырезался в форме зверя, что не могло не удивить наблюдателя. Чиновники, на коих возложили постройку, оборудовали суда для всех [способов] управления, и каждому

придворному отвели корабль, соответствующий его положению. Там находились великолепные образцы [искусства], [роскошная меблировка], [изысканное] убранство, а потому, если автор примется описывать всё это, то заслужит упрёк в преувеличении.

Важно заметить, что Его Величество Шахиншах назначил Музаффар-хана ответственным за великий лагерь, дабы наставить его и вывести из уединения. Однако тот в своём неразумии использовал неподходящие выражения, отзываясь о таком великом задании, и потому вновь лишился милости. Таким образом, сия задача была поручена Мирза Юсуф-хану Ризави²².

И вот когда Его Величество держал путь в восточные области, до слуха его дошло, что в Гуджарате поднялись волнения, а сыновья Ихтияр-ал-мулка разожгли там рознь. Мирза Кока, возвышенный царской милостью, отправился туда с дозволения падишаха.

Глава 17

Поход [Его Величества] Шахиншаха в восточные области водным путём

87

Заповедь величия верховной власти и принципы справедливых правителей, на коих возложены задачи духовные и земные, требуют, чтоб так же, как достойным подданным подобает довольство своим положением — дабы не отвлекались они, пытаясь достичь того, что им не по силам, и не выносили стопу своих желаний за пределы своих возможностей, — так и любящие справедливость правители не довольствовались бы землями, коими владеют, но обращали сердце к завоеванию иных стран и рассматривали это как изысканнейшую форму почитания Господа¹. Это обстоятельство весьма важно, и дальновидному надлежит не упускать его из вида никогда. Мудрые и рассудительные, восприимчивые духа эпохи, указывали, что, если сей обитаемый мир, расколотый вследствие небрежения великих душ, находился бы под властью единственного и справедливого правителя, пыль раздоров, несомненно, улеглась бы, а смертные обрели бы покой. Вот почему украшение цветника удачи сей эпохи неуклонно занят завоеванием иных стран.

Когда приготовления к походу приобрели форму, Шихаб-аддин Ахмад-хан, состоявший *вакилом диван-хальса* и безраздельно господствовавший в том ведомстве, был оставлен в Агре. Одновременно отстранили Тайиб-хана; раджу Бхагван Даса назначили *мустауфи* всех царских владений², а Рай Пурухотам обрёл одеяние почёта и получил титул *бахши*. В день дибазар, 8 тира, Божественного месяца, что соответствовал вторнику, 29 сафара [982 г.х.] (15 июня 1574 г.), Его Величество взойшёл на корабль в обществе светлейших принцев и сокрытых чадрой дам.

Искусством умелых мастеровых
Отправился дом вокруг света.
Он был изумительным творением мудреца,
Плавучим домом: жильцы стояли,
А все путники на него ступили —
На нём они сидели, пока тот плыл.

Имена славных спутников, отправившихся с Его Величеством
в сей удачливый поход:

1. Раджа Бхагван Дас
2. Раджа Ман Сингх
3. Заин-хан Кока
4. Шахбаз-хан
5. Садик-хан
6. Касим-хан Мир Бахр
7. Раджа Бир Бар [Бирбал]
8. Джалал-хан
9. Мирзада Али-хан
10. Сайид Абдулла-хан
11. Мадху Сингх
12. Накиб-хан
13. Камар-хан
14. Мир Шариф
15. Ниябат-хан
16. Сайид Мухаммад-хан Мауджи
17. Хаким Аин-ал-мулк
18. Малик-аш-шуара Шейх Файзи
19. Пешрау-хан

В числе *ахл саадат* (учёных) значились Шейх Абд-ан-наби Садр, Хаким-ал-мулк, Кази Якуб³ и иные прославленные мужи.

Примечательно, что Его Величество взял с собой двух гороподобных, стремительных как ветер слонов. Первый звался Бал Сундар, и его погрузили на корабль с двумя слонихами. Достоинства этого животного невозможно описать. Обладая сокрушительной

мощью и силой, достаточной, чтобы сворачивать горы, оно в то же время было на диво спокойно и невозмутимо. Слон оказался умерен даже в момент наивысшего состояния *маст*: не совершал ничего чрезмерного без приказа погонщика. Другого звали Саман, и являлся он достойным спутником первого. Плыл же на другом судне с двумя самками. Это стоило увидеть. Множество кораблей разнообразной формы, высота упирающихся в небеса мачт, плеск речных волн, яростный ветер, бег облаков и дождь, грохочущий гром и сверканье молнии образовывали неповторимое и удивительное зрелище. В день михр, 16 тира, Божественного месяца, когда флотилия причалила в Этаве, на Джумне разразилась буря, и множество прибрежных домов оказались затоплены волнами. В день рам в Кальпи сделали остановку; в день аниран, 30 тира, Божественного месяца, в селении Чакур состоялась казнь развращённого брахмана, который по неуёмной похоти соблазнил собственную дочь⁴. В день шаб Его Величество остановился в Илахабасе (Аллахабаде). В день ормуз, 1 амардада, Божественного месяца, когда он выходил из гавани, река бурлила. Разразился ураган, и одиннадцать кораблей затонули. Оркестр также понёс ущерб, однако оказался спасён Божьей помощью. Поскольку Его Величество пожелал, чтобы багаж (*агрук*)⁵ и основной обоз остались в Джаунпуре, Мухасан-хан, управитель того города по указу [Акбара], предоставил повозки для путешествия посуху, но Его Величество не одобрил того, чтоб священные шатры были посланы вперёд без него. Близ Илахабаса от Хан-ханана вернулся Касим Али-хан и удостоился счастья изъявить почтение. Он принёс известия об успехе войска. В сей день Шахиншах вспомнил о Хусейн-хане и спросил, почему тот не участвует в таком удачном походе. Ему ответили, что им овладела ипохондрия (*сауда*), и он проводит свои дни, нападая на подданных и разоряя крестьян. Его Величество изъявил неудовольствие, услышав подобное известие, однако [в преддверии] великого похода не послал никого, чтобы подвергнуть [Хусейн-хана] наказанию. В день бахман, 2 амардада, Божественного месяца, он установил знамёна в Бенаресе. Река бушевала и в этот день. Особенное ненастье царило возле крепости Чунар, что заставило специалистов в морском деле забить тревогу.

Многие сошли с кораблей и отправились посуху. [Шахиншах] положился на Господа, и продолжил путь на корабле со светлым челом и радостным сердцем, и послал Шер бека Тавачи-баши к Хан-ханану на быстром ялике, чтобы уведомить того об их скором прибытии. В том приятном городе (Бенаресе) он оставался три дня, и в день хирдад бросил якорь у селения Годи — зависимого владения Сай-идпура, в месте, где река Годи⁶ впадает в Ганг. В тот день великий обоз нагнал царские стяги, и Мирза Юсуф-хан с несколькими военачальниками засвидетельствовал своё почтение.

Хотя Шахиншах, в соответствии со своим обыкновением, внешне постоянно был погружён в великие дела государства, однако верный принципу отрешённости [даже] посреди шумного общества, он неизменно общался с несравненным Господом и ни на миг не прекращал духовного созерцания. Дабы укрепить сию связь и отстранение (*парда араи*), сладкоголосые, завораживающие сердце певцы наполняли его покои мелодиями, способствующими отрешённости и восторгу. Не однажды в его присутствии Мир Шариф⁷, брат Накиб-хана, звучным голосом читал [стихи] о духовной любви⁸, и Его Величество не раз выступал из-за покрыва, и выказывал мягкость сердца (*риккат мифармуданд*), и глаза его увлажнялись. О Аллах! Он, море мудрости и океан познаний, был в силах удержаться от слёз скорби, невзирая на яростные порывы ветра невежества и людское отступничество! Возможно, розовая вода слёз излилась, чтоб обучить каменносердых мирян нежности сердца и смирению. Или же под влиянием духовных явлений он ощутил гнёт золочёных покоев внешнего мира и тем выразил свою скорбь. Или же вследствие своих обширных способностей и безбрежности океана Божественного совершенства счёл собственные духовные сокровища ничтожными и, владея кладезем мудрости, позволил проникнуть сожалению о том, чего сам не достиг!

89

Зову я кормчего Ноева ковчега,
Зову знакомого в доме родича,
Я не Иаков, и никого из близких нет во рву,
Но неведомо мне, кого (на помощь) позвать⁹.

До того как Его Величество покинул столицу, от Хан-хана и прочих военачальников приходили донесения, где говорилось о желательности прибытия войска Его Величества к Джаунпуру, ибо тогда Дауд неизбежно превратится в скитальца глуши погибели. Священные уста — толкователи тайн Господних — изрекли в ответ, что такие просьбы производят не лучшее впечатление, а дичь не будет захвачена, пока хума Его Величества не бросит свою тень на ту область, а сокол его могущества не раскроет крылья в воздухе тех земель. Однако его талант ради наставления слуг желал, чтобы они достигли победы. Поэтому по его приказу корабли направились вверх по реке Годи, чтобы некоторое время простоять в Джаунпуре, и [чтобы] просимое военачальниками и дарованное Двором оставило бы след в [умах] высоких и низких. Соответственно, в день мирдад, 7 амардада, Божественного месяца, стяги удачи остановились в селении Бахирадж, зависимом от *парганы* Каракат¹⁰. В день дибазар, когда они расположились в деревне Яхьяпур¹¹, одной из деревень Джаунпура, от военачальников пришли известия с сообщением, что сложный узел распутать будет нетрудно, если тень Его Величества вскоре упадёт на него. В день азар принцы и дамы отправились в Джаунпур по реке Годи. На Хаким-ал-мулка, Шейх Ахмада, Ихлас-хана и прочих возложили [почётную] задачу заботиться о них, и Его Величество проследовал в Патну.

90

Благостный Господь! Шахиншах того Века в избытке доброжелательности [стремился] возвеличить труд верных, а несравненный Господь желал, чтоб все великие дела и благородные деяния были исполнены тем кладезем величия, дабы в благородстве его убедились все, а [те] слуги, кто служат ему лишь ради вознаграждения, не имели к нему нареканий! Поэтому для войска та несложная задача оказалась трудной, и [военачальники] оказались вынуждены просить о прибытии самого царя. Его Величество обратился за поддержкой к незримым армиям и приложил свой необозримый талант к завоеванию земель Бенгалии и Бихара. В это время пришли вести о завоевании Бхаккара (Синда). Таинственный разум в ту пору одну радость прибавлял к другой. Во-первых, крепость Бхаккар, которую все завоеватели мира не смогли бы взять с ходу, завоевали

заурядные слуги *Хедива*. Во-вторых, было явлено предзнаменование побед царских слуг, препоясавшихся на завоевание восточных областей.

Хотя даровитые и усердные слуги могут прилагать все усилия, однако дальновидному мудрецу ведомо, что в разрешении трудностей мира и осуществлении великих замыслов основные результаты представляют собой следствие верных намерений и соответствующих действий повелителей мира. И тот, кто изучит знаменитые деяния древности, узнает, что успех не придёт без предшествующих (безуспешных) усилий. Цель не может быть достигнута менее чем со второй попытки. Вот почему восседающий на троне удачи (Акбар) сосредотачивается на каждой задаче, за которую берётся, и завершает всё, на что ни взглянет. Это прекрасно известно любому, кто знаком с событиями его царствования. Взятие Бхаккара — очередной очевидный пример. Сия история такова: как уже повествовалось, Мухибб Али-хан и Муджахид-хан по просьбе Нахид бегим получили дозволение отправиться в Татту. Султан Махмуд выказал враждебность, однако силой незримой помощи и собственного пыла они исполнили великие труды и начали осаду Бхаккара. Султан Махмуд занялся обороной крепости. Доброй удачей Шахиншаха в крепости разразился голод, и Султан Махмуд — в избытке ли предусмотрительности, или из низости и скупости — раздал своим воинам зерно, заготовленное на двадцать или тридцать лет вперёд, хотя и имел [во множестве] свежие запасы. Результатом этого стали заболевания и опухоли. Гнев Божий наслал мор. Вот что было удивительно: когда эта опухоль распространилась по тем землям, каждый, кто кипятил кору дерева *сирис* (*acacia odoratissima*) и выпивал варево, выздоравливал. Поэтому кора продавалась на вес золота.

Когда конец Султан Махмуда приблизился, он взмолился Двору, утверждая, что всегда оставался на пути верности, и лишь собственное злополучие ввергло его в эту беду. Ныне же он готов уступить крепость благородному принцу Султан Салиму. Однако из-за вражды меж ним и Мухибб Али-ханом тем самым лишь вызовет к себе презрение. [Ибо] между ними происходили столкновения, и он не защищён от нападков со стороны названного. И наде-

91

ется, что будет прислан кто-нибудь из слуг Двора, дабы передать тому крепость и округу, а он бы затем припал лбом к порогу удачи. Его Величество великодушно принял его прошение и послал Мир Гесу, военачальника бывалого и искусного. Прежде чем он добрался до той земли, Султан Махмуд скончался, гарнизон же ожидал его [Мир Гесу]. Когда тот прибыл, Муджахид-хан осаждал крепость Ганджаба. Дочь Мухибб Али-хана Самия бегим, бывшая матерью Муджахид-хана, разгневалась, услышав о прибытии Мир Гесу, и в злокозненности своей снарядила против него несколько судов, и воздвигла ему препятствия. Мир едва не угодил в плен. Ходжа Муким из Герата, отец Ходжа Низам-ад-дина Ахмад *бахши*, отправившийся в те земли в качестве *амин*а, мудрыми советами убедил Мухибб Али-хана воздержаться от ненужных раздоров и неуместных волнений. Когда Мир Гесу достиг крепости, ему вручили ключи. Таким образом, значительная часть тех обитаемых земель перешла под его власть. Мухибб Али-хан и Муджахид-хан по своему злонравию и безрассудной алчности не отвратили сердец от той страны. В то же время им было сложно оставаться там, не имея священного указа. Мухибб Али-хан решил пойти на соглашение, и в конце концов Мир Гесу определил, что Муджахид-хану надлежит направиться в Патну¹², а Мухибб Али-хану с женой и дочерью поселиться в городе Лохари. Когда эти указания [осуществились], Мир Гесу посадил на корабли большое войско и выступил против Мухибб Али-хана. Тот, не имея сил для сопротивления, отступил в Матилу. Нападающие разграбили город (Лохари), а Самия бегим укрепила своё жилище и оказала сопротивление, приняв бой. На протяжении ночи и целого дня она с несравненной отвагой и мастерством держалась в пределах четырёх стен. Её положение становилось критическим¹³, когда ускоренным маршем [явился] Муджахид-хан и разбил войска (Мир Гесу). Следующие три месяца он удерживал землю на этом (восточном) берегу реки (Инд). В конце концов, Бхаккар передали Тарсон-хану. Его братья поспешили в ту область. Мир Гесу в своём скудоумии попытался удержать крепость (Бхаккар), однако затем обратился к удачливости и отбросил мятежные мысли. Если правитель, явившийся в эти края из чужеземья, через некоторое

время становится более надменным, то должно быть нечто в этих землях, что приводит послушных и смиренных к вершине строптивости. Иначе откуда взяться подобному типу людей? И откуда эта заносчивость и мятежность?¹⁴

Итак, после краткого рассказа о нисхождении сей таинственной помощи (завоевании Бхаккара) я возвращаюсь к торному пути своего намерения. В день абан, 10 амардада, Божественного месяца, царские суда вошли из реки Гуди в Ганг и бросили якорь у селения Кочакпур. Здесь Мирза Юсуф-хан присоединился к отряду вместе с обозом. После этого войска разбили лагерь напротив места, где причалили царские корабли. На следующий день Его Величество уселся на слона Мубарак-Кадам и управлял им самолично¹⁵. Около 500 слонов вошло в реку вслед за тем тигром джунглей войны. Очевидцы преисполнились изумления. Милостью Аллаха они вышли невредимыми из тех бушующих вод, но один слон по имени Пуска, находившийся в это время на пике состояния *маст*, рухнул в пучину уничтожения. Когда Шахиншах пересекал реку, из волн выпрыгнула крупная рыба и осталась лежать перед ним. Прорицателям ведомо, что сие есть знак успеха, и [они] вознесли благодарения Господу. В день мах, 12 амардада, Божественного месяца, достигли Газипура.

С того самого дня как Его Величество отправился в сей поход, он каждый день сходил на берег и услаждался охотой на оленей с *чита*. Это было занятие для поверхностных, и желания тех, кто связан с сей обязанностью, удовлетворялись. Прозорливый принц внешне получал удовольствие от общества, внутренний мир его озаряли лучи поклонения [Божеству] — так он обустроивал своё духовное царство. Рассудительные очевидцы, таким образом, имели возможность узреть в сем сборнике заповедей судьбы (Акбаре) указание на конечный успех и в этом обрели мужество. Здесь же следует вспомнить, что однажды во время обычной охоты показался олень. Его Величество приказал спустить стремительного леопарда, быстрого как ветер. Хитроумным манёвром олень избежал его когтей и быстрее ветра помчался дальше. И тогда подоспел второй леопард и расправился с ним. Дальновидный, проникающий в тайны

принц объявил своим спутникам: «При начале забавы поведение сего леопарда стало для нас предзнаменованием [судьбы] Дауда. В душе нашей мелькнула мысль, что на этот раз он не станет добычей в когтях царского гнева, однако во второй раз стараниями охотников судьбы (икбал) он будет схвачен». Итог оказался таков, каким он показался в зеркале просветлённого сердца. Итак, пусть повествование об этом (об успехе в борьбе с Даудом) прольётся с языка пера.

В день тир Божественного месяца амардад корабли пристали в Даспуре, лежащем на берегу Ганга. Итимад-хан Ходжа сара (евнух) оставил лагерь осаждающих, и прибыл на быстрой лодке, и возвысился, изъявив почтение. Он принёс вести о друзьях и врагах и сообщил, что неприятель весьма силён. Краса собрания удачи, чтоб осчастливить сердца, поднял завесу тайны и объявил о победе. Дабы умиротворить встревоженные сердца людей, он послал за Сайид Мираки, сыном Мир Абд-ал-Карим Джафари (прорицателем) из Исфахана, и повелел ему узнать результат похода и ожидающее их будущее. Тот, в соответствии с законами сего искусства, сложил и распределил буквы и произнёс такой стих:

Судьбой благоприятной Акбар быстро
Примет страну из руки Дауда.

Поверхностные и недалёкие были успокоены сим результатом, а день победы оросил потом стыда лики лукавых искателей толкований. Ещё в ту пору, когда Его Величество находился в столице, поглощённый приготовлениями к походу, упомянутый Мир получил приказание обратиться к предсказателю, дабы умиротворить сердца поверхностных, и тот прочёл такой стих:

Пусть даже войско там неисчислимо и не знает поражений,
Придёт победа [лишь] с прибытием принца.

В день гош, 14 амардада, Божественного месяца, когда суда стояли близ переправы Каузы, от Хан-ханана пришло сообщение о новой победе. Вот подробности этого: отряд бродяг из Афга-

нистана под началом Иса-хана Ниязи, отменного воина, обрушился на укрепления Кийя-хана, и завязался упорный бой. Защитники вели себя доблестно. Благодаря мощи падишахской удачи, стойкости Кийя-хана и подходу раджи Тодар Мала врага отбросили. Иса-хан погиб от руки одного из рабов Лашкар-хана, не ведавшего, с кем он столкнулся. Когда пришли сии вести, служившие достойным провозвестием тысяч побед, войско возликовало. Его Величество в своей заботливости отправил свиток с донесением Хан-ханана принцам с намерением успокоить их тоскующие сердца. В тот день основной обоз, движущийся посуху, пересёк Кармнасу, приток Ганга. Утонул один из особых слонов. Ту реку народ Индии считает приносящей несчастье. На следующий день лагерь раскинулся на берегах Ганга, питаемом источником Господней милости. Стараниями военачальников целая армия переправилась без потерь. В день михр, когда Его Величество расположился в селении Домни, зависимом от Боджпура¹⁶, от Муним-хана пришла депеша. Она содержала просьбу, чтобы Его Величество прибыл водным путём, а основной обоз — посуху. Также сообщалось, что ввиду продолжительности осады и постоянных дождей войску не хватало вооружения; так что было бы желательно, чтобы Шахиншах отправил вспомоществование из своих особых оружейных запасов (*кур-и-хаса*). Просьба была принята, и послали доспехи и оружие различных видов. В день рашн, 18 амардада, Божественного месяца, достигли Лодипура. И в этот день река бурлила. Один из кораблей с *читами* пошёл ко дну, а из особых *чит* потонули Даулат-хан и Дилранг. Исчезло в волнах и судно с войсковым *кази*¹⁷, с казначеем Бхагван Дасом и Шер беком. В день фарвардин, 19 амардада, Божественного месяца, Его Величество остановился у города Манер. Там река Сона впадает в Ганг и лишается своего имени. На следующий день корабли оставались там на якоре, а Садик-хану и Шахбаз-хану повелели переправлять основной обоз через Сону. Мир Гияс-ад-дину Али Накиб-хану была вручена крупная сумма, и его послали к славной гробнице Шейх Яхья Манери¹⁸ раздать деньги живущим там.

Шейх приходился сыном Шейх Исраила и слыл одним из святых Индостана. Он принадлежал к ордену Чишти, а также к

ордену Фирдуси¹⁹. Люди свято верили в него. Рассказывали, что его отец сильно хотел иметь сына, а потому отправился просить об этом Шейх Шараф-ад-дина из Панипата. Святой понял, чего тот желает, предсказал ему рождение сына и попросил назвать своим именем. Хотя Шейх не покидал Индии, однако силой своего дара напился знанием мира духа, и полностью постиг грехи и иллюзии материального мира, и остался в крепости духа. Слова его пользуются большим весом среди суфийских сект. «*Китаб-и-мадан-ал-маани*» («Книга духовного кладезя»), «*Гандж-и-ла-ихфа*» («Сокровище непреходящее»), «*Шарх-и-адаб-ал-муридин*»²⁰ («Изложение наставления для учеников») принадлежат к жемчужинам его пера. Три сборника духовных и теологических изречений он отправил некоторым своим последователям в форме эпистол. Первый включает 150 писем, второй — 100 наставительных писем, а третий — 25. Шейх жил во времена султана Мухаммад Туглака²¹. В начале пути он избрал горы и пустыни и практиковал суровый аскетизм. Впоследствии прибыл в Дели и изъявил почтение Шейх Низаму²². По настоянию того вступил на службу Шейх Наджм-ад-дину Фирдуси.

В день рам, 21 амардада, Божественного месяца, когда победоносные знамёна развевались в Шерпуре, прибыл раджа Тодар Мал и засвидетельствовал почтение. Он доложил о состоянии войска. Он спросил, каковы должны быть приготовления к прибытию Муним-хана для *истикбал* (приветствия), и насколько далеко выехать навстречу ему. Приказ гласил, что, ввиду продолжающейся осады, ему [Тодар Малу] следует пройти не более двух косов, а военачальникам [предписано] оставаться на своих постах в укреплениях. Тем же вечером раджу осыпали милостями и отпустили. Тогда же Араб, сын Хашим-хана, вступивший на службу и в качестве наместника своего отца доставивший известия о событиях в восточных областях, удостоился титула Ниябат-хан²³.

Глава 18

Прибытие священной процессии [Его Величества] Шахиншаха в окрестности Патны и начало осады

Завоеватель Мира избрал путь по реке в сезон ненастья, с непрерывными дождями и ураганами. С безмятежным сердцем стал на якорь в намеченном месте в день бад, 22 амардада, Божественного месяца, что соответствовал среде, 15 раби-ас-сани [982 г.х.] (3 августа 1574 г.). На расстоянии двух косов от сего места Хан-ханан изъявил своё почтение, [прибыв] на лодках с разнообразными фейерверками, со стрелками и пушкарями. Он был осыпан милостями, и по знаку Его Величества ответственные за фейерверк пустили салют. Шум, дым и грохот сотрясли землю, и пространство на протяжении нескольких *парсангов* вокруг почернело, словно судьба (букв. «день») врагов вечной власти. Ужасный шум сотряс мозг потемневших врагов, а их желчный пузырь превратился в воду. Их трусливые душонки были подавлены, и зазвучал громкий набат победы. Трубы донесли до людей вести о победе. В благоприятный миг Его Величество обратил свой лик к берегу и уселся на коня удачи. Он остановился в жилище Хан-ханана, где [специально] воздвигли высокий помост, и принял там дары в виде драгоценностей и иных диковинок, а также раздал приготовленные [дары]. Мухаммад Кули-хан Барлас, Кийя-хан, Ашраф-хан, Маджнун-хан, Хан Алам и иные крупные военачальники войска засвидетельствовали своё почтение. Вслед за ними коленопреклонением были возвышены прочие *сирдары* и важные особы. Каждый из них удостоился особой милости.

На следующий день Его Величество осмотрел крепость, и

96

поняв, что захват Хаджипура поможет взять и её, приложил свой талант к сему предприятию. Та крепость [Хаджипур] лежит напротив Патны, а река Ганг шириной примерно в два коса стремится воды меж двумя городами с великой силой и неукротимостью. На следующий день Мирза Али Аламшахи, Сайид Шамс Бухари и его сыновья, раджа Гаджпати с войском храбрецов были переданы под командование Хан Аламу с приказом обеспечить себя достаточным количеством пушек, взойти на верблюды кораблей, пересекающих реки, и взять ту крепость, служившую мощной опорой мятежа.

В тот день посланник Дауда получил аудиенцию благодаря посредничеству Хан-ханана. До того как царские стяги вознеслись в тех краях, Хан-ханан послал к Дауду Халдин-хана и дал ему добрые советы: суть их сводилась к тому, что, пока нить дел находится в его [Дауда] руках, ему стоит обдумать своё положение и пристально взглядеться в могущество удачи и возрастающей день за днём верховной власти Шахиншаха, и тем проявить милосердие к самому себе. Не след ему становиться причиной пролития крови стольких мужей и гибели добра и чести множества народа. Есть пределы пьянящей власти мира. Почему он никак не придёт в себя, и почему не прилепится к стременам Богом дарованной удачи? После долгих раздумий тот, движимый лисьей хитростью, отправил с Халдин-ханом одного из своих военачальников с различными просьбами. Он передал, что борется за титул правителя не по собственной воле.

97 Лоди, ввергнувший его в сию стремнину заблуждений, был наказан за свои деяния. Ныне же покорность Шахиншаху завладела его сердцем полностью. Какие бы земли ему ни отвели, для него это будет счастьем. Поскольку из-за своей молодости и опьянения он допустил ошибки, он не может облобызать порог удачи, покуда не загладит их доброй службой.

Мудрый повелитель постиг его сокрытый умысел и ответил следующим образом: «Мы, будучи Тенью Господа, получаем мало, но много отдаём. Наша снисходительность не склонна к мщению — при условии, что Дауд, передавая сии словесные хитросплетения, зажётся факелом истины и готов припасть челом к порогу удачи, чтоб десница нашей милости стряхнула прах разложения с венца его

удачи. Итак, пусть исполнит он одно из трёх деяний, чтобы не погибла жизнь и добро многих тысяч [людей]. Во-первых, пусть кто-нибудь из его свиты явится в наш лагерь в качестве наблюдателя, и тогда кто-нибудь с нашей стороны прибудет в его войско в качестве охранителя, дабы никто из обоих лагерей не вступал в схватку, а мы вдвоём отправимся на поле сечи и будем сражаться любым оружием, известным ему, — чтоб тому, кто Божественным указом или небесной помощью выйдет победителем, досталось царство. Если же его храбрости для этого не хватит, пусть выберет одного из своих воинов, известного отвагой и силой руки, а также мастерством в бою. Мы также вышлем против него одного из наших могучих дланью, с ликом, окутанным мощью. Эти двое бойцов сразятся на арене. Победителем будет считаться та армия, боец которой победит. Если в его войске не сыщется такого [мужа], тогда пусть выберет одного из множества своих слонов, и мы выставим слона, величием подобного небесам. Победа будет на стороне победившего». Желчный пузырь этого сына афганцев разорвался, когда прозвучали сии слова охотника на тигров (Акбара), а разум его погиб. Душа его была изъедена ржавчиной, и потому он не постиг счастья покорности; не имея мужества, не принял ни одного из этих предложений!

Произошло так, что Его Величество поднялся на слона и отправился обозреть высоту Панч-пахари, что возвышается за пределами крепости. Та представляет собой пять массивных куполов (холмов?) из камня¹, которые правители древности оставили в память о себе; *пахари* на хинди означает «невысокий холм». То есть там находятся пять холмов (*гумбаз*), высотой напоминающих отвал породы. Чёрные сердцем афганцы в своём бесстыдстве и мерзости разрядили пушки (в Акбара) и тем обеспечили себе вечную поги- 98 бель. Его Величество Шахиншах пребывал в крепости Божественной защиты и созерцал чудеса творения. Друзья и чужаки поняли, что Господь оберегает его, и были впечатлены, увидев, насколько он (Акбар) полагается на Него.

Счастливейшим событием стал захват Хаджипура. Вот краткий рассказ о том. В день арад, 25 амардада, Божественного месяца, во время завтрака, стало известно, что в направлении Хаджи-

пура вздымается океан битвы. Дальновидный принц отправился на батарею Шахам-хана, откуда виднелся Хаджиपुर, и наблюдал победоносные действия царских слуг. Хотя представлялось невозможным разглядеть усилия героев во всех подробностях, однако ясно было, что то блистает пламя войны. Когда осталась последняя стража дня, а исход ещё колебался на чаше весов, Его Величество Шахиншах отправил на подмогу опытных воинов на военных кораблях. Гарнизон Патны, завидев тех, выставил на пути несколько *граб* (судов) и изготовился к сражению. Помощью Аллаха царские войска нанесли им поражение, но прежде чем они успели присоединиться к осаждавшим, крепость уже взяли. Величественная мощь Шахиншаха обратила в воду желчный пузырь мужей железной храбрости, и множество негодяев погибло.

Вот рассказ о том. Когда Хан Алам удостоился сего задания, несколько лодочников вызвались быть его лоцманами. На исходе дня дин, 24 амардада, Божественного месяца, он сел на корабли, и лоцманы повели их вверх по течению и ночью достигли рукава, ответвляющегося от Ганга и проходящего близ Хаджипура, и сделали так, что гарнизон ничего не заподозрил. [Вскоре] самодовольные в крепости низверглись в пучину тревоги — им пришлось снарядить корабли с пушками. Вначале они открыли пальбу из пушек и кулеврин. Поднялся ураган огня, и очевидцам показалось, что гарнизон выйдет победителем. И лишь тогда суда² (*грабха*) Шахиншаха, несущие победу, бросили луч завоевания. Стойкость негодяев тотчас дала трещину. Однако из-за сильного течения кораблям оказалось трудно приблизиться, и поэтому враг не был разбит наголову. Лоцманы повели корабли вверх, до Гандака, а затем повернули назад к

99 Хаджипуру. Хотя с вершины крепости дождём сыпались пушечные (ядра), но что злые умыслы пылинок брэнного существования могут сделать против Божественной помощи, на которую опиралась вечная власть? Воины покинули корабли и вступили на арену [битвы]. Фатх-хан, сын Гази-хана³, Ибрахим-хан и Илхадиях Сарвали, состоявшие *сирдарами* гарнизона, преградили путь успеха и оказали ожесточённое сопротивление. Фатх-хан и множество врагов пали в этом столкновении, а многие бросились спасаться из той пучины по-

гибели так быстро, насколько это было возможно. Какие-то бродяги подожгли город и разграбили его. Помощью таинственного воинства крепость перешла в руки царских слуг. Раджа Гаджпати, Пияда Раван (?), мечник⁴, Мирза Али бек Аламшахи и Сайид Шамс-ад-дин Бухари с сыновьями оказали в этом бою ценную помощь Хан Аламу. Усилия приложили все герои, и небесной помощью сложная задача обратилась в лёгкую.

Глава 19

Взятие крепости Патна, бегство Дауда и стремительный поход Его Величества [Шахиншаха]

Поскольку обитатели сада новой весны существования с самой зари удачи и до сего дня, являющегося началом цветущего утра благополучия, непрестанно следили за взрослением счастливого питомца и обустраивали сад его власти, каждый розовый куст надежды, укрывавшийся под сенью небесного дерева, орошался потоками радости, а на ветвях последнего день за днём созревали плоды их желаний. С другой стороны, всякий произрастающий в изобилии неудачный и кривой всход, и шипы, встававшие на пути собирателей цветов в саду, где правит вечная весна, истреблялись разрушительной молнией. Любой связавший себя с прославленным порогом обретал избавление от напастей столетия и процветал с каждым днём всё больше и больше. Тот же, кто по недостатку ума или от безрассудства позволял себе мысли о противодействии, уничтожался. Земные богатства не помогали ему, не приносили пользы и земные помощники. Каждое начинание возвышенного гения Шахиншаха завершалось с величайшей лёгкостью, каким бы сложным оно ни казалось поверхностному взгляду. В сем благородном манускрипте тому было явлено несколько примеров, и о многих ещё будет поведано. Поистине, свершения эти — результат Божьей милости, а не формальных действий. Они итог удачи, а не ухищрений. Один из примеров, иллюстрирующих личность Шахиншаха, — бегство Дауда без боя и взятие крепости Патна.

100

Когда Божественная слава, излучаемая полумесяцем знамён судьбы, озарила эти территории [Бенгалию], наглость афганцев по-

убавилась, и они в смятении ринулись в ложном направлении. Когда их достигли вести о Шахиншахе, превращавшие в воду мужество жестокосердных, а герои завоевали Хаджиपुर, опьянённый мыслями неразумия Дауд протрезвел и начал искать выход из положения. Лампа его затей более не светила, а свеча сердца не озаряла. По злему року он сошёл с пути благополучия, и когда пришло время устыдиться и прийти поцеловать царский порог, направился в пустыню уничтожения. В ночь арад, 25-го числа Божественного месяца амардад, он покинул крепость через чёрный ход, сел на быстроходную лодку и отправился на ней в Бенгалию. Гуджар-хан, его главный мечник, вышел через ворота Оленьего заповедника (Ахухана) со всеми слонами и воинами и бежал сушей. Гордость и заносчивость этого сброда были враз развеяны по ветру. Они посчитали побег спасением, но часть их канула в пучинах реки, многие погибли в лабиринте дорог, остальные потонули в пропасти рва. Некоторые расстались с жизнью из-за неспособности отличить лодку от воды, а кто-то потерял челн из-за того, что не видел разницы между толпой и [немногими] (то есть из-за перегруженности). Множество затоптали в давке. Проход оказался перекрытым для тех, кто двигался позади. Их головы, вместилища глупости, склонялись до стоп низости, а кичливые диадемы (*афсарха*) были привязаны к поводьям верблюдов и мулов. Иные от страха за собственные жизни приняли глубину за высоту и отвернулись от зенита Плеяд (*Сурайя*) в сторону пыли (*сара*). Крепостной ров наполнился различными живыми существами (то есть людьми и животными), значительное число гуджаров утонуло. Некоторые стремительно бросились в водоворот зла и погибли. В ту ночь, что предшествовала победоносному утру, в цитадели начались великие волнения. Кое-кто из неопытных и недалёких [царских] воинов решил, что грядёт ночная вылазка, но мудрые понимали, что среди афганцев царит смятение, и они вот-вот бросятся наутёк. В это время Его Величество велел привести Бал Сундара, выделявшегося среди тысяч других слонов красотой, добрым нравом, высотой и резвостью, и сел на него.

Когда Его Величество узнал, что враг бежал, то, несмотря на тёмную ночь, пожелал тут же выступить в поход. Хан-ханан поцело-

вал пороги устами почтения и попросил Его Величество отправиться в путь, когда на востоке взовьются знамёна света. Это не противоречило бы законам благоразумия, а также позволило бы точно удостовериться в состоянии дел у врага. Мудрый принц одобрил этот совет и принял его. Утром в день иштад, 26-го числа Божественного месяца амардад, победоносные знамёна вошли через Делийские ворота в город Патна. Великие военачальники и остальные выразили свои поздравления. Богатая добыча в деньгах и товарах, а также великолепные слоны оказались в руках падишахских слуг. Два астрономических часа были потрачены на улаживание дел этого города, после чего Хан-ханан и расторопные слуги отправились за основным войском. Поскольку Дауд двигался в сторону собственной гибели, Его Величество сел на лучшего из своих коней, Нурбайза (Белый свет), и отправился в путь с отрядом преданных героев, чтобы настичь Гуджара, который увёл с собой слонов. Когда они приблизились к реке Пун-пун, её воды были беспокойны, но Хедив Мира положился на Господа и направил своего коня в её потоки. Верные спутники также устремились в реку и сопутствуемые удачей переправились через неё. Пыль увечий не коснулась полы служителей избранных палат полей упования на Аллаха. Проявилась чудодейственная сила падишаха, и были в том знаки святости, ибо правитель и его священная рать пересекли без труда и проблем реку, на которой множество быстроходных недругов при всём их знании входов и выходов не смогли найти для себя брода к берегам безопасности. Его Величество спешно отправился в Дариapur, расположенный в тридцати косах оттуда. Он прошёл один переход и натянул поводья. Поскольку наступил вечер, сделал привал на берегу Ганга. Меджнун-хан, Шахбаз-хан и другие энергичные военачальники получили приказ продолжить преследование разгромленных войск. Поскольку перо судьбы не начертало ещё захват последних, [царские воины] их так и не настигли. Но многие из этих неудачников нашли свою смерть в реках и болотах. В результате сей победы, которую можно считать украшением великих побед, были захвачены 265 слонов. Если бы мне пришлось описывать достоинства этих гороподобных животных, сия украшенная лаконичностью благородная хроника не

имела бы конца. В ту ночь, когда падишахские знамёна пребывали на берегу Ганга, множество загруженных товарами афганских лодок унесло ветром к лагерю, и, таким образом, огромная добыча попала в руки царских воинов. В тот счастливый день обитатели станового рынка насобирали в пучинах рва, в реке Пун-пун, а также в ручье, что в семи-восьми косах от Дариапура, и на берегу Ганга мошны с деньгами и оружие. Простой люд великой рати обрёл желаемое. При помощи удачи Шахиншаха столь хорошо оснащённое войско, являвшееся предметом глупой гордости Дауда, покрыло без боя свои головы пылью уничтожения. Их земная и духовная слава разрушилась. Хусейна, сына Адили¹, который по злему року и из-за затуманенности разума бежал и присоединился к врагу, взяли в плен и по настоянию Хан-ханана предали смерти. В сиянии небесных огней и при содействии духовных воинств была одержана великая победа, которую даже самые дальновидные из непосвящённых считали труднодостижимой. С лёгкостью победили в период дождей, на которые враг рассчитывал, как на неприступную крепость.

Когда прибыл с основным войском Хан-ханан, разбили шатры, в которых собралось избранное общество и прошёл совет. Различные военачальники высказали свои мнения. Некоторые, чьи представления не выходили за пределы поверхностного мышления, заявили, что завоёванный Бихар должен быть очищен от мусора сопротивления до окончания сезона дождей, а к завоеванию Бенгалии Его Величеству лучше приступить, как только станет виден Канопус. Преобладающее число военачальников, исполнительных, отважных и опытных, заявили, что нужно незамедлительно выступить в поход на Бенгалию, ибо неразумно давать врагу время на восстановление сил. Его Величество одобрил эту точку зрения и обратил свои мысли к покорению Бенгалии. Хотя в сердце своём он желал сам развязать этот крепкий узел, равновесие действий пребывало в руках разума, и он последовал указаниям Царя Мудрости, как если бы то были приказы Всевышнего, и, таким образом, принял решение повременить. Счастливые мудрецы, которые с высоты своей проницательности видели розарий направления, считали, что дела, которые могут выполнить военачальники низшего ранга,

не должны поручаться военачальникам среднего звена, а то, что могут выполнить последние, не пристало поручать великим военачальникам. То же, что в состоянии исполнить последние, не должно осуществляться сыновьями и родственниками. Дело, которое может быть претворено в жизнь этими украшателями власти, не стоит выполнять самому [царю], ибо ему надлежит принимать в расчёт своё положение — один из величайших даров Господа. Поэтому соблюдение внешних правил, связанных с классовыми различиями, и сохранение достоинства и величия поистине служат доказательством трепетного отношения к дарам Бога и являют собой Его прославление посредством действий. Слава Аллаху! Каким зрением и рвением должны обладать дальновидные мужи действительности и те, что подтверждают свою приверженность делом! Эта забота о достоинстве и беспокойство по поводу славы — наихудшие качества для отшельников и аскетов, но высочайшая форма поклонения для тружеников земного поприща! Для соблюдения сей возвышенной идеи победоносный поход был вначале сокрыт пеленой промедления, но поскольку военачальники не обладали достаточными талантами и молили о присутствии Его Величества, ему пришлось прислушаться к ним и лично взяться за решение этой задачи. Теперь, когда были явлены столь великие победы, и приумножающаяся с каждым днём удача Шахиншаха снова стёрла ржавчину с поверхности реальности, а мужество военачальников возросло, ум их возвысился, а [сердца] преисполнились любовью к службе, Муним-хан Хан-ханан взял на себя всю ответственность и попросил поручить ему выполнение этой задачи. Его молитву услышали, и на его голову посыпались царские милости. Он взял с собой множество великих военачальников и иных воинов и всадников с войском, насчитывающим более двадцати тысяч, а также значительное снаряжение. Дабы порадовать его и помочь в выполнении задуманного, ему пожаловали *джагир* в Бихаре. Джаунпур же включили в состав земель государства (*халса-и-шарифа*). Разави-хан² получил место визиря, а отличавшегося умом и достойного доверия раджу Тодар Мала одарили знаменем и барабаном. Он также был удостоен бесконечных милостей и отправился вместе с войском. Всем слугам, которым предстояло отбыть с этой

ратью, пожаловали высокие титулы, *джагиры* и большие посты. Им также дали ценные наставления, которым следовало стать для них искренними соратниками во времена успеха и процветания, дабы не опьянила их удача, и не потеряли они нить понимания своего долга. Таким образом, когда повысился их внешний статус, возросла и сила духа.

В день ормазд, 1-го числа Божественного месяца шахриюр, Хан-ханан отбыл в Бенгалию, а Его Величество отправился в Джунпур к своим счастливым сыновьям и целомудренным жёнам. Вот список основных военачальников, направленных в Бенгалию:³ 104

1. Мухаммад Кули-хан
2. Меджнун-хан Какшал
3. Кийя-хан
4. Ашраф-хан
5. Хан Алам
6. Шахам-хан
7. Баки-хан
8. Раджа Тодар Мал
9. Лашкар-хан
10. Баба-хан
11. Хайдар-хан
12. Мирза Кули-хан
13. Лал-хан
14. Пайинда Мухаммад-хан
15. Муин-хан
16. Хаджи Юсуф-хан
17. Накиб-хан
18. Гази-хан Казвини
19. Мирза Али Аламшахи
20. Саних Акил
21. Вазир Джамил

В тот день лагерь разбили у городка Гиаспур на берегу Ганга. Его Величество пробыл там четыре дня. Часть времени он потратил на осмотр слонов Дауда. Мирза Юсуф-хану поручили, как и прежде, позаботиться об основном лагере и продолжить путь по суше.

В ночь исфандармаз, 5-го числа Божественного месяца шахриюр, Его Величество сел на слона и отправился дальше. В день хурдад он достиг окрестностей замечательного города Дарианур. Там наслаждался боями слонов, используя для этих целей животных Дауда.

Поскольку, согласно правилам верховной власти и законам мировых завоеваний, удовлетворённость (или умеренность) подчинением стран, как и алчность в аскетизме, заслуживает порицания и неодобрения, он обратил свой взор на завоевание крепости Рохтас. Эта цитадель не имела себе равных по силе и прочности. Вокруг неё находилось несколько селений (*дих*), где возделывались различные культуры, служившие основным провиантом для гарнизона. Там много хороших водных источников, и хотя крепость стоит на вершине холма, возвышающегося до самых небес, и на склонах последнего колодцы находятся на значительной глубине, на территории самой твердыни достаточно совсем немного копнуть, чтобы полилась сладкая вода. Хайбат-хан Карарани и его сын Бахадур-хан укрепили цитадель и погрузились в сон беззаботности. Задачу [взятия крепости] поручили Фархат-хану, а в помощники ему был назначен Музаффар-хан, который в день отбытия бенгальских военачальников скромно присоединился к главному стану и не имел счастья засвидетельствовать своё почтение. Таким способом излечили его от гордыни и тщеславия. Хаджи-хан Систани, Фатх-хан Майдани, Худадад Барлас, Ходжа Шамс-ад-дин Хофи, Баки-хан Кулаби и другие воины были назначены ему в подмогу. Это войско отправили в поход сразу после получения полезных наставлений.

105 Когда Его Величество закончил с этим делом, то отбыл из Патны в день мурдад, 7-го числа Божественного месяца шахриюр, и стал лагерем на территории Шерпура. В тот же день Мирза Юсуф-хан, который вёл основное войско по суше, был благословлён прибытием Шахиншаха. На следующий день войско находилось уже у Фатехпур-Патны, что в 21 *косе*. Тогда же [Шахиншах] перешёл разлившуюся реку Сон, и Садик-хану разрешили уехать, чтобы он присоединился к основному войску и принял особые меры предосторожности, дабы рядовые обитатели лагеря и дворцовые служащие, а также избранные (*хаса*) слоны перешли реку в надлежащем месте.

В день азар, 9-го числа Божественного месяца шахриюр, Его Величество совершил быстрый переход и к вечеру подошёл к переправе Кауза. Ганг [в том месте] широкий и глубокий, а его беспокойные воды могли напугать и храброго. С Божьей помощью Его Величество пересёк его, оставив Мир-хана Ясавала и нескольких способных и расторопных людей помогать остальным в переправе через реку. Всадник судьбы продолжил путь с такой скоростью, что от него отстали многие скороходы. С несколькими счастливыми спутниками, двигающимися со скоростью молнии, он прибыл в Джаунпур в день абан, 10-го числа Божественного месяца шахриюр. Увидев [Его Величество], люди возликовали так, что радость их достигла слуха святых ангелов. Принцы выразили своё почтение, пришли дамы в чадрах и приняли участие во всеобщем веселье. Слуги священного порога и военачальники той провинции совершили *сиджда* и внесли свой вклад в озарение двух миров. Земля обрела весеннюю славу, а смертные — новую жизнь. [Шахиншах] был милостив к каждому и обратил свой взор на дела государства, отворив врата правосудия перед лицом человечества. Поскольку глубокомыслие и благоразумие — столпы власти, Его Величество оставался в этом городе до тех пор, пока падишахские слуги как следует не очистили Бихар от пыли мятежа. С его помощью отправленное в Бенгалию войско обрело желаемое, и завоевание тех территорий завершилось за короткое время.

Случилось так, что к границам Бихара подошли Касим-хан по прозвищу Касу, Махмуд-хан и отряд злобных афганцев. Хедив Мира отправил туда Мирзада Али-хана, Шах Гази-хана из Табриза и множество отважных воинов, а Мухсин-хан и другие землевладельцы тех земель получили приказ собраться и подвязать свои чресла для подавления беспорядков в провинции. Как только вышеназванные люди получили указания, они взошли по лестнице доброй службы в верховные палаты почёта. Недовольных же сбросили в [бездонную] пропасть гибели, и пыль мятежа была полностью уничтожена.

До августейшего слуха также донесли, что Хан Алам, положившись на царскую милость и снисходительность, прибыл ко

Двору без письменного разрешения Хан-ханана. Поскольку выполнение приказов — неотъемлемая часть правления, Шахиншах выразил своё недовольство и прогнал его. Несколько рассудительных и умных людей доложили, что тот оставил в лагере семью и прибыл спешно и смиренно ко Двору по неотложному делу. Его Величество выслушал их доводы и согласился его принять. Тот получил желаемое, после чего был отпущен назад.

Событиями, что могут служить руководством для поверхностных и усиливают просветление посвящённых, стали наставления Его Величества относительно Божественного милосердия. Вот краткое изложение этой поучительной истории. По воле небес какое-то время не было живительного дождя, необходимого для зерновых культур. Крестьяне и все жители в целом стали опасаться наступления голода, разразились причитаниями и единодушно и единогласно стали взывать к Единственному в своём роде мужу мироздания, отличавшемуся святостью и внутренним величием, с просьбой обратиться к Всевышнему, дабы открыл Он врата сострадания, и посредством его [Акбара] избранных молитв на смертных пролилась бы благодать и развязался узел затруднений.

У тебя есть сила связывания, о Вечная Мудрость.
Ослабь узел удачи Твоих творений.

Священные уста изрекли: «Просьбы и молитвы — удел внешнего мира. Милосердный Создатель всё знает, ибо всё уже начертано на скрижалях судьбы ещё до того, как желаемое облачается в слова. Причина, по которой святые обращаются к молитве, вероятно, заключается в том, что она может разбудить дремлющих в тёмной ночи невежества и показать им путь смирения, являющийся украшением поклонения и средством обретения блага.

Его небесное великодушие к рабам сильнее, чем Его милость, зависящая от наших молитв к Нему или наших попыток привлечь Его внимание к [трудностям], и уж тем более не пристало нам учить Его милосердию».

Тебе ли учить Всевышнего милосердию?

Пока сия Божественная мудрость изливалась из источника перлов истины, появились облака милосердия, и в течение недели шёл изобильный и продолжительный дождь. Засеянные поля и луга зазеленели и напитались влагой. Испытывавшие жажду сердца насытились, а слабые духом обрели уверенность и твёрдость. Они постигли возвышенную природу Шахиншаха, а их преклонение и преданность возросли. 107

В это время случилось так, что Садик-хан стал объектом порицания. Вкратце дело было так. Когда в день абан, 10-го числа Божественного месяца михр, прибыли Мирза Юсуф-хан и Садик-хан, заботам которых был вверен великий лагерь, стало известно, что особый слон Лал-хан утонул у переправы Кауза. Садик-хан, не проявивший должной заботы и достаточного усердия при переправлении слонов, попал в немилость, и его земельное владение конфисковали. Ему не позволили совершить *корниш*, и отправили в Татту, и издали указ, гласивший, что пока он не найдёт столь же редкостного слона, равного тому несравненному животному, не быть ему возвышенным совершением *корниша*.

Глава 20

Отбытие [Его Величества] Шахиншаха в столицу и получение по пути известий о победе в Бенгалии

Когда украшающий мир разум Шахиншаха закончил с делами сей страны, [Его Величество] принял решение продолжить путь в столицу Фатехпур и выступил из Джаунпура в благоприятный час дня мах, 12-го числа Божественного месяца михр (около 22 сентября 1574 г.). Он стал лагерем у селения

Ханпур и оставался там, несмотря на то что был уверен в победе, ибо желал успокоить умы слуг, которые ввиду своей поверхностности тревожились и интересовались, как идут дела у военачальников на востоке. Неожиданно доставили вести о победе бенгальского войска. Ко всем вернулась уверенность, и проницательность Властелина Мира проникла в сердце каждого. Вот краткий рассказ об этих событиях. Когда войско отправилось на завоевание Бенгалии, самым первым был взят город Сураджгарх. Афганцы не смогли противостоять победоносной рати и бежали без боя. После этого захвали Монгир. *Заминдар* Харакпура раджа Санграм, раджа Гидхора Пуран Мал и многие землевладельцы тех территорий объединились с подпругами вечной власти. Хан-ханан умело вёл большое войско в сезон дождей по земле и воде и действовал осмотрительно и успешно. Поскольку воинство было ведомо гением Шахиншаха, оно везде одерживало победу, и Бхагалпур и Колгонг (Халганв), места скопища афганцев, также взяли без боя.

108

Только [падишахская] рать подошла к селению Гуна¹, стало известно, что Исмаил-хан Силахдар, которого Дауд по глупости ок-

рестил Хан-хананом, усилил крепость и засел там с большими силами. Задачу затрудняло то, что территория между местом стоянки войска и Гадхи оказалась покрыта водой. Это создавало трудности при размещении сил. Да будет известно, что Гадхи — ворота в Бенгалию. С одной её стороны высится до небес гора, которую сложно перейти даже пешим воинам, не говоря уже о всадниках. Около горы вливаются в Ганг несколько стремительных рек. Между ними правители тех мест и возвели неприступную цитадель. Был проведён совет, и мудрые и опытные выразили своё мнение по поводу того, как следует действовать. Все согласились, что задачу необходимо решить на этом участке пути. Землевладельцы тех мест сообщили, что на территории Тели Раджа² есть тайная тропа. Хотя через это ущелье (*гарива*) не пройти выючным животным, лёгкие всадники проедут там без труда. Необходимо, чтобы основное войско занялось осадой Гадхи и отправилось главной дорогой (*шахрах*), а отряд храбрецов прошёл бы тропой.

Без сомнений, в результате этого враг дрогнет и побежит. Таким образом, Меджнун-хан Какшал с отрядом героев отправился этим путём, а Кийя-хан с прославленными воинами двинулся в сторону Гадхи. Другие военачальники уже было собрались начать осаду, когда недруги уstraшились величия Шахиншаха. Сначала отряд войска Хан-ханана вызвал беспокойство и вселил в них ужас, а когда с хорошо вооружёнными силами подошёл Кийя-хан, нить их замыслов разорвалась, и они в беспорядке бежали. Таким образом, крепость, которой тяжело овладеть даже с боем, оказалась легко взята с Божественной помощью. На утро следующего дня, когда появились огни удачи, прибыл Хан-ханан и возблагодарил Господа. Меджнун-хан прошёл через ущелье и был на месте в тот же день. *Заминдары* действовали с надлежащей преданностью, и если бы афганцы остались в крепости и оказали сопротивление, их бы смело этой силой. Но по милости Всевышнего сложная задача обратилась в простую без каких-либо усилий. Получив известия о победе, Его Величество приказал возблагодарить Аллаха и устроил повсеместно палаты радости.

В это время прибыл и выразил своё почтение Гази-хан Ба- 109

дахши³, облачившийся в Кабуле в одежды паломника. Он поднялся из ущелья (*гирива*) общедоступного знания и пришёл к розарию Истины, дабы вдохнуть аромат его цветов. Благодаря благу священного внимания Шахиншаха и милостивой возможности стать учеником Хедива просвещения, многие выбрались из теснин пути Божественного почитания и достигли высшей палаты Истины. Фируза Хас Хель, пользовавшийся особым вниманием Мухаммад Хакима, и некоторые другие прибыли и коснулись лицом пристыженности порога удачи с намерением поступить на священную службу. Все они были счастливы обрести свидетельства милости Шахиншаха, которая превышала их достоинства. Оттуда Его Величество продолжил путь в столицу. Он шёл переход за переходом и, казалось, занимался установлением справедливости и охотой, на деле же размышлял над Божественными таинствами и наделял людей дарами уединения. В день дибадин, 23-го числа Божественного месяца михр, когда стан располагался в Искандарпуре⁴, что недалеко от Маникпура, прибыло донесение Хан-ханана. В нём сообщалось, что Дауд избрал путь уничтожения, а победоносное войско прибыло в столицу Танда. Вот рассказ о Божественном покровительстве. Когда взяли крепость Гадхи, Дауд не мог уже больше противостоять натиску победоносной рати. И стал отступать и направился в пустыню разрушения. Ганг имеет два притока у Танды⁵. Один течёт к рынку Сангама и завершает свой путь в Ориссе. Другой — в сторону Махмудабада, Фатхабада, Сонаргаона и Чатгаона (Читтагонга). Дауд спешно бежал по реке Сатгам в надежде поднять смуту у границ Ориссы. Хан-ханан вошёл в город Танда, что в центре Бенгалии, в день гош, 14-го числа Божественного месяца михр, и занялся распространением законов справедливости, которые он познал при Дворе. Слова заботящегося о мире принца были претворены в жизнь. Божественная милость возрастала с каждым днём. Язык слов объединился с языком действий и призывал к благодарности. Хан-ханану отправили послание, в котором его хвалили за добрую службу. Его Величество продолжил (от Искандарпура) свой путь под покровами удовольствия охоты, с благодарным сердцем и видимым проявлением радости.

Тогда же смерть постигла Ходжа Джахана. Он из-за болезни находился в Джаунпуре, и по воле небес на него набросился слон, пребывавший в состоянии *маст*. Его нога запуталась в верёвке от шатра, и он упал. Это подорвало его здоровье, и чаша его жизни переполнилась близ Лакхнау⁶. Ему повезло, что она перелилась через край близ благодетеля, и он закончил свои дни, неся добрую службу, в преданности и стремлении доставить удовольствие [Шахиншаху]. В день ардибихшт, 3-го числа Божественного месяца абан, царские знамёна стали лагерем на берегу Ганга недалеко от Канауджа. Как только падишахская процессия дошла до Патали⁷, Хусейн-хан, который во время этой кампании повредился умом и был изгнан с благословенной службы, явился, но не получил дозволения совершить *корниш*⁸. Когда Его Величество находился в трёх⁹ переходах от столицы, у него возникло желание обойти вокруг святилищ Дели и Аджимира. В самом начале Божественного месяца абан (возможно, азар, девятого месяца) он прибыл в Дели и отдал дань уважения и почитания. Жители тех мест извлекли пользу из духовного и земного изобилия Его Величества.

Следует заметить, что Хусейн-хана охватила печаль (*сауда*), и отвернувшись от удачи, он стал *каландаром* [странствующим дервишем]. Шахиншах использовал лекарство добросердечия и преподнёс ему стрелу¹⁰ из собственного особого колчана, дабы с её помощью (*итизад*) он опять получил во владение конфискованный у него *джагир* и смог начать нанимать воинов. Я славлю гений и мудрость, ибо они источают милости соразмерно проступкам и исполнены щедрости к непокорным. Из этого приятного места (Дели) он отправился через Нарнол в Аджимир. В Нарноле в охотничьих угодьях неожиданно появился Хан Джахан, облачившийся в Лахоре в одежды паломника¹¹. Это доставило радость Его Величеству, и он осыпал того царскими милостями. В район Нарнола также прибыл после долгого пути из Гуджарата на крыльях преданности Хан Азим Мирза Кока и засвидетельствовал своё почтение. Он был возвышен величайшими милостями Шахиншаха. В начале Божественного месяца дай Его Величество посетил замечательное место, Аджимир, где обошёл вокруг святилища. Вершилось правосу-

дие, и изливалась щедрость, днём и ночью шли празднества в сей обители почитания святого мученика. Люди разных сословий были осыпаны [царскими] дарами. Великие философы и ведущие учёные мужи жаждали просвещения от священных слов Его Величества, а искатели духовного и преходящего царства обрели желаемое. Пусть украшающий мир Создатель долгие лета хранит его святую личность, дабы мог он покончить с недостойными и возвысить истинных верующих!

111 Когда Аджмир был благословлён прибытием Его Величества, из крепости Сивана спешно прибыл Рай Раи Сингх и доложил, что Чандар Сен, сын Малдео, поднял смуту в Джодхпуре, и войско, отправленное взять Сивану, не смогло подавить его мятеж. Если же послать против него силы удачи, дело завершится успешно. Его слова одобрили, а к нему самому отнеслись милостиво и отправили назад. Тайиб-хан, Сайид Бек Токбаи, Субхан Кули Турк Харрам, Азмат-хан, Сева Дас и множество опытных воинов получили приказ выступить против Чандар Сена. Этот несчастный отступил из Рампура к горным кручам. Победоносная рать, знавшая о том, что приумножающаяся с каждым днём удача Хедива Мира обрацает сложное в лёгкое, продолжила путь в эти горные районы. Им частично сопутствовал успех, и многие виновные были повержены. Негодяй (Чандар) не смог противостоять им и стал бродягой в пустыне уничтожения. *Гази* по неопытности и недальновидности посчитали его побег завершением задания и вернулись ко Двору, не испросив дозволения. Когда Его Величество узнал об этом, он преподавал им урок достойного служения и лишил сбившихся с пути своего доверия.

Вскоре Его Величество покончил с делами тех земель и в день рам, 21-го числа Божественного месяца дай, осыпал Хан Аазима великими милостями и отправил улаживать дела Гуджарата. Сам же продолжил путь в столицу. Для удобства путешественников он издал указ, чтобы через каждый кос на пути из Агры в Аджмир устанавливались столбы¹² (*минар*), которые надлежало украсить рогами оленей, дабы сбившимся с пути помогали указатели, а утомлённые могли восстановить силы.

Глава 21

Прибытие Его Величества [Шахиншаха]
в столицу [Фатехпур Сикри]
(и строительство молитвенного дома)

Завоёвывая новые земли и управляя старыми, осыпая милостями искренних и преданных, наказывая неблагодарных, верша правосудие, источая щедрость и совершенствуясь в почитании Господа, Его Величество совершил за семь месяцев то, на что требуется много лет. В день ардибихшт, 3-го числа Божественного месяца бахман (18 января 1575 г.), он озарил Фатехпур своим Присутствием.

Что за луч судьба изливает на землю?

Что за волнение власть вызывает на небе?

То пыль каравана или ветер успеха

Доносит благоухание мира и покоя до ноздрей моей души?

Основанные на приумножении мудрости и проницательности, ступени верховной власти и стадии всемирного завоевания продолжились, а то, что могло в прошлом или настоящем стать для смертных источником беспечности, лишь усиливало его бдительность. Хотя Всемогущий Творец вознёс чистого духом до величайших высот, в частности, способствовал увеличению территорий, изобилию сторонников, поражению врагов, обретению диковин мира, открытию врат знаний и возвышенного мышления, сей Божественный проситель усиливал свои мольбы, а жажда его поисков возрастала.

Когда столица (Фатехпур Сикри) озарилась прославленным прибытием, Его Величество приказал построить для украшения ду-

ховного царства молитвенный дом (*Ибадат-хана*) с четырьмя верандами (*айван*)¹. Хотя Божественная щедрость всегда держит врата открытыми и ищет достойного человека, искателя, всё же Властелин Вселенной из щедрости действует по законам видимого мира. Именно по этой причине он отдал предпочтение пятнице², ибо окрашена она в цвет (*газа*) благоприятности для подобного начинания (*ифазат*). Был издан указ, чтобы в ночь озарения [*Ляйляталь-Кадр*] [столицы *Шахиншахом*] все представители человеческих орденов и сект, то есть мужи, пребывающие в поисках духовной и физической истины, а также обычные жаждущие просветления люди и последователи³ каждой секты собрались около священного строения и продемонстрировали в чистых палатах действительности в многообразной и противоречивой форме свой духовный опыт и степень знания истины.

Мудрость и поступки пройдут проверку, и проявится сущность зрелости. Те, что опирались на истину, вошли в зал одобрения, поддельвающие же золото сразу отправились в яму с дешёвым металлом. Был задан пир теологии и богослужения. Преклонение перед предметами⁴ снизилось. Окроплённые пылью обитатели бездны презрения превратились в украшателей власти, а сладкоречивые и пустоголовые краснобаи лишились своего положения. Тысячи искателей семи климатов пришли с искренним почтением в сердце к славным порогам сего сооружения, возвышающегося на Истине, и ждали прибытия *Шахиншаха*. Властелин Мира излил с открытым челом, жизнерадостным ликом, широким сердцем и понимающей душой прозрачные воды милости на испытывающих жажду путников пустыни ожидания и способствовал их очищению. [*Шахиншах*] принимал всех по очереди, секта за сектой, и испытывал каждую группу. Он уделил внимание всем жалким и несчастным, содействуя осуществлению их желаний, не говоря уже об облачённых в плащи и тюрбаны⁵. На этом общем собрании Его Величество выделил своим пронизательным взором избранных мужей каждого класса и устроил пир истины. Время от времени, дабы преподать урок придворным, он давал задание разбирающимся в людях смышлёным слугам, дабы эти вдумчивые и пронизательные люди приводили различного рода

мужей для совершения *корниша*. После чего сей мудрец и распознаватель достоинств испытывал их заново и приглашал некоторых из них. На том духовном и земном собрании помещение было разбито на четыре секции. В восточной палате поклонения (*Ибадат-када*) находились великие предводители и высокие военачальники, известные при мирском дворе⁶ своей просвещённостью. В южной части восседали в аудитории образованности проницательные исследователи, те, что собирают свет дня (интеллектуалы), и те, что отдали предпочтение покою ночных залов созерцания. В западной части находились [потомки] возвышенного рода, занимающиеся благословенными искусствами⁷. В северной — суфии с чистым сердцем, погружённые в блаженные видения. Несколько мужей с богатым и широким мышлением, обретённым благодаря священным наставлениям Его Величества, зажгли факел знания во всех четырёх палатах. Возвышенные идеи и утончённые слова слетали со священных уст, земная и Божественная истины изливались прорицателем двора многообразия, в результате чего управители арены проявления и резвые всадники гор созерцания сгорали от стыда⁸. Именно об этом состоянии поёт Захир⁹.

На прославленном собрании его мыслей
Роза и розарий зарделись от стыда.

Группа мудрых, здравомыслящих мужей приготовилась задавать вопросы и вести записи. Разногласия между различными классами людей соответствующим образом улаживались. Зеркала искателей Века отполировались. Ночь прошла в оживлённых обсуждениях, которые пришлись по вкусу всем. Степени разума и ступени видения были испытаны, а высоты и глубины интеллекта — изведаны, и зажёгся светоч понимания. Благословением священного изучения истинное отделилось от ложного, и [стала явной] подлинная сущность прикрывающихся мудростью.

Поддельный (букв. «медный») хафиз¹⁰ не ввёл его в заблуждение,
Ибо знаток видит все скрытые недостатки.

Различные формы способностей явились из сумрака тайн в палаты проявления, поднялись из пропасти небытия и засияли на вершинах существования. Если бы мне пришлось подробно перечислять знаменательные события этого славного собрания и описывать научные достижения школ истины, потребовался бы ещё один том.

114 В весеннее время просвещения автор настоящего благородного труда был представлен ко Двору второй раз и обрёл славу второго рождения. Изложу вкратце эту поучительную историю. В начале того года [Абу-л Фазл] озарил своё чело проявлением покорности в столице Агра. Вследствие гордости за обычные знания в своей голове душа его преисполнилась желанием отправиться в восточные провинции, несмотря на преданность и привязанность, испытываемые им по отношению к почтенному отцу. Хотя у него не было средств для подобного путешествия (*сафар*), его идолопоклонническая и самодовольная душа стремилась в путь. В языческом храме его познаний царил гордыня. Жажда физического уединения и созерцания мира бурлила в сердце. Однако он считал неподобающим делать подобный шаг без благословения [почитаемого им] родителя. Этот источник доброты не мог заставить себя попрощаться со мной. Наконец, из восточных провинций доставили от моих непревзойдённых братьев милостивое письмо, в котором сообщалось, что принц мира помнит обо мне. Поскольку он (Абу-л Фазл) был ограничен в средствах, его намерение поступить на службу так и не осуществилось.

Одним из чудесных событий явилось следующее. В то время когда ходили слухи о превосходстве афганцев и в городах орудовали сплетники, в ночь ночей [Ляйляталь-Барат] душа моя освободилась от связи с действительностью и отправилась в мир снов, где внезапно распахнулось окно в таинственный мир. Все подробности победы в восточных провинциях, от начала осады до того времени, когда Дауд отправился в небытие, а также обретение сим смущённым мужем свиты Творца блага служения и милостей Его Величества — которые должны были воплотиться в жизнь — предстали пред его [Абу-л Фазла] изумлённым взором. В ту долгую ночь, не успев пробудиться, он сразу же погружался в сон, и что самое

странное, продолжал видеть сон с того места, на котором остановился. На рассвете, отправившись в палаты своего почтенного родителя, поведал ему о случившемся. Тот выразил величайшую радость и поздравил его. В глубине [этого] сердца зародилось желание служения, и он написал комментарии к началу *суры* (главы) «Победа» [Сура 48], дабы преподнести их в качестве дара на священном собрании. Когда падишахские знамёна подошли к Аджмиру, на пиру мудрости Его Величество снова вспомнил о встревоженном муже пустыни существования, и как только, благодаря доброте благородного брата (Абу-л Файзи), об этом стало известно, жажда поцеловать пороги возросла. Все мои устремления были направлены на то, чтобы любоваться в течение нескольких дней мироукрашающей красотой Властелина Мира, а затем уйти в палаты безвестности и вступить в спор с самим собой. Единственное желание беспокойного духа заключалось в том, чтобы пройти стопой усилий ужасающую пустыню отшельничества, ибо сердце моё устало от лицемерия людей моей земли, и у меня не осталось желания жить в обществе. Тысячи мыслей роились в моей голове. И не существовало определённой причины заставлять себя строить планы и превращать заросли уединения в покровы (*пурния*) своего покоя, и когда у меня появилась возможность попасть на сей рынок, не оказалось никого, кто бы мог помочь мне, а гордость не позволила просить представить меня (Акбару). Не нашлось у меня и места, где я мог бы зажечь свечу уединения. Мой брат, превосходящий меня по годам и мудрости, провёл меня в собственную келью (*завия*), и поскольку он являлся одним из вкушающих духовную пищу, я неизбежно обрёл стремление увидеть Духовного наставника (Акбара). На следующий день мне случилось отправиться в главную мечеть, которая представляла собой возведённое Шахиншахом грандиозное строение, и на том великом собрании Властелин Мира отбросил тень милости (Акбар приехал в мечеть). Я имел честь преклониться перед ним издали. У меня возникла следующая мысль: «Если даже Шахиншах не видит тебя, то ты видишь его священный свет, и если даже не удостоюсь милости взгляда Шахиншаха, всё же обрету пронизательность и понимание посредством лицемерия его

священной личности». С этой мыслью я погрузился в созерцание Божественной силы, и в этот момент пронизательный властитель обратил на меня назидательный взор и подозвал к себе. Поскольку разуму моему были ведомы обстоятельства времени и человеческая природа, и принимая во внимание тот факт, что я находился далеко от Его Величества, я посчитал увиденное достижением желаемого. В итоге тот интерес, что проявил ко мне Шахиншах, показал, что удача моя велика, и из-за тумана показалась звезда удачи. Я приблизился к нему и коснулся челом возвышенного порога. Один раз он обратился ко мне на этом собрании державы и религии, где собрались сотни тысяч сект и школ, и поведал почётным гостям священного пира о моих достоинствах то, о чём я даже понятия не имел. Множество лассо были наброшены на шею моей души и подтолкнули сердце к рабству (*гираугани*) палат зависимости. Хотя ещё два года почти осуществившееся страстное желание царило в сердце моём так, что даже в тайниках души звучали слова: «О, покинь общество обитателей мира и погрузись в просторную обитель исключительности и приятные палаты неповторимости», всё же милость Шахиншаха ежедневно поднимала меня с пола унижения (*хаси*) на вершину индивидуальности (*каси*) и возвышала шаг за шагом на пути ученичества. Таким образом, ключ от храма (*Байт-альмакаддас*) достижений оказался у меня в руках, а духовная и земная истина сорвала пелену с моих глаз. Первым делом я избавился от смятенного желания, и тогда наступил день моего второго рождения. Благодаря своей удаче достиг возвышенной палаты ученичества у высокого правителя и обратился лицом к порогам своего третьего рождения. Я вышел из чрева тщеславия на землю мольбы и расположился в первых рядах спокойного зала вселенского мира. С Божьей помощью и светом, излучаемым восседающим на троне судьбы мужем, я выбрался из тернистой земли, зовущейся «Мир с вами», в вечнозелёный розарий любви и стал собирателем цветов радости. Четвёртый ребёнок родился у матери-природы. На этой стадии усилия мои заключаются в том, чтобы обрести возвышенное жилище в этом лишённом колючек саде весны, где никогда не наступает осень, дабы благословенным лучом взгляда Шахиншаха и

настойчивостью пятое дитя смогло прославить мать-природу, а сам бы я возвысился до чрезмерных высот абсолютного смирения, а обманчивое беспокойство желания кануло бы в пропасть уничтожения. Как только обрету на этих святых небесах радующее сердце пристанище, пусть удостоюсь под руководством провидца пира мироздания чести шестого рождения и погружусь в прославленный океан, и буду сидеть¹¹ в лишённой стоп желания четырёхсводчатой галерее ухода и обители просветления до тех пор, пока не смогу после седьмого рождения — в то время когда связь между стихиями ослабевает — сбросить с плеч своего естества груз жизни в обществе и ступить в наполненные радостью уединённые палаты небытия. В этом священном храме вместе со спокойствием разума и открытостью чела будет даровано время для обнажения и разрешение для ухода, пока при восьмом рождении — либо в обители перевоплощения, либо в период воскресения — я не покину пределы желания¹².

116

Одно из событий того времени — обретение Муним-ханом Хан-хананом владения в Бенгалии. Когда Его Величество отправился в восточные провинции, он выделил ему землю в Бихаре. Как только бенгальские мятежники потерпели поражение за поражением, и эти территории превратились в обитель мира, [хан] отправил Ходжа Шах Мансура из Шираза ко Двору и попросил *джагир* в Бенгалии. Милостью Шахиншаха просьбу его удовлетворили.

Случилось так, что в окрестностях Агры поля и пастбища оказались поражены чем-то напоминающим паутину, только в несколько раз толще. В некоторых местах их размер составлял половину *джариба*¹³ в длину и ширину, а в иных — меньше. Без сомнений, возвышенная Божественная мудрость ниспослала сие лекарство от разложения воздуха и, таким образом, явила свою благожелательность человечеству.

Глава 22

Введение закона о клейменции¹ и направление людей к истине и преданности

Украшатель трона верховной власти не проводит ни года, ни дня без того, чтобы не создать новые институты власти или не успокоить и украсить мир сиянием дальновидной мудрости, являющейся отражением вещей земных и Божественных. В тот период он сосредоточил прозорливый взор на введении великих принципов управления войском и крестьянами, а также на процветании страны. Среди нововведений значилось клеймение (*даг*). От рассудительных наблюдателей не сокрыто под покровами тайн, что человек непрестанно пребывает под властью алчности и гнева. Как только допускается малейшее небрежение или нерадивость, мощь страсти и ярости покрывает пылью яркую лампу рассудка мудрых и зрелых, что уж тут говорить о тех, что погрязли в глупости. Когда справедливость и человечность — вещи редкие и даже небывалые, а властелин горизонтов (Акбар или иной правитель) пребывает за завесой пренебрежения, неизменно воцаряется среди многочисленных сановников и слуг беспорядок корыстолюбия и поднимается тайфун вероломства. Командующий² (*табин баши*) утаивает от своих подчинённых то, что пожаловано ему при Дворе, и жадность его приумножается, а подчинённый окропляет своё чело пылью предательства и ведёт себя в большинстве случаев так, как будто он сам себе господин (?).

117 Тот, кто не приемлет подобный порок, толпу нечестивых и ложный путь и из самоуважения и соблюдения равновесия ступает

на тропу справедливости и отдаёт предпочтение довольству и честности, окропляется пылью подозрительности. Хотя в начале года, ещё до смуты в восточных провинциях, Его Величество обратился мыслями к данному вопросу, а его военачальники начали действовать, всё же решение этой сложной задачи обрело форму только тогда, когда знамёна судьбы остановились в столице. Были проведены исследования и установлена градация постов. Дабы укрепить основы державы и установить мир для подданных, Шахиншах сделал земли государства коронными. Пока верховный правитель пребывал за завесой и испытывал людей, падишахские чиновники чрезмерно поднимали налоги на земельные владения, города, селения и деревни и протянули руки растрат к их увеличению и уменьшению. Удостоенный милостей достигал своей цели, тот же, чьё сердце находилось за пределами обретений, терпел неудачи. Тот, с кем хорошо обращались, по [присущей ему] нечестности и корыстолюбию выказывал неблагодарность, а тот, кто оказался менее успешен, начинал по причине собственного недовольства и вероломства роптать. Когда забрезжили лучи утра судьбы, а украшатель трона занимался сбрасыванием завесы, он уделил часть внимания этому вопросу и начал с превращения державных территорий в коронные земли. Военачальникам и другим слугам было назначено денежное жалованье, а их ранг определялся в соответствии с заслугами и размером войска.

Способные и заслуживающие доверия люди получили приказ обследовать обширные территории Индии, и подсчитать количество производимых ими товаров, и заменить ими оплату³ в монетах, дабы не процветал рынок растратчиков. В провинциях Бенгалия, Бихар и Гуджарат из предусмотрительности и дальновидности всё оставили, как прежде, а Кабул, Кандагар, Газни, Кашмир, Тата, территория Баджаур и Тира, Бангаш, Соратх и Орисса не были завоёваны. 182 сборщика налогов (*амила*), известные в народе под именем *крори*, назначили на каждую территорию, приносящую *крор таньга*⁴. В это время главными военачальниками значились Шахбаз-хан, Ходжа Гиас-ад-дин Али Асаф-хан, Раи Пурахотам и Раи Рам Дас. Благодаря этим мерам войска обеспечивались вооружением, а страна управлялась должным образом, и в то же время принимались меры

предосторожности против обмана и воровства. Его Величество также уделил внимание способам измерения, дабы возросла производительность. В былые времена измерения производились при помощи верёвки, поэтому возникали неточности из-за того, что она была сухой или мокрой. Это создавало возможности для жульничества. Шахиншах ввёл шесты⁵ из тростника, называемого индусами *банс* (бамбук), которые скреплялись железными кольцами. Благодаря этим приспособлениям умы людей обрели покой, прибыль возросла, а путь жульничества и обмана оказался пресечён.

Величайшим нововведением стала служба учёта⁶. Эта идея пришла в голову Его Величеству в момент, когда судьба улыбалась ему. Был издан указ и постановлено, чтобы учитывалось всё, что отправляется со Двора, дабы военачальники могли получить денежную помощь, и [строжайшим образом] соблюдались административные приказы. Слава Аллаху! То, что созрело в тайных палатах святого сердца, претворилось в жизнь. Посредством сего превосходного нововведения совершилось религиозное служение, соответствующее состоянию общества! Подробности этих великих законов приводятся в заключительном томе⁷.

Заметным событием этого времени явилось вступление в падишахский гарем вершины целомудрия Касимы Бану⁸, дочери Араб Шаха. Устроили великолепный пир, и высокие военачальники и другие столпы государства присутствовали на нём [ликовали] и радовались.

Множество садов (цветочных) повсюду зацвело в веселье. Чалмы взлетали до небес.

Глава 23

Битвы Муним-хана Хан-ханана в Бенгалии, поражение Дауда и другие события

Когда с Божьей помощью Бенгалия была завоёвана, Дауд отправился в Сатгаон и Ориссу. Кала Пахар, Сулейман, Бабу Манкали и другие афганцы ушли в Гхорагхат. Где бы они ни появлялись, везде учиняли смуту. Хан-ханан вместе с раджой

Тодар Малом стал лагерем в Танде, столице тех земель, и занялся улаживанием политических и финансовых дел. Благодаря справедливым указам Шахиншаха, тяжёлое положение в Бенгалии нормализовалось. Победоносные войска расположились вокруг города, дабы сия восхитительная страна могла полностью очиститься от сорняков и мусора мятежа. Мухаммад Кули-хан Токбаи, Ходжа Абдаллах, Ниябат-хан, Камар-хан, Макбул-хан, Талиб бек, Насир бек и отряд отважных и сильных воинов направились под командованием Мухаммад Кули-хана Барласа в Сатгаон лишить Дауда времени на подготовку и схватить его. Меджнун-хан, Баба-хан, Джаббари, Мирза Бек и Халдин были посланы с другим отрядом в Гхорагхат на подавление беспорядков. Мурад-хан с отборными силами отбыл в Фатхабад и Баглу¹, чтобы превратить эти земли в обитель мира. Итимад-хан с отрядом ревностных ратоборцев получил приказ направиться в Сонарганв (Сонаргаон) и связать руки тамошним притеснителям.

119

Когда всё было готово для искоренения бедствий жителей тех мест, пришло известие, что бежавший от возвышенного Двора Джунаид Карарани покрыл своё чело пылью неудач и, явившись из Гуджарата и Декана в Джхаркханд, задумал учинить там беспо-

рядки. Раджа Тодар Мал, Кийя-хан, Назр Бахадур, Абу-л Касим Намакин и другие священные воины решили приструнить его. При поддержке небес они сослужили добрую службу, в результате которой враг понёс потери и повернул в сторону пустыни уничтожения. Какшалы продемонстрировали доблесть в землях Гхорагхата, и приведённый в смятение враг бежал в Куч (Куч Бихар). Сулейман Манкали убили, а победители стали обладателями богатых трофеев и взяли в плен семьи афганцев. Обширные земли попали в руки подданных падишаха. Прибывший из Джхаркханда Джунаид не смог выстоять под натиском храбрых *гази* и укрылся в горах. Победоносное войско повернуло назад и прибыло в Бардван.

120 Тем временем Махмуд-хан, сын Сикандар-хана, Мухаммад-хан и другие заносчивые мятежники подняли смуту в городке Селимпур². Раджа отправил против них соответствующие силы, и произошло сражение. Мухаммад-хан был убит, а сын Сикандара бежал. Тогда же доставили известия, что Джунаид явился из бездны презрения и учинил беспорядки. Раджа отбыл в те земли. Джунаид покинул Джхаркханд и направился к Дауду в надежде, что, возможно, сможет провернуть с ним свои дела и обретёт возможность [устроить] мятеж. Вследствие своей заносчивости и чрезмерных амбиций он не смог заручиться поддержкой последнего и по пути назад услышал звуки приближения победоносного войска. Назр Бахадур, Абу-л Касим Намакин, Мухаммад-хан, сын Султан Адам Гакхара, Имам Кули Чулак, Бихархамал Хетри и несколько отважных воинов двигались впереди победоносной рати и по неопытности уехали слишком далеко, что было неразумно. Джунаид напал на них. Мухаммад-хан, Бихархамал и другие проявили отвагу и пожертвовали своими жизнями. Когда вести эти дошли до раджи Тодар Мала, он благоразумно бросился в погоню за негодяями, но Джунаид оказался не в состоянии противостоять ему и потому спешно бежал в Джхаркханд. Благодаря приумножающейся с каждым днём милости Аллаха, беспорядки удалось подавить.

Случилось также, что в Мулхаир³ пришёл Яр Мухаммад Аргун Каравал и разорил эти земли, завадев большим количеством имущества. Его трофеем стал слон Апар, один из известнейших

слонов тех мест. Хотя Муним-хан Хан-ханан призвал его к себе, тот принёс извинения и уехал к границам Джхаркханда, где занялся грабежами. Бродяги тех земель собрались вокруг него. Таким образом, он разорил город Белгхата, после чего направился в джунгли Луни⁴ и Канкар, являвшиеся приютом афганских семей. Там снова протянул руки власти и завладел множеством ценностей. Замысел его заключался в том, чтобы поспешить через Джхаркханд к возвышенному Двору и, таким образом, доставить в безопасное место награбленное. Когда он подошёл к Тара⁵, в джунгли приехали Бхупат Чохан и Шихаб, сын Дханджи. Победоносное войско погналось за ними. Бхупат из хитрости решил засвидетельствовать своё почтение (Яр Мухаммаду). Он выведал всё о состоянии его дел и в обличье друга повёл себя как враг. По его наущению Джунаид совершил ночную вылазку и завладел всем, что тот (Яр Мухаммад) добыл, включая добро купцов и больших караванов. Пребывающий в дрёме очнулся от сна небрежения и на своё счастье смог присоединиться к войску раджи. Узрев мощь последнего, Джунаид снова укрылся в горах.

Мухаммад Кули-хан Барлас выступил против Дауда с поддерживаемым небесами войском, но действовал осмотрительно. Когда он находился в 20 *косах* от Сатгаона, враги начали колебаться. Окропив свои головы пылью гибели, направились в сторону Ориссы. Победоносное войско стало лагерем у гавани Сатгаона. Распахнулись врата правосудия, и были приняты меры для умиротворения смятенных жителей. В это время шпионы сообщили, что Сирхари, являвшийся здравомыслящей душой Дауда, спешно двигался к землям Читара⁶. Хотя Мухаммад Кули-хан шёл с предельной скоростью, он так и не смог настичь его, и сей проворный ловкач сумел скрыться. Все мысли предводителей войска [крутились лишь] о передышке в тех местах. Тогда их нагнал раджа Тодар Мал и строго и прямодушно призвал продолжить путь в Ориссу и уничтожить Дауда. Силой своего ума и стойкостью к трудностям он излечил болтунов и поддержал Мухаммад Кули-хана Барласа. В середине Божественного месяца дай, когда они находились в городе Мандалпур⁷, умер Мухаммад Кули-хан. В период ухудшения здоровья он

съел пан, и у него началась лихорадка (*харарати*). Помимо этого никаких иных причин смерти не было выявлено. Кое-кто из дальновидных мужей приписали произошедшее злему умыслу одного раба, принадлежавшего Ходжа Сара⁸. Несколько человек послушали Кийя-хана, заводилу болтунов и недоброжелателя Хан-ханана, и решили отправиться ко Двору через Джхаркханд. Они предложили сделать поражение Джунаида трофеем для совершения *корниша*. Хотя раджа Тодар Мал действовал согласно велению собственного разума и законам преданности, всё оказалось тщетно. Он отправил гонцов к Хан-ханану с сообщением, что обуздать эту шайку можно, если послать деньги с кем-нибудь преданным и сладкоречивым. Муним-хан отправил значительную сумму через Лашкар-хана и выразил свои опасения и надежду. По заданию раджи посланец каким-то образом утихомирил рабов золотом. Благодаря прозорливости и усилиям Муним-хана к войску присоединились Шахам-хан, Ходжа Абдаллах и отряд отважных и преданных воинов, и с их прибытием порядок удалось восстановить. Сомневающиеся и недовольные сердца приняли решение уничтожить Дауда и отправиться в путь.

Дауд спешил к границам Индостана, собираясь провести свои дни в укроном месте безвестности, как вдруг узнал о разногласиях в победоносном войске и, подстрекаемый управлявшим для него Ориссой Хан Джаханом (Лоди), повернул назад с намерением дать бой. Военачальники покинули Бардван и через Мадаран⁹ прибыли в Читуа¹⁰. Поскольку чело многих военачальников всё ещё несло на себе след недовольства, раджа (Тодар Мал) подумал, что коли дела сложились таким образом, что же тогда будет в день битвы, когда должны кипеть преданность и отвага. Стало ясно, что лишь в случае приезда Хан-ханана пагубные намерения сбившихся с пути не нанесут вреда. Действуя в соответствии с этой идеей, он написал ему. Однако Хан-ханан был поглощён иными мыслями (опасениями) человека преклонных лет и не учёл, что если в войске не всё гладко, ситуация может сильно осложниться. В это время прозорливость Властелина Мира взяла дело в свои руки. Одним словом, резвые сазавалы доставили [Хан-ханану] священный при-

каз, который состоял в следующем. Поскольку с помощью небес эта прекрасная страна находилась в руках царских слуг, а жители её обрели правосудие, он не должен воспринимать победу над врагом как лёгкое дело, а обязан направить все силы на его уничтожение, дабы люди смогли раз и навсегда освободиться от смуты. Хан-ханану пришлось подчиниться и приступить к выполнению задачи. Он присоединился к войску в Читуа. Дауд находился с большими силами в Харпуре¹¹, расположенном между Бенгалией и Ориссой, и занимался укреплением подступов. Многие военачальники и простые воины по глупости, трусости и [под грузом] неподобающих намерений не горели желанием выполнить приказ, а хотели заключить что-то вроде соглашения (с врагом). Хан-ханан созвал совет из просвещённых мужей и первым делом прочёл главы из падишахской книги удачи¹² (письма) и принялся воодушевлять их. Затем заговорил об ослаблении узлов препятствий и сохранении достоинства. Каждый военачальник отвечал в зависимости от собственных познаний и мудрости, а также степени преданности. Одни предпочли войне мир, стремясь к безопасности. Другие же обратились сердцем к сражению, но размышляли о трудностях пути. Иные от избытка отваги не видели разницы между лёгким и трудным и возрадовались грядущей битве. Наконец, стараниями раджи Тодар Мала и благодаря твёрдости Муним-хана Хан-ханана все пришли к мнению, что битва должна состояться. Однако попытались найти иной путь, ибо прямой казался им сложным. Илиас-хан Ланга и те, что знали о сложностях, которые могут возникнуть в [бенгальских] землях, указали на нужное направление и сослужили этим добрую службу. Усердные и упорные получили приказ отправиться вперёд и расчистить дорогу, и они быстро и ловко прошли этим маршрутом до Ориссы. Все планы Дауда по укреплению подступов пошли прахом: вернувшись назад в растерянности, всё же решил дать бой. Оба войска сошлись лицом к лицу в Тукарои, и поле битвы украсилось вспышками мечей героев. Храбрецы отличились с обеих сторон, и монета доблести прошла решающую проверку. В итоге благодаря удаче Шахиншаха в день дин, 24-го числа Божественного месяца исфандармаз, соответствовавший пятнице, 20 зу-ль-каада [982 г.х.]

(3 марта 1575 г.), Дауд потерпел поражение, и множество воинов были преданы смерти. Вот рассказ об этом великом событии. Когда Хан-ханан пришёл к решению принять бой, войска построили следующим образом. Он сам возглавил центр вместе с Лашкар-ханом, Хашим-ханом, Махасан-ханом и другими энергичными воинами. *Алтимашем* командовал Кийя-хан, Ханзада Мухаммад-хан, сын Кочак Али-хана Бадахши, и другие. *Харавал* (авангард) составили Алам-хан, Ходжа Абдаллах, Широия-хан, Сайид Абдаллах, Мирза Али Аламшахи, Шах Тахир, Шах Халил, Талиб-хан, Ниябат-хан, Мирза Мухаммад Джалаир, Хан Кули Дивана, Хафиз Коса, Шуджа бек... Правый фланг доверили силе и мудрости Шахам-хана Джалаира, Мухаммад Кули Токбаи, Паянда Мухаммад-хана, Итимад-хана, Катлак Кадам-хана и Сайид Шамс-ад-дина Бухари. На левом фланге находились Ашраф-хан, раджа Тодар Мал, Музаффар Могол, Яр Мухаммад Каравал, Абу-л Касим Намакин и другие. После того как враг выступил против победоносного войска, мужество изо дня в день проходило проверку, а подвиги совершались с обеих сторон.

Из-за обилия разбрызганной повсюду крови

Земля напоминала лик истерзанный.

Три дня кровь проливалась;

Герои бились непрерывно.

В тот день, вследствие противостояния планет, храбрецы не собирались завязывать бой, и потому подготовка к битве шла своим чередом. Неожиданно враг выстроился в боевом порядке. В самом центре Дауд нагромоздил орудия собственного уничтожения. Правый фланг был погружён во мрак Сикандара¹³, брата Хан Джахана. Левый же оказался под властью злобных мыслей Исмаил-хана. Авангардом командовал Гуджар-хан. Сражение началось внезапно. Хан-ханану пришлось подтянуть свои войска, и этим он обрёл поддержку удачи Шахиншаха. Хан Алам из благородства и неимоверной отваги оборвал нить осмотрительности и подъехал слишком близко к врагу. Лучники¹⁴ принялись за своё дело, и завязалась

горячая битва. Хан-ханан осерчал на столь неразумные действия и направил ему приказ вернуться назад. Падишахские силы ещё как следует не построились, когда Гуджар-хан атаковал их с внушительным количеством боевых слонов, за которыми следовало его самонадеянное и дерзкое войско. Поскольку бивни, головы и шеи слонов были защищены хвостами чёрных яков и шкурами животных, весь их облик наводил ужас и вызывал тревогу. В результате кони царского авангарда испугались столь необычного зрелища и, заслышав жуткие крики, повернули назад. Всадники прилагали невероятные усилия, но так и не смогли ничего сделать. Хан Алам, восседавший на испытанном и бесстрашном скакуне, не отступил и проявил мужество, сокрушив множество афганцев. Внезапно его конь получил удар мечом и встал на дыбы, в результате чего хан упал. Однако ловко вскочил в седло и вновь украсил сражение. Тогда-то его и постигла неудача: его сбросил слон. Афганцы стали напирать, и он отдал жизнь так, как это делают преданные и прославленные представители видимого и невидимого миров. Посредством сей выгодной торговли (*аз саудаи пур суд*) ещё одно имя стало бессмертным. Уже до того как поднялась пыль войны, он сказал нескольким преданным слугам счастливого порога о возникшем у него предчувствии, что он падёт на сем пиру сражения, и потому надеется, что они упомянут о его преданности при священном Дворе и объявят на великом собрании, что служение властелину горизонтов — средство обретения спасения и украшения вечной жизни. Что невозможного в подобных знаках, ниспосылаемых чистым сердцам искренних?

Как только предводителя убили, Гуджар-хан отвёл свои силы и атаковал *алтимаш*. Когда он приблизился к последнему, тот нанёс удар. Ханзада Мухаммад-хан бесстрашно пожертвовал жизнью и отправился в вечный мир. Самонадеянный и дерзкий [афганец] разгромил отряд (*алтимаш*) и переключился на центр. Мужество воинов (центра) дало трещину, и они были наказаны за свою слабость. Муним-хан Хан-ханан с Лашкар-ханом, Хаджи-ханом Систани, Хашим-ханом и другими воинами твёрдо удерживали [занятые] позиции и храбро сражались. Хотя слуги Хан-ханана действовали не совсем подобающим образом, он неустрашимо получал удары. Не-

смотря на многочисленные ранения в голову, шею и плечо, он не сдавался и орудовал хлыстом¹⁵. Хан-ханан бывало говорил, что хотя полученные в голову и шею раны зажили, зрение его ухудшилось, и он не может повернуть голову, чтобы посмотреть назад, а из-за повреждённого плеча не в состоянии полноценно поднять руку до уровня головы. Несмотря на все эти тяжёлые травмы, ему и в голову не пришло отступить. Тогда несколько преданных воинов схватили его поводья и попытались увести. Гуджар оттеснял их до самого падишахского стана. Последний был разграблен, что поспособствовало усилению его гордости и самомнения. Опьянённый и надменный, он закричал во весь голос, дабы воодушевить своих людей: «Я нанёс серьёзные раны Хан-ханану, что хорошо для продолжения боя, так что постараемся и доведём дело до конца». Однако, испугавшись изменчивости судьбы, сказал своим доверенным лицам: «Несмотря на знаки победы душа моя не радуется, и время от времени меня охватывает печаль. Я не знаю, что нам уготовлено за занавесом судьбы, и чем всё закончится». Когда же выехал за пределы лагеря, значительная часть его людей рассеялась и предалась грабежам. В это время Кийя-хан с сыном стали теснить негодяев и продолжали сражаться. Ходжа Абдаллах, Широия-хан, Салим-хан, Хаджи Юсуф-хан, Шуджа бек, Джаббар Кули Дивана, Хафиз Коса и другие *направили убежавшую воду в своё русло*, и воссияла Божественная милость — гарант надежд великой власти. Мощь покровительства Шахиншаха взяла верх. Когда храбрые и преданные ринулись снова в бой, стрела из колчана судьбы доставила Гуджару приказ смерти. Только его убили, сторонники пали духом и бежали, и таким образом, кроме расставшихся с жизнью оказалось много тех, кто потерял свою честь. Хан-ханан, отъехавший от лагеря на три коса, вернулся назад и обратился лицом к полю боя. Во время волнений, когда герои правого и левого флангов выстроились и ринулись в бой, против них выступил правый фланг врага. Прослышав об удаче Гуджара, воины уже было хотели к нему присоединиться, как случилось predetermined (его смерть). Они бежали без боя. Тогда Дауд атаковал царский левый фланг. Раджа Тодар Мал силой ума удерживал позиции, и войска его стояли наготове. Тем временем

один из пустозвонов доставил известия о Хан-ханане и Хан Аламе. Однако раджа был твёрд и ответил: «Луч удачи Шахиншаха освещает головы мужественных и верных воинов, и то, что дни одного из них подошли к концу, а поступь другого ослабла, не пошатнёт основание судьбы, так что не стоит усердным приверженцам власти тревожиться. Не болтайте попусту и не произносите подобное. Вот-вот подует ветерок победы; свет успеха уже брезжит на горизонте надежды». Произнеся слова ободрения, он наложил печать молчания на уста недоброжелателя и украсил уши его понимания драгоценными камнями наставлений. Сам же обратился к руководству преданными. Бабаи Кулаби, Максуд Али, Мир Юсуф Аббарани (по имени реки Баран в Афганистане), Хусейн бек Гурд и другие энергичные воины отправились вперёд, принять участие в сражении. Шахам-хан Джалаир пал духом, услышав о храбрости Гуджара и смятении в войске, и повернул назад. Сайид Шамс-ад-дин Бухари с отрядом единоклубных храбрецов поговорили с ним посредством горьковато-сладких слов, дабы успокоить его душу и подвигнуть к действию, и, таким образом, излечили его. Благодаря ноябрьским облакам этих воинов с океаноподобными сердцами и блюстителей чести пыль опасений была прибита, и храбрецы правого фланга укрепились сердцем и душой, и повернулись лицом к левому флангу противника. Завязался бой, и через короткое время врага оттеснили, и победители атаковали центр. Когда исход битвы колебался между победой Дауда и раджи, в бой вступил правый фланг падишахской рати, и враг пришёл в замешательство. Хотя Дауд уже знал о разгроме авангарда, *алтимаша* и центра царских сил, мощь удачи Шахиншаха заставила его пойти на хитрость и использовать опытных воинов, и потому он решил укрыться в каменном дворце трусости, пока не подошло войско (царский правый фланг). Неблагодарный потерял всякий стыд и бежал в пустыню уничтожения. Тогда же доставили известия о смерти Гуджара, и началось спешное отступление. Победоносные воины преследовали [врага] с обнажёнными мечами. Много негодяев заснуло сном небытия, а равнина от крови убитых напоминала сад с тюльпанами.

126

В каждом углу валялся опьянённый [воин],
Был он так пьян, что трезвым стать ему не суждено.
Вы скажете, что это пир был, не сражение, —
Пир, на котором храбрецы вина испили.

Была захвачена богатая добыча, и повсюду царила земная и духовная удача. Снизлошло видимое и незримое счастье. Царские слуги обрели желаемое и разразились молитвами благодарности.

О искатель просветления, раскрой очи назидательности и узри просвещённым взором чудеса Божественного содействия! Продвигайтесь от отрицания к осознанию, от осознания к доверию, от доверия к высочайшей ступени преданности и возрадуйтесь истине!

Мудрость не поспевает за поступью его возвышенной удачи.
Приветствую тебя, о власть судьбы, Аллах Акбар.

После столь неожиданной победы, одержанной с Божьей помощью, телесные ранения и внутренние шрамы Хан-ханана исцелились бальзамом завоевания. Хотя Бенгалия прежде уже была покорена, всё же, по мнению проникательных наблюдателей, именно этот день стал днём завоевания сей обширной территории. Великое благо явилось из тайных палат в яркий зал проявления. [Высоко вознеслась] колонна судьбы. Хан-ханан избрал поле битвы местом для стоянки лагеря и возблагодарил [судьбу]. На следующий день, вследствие порочности толпы неблагодарных и непреодолимой власти гнева, он занялся пленными. Их души были отделены от тела, а из голов в назидание остальным сооружены восемь поднебесных минаретов. Когда известия о великой победе достигли царственного слуха, приумножилось осознание действительности, и воздалась благодарность [небесам]. [Увидели свет] указы высочайшей милости, и возросла слава преданных и верных. Их внешнее положение возвысилось вместе с внутренним достоинством.

Одним из событий этих дней явилось переполнение чаши жизни Лашкар-хана. Он уже начал излечиваться от тяжёлых ран,

полученных в день сражения, но умер вследствие беспечности и пренебрежения в период выздоровления.

Тем временем был предан смерти Яр Мухаммад Аргун — царский охотник и исправный слуга. Однако добрая [и старательная] служба в Бенгалии завела его в дебри высокомерия. В результате поисков и значительных усилий он завладел спрятанными сокровищами¹⁶ и повёл себя самонадеянно, как если бы являлся главнокомандующим войска. Хотя Муним-хан послал за захваченным им слоном Апаром, тот не прислал его. Советам не внимал. В этой битве поссорился [даже] с несколькими своими слугами из-за добычи. Когда они потребовали справедливости, старые разногласия разгорелись вновь. Не разобравшись как следует в деле и не вникнув в него, он (Муним) поднял длань гнева и приговорил [Яр Мухаммада] к смерти. Того так сильно избили, что уничтожили само основание его жизни. Несмотря на то что с ним обошлись очень жестоко, всё же многие порочные и заносчивые были направлены [этим примером] в счастливые земли повиновения.

Глава 24

Начало 20-го Божественного года
с момента [священного] Восшествия
на престол [Его Величества] Шахиншаха
— года абан второго цикла

В сей период распространения справедливости и украшения мира гонцы доставили добрые вести, объявив о наступлении весны и ниспослав всемирную радость.

День сей — день радости, а год — год роз;
В сердце добро царит, ниспосланное розой.
Что это за роза? То вестник сада радости.
Что это за роза? Письмо, провозглашающее
славу мироздания.

128 В пятницу, 27 зу-ль-каада 982 г.х. (11 марта 1575 г.), по прошествии 7 часов 35 минут украшатель мира (Солнце) отбросил свои лучи на дом Овна.

Они картину прикрепили к длани утра,
Придав ей красоту ранней весны.
Весну же время одарило красками и благоуханием,
Букет вложило в руку пожелания.

Начался двадцатый год [правления Акбара, восьмой год] второго цикла. Повсюду царили веселье и вселенская радость. Как земная весна год за годом совершенствует красоту молодых побегов и приумножает радость созерцателей земных мгновений, так и ве-

сенняя пора судьбы восседающего на троне мужа украшает цветник верховной власти эволюцией девственного духа и способствует росту славы таинственных творцов существования и Божественности. Возрадуются же те, чьё наслаждение мистическим садом превышает восторг почитателей материальных цветов земной весны. Хотя в основу этого манускрипта Божественного восхваления заложено описание чудесных проявлений земной удачи, служащей украшением слов и придающей им яркость, всё же проницательная и мудрая душа не сможет создать бальзам абсолютного познания беспредельного духовного правителя даже с тысячью факелов Божественного содействия. Обладают ли в таком случае рука, перо, бумага и чернила достаточной силой, чтобы выполнить эту великую задачу? Однако если уж есть талант, благоволит судьба и сложились обстоятельства, выпущу я маленькую струйку воды из глубокой реки, дабы оросить опалённые души пустыни исканий и озарить великолепные палаты лучами светоча зрения и, таким образом, осветить погрязших во тьме мужей нашего времени. О ты, чья удача дремлет, если чувствуешь, что не по силам тебе внутреннее зрение, используй внешнее — оно зависит лишь от твоей собственной воли. Так почему же не откроешь глаза и не посмотришь на скрижаль деяний *Хедива Мира*? Коли не в состоянии ты созерцать сие вместилище святости, почему бы не прекратить тебе читать о жизни тех, кто близок к возвышенному Двору? Если по злему року и от преобладания эгоизма над мудростью ты не можешь сделать этого, взгляни на сей труд судьбы («Икбал-наме», то есть «Акбар-наме»), дабы святое благословение сего уникального и несравненного правителя даровало тебе озаряющий луч. Если внутренняя тьма закрывает своей пеленой твой земной взор, последуй примеру преданных судьбе мужей и посредством чудесных знаков познай высокое положение Властелина Мира! Подвиги, которые в былые времена с трудом свершали могущественные принцы, поныне с лёгкостью являют слуги Его Величества. Затем, уходя от преходящего к вечному, познай блаженство священного духа (Акбара) и коснись ликом сердца и земным челом небесного порога, дабы подобно благословенным мужам ты сперва

привёл в порядок своё внешнее состояние, после чего вступил бы в вечнозелёный розарий внутреннего мира!

Ещё одним примером удачи, украсившей начало сего года, явилось то, что Дауд, носивший на своём челе корону правителя, сделал её подножием двора удачи Шахиншаха и стал слугой порогов судьбы.

Глава 25

Приезд Дауда к Муним-хану Хан-ханану и украшение пира согласия

Когда при содействии небесных воинств, вечно сражающихся за приумножение удачи Властелина Мира и возвышение знамён его судьбы, Дауд покрыл свою голову пылью позора и бежал, а Гуджар и иные гордецы отправились в пропасть уничтожения, о чём уже было вкратце поведано, Хан-ханан, действуя в соответствии с советами опытных мужей, послал Шахам-хана Джалаира и раджу Тодар Мала в погоню за негодеем. Кабул-хан, Мухаммад Кули Токбаи, Саид Бадахши, Камар-хан, Шах Тахир, Шах Халил, Талиб Бахши и множество ревностных воинов отпечатали в [собственных умах] каноны военного искусства и отправились исполнить свой долг. Потерявший голову Дауд поспешил в дебри бесчестия. Когда царские войска подошли уже к городу Бхадрак, он решил, что Джахан-хан должен как можно скорее к нему присоединиться, воодушевить его и сопроводить к крепости Катак (Чуттак), одной из самых неприступных цитаделей той провинции. Вокруг него собрался всякий сброд, и негодяи постановили, что в случае прихода победоносного войска вступят с ним в бой, поскольку неожиданное поражение (поражение при Тукарой) явилось результатом неосмотрительности. Если же противник задержится, они подготовятся к битве и в случае благоприятных обстоятельств возьмут реванш. Когда отмеченные сединой [царские] слуги, чья удача пребывала в дреме, узнали об этом, то испугались. Эти смутьяны стали активно плести интриги. Хотя раджа Тодар Мал применил всю свою мудрость и преданность и попытался усмирить и успокоить толпу,

ничего не вышло. Ему пришлось [в письме] просить Хан-ханана приехать, где откровенно написал, что трудную задачу можно облегчить [лишь] при помощи удачи Шахиншаха. Если доверяться тщеславным людям, не заботящимся и не думающим о дне расплаты, всё снова осложнится. Будет лучше, если Хан-ханан возьмёт дело в свои руки и без промедления отправится в путь. Хотя раны Хан-ханана ещё не зажили, он сел в паланкин¹ и спешно прибыл на место. Успокоив пустоголовых и укорив заносчивых, отвратил их, таким образом, от пагубных мыслей, после чего отправился в путь. Когда приблизился к неприступной крепости, которую глупые афганцы сделали [для себя] убежищем, уверенности у последних прибавилось. Орудий для обороны твердыни и боеприпасов для сражения, а также пути к отступлению у них не имелось, а численность победоносной рати была значительна. Дауд по совету интриганов решил применить стратегическую хитрость: стал просить пощады и постучался в двери мира. И направил [к падишахскому войску] Фатту, Шейх Низама и других военачальников, и эти хитрецы при помощи золота и слов убедили предводителей [царского] войска согласиться на их предложение. Отмеченные сединой слуги, чья удача пребывала в дрёме, приложили все усилия², чтобы преувеличить возможности противника, и, посчитав это средством приумножения собственной репутации, преподнесли предложение о мирном урегулировании вопроса как выгодное. Хотя раджа Тодар Мал, знавший истинное положение вещей, попытался сделать всё от него зависящее, ничего не вышло. В сей обители тьмы факел его предостережений не излучал света! Хан-ханан направил послами Хашим-хана и Кутлук Кадам-хана изложить условия мира. Суть соглашения состояла в том, чтобы Дауд первым делом приехал и поступил на службу к священному Двору, а также направил туда лучших слонов и другие ценные дары. Через какое-то время, когда он сослужит добрую службу, он должен будет явиться к священному порогу Шахиншаха с пристыженным челом и окрасить оное преданностью. В настоящее же время должен послать доверенных родственников ко Двору в качестве своих представителей.

Так как положение Дауда оказалось безвыходным, он принял

все условия. 3-го числа Божественного месяца ардибихшт, соответствовавшего 1 мухарраму 983 г.х.³ (12 апреля 1575 г.), состоялся праздник. Устроили пир примирения. Предварительно избрали приятное место за пределами лагеря, которое украсили, дабы доставить удовольствие наблюдателям. Хан-ханан прибыл в палаты радости в вышеназванный день, и началось празднование. Ашраф-хан и Хаджи-хан Систани доставили Дауда и его сановников. Хан-ханан пошёл к краю ковра поприветствовать его и продемонстрировал ему своё расположение. Дауд отвязал меч и оставил его позади себя, демонстрируя, что отрекается от войны и передаёт себя в распоряжение возвышенного Двора и сделает всё, что от него потребуют столпы государства. Хан-ханан поручил его слугам, и через какое-то время ему пожаловали великолепный *хилат* от лица порога Халифата, а талия его украсилась мечом и расшитым поясом. Дауд с раболепнейшей преданностью повернул в сторону столицы и взмолился принять его на службу. Он преподнёс лучших слонов, диковины своей страны и значительную сумму, а также направил приходившегося ему племянником Шейх Мухаммада, сына Баязида, ко Двору вместе с Муним-ханом. Большую часть дня посвятили пиру и ликованию, и когда Дауд получил дозволение уехать, несколько земельных наделов Ориссы⁴ были пожалованы ему в управление. После того как Муним-хан вывел его из ущелья трудностей на широкие просторы радости, он уехал назад (в лагерь). Многие возрадовались, но не раджа Тодар Мал, чей разум вследствие проныцательности предавался размышлениям, и потому он не пожелал присутствовать на пиру и не поставил свою печать на соглашении о мире. Поскольку мир — место, где все получают по заслугам, каждому вскоре воздалось сторицей⁵ за содеянное.

131

Следует отметить восстание в Гхорагхате. Вкратце дело произошло так. Когда Хан-ханан со значительными силами направлялся в Катак, Кала Пахар и Бабуи Манкали с отрядом афганцев учинили беспорядки и напали на *какшалов*⁶. Те, оказав слабое сопротивление, покрыли свою честь пылью позора. Афганцы захватили Гхорагхат и погнались за *какшалами*. Последние не смогли найти почву для твёрдой поступи и прибыли в Танду. Хан-ханан спешно

повернул назад и, не заезжая в Танду, направился в её окрестности, чтобы сразиться с врагом. Противник уверенно стоял лагерем на другом берегу Ганга. Искусные военачальники падишахской рати решили двигаться вверх по реке к тому месту, где Ганг разделяется на два притока, перешли через один из них и уже собирались переправиться через другой, когда враги пали духом. Они запятнали себя грязью поражения и бежали. Хан-ханан поспешил с войском к границам Танды и оттуда отправил силы под предводительством Меджнун-хана в Гхорагхат. Усердные воины вновь захватили эту страну, а смутьяны оказались в пропасти презрения. Хан-ханан возблагодарил Аллаха и удачу Шахиншаха и вернулся в (Танду).

Глава 26

О событиях в провинции Бихар,
многочисленных доблестях
Музаффар-хана и о том, как он вернул
себе благосклонность [Шахиншаха]

Несметны милости, которыми Шахиншах одаряет род людской, и потому последние должны осознать, что никогда не смогут полностью отблагодарить за них. Как же тогда приближённым ко Двору выда-

132

ющимся членам собрания справедливости избавиться от бремени своей благодарности? Поистине, кто на это отважится и найдёт в себе силы погрузиться в раздумья о воздаянии? Верность, которую в течение долгой жизни хранят всецело преданные, опытные мужи, не может сполна оплатить даже одну из тысячи его милостей! Но первый шаг к благодарности — не забыть после осознания размера милости составить список выражения почтения, опоясаться усердным служением и считать каждое доброе дело одним из тысячи актов выражения признательности. [Это необходимо] чтобы всегда испытывать смущение и стыд, не ослаблять нить раздумий и не позволять мыслям о несовершенном служении всех остальных и собственных славных деяниях стать основой для высокомерия. Пусть же кто-то посредством благодарной жизни поднимется до высот чистой искренности (*ихлас*) и станет опорой порогов преданности! Да перейдёт он на уровень служения и наложит печать молчания на свои уста. Приветствую счастливого, чело судьбы которого не покрыто пылью странствий по ухабам пути служения. И если по злему року его коснётся грязь стыда, пусть омоет он лицо прозрачной водой понимания и с открытым челом и радостным ликом продолжит делать то, что предопределено ему судьбой. Разве можно сказать, что ничего не изменится (к лучшему) посредством

подобной покорности. Наоборот, даже утомлённые долгой привычкой повиновения и служения души удостоятся луча его Присутствия и время от времени будут свидетелями усиления света. Ярким примером вышесказанного служит история Музаффар-хана.

Мы уже рассказывали, как Его Величество, вследствие своей дальновидности и в воспитательных целях, не позволил [Музаффару] явиться ко Двору и велел ему на обратном пути после завоевания Патны помочь Фархат-хану захватить крепость Рохтас. Если же он не в состоянии увидеть в этом доброту и наставительную силу Шахиншаха, как подобает истинно преданным, он не должен забывать о выгоде и оказанных милостях, а потому обязан в ответ на прославленные благодеяния выразить благодарность посредством доброй службы. Какое-то время его преследовала череда неудач, и он пронзил рукой самонадеянности своё сердце и печень. Но поскольку судьба благоволила к нему, [всё-таки] поборол беспокойство благодаря наставлениям Ходжа Шамс-ад-дина Хафи и принялся исполнять свой долг. Взяв часть награбленного богатства, потратил его на вооружение войска. Благодаря [небывалой] отваге захватил Чаунд и Шахсарам (Сассерам), которые из-за множества государственных дел так и не были ещё никому пожалованы в качестве *джагиров*, после чего стал готовиться (к походу). И был готов выполнить долг. В это время приехал Фарат-хан и другие военачальники, дабы оказать содействие в осаде цитадели. Всего за несколько дней он продемонстрировал свои качества. Вот краткий рассказ об этих [событиях]. Однажды Бахадур, сын Хайбат-хана, выехал из крепости Рохтас и поднял мятеж. Музаффар-хан проявил рвение и как следует его наказал: захватил его слонов и другое имущество. Вследствие доброго расположения духа (у Музаффара) его блуждающие воды вернулись в своё русло. Тотчас же были водружены в тех районах штандарты доверия. Примерно в то же время прибыли принять участие в осаде другие военачальники. Музаффар искренне присоединился к Фархат-хану и помог ему в выполнении задуманного. Вскоре его коснулся луч царской милости, и был издан указ [следующего содержания]. Если он и другие военачальники установят время, в течение которого планируют взять крепость, он должен

проявить себя в выполнении этой великой задачи. Раз не сможет установить сроки или для этого потребуется какое-то время, то должен отложить это дело и обратить все силы на наказание мятежных афганцев, поднявших смуту в Бихаре. Если же те склонят головы, то получают прощение. В противном случае он должен догнать их и преподать урок.

Получив приказ, Музаффар-хан пал ниц и ответил, что у него нет с собой осадного обоза, да и установить время для взятия крепости пока невозможно. Первым делом следует очистить страну от мусора бунтовщиков. И вознамерился выполнить приказ совместно с царскими войсками. Мирза Али-хан и другие ревностные труженики, оставленные Шахиншахом в тех землях, отправились в путь вместе с ним. Мухасан-хан, Афак, Араб Бахадур и отряд воинов, присматривавших за *джагиром* Муним-хана, также присоединились к нему и сослужили добрую службу. Способности Музаффара прошли проверку, и пыль мятежа улеглась во всей провинции. Адам-хан Батани бежал без боя из Ибрахимпура в Джхаркханд, а Дария-хан Каши скрылся в том же направлении из Чаркана¹.

Когда уже больше ничего не оставалось делать, люди Муним-хана воспылали завистью к удаче Музаффара-хана и, потеряв совесть, отослали его от себя. Поскольку у него не было своего земельного надела, ему пришлось вернуться в Чаунд и Сассерам и просить помощи у Худадад Барласа и Ходжа Шамс-ад-дина. По пути он узнал, что высокомерный гарнизон Рохтаса захватил два вышеназванных города. Поскольку ему сопутствовала удача, и звезда сияла на небосводе, а пыль страха не осела на полах его отваги, он отправился со смелым сердцем в те земли. И блеском своего меча и силой ума освободил эти города. При помощи дальновидного разума подавил желания и стал ждать таинственного откровения. Он потратил часть приобретённых богатств во благо служения и получил удовольствие от атак и грабежей. Внезапно поднялся мятеж в Бихаре. Управители этой страны, хладнокровно забыв о прошлом (*ба фирагхат-и-тамам*), попросили у него помощи. Музаффар-хан решил забыть об их прежнем поведении и поспешил выполнить приказ своего господина. И сослужил добрую службу. Вот краткий

134

рассказ о том, как Муним-хан Хан-ханан оставил Араб Бахадура в Махере², что расположен между Бихаром и Джхаркхандом. В это время два брата, Хаджи и Гази, выступили из Джхаркханда вместе с отрядом мятежных афганцев и захватили крепость. Значительная часть гарнизона была перебита, но Арабу удалось спастись. Военачальники провинции собрались вместе и попросили помощи в подавлении беспорядков. Афганцы скрылись в горных ущельях и засели там. Военачальники отправились за ними, но затем стали колебаться. Они не могли никак решить, продолжить им путь или повернуть назад. В это время около 300 раджпутов раджи Бхагван Даса смело вступили в ущелья без своего господина, но из-за неразумного поведения потерпели поражение. Джиа Кор, Кан Качваха, Дида Чохан и около ста храбрецов позволили украсть свои жизни (были убиты). Когда произошло сие ужасное событие, военачальники пали духом. Они устыдились своего прежнего поведения и оказались вынуждены отправить послов к Музаффар-хану и просить его о помощи. Он сразу же к ним присоединился. Когда на востоке удачи поднимался авангард победы, военачальники бездействовали. Кажется, причиной тому послужило письмо Хан-ханана. В нём говорилось, что Джунаид спешно отправился в Бихар из Джхаркханда, а Тенгри Барди назначен командующим большими силами отважных воинов. И потому не стоит торопиться и вступать в бой до тех пор, пока не прибудет помощь. Письмо также затрагивало описанные ранее печальные события — смерть Мухаммад-хана Гакхара и ограбление Яр Мухаммад Каравала.

Музаффар-хан был твёрд и ответил, что правильнее было бы посмотреть на данное обстоятельство (на приближение Джунаида) как повод собраться с силами и подготовиться к бою, дабы разобратся с дерзкими мятежниками до прибытия Джунаида. Никто не знал, прибудет ли негодяй в течение последующих десяти дней, а потому была надежда, что злодеев можно уничтожить в течение суток. Благодаря приумножающейся с каждым днём удаче (Акбара),
135 сила духа, оставившая военачальников, вернулась к ним, и они пообещали действовать единодушно и подготовились к бою. С Божьей помощью несколько знакомых с этими местами человек указали

дорогу, и было решено, что войско пойдёт прямо на врага, но будет двигаться достаточно медленно, дабы другие силы зашли противнику в тыл по вышеназванной тропе. Все согласились с этим планом, и силы были построены следующим образом. Музаффар-хан командовал центром, Фатх-хан Майдани возглавил правое крыло, а Фархат-хан — левое. В авангарде были Мирзада Али-хан, Каратак-хан, Хусейн-хан, Ахта, Афак, Баки Кулаби, Сохраб Туркаман, Араб Бахадур, Шер Мухаммад Дивана, Кучак Кандузи и другие храбрые и ревностные воины. Ходжа Шамс-ад-дин вместе с несколькими отважными и опытными воинами получил приказ пройти другим путём и подойти к врагу с тыла. Враги преисполнились уверенности вследствие своей удачной дислокации и численности, но прямо перед ними внезапно появилась победоносная рать, и одновременно с другой стороны показались остальные силы. Твёрдость их поступи пошатнулась, а мужество скрылось за занавесом. Была одержана великая победа, и захвачена богатая добыча. Военачальники предприняли попытку преследовать врагов. Последние отступили в горы Рампура, что на территории Джхаркханда, и столкнулись лицом к лицу с преследователями. Лучше всего себя проявили Адам Батани, сын Фатх-хана, Дария-хан Какар, Джалал-хан Сур, Хусейн-хан, Гази-хан, Юсуф Батани, Умар-хан Какар и Махмуд Касу. Музаффар-хан искусно построил свои войска.

Забили барабаны, войска развернулись,
Мечи сверкали, бушевала пыль,
Всадники перемешались на одном поле [брани],
Пешие ратники бились друг с другом,
От крови отважных и от пыли, поднятой воинствами,
Земля стала красной, и воздух почернел.

В разгар сражения Ходжа Шамс-ад-дин с отрядом ревностных витязей напал, как и до этого, на врага с тыла и отважно бился. Среди отличившихся канули в пыль уничтожения Хусейн-хан, Гази-хан и Джалал-хан Сур. Когда руки врага утомились от битвы, он бежал, и великая победа явила свой лик при помощи

удачи Шахиншаха. Были произнесены слова благодарности, но из предосторожности войско считало неразумным там оставаться и вернулось с победой назад. Каждый затем отправился к себе в желание получить передышку.

136 Когда Джунаид, задумавший напасть на Бихар, узнал об этом приумножающем власть событии, он остановился и стал ждать подходящей возможности. По прошествии многих дней Джунаид решил, что время пришло, и поехал мутить воду в Бихаре. Военачальники той провинции собрались в Патне и стали решать, как им выйти из положения. Они написали Музаффар-хану и попросили у него помощи. Тот положился на приумножающуюся с каждым днём удачу Шахиншаха и направился к ним. Поскольку он проявил решимость, сослужил добрую службу и выказал преданность, ему ещё до возвращения доставили священный рескрипт, из которого следовало, что некий молчаливый язык просветил сердце Его Величества в отношении его выдающихся подвигов, и *саркар* Джайпур, ранее принадлежавший Мухаммад Кули-хану Барласу³, теперь пожалован ему. Получив хорошие вести, он стал собирателем цветов в саду преданности, и росток его духа обрёл зрелость. Сердце его увеличилось, а намерения обрели крылья. С большим воодушевлением присоединился он к военачальникам и принялся за уничтожение злобных и мятежных. Он построил мост через Пун-пун и переправился на другую сторону.

В это время доставили срочную депешу от Хан-ханана, в которой сообщалось, что не стоит торопиться вступать в бой с Джунаидом, так как он сам хочет приехать [и принять участие в этом деле]. Военачальники отложили задуманное и решили подождать. Хотя Музаффар-хан давал им дельные советы, всё оказалось напрасно. Сердце его не находило места оттого, что они должны повернуть назад на полпути, и он был уже готов схватиться с Джунаидом лично, но в Джайпуре поднялся мятеж. Ему пришлось повернуть туда. Вот как это произошло. Тадж-хан Панвар, Фатх-хан Мусазай, Шахбаз-хан Араби, Сулейман Панвар и Тхан Рай приехали и предали смерти Мир Махмуд Шаукати, который управлял Джайпуром от лица Музаффар-хана, и убили больше сотни других

людей. Из необходимости Музаффар отвёл свою длань от Джуна-ида и отправился в Джайпур вместе с Худадад Барласом, Арабом, Ходжа Шамс-ад-дином и несколькими верными слугами. Несмотря на превосходящую численность противника он, при поддержке связанной с вечностью удачи, обратился всеми своими силами к сражению. Поскольку было невозможно переправиться [через реку] на глазах у врага, он перешёл Ганг [в другом месте] и приблизился к городу Сивана. Бурная река Гандак оказалась между ним и Джайпуром, афганцы же радовались своей многочисленности и незначительному числу падишахских сил. Но у него имелось рвение — ключ к любому предприятию, а также удача и благие намерения, и потому он обрёл средства достижения успеха. Первым к цели устремился Удай-хан, *заминдар* Джитарана⁴, и когда на одной стороне расположилась толпа бродяг, а на другой собирались переправиться через реку избранные воины, и само выполнение задуманного представлялось крайне трудной задачей, вышеназванный землевладелец стал проводником рати и вспомнил, что вверх по течению проживает несколько его родственников, которые могут стать средством обретения удачи. Там же можно воспользоваться и крепкими лодками. Правильнее будет, если победоносное войско выстроится перед врагом и запоёт триумфальную песнь, а специально отобранный отряд расторопных и отважных воинов перейдёт ночью через реку. Когда последние будут почти на месте, войско переправится прямо к врагу, и в самый разгар сражения в бой вступит резервный отряд и повергнет противника в ужас. В соответствии с этим планом 300 ратников под командованием Касим Али Систани и Араб Бахадুরа отправились в путь через пустыню благополучия. Быстроходные вестники получили приказ донести, когда отряд переправится и будет на подходе. Когда мир озарился сиянием света Акбара (*найир-и-акбар*) и великого светила (*найир-и-азам*, солнце), и стало известно, что отряд героев пересёк реку и уже совсем близко, Музаффар-хан посадил храбрых и опытных воинов в лодку и приказал переправляться на вражескую сторону под предводительством Ходжа Шамс-ад-дина и Худадад Барласа. Пребывающие во сне афганцы схватили оружие и луки и заволновались. В этот момент

137

их оглушил бой литавр и больших барабанов (*курака*)⁵ резервного отряда. И они вынужденно бежали. Многие из них пали, и Хаджипур был освобождён. Воины захватили богатую добычу. Правители Патны, которые по своей недоброй природе лишь наблюдали и не оказывали никакой помощи, охватил стыд. Если бы они видели преображающую мир красоту удачи Шахиншаха, или обладали толикой практичной мудрости, или подобрали крошки с пира преданных, то не повели бы себя вразрез с интересами своего благодетеля и не испытывали бы потом такого стыда.

Вот одно из поучительных событий. Когда мощью вечной судьбы завоевали Хаджипур и Музаффар-хан ещё больше возвысился, доверенные шпионы доложили, что Фатх-хан Мусазай, Джалал-хан Араби, Салим-хан Бармих, Сатри и Чатри и другие самоуверенные афганцы собрались на другой стороне Мадаха Гандака⁶. Музаффар-хан отправился усмирять их. [Его] люди расположились лагерем у реки, а сам он поехал с несколькими воинами на поиски брода. Хотя ширина канала была меньше полёта стрелы⁷, глубина же — значительна. Пока он искал место для переправы, на другой стороне показалось около двухсот всадников, и Ходжа Шамс-аддин, Араб Бахадур и другие храбрецы получили приказ перейти на другую сторону чуть подальше и догнать сей дерзкий и беспечный отряд. Они поехали, но враг узнал об этом и послал за помощью. Когда показались вспомогательные силы, конница повернула назад в лагерь. Музаффар-хан спешно переправился через реку и присоединился к своему отряду. Все его мысли были о том, чтобы не оказаться в долгу перед теми, кто сослужил добрую службу. Сразу после этого отступающий враг получил подкрепление и решил вступить в бой. Из-за превосходства сил противника и малочисленности царских войск, а также из-за неудачливости и трусости людей войско оказалось дезорганизовано. Многие в суматохе попадали в воду и утонули. Музаффар-хан тоже чуть не утонул. Ходжа Шамс-аддин натянул поводья и направился в горы, а также отправил людей в лагерь, рассчитывая на помощь усердных героев. Враг бросился в погоню, чем вызвал панику. Хаджи Пахлван, Ходжа Шамс-аддин, Араб и ещё около пятидесяти воинов постоянно оборачивались

и стреляли из лука. Таким образом, они задерживали врага. Когда день стал приближаться к концу (букв. «положил чело на свои полы»), а положение Музаффар-хана становилось критическим, засияла удача Шахиншаха, и показались проблески победы.

Вот подробности сей Божественной помощи. В лагере поднялся шум из-за слухов, что Музаффар-хан убит, и все собрались отправиться туда, откуда прибыл посланец. Они воспрянули духом и решили исправить положение дел. Худадад Барлас, Михр Али и другие отважные любители сражений в количестве трёхсот человек переправились через реку и двинулись вперёд. Тот же гонец доставил вести об их приближении. Они⁸ ощутили ветерок успеха, натянули поводья и подняли пыль сражения.

Сражение и битва шли до наступленья ночи,
Не было руки, не нанесшей раны.
Вы скажете, что Век сам вышел (на поле брани),
Что горы смешались с равнинами.

В это время проливания жизней, когда враг, несмотря на победу, ослабевал из-за жара своих доспехов и большого напряжения сил, послышался шум барабанов победоносного войска, тотчас же лишивший [противника] мужества. Они бежали вследствие своего злого рока в ту же ночь, и при содействии небес ветерок победы подул в сторону розового сада надежд подданных падишаха. Какой триумф последовал за поражением! Радость, пришедшая на смену боли, явилась бальзамом для глаз. Были ниспосланы новая жизнь, спасение, богатая добыча и великая радость.

Одно из поучительных событий — битва Шейх Джамала из Парсарура⁹ с телесным духом. Пока шло сражение, он упал наземь и потерял сознание. Присоединившись к Музаффар-хану, принял власть Шахиншаха и стал направлять людей к признанию сего учителя горизонтов. Когда его спросили, что случилось, он объяснил, что впал в транс и увидел, как Властелин Мира (Акбар) садится, готовый к битве, на коня удачи и несёт добрые вести победы, а враг лишается мужества пред величием сего всадника поля славы. «Дла-

139

нюю доброты поднял он меня из пыли бессознательности и взбудрил, и я пришёл в себя. Меня наполнила великая сила, и я полетел на крылах (мистической) помощи и обрёл в качестве дара известия об удаче. Он же повернул свои поводья и передал их в руки победы». Были ли когда у этих наёмников¹⁰ поражены сердце или слух, чтобы внять сему небесному откровению? Они посчитали демонстрацию истины ложью и выдумкой и заявили, что из сложившейся ситуации нет никакого выхода. Что уж тут говорить о победе? Внезапно прибыло победоносное войско и доставило отчаявшимся известие о новой жизни, а также радость новой славы тем, кто пал духом. От сияния Божественной помощи зажёгся светоч зрения для недалёковидных. Те, что по благоволению судьбы и из прозорливости, не зная ничего о чудесах, были знакомы с великими качествами украшателя собрания истины (Акбара) и почитали диковинность его власти, возблагодарили Создателя, узрев сии огни руководства. Те же, что обернулись в покровы заносчивости и взгромоздились во тьме на холм самомнения, обрели окошко к свету. На следующий день они направились в афганскую деревню и разграбили её. Они захватили богатую добычу, и мятеж, поднятый негодьями, был подавлен за короткое время.

Случилось также, что вышеназванные афганцы укрылись у Тадж-хана Панвара, чтобы собраться там с силами. С подачи хана вновь поднялась пыль мятежа, а наличие богатства, недостаток мудрости и избыток подлецов поспособствовали развязыванию войны. Музаффар-хан проявил осторожность и снова перешёл через Мадаха Гандак. Он укрепился в месте, защищённом с трёх сторон рекой, а с четвёртой — большим водоёмом, принялся собирать людей и военное снаряжение. Самонадеянная шайка преисполнилась храбрости после его отхода. Они разбили лагерь (*даира*) напротив стана падишаха, но из-за неровности местности ничего, кроме беспомощных порывов, так и не произошло, и чем больше они старались, тем глубже впивался шип разочарования в ногу их желаний. Удача Шахиншаха вела себя так в течение нескольких дней, после чего снова предстала во всей своей красе. Собрались воины, и многие землевладельцы устремились сердцем к оказанию помощи. Реши-

ли возвести мост, который станет средством обретения победы, что и начали [делать]. Поскольку благоразумие — украшение удачи, решили, что войскам опасно пересекать реку, не выстроившись в боевом порядке. Поэтому было постановлено, что ночью несколько отважных воинов выкопают траншею перед мостом и сделают из земли вал, дабы у войска было время построиться. Никто не испытывал большого желания принять участие в задуманном. Когда Ходжа Шамс-ад-дин понял, что турки колеблются, а предводитель войска в растерянности, то преисполнился отвагой и взял выполнение этой задачи на себя. Он осуществил задуманное за короткое время. Афганцы воспользовались кошачьей хитростью, покинули лагерь и засели в засаде, полагая, что переправившись, царское войско решит: враг бежал — и займётся разграблением стана. И тогда, в момент нерадивости [противника], они и одержат победу. Музаффар-хан повёл себя осторожно и приказал большому отряду воинов и следовавшим за войском людям (*урду-базари ра* — люди из лагерного базара [маркитанты]) обеспечивать безопасность на случай неожиданностей, подготовленных злобными негодьями. Афганцы прознали об этом и не применили свою стратегию на практике. Когда значительные силы (афганцев) атаковали переправлявшихся воинов, пехота пала духом и отступила. Трусость ослабила дух кавалерии, и она тоже дрогнула. Толкотня отступавших привела к тому, что мост развалился и все попадали в реку. Около 300 всадников и пеших воинов утонуло. Ходжа Шамс-ад-дин, Худадад Барлас и другие храбрецы, желавшие отличиться, открыли стрельбу из лука и дважды отбрасывали врага назад. В третий раз, когда ревностных воинов стали теснить, стрела попала в коня вражеского предводителя Хусейн-хана, и он упал на землю. Его люди пришли в замешательство и потому не смогли нанести никакого вреда защитникам с тигриными сердцами. После значительных усилий мост починили, и царские подданные величественно переправились через реку. Афганцы дрогнули и отступили к укрепленным позициям Тадж-хана. Музаффар-хан бросился за ними в погоню, и когда победоносное войско оказалось совсем близко, шпионы донесли, что в окрестностях большое число афганцев копает ров, не подозревая, что царское

войско могло подойти так быстро. Музаффар-хан оставил Худадад Барласа с несколькими усердными воинами охранять лагерь, а сам решил отправиться и захватить злых и дерзких злодеев. Его атака оказалась неожиданной, и после недолгой схватки поднялся ветерок Божественной помощи. Враг решил бежать, и многих убили. Хаджи-хан Пахлван срубил голову Тадж-хану Панвару, не зная, кто это такой, и привёз её в лагерь. Джамал-хан Гилзи, один из знатных [среди афганцев] людей, был взят в плен живым, и много ещё людей захватили при помощи меча и аркана. Досталась также и богатая добыча. Ночная тьма и непроходимость леса не позволили военачальникам наложить руки на вражеское укрытие. Однако многие храбрецы всё же добрались до места и захватили [много трофеев]. На следующее утро войско продолжило путь к афганскому стану, и прежде чем добрались до места, враг бросился наутёк и ринулся в реку. То, что они считали своим спасением, явилось причиной их гибели. Кое-кто добрался до берега, претерпев сотни мук в пучине, и [главные силы] негодяев оказались подорваны.

Произошло ещё одно событие. Когда мятеж подавили, Сатри и Чатри присоединились к шайке афганцев и захватили земли Тег-ра¹¹. Это сельскохозяйственные территории тридцать косов длиной и двадцать косов шириной, прямо напротив Монгира, который отделён от него Гангом. Как только Музаффар-хан узнал об этом мятеже, то взял с собой Вазир Джамила, Худадад Барласа, Ходжа Шамс-ад-дина, Мирза Джалал-ад-дина, Буниадбек-хана, Тенгри Кули и других преданных слуг и отправился уничтожить эту шайку. Когда же прибыл на место, эти наглецы приготовились к битве. Произошло великое сражение, и Фатх-хан, предводитель [мятежников], отважно отдал свою жизнь вместе с 79 другими предводителями, и территория была возвращена назад.

Когда знамя удачи Музаффар-хана взвилось высоко под напором его преданности и заслуг, Муним-хан решил, что тот не должен больше оставаться в тех землях. И отправил ему срочное послание с приказом тотчас же направиться к порогам Халифата. Сие повеление об отъезде из столь изобильных земель [пришло в тот момент], когда настал конец тяготам и неудачам, и воцарилась

радость. Он был смущён подобным письмом, ибо всякий раз, когда Хан-ханан давал священный приказ об отъезде, то велел ему ехать к падишахскому Двору. Пока он пребывал в состоянии внутренних противоречий, доставили ещё один милостивый приказ, в котором говорилось, что единственная причина видимого недовольства Его Величества заключалась в желании наставить его на путь истинный. Пусть же он не беспокоится, а воспримет всё как истинную благосклонность и с рвением несёт службу в тех землях. Если Хан-ханан позволил ему уехать, он не должен являться ко Двору, прежде чем его туда призвут. Получив сие откровение, преданность Музаффар-хана возросла, и во внешний мир распахнулось духовное окно. Выказав благодарность вслух и в душе, он приехал в Хаджипур и разостлал там ковёр радости. Была заново проторена благостная тропа веселья. Поскольку драгоценный камень его преданности сверкал, а сам он вернулся из бесплодной пустыни непонимания в сад признательности, вскоре настал день его удачи. Он воспылал желанием доброй службы. Проницательный Хедив оценил его по заслугам и удостоил своего доверия. Он поручил ему охрану той обширной провинции, что тянется от переправы Каузы до Гархи. Издали приказ, чтобы воины высокого и низкого звания тех мест подчинялись ему. Он из преданности и мудрости [верно исполнил] каноны верховной власти и законы Халифата и стал украшателем правосудия.

142

Его Величество одарил своим вниманием и других военачальников Гуджарата. Достойная восхищения личность принца горизонтов источает свет, помогающий всем несовершенным представителям Двора державы и религии. Он также возвышает тех, кто стремится обрести более высокую степень доверия. Постоянно, посредством эликсира своего милостивого взгляда, он извлекает из земли золото, а из ила — жемчуг и считает объединение духовного и материального пиров своей обязанностью. В особенности же он относится так к тем, чьи праведные действия — отражение таинств сердца. В скором времени лица пребывающих в отшельничестве разоблачаются и исполняются красотой. Возвышение военачальников Гуджарата — яркий тому пример.

Когда во время первого похода знамёна удачи отбросили тень правосудия на те земли, вышеупомянутые воины под предводительством удачи окропили своё чело петициями. Но по злему року, из-за внутренних пороков и вследствие отсутствия преданности в сердцах и оттого, что их внутреннее и внешнее состояния пребывали в дисгармонии и противоречили друг другу, многие из них от небольшого ума бежали, а оставшиеся собирались последовать их примеру. Хедив Вселенной по своей беспредельной милости и дару понимания принял во внимание особенности человеческой натуры, а также обстоятельства образованности обладателей тёмного разума, и какое-то время не призывал их на службу. В сей великий год он увидел в них признаки раскаяния и одарил особым взглядом. Он отличил Итимад-хана, известного своей рассудительностью и серьёзностью, особыми милостями и доверил его заботам Дарбар¹² (*дарбар-и-муш-кои*), дабы мог он ежеминутно заботиться об этом великолепном месте, подобном небесам. Особое же внимание тому предписывалось уделять драгоценностям и декоративной утвари. Улуг-хан Хабиши тоже обласкали и возвысили достойным земельным наделом, Малик Ашраф назначен управлять городом Тханесар, а Ваджих-ал-мулк послан управителем нескольких коронных земель в Гуджарате.

143

Случилось также, что ко Двору приехал засвидетельствовать почтение Садик-хан. По доброте своей Шахиншах принял его извинения и окружил милостями. Во время похода в восточные провинции тот был наказан за плохую службу и отправлен в пустыню изгнания, дабы мог обрести мудрость посредством наказания и узнать, что на царской службе нет различия между людьми низкого и высокого звания, и повиновение должно выказываться со всем сердцем. Хотя священный приказ с виду гласил, что он должен блуждать по пустыне в поисках исключительного слона, и в случае, если не найдёт достойной замены несравненному животному, обязан выплатить компенсацию, на деле же его направили в школу обучения преданности и познания служения, дабы покинула его гордыня и избрал бы он навсегда путь подчинения. Измерив высоты и глубины удачи, обратился к ученичеству при священном Дворе. Выражением раскаяния счистил ржавчину с драгоценного камня своей искренности

и преподнёс в качестве извинений сотню слонов. Поскольку он был отмечен знаками искренности, его приняли снисходительно и милостиво. Кто прилагает усилия, тот всегда достигает цели! Чистый сердцем неизменно обретает желаемое! Он отворил врата щедрости и пригласил всех войти в них! Случилось также, что Хусейн-хан выказал неблагодарность и заплатился за это. Когда приближается чей-то последний день и период неудач, сперва происходит помутнение рассудка. Его мысли устремляются к бездне, и он принимает свои невезения за успех и держится на расстоянии от праведных деяний, отворачиваясь от высокого пути благополучия!

Если от кого-то отвернулась удача,
Ни в чём ему не сопутствует успех.

Ярким свидетельством тому явился мятеж этого глупца, который прежде был на стороне Байрам-хана. Вследствие того что океан милосердия пришёл в движение, а рынок признательности оживился, он поступил на царскую службу, где его безрассудство приобрели по цене мужества, стремление служить приняли за искренность, а самого осыпали милостями. И хотя он не знал, как вести дела¹³ (не обладал административными способностями), всё же была надежда, что научится (или, возможно, будет благодарен), и потому он получил высокий пост *амира*. Когда царские знамёна собирались отправиться в восточные провинции, злая судьба воспрепятствовала его участию в походе, но когда [Хусейн-хан] явился пристыженный ко Двору, *Хедив* Мира в наказание за преступления отказал ему в засвидетельствовании почтения. То было время, когда он стал нести службу с большим рвением, но из-за чрезмерной раздражительности и по злему року оборвал нить рассудительности и позволил из своевольтва земным вещам и удаче прийти в упадок и встал на путь уединения (*таджаррад*). Узрев сей недостаток мудрости, проникательный принц сжалился над ним, осыпал милостями, освободил его *джагир* [от налогов] и повелел заняться вопросами клеймения. Продвинувшись по ковру тёплых отношений, тот во мраке своего разума принялся разорять и грабить те земли. Впав в безумие и используя

свою хитрость, он заявлял: всё, что он делает, — ради выполнения задачи клеймения! Занимаясь по дороге грабежами, двинулся в Басантпур, принадлежавший к *саркару* Кумаон, поскольку слухи о сокровищах и богатстве тех мест помутили его разум. Так как управители мироздания постановили, что все злодеи и подстрекатели против Халифата должны способствовать собственному скорому наказанию, дабы воздалось им за содеянное, сей слепец поспешил к гибели. Потеряв нить задуманного, стал без разбору воевать со всеми в тех землях и потерпел поражение. Его ранило стрелой и пулей, и он получил по заслугам, прежде чем о его злодеяниях стало известно при Дворе. Когда доставили известия о смуте, Садик-хан вместе с *сайидами* Барха и Амрохи и другими воинами направились к нему. Хотя вследствие серьёзного ранения тот немного излечился от своего безрассудства и нелепых мыслей, поумнел ещё больше, когда услышал о победоносных силах (Акбара). Злобные бродяги покинули его, и благодаря своим доброжелателям, он решил сесть в лодку и отправиться к Муним-хану Хан-ханану. Вероятно, [надеялся, что] участие верховного военачальника скроет его шрамы шарфом прощения! Сев в лодку близ Гарха муктесара¹⁴, спешно отправился в путь. Бдительные подданные взяли его под стражу в окрестностях города Мархара¹⁵, и по приказу Его Величества доставили в Агру, посадили его под домашний арест¹⁶, после чего поспешили ко Двору. Вскоре из-за смертельной раны он поместил своё чело за покровы тайн (то есть умер). Шахиншах явно знал, в каком он состоянии, а потому из уважения не захотел, чтобы тот устыдился своего последнего путешествия¹⁷.

Случилось также, что Хаким Абу-л-фатх, Хаким Хамам и Хаким Нур-ад-дин¹⁸, сыновья Мауланы Абд-ар-Раззак Гилани, наделённого талантом наблюдательности (*назр*) и умевшего составлять гороскопы, прибыли ко Двору в середине Божественного месяца амардад и были возвышены приумножающимися с каждым днём милостями. Когда Гилан оказался в руках¹⁹ военачальников Ирана, а управитель той местности Хан Ахмад очутился в застенках из-за беспечности, Маулана Абд-ар-Раззак вследствие своей верности и праведности умер в заточении, а три вышеназванных юноши реши-

ли найти защиту при Дворе [Акбара]. Их мудрость и процветание возросли под руководством Его Величества. Хотя все три брата славились обычными для людей своего времени достоинствами, всё же Хаким Абу-л-фатх особенно знаменит тактом, знанием мира, умением читать по лицам, а также другими выдающимися качествами.

Глава 27

Посещение Хиджаза несколькими сокрытыми чадрой дамами Халифата

Завеса непорочности, тётя Его Величества Шехиншаха по отцовской линии Гульбадан бегим уже давно дала обет совершить путешествие по святым местам [хадж], но из-за опасности пути и вследствие событий, происходящих в мире, ей всё никак не удавалось выполнить задуманное. В это время, когда восхитительная страна Индия стала обителью мира, и в пристанище бродяг Гуджарате поселились здравомыслящие почитатели правосудия, и правители европейских островов¹ — камни преткновения на пути следования в Хиджаз — пришли к повиновению, и молва о справедливости и благочестии Властелина Мира разнеслась от Кафа до Кафа, и благодаря неизменной заботе и вершению правосудия Его Величества все слои человечества наслаждались безмятежным миром, на востоке сердца излучающей благочестие дамы взросло светило устремления и нарушило покой её благородного разума. Поскольку лучи истины коснулись порогов небесной души (Акбара), он, несмотря на свою привязанность к ней, не стал ставить собственные желания превыше её. Более того, хотел, чтобы все слои человечества преисполнились религиозностью и почитали Бога в соответствии с их верой. Он выделил ей большую сумму денег и товары и позволил уехать. В связи с представившейся возможностью некоторые обитатели гарема удаchi прониклись тем же желанием, и правитель высыпал на колени каждой необходимое количество денег и, таким образом, облегчил ношу их желаний. Вот имена благочестивых дам, отправившихся в путь с несравненной обительницей просторов ду-

ховности: 1 — сокрытая покровами удачи Салима Султан бегим, 2 и 3 — Хаджи бегим и Гулазар бегим², дочери мирзы Камрана, 4 — Султан бегим, жена мирзы Аскари, 5 — Умм Кулсум ханум, внучка Её Высочества Гульбадан бегим, 6 — Гульнар Ага, одна из жён Его Величества Фирдус-макани (Бабур), 7, 8, 9 — Биби Сафия, Биби Сарф Сахи и Шахам Ага, служившие ещё Его Величеству Джаханбани Джаннат-ашияни, 10 — Салима ханум, дочь Хизр Ходжи-хана. В конце Божественного месяца михр (8 или 9 октября 1575 г.) благословенная компания прикрепила паланкины к верблюдам радости, и множество людей, получивших для путешествия припасы и средства, отправились их сопровождать. Из уважения к главе путешественников (Гульбадан бегим) букет удачи принц Султан Мурад был направлен сопровождать её до берегов южного океана. В первый день они сделали привал у Дабара³, и туда при- 146 был со множеством сановников и засвидетельствовал своё почтение принц Султан Салим, жемчужина венца верховной власти и наследник Халифата. Поскольку проницательное сердце предводительницы каравана (Гульбадан бегим) пришло к выводу, что росток Халифата (принц Мурад) не выдержит столь долгого пути из-за нежного возраста, она решила, что ему лучше вернуться назад. Её мнение было одобрено, и по приказу Его Величества с ней отправились Бакихан, Руми-хан⁴, Абд-ар-Рахман бек⁵ и другие надёжные служители Двора, а великим *амирам*, военачальникам всех провинций, хранителям перевалов, стражам границ, блюстителям рек и портовым управителям повелели оказывать всяческое содействие паломникам⁶.

Случилось также, что Хаджи Хабиб-ал-лах Каши⁷ (из Кашана, что в Персии) был доставлен в Гоа. Когда Гуджарат вошёл в состав царских владений вместе со множеством гаваней, а управители европейских портов заявили о своём подчинении (букв. «стали теми, что трясут цепь повиновения»), Его Величество узнал о множестве диковин и редкостей, производимых ремесленниками тех земель. Таким образом, Хаджи, одному из лучших служителей Двора, вследствие его способностей, здравомыслия и рассудительности доверили большую сумму, отборные товары Индии и Гоа и велели доставить на радость Его Величества диковины той страны.

Вместе с ним отправились многие искусные ремесленники, которые помимо способностей и талантов отличались трудолюбием, дабы в дополнение к чудесным предметам тех земель (Гоа и Европы) привезли они (во владения Акбара) редкие ремёсла.

147 Помимо этого, было введено семь дозоров⁸ (чауки). Хотя служители порогов удачи всегда находились настороже, денно и нощно несли свою службу и ежесекундно были готовы к священным приказам, считая постоянную бдительность служением Господу, всё же чёткой системы не существовало. Подпоясавшие свои сердца преданностью и очистившиеся от мыслей о выгоде и потерях люди, а также группа расторопных подданных с коммерческой жилкой, знавших, что их выгода заключается в несении службы, не обращали внимания на время и месяц, считая их всего лишь средством достижения цели. Они старались непрестанно находиться подле царской особы. Те же, что не принадлежали к двум вышеупомянутым классам, не несли службу со всем рвением, и вследствие невежества и тщеславия, а также лени, принимали потери за приобретения и тешились пустыми надеждами. Они ступили на путь праздности и накапливали бесконечное возмездие. В это время, явившееся радостным началом правления весны, на пороги святой души отбросила луч идея установления семи караулов. Все придворные слуги были разделены на семь подразделений, каждое из которых несло караул по двадцать четыре часа. Каждым из формирований командовал один из сановников, дабы руководить работой во время смены и одновременно улаживать разные дела. Один из способных придворных получил должность Мир Арзи (мастера прошений), чтобы во время несения его подразделением караула мог без труда передавать прошения и просьбы рода людского, а последний освободился бы от боли ожидания и различных проблем. Посредством этой милости классы человечества достигли своей цели, а желания людей, которые могли остаться невысказанными вследствие больших размеров Султаната, доводились до сведения Его Величества. Положение преданных возвысилось, рынок талантливых оживился, и настал день проверки подданных. Нерадивые были направлены в державу деятельности, а невежественные и болтуны излечились от глупости.

В это время зашла⁹ звезда удачи Мирза Коки. Поскольку царская милость вознесла его на вершину славы и в ходе долгой службы сделала участником таинств священного пира, его спешно призывали из Гуджарата, дабы начал он претворять в жизнь вместе с военачальниками идею клеймения. Ещё одной причиной его призыва стало то, что ко Двору собирался прибыть мирза Сулейман, и было необходимо, чтобы Мирза Кока присутствовал на празднике. Он приехал в день аштад, 26-го числа Божественного месяца михр, и его приняли чрезвычайно благосклонно. Поскольку вспышки милости у царей не зависят от настроения всякого, он, вследствие опьянения вином успеха, удалённости от ковра чести и из-за толпы льстецов, позволил себе сойти с тропы благоразумия. Сначала заговорил об идее клеймения — воспитательном украшении человечества и способе следования по верному пути — языком, который достойные люди себе никогда не позволят и который не красит искренне преданных. Поскольку милостивый властелин воспитывал его, как собственного послушного ребёнка, то сделал вид, что ничего не слышал. Когда добрые советы уже не действовали, Его Величество в своей любви стал опасаться, что тот может дойти до непоправимого поведения и сойдёт с пути остальных, а потому объединил законы верховной власти с добротой и на какое-то время сместил его с должности *амира*. Из предосторожности также лишил [возможности встречаться с ним (Шехиншахом)] и велел находиться в своём¹⁰ (Мирза Коки) саду, куда должен переселиться со всей собственностью, внять предупреждению и оценить доброту и наставления Его Величества.

Случилось также, что из-за недостатка ума и от склонности к подражанию несколько человек потеряли голову от опьяняющего вина. Царское милосердие излечило их. Когда традиция клеймения получила хождение, лавочка мошенничества была закрыта. Бразды служения оказались в руках энергичных людей, а нерадивые низверглись. Обладатели воинственного духа и чести, заботящиеся о собственной репутации, постарались дать возможность своим слугам проявить [присущие им] таланты. В своей проницательности они поставили клейма и, таким образом, приумножили собственную уда-

148 чу. Никчёмные рабы презренного металла, копящие золото вместо войск, погрязли в пороке. Среди них — Шуджаат-хан, Мирза Абд-ад-лах, Мир Муизз-ал-мулк, Касим-хан Кохбар, Дост Мухаммад Баба Дост, Мухаммад Амин — счетовод (*сахиб тауджи*), и их тоже лишили общества царя и направили в Бенгалию к Муним-хану Хан-ханану, дабы получили там земельные владения в соответствии со своим положением. Вот как возвышенная личность действует в отношении преступников, облачая в покровы доброты подорванную честь людей. Хотя недалёковидные считали, что это милость и знак благосклонности, обладатели внутреннего зрения понимали, что это величайшая немилость и строгое наказание за вызванное недовольство. Чистые сердцем и преданные не знают большего мучения, чем лишение возможности лицезреть [Его Величество], когда он [Шахиншах] на них гневается. Хотя проникательные представители духовного мира считали подобные методы лечения людей, не достигших высокого положения искренней преданностью, снисходительностью, всё же в глазах мастеров изысканий, лучших из лучших на собрании мудрости, читалось, что оставить заблудшую компанию как есть и считать их исцелившимися, не назначая лекарств и доз-волив предаваться их замыслам, есть величайший способ выражения недовольства.

Глава 28

Мирза Сулейман направляется к мирозащищающему Двору Его Величества Шахиншаха

(Эта глава начинается с размышлений о том, что в эпоху правления Акбара всех праведников в итоге ожидало процветание, а нечестивцев — гибель. Затем автор говорит, что примером тому служит история мирзы Сулеймана. Интересно, что рассуждения эти отсутствуют в издании Лакхнау. Они занимают около одиннадцати строк).

С тех пор как Его Величество Фирдус-макани доверил мирзе Сулейману управление Бадахшаном, последний хранил верность и нёс добрую службу, но поскольку земное процветание — плохая компания, а вождение дружбы с льстецами гасит лампу мудрости и затуманивает глаза разума, здравомыслящие проводники истины не пользовались его уважением, а пустые, склочные хвалители пребывали в почёте. Он не понимал своего блага и не позволял другим указывать на него. Тот, кто из глубокой доброжелательности становился собственным врагом и изрекал слова истины, был вынужден, вследствие царственного недовольства, помещать чело своё в хомут сожаления. Таким образом, мирза посчитал ущелья гор Бадахшана слишком тесными для осуществления [множества] желаний и выпустил из рук нить повиновения. Из-за невежества и вследствие капризов судьбы он в начале своего правления вскинул голову самонадеянности, нарёк себя величайшим именем (назвал себя царём ?) и задумал захватить Кабул, о чём уже вкратце говорилось. Хотя Хедив Вселенной, по причине пребывания за завесой, не обратил на это никакого внимания, а падишахским слугам по причине занятости многочисленными делами обширной страны Индии было

149

не до этого, управители судьбы стояли начеку и дали ему испытать вина неудач соразмерно его преступлениям. Дабы воздать ему сполна и продемонстрировать возвышенную милость Шахиншаха, они заставили его отправиться в паломничество и стать просителем у врат принцев. Поскольку сильно во мне желание оросить влагой сад речи, я поведаю об этих бедствиях в том порядке, в котором они ниспосылались из закрытых палат судьбы. Первое событие — приезд Ханым¹. Пыль разногласий поднялась между ней и Харам бегим, и семя жестокости упало в почву. Харам бегим являлась дочерью Султан Ваиса из Куляба из рода кибчаков, который возвысился благодаря покровительству Султан Махмуд мирзы. Когда её выдали замуж за мирзу Сулеймана, она проявила сообразительность и способности в управлении страной, а также войском, и влияние её достигло таких пределов, что мирза разрешил ей даже накладывать наказания (*сиасатха*), ибо сам желал освободиться от этой обязанности². Ханым Мухтарима носила имя Ханым и была дочерью Шах Мухаммад Султан Кашгари. Будучи замужем за мирзой Камраном, направлялась из Кабула в Кашгар. По пути заехала в Бадахшан. Мирза Сулейман воспылал к ней страстью и захотел сделать её своей женой. Харам бегим охватила ревность по отношению к ней, и она решила устроить её брак со своим сыном мирзой Ибрахимом. С этого времени злые мысли овладели ими обеими. Об этом вкратце будет поведано позднее. Эта компания (во главе с Ханым) нарушила мир в Бадахшане, запятнав полы Харам бегим ложными слухами о ней и Хайдар Али беке, который был её любимым братом. Большое внимание и доброе отношение бегим к нему дали повод делать столь смелые намёки. Мирза Ибрахим, вследствие опьяняющей юности, предал невинного (Хайдара) смерти просто на основании слов сплетников, чем навлёк на себя вечное наказание. Ещё одной причиной бедствий бадахшанцев стала власть бегим. Она действовала бездумно и слепо и, пренебрегая путём дипломатичности — основой светской жизни, наказывала, не обращая внимания на время и место, и даже на уместность. Когда пыль творцов лжи улеглась, бегим задумала отомстить и уничтожить царских военачальников, писавших клеветнические доносы. Среди прочего несчастье случилось с

мирзой Ибрахимом, что принесло беды населению тех мест и о чём уже вкратце упоминалось. Когда бегим узнала об этом душераздирающем событии, то вспылала ненавистью ко всем бадахшанцам, что участвовали в походе. Она оскорбила Ханым и восприняла её приезд как недоброе предзнаменование, а также стала говорить ей наедине и прилюдно: «Ты была бродягой, я подобрала тебя, желая сделать тебе добро, и я заботилась о тебе. Я и не знала, что ты такая». Вот какие слова она произносила — слова, достойные глупцов. Её план был рассчитан на то, что Ханым надоеет такое обращение, и она уедет в Кашгар, а [Харам] сама будет воспитывать Шахруха. Ханым из-за нежелания расставаться с Шахрухом отбросила все обиды и просто перестала обращать внимание на упрёки, как если бы она их не слышала. Однако постоянно лелеяла мысли о мести. Ещё одно событие, приумножившее внутренние разногласия (*ни-фак*) между людьми Бадахшана, — это приезд Чучак ханим, жены Абд-ар-Рашид-хана из Кашгара, с двумя сыновьями, Суфи султаном³ и Абу Саид султаном, дабы оплакать смерть мирзы Ибрахима. После того как она выразила сочувствие и соболезнования, Харам бегим перестала причитать, но когда церемония подошла к концу, она, вследствие величайшей скорби, начала голосить опять. Чучак ханим была этим недовольна, и стала её упрекать, и будучи Ханым почти родственницей, встала на её сторону. Она часто говорила, что Харам бегим не должна отступать от традиций предков (тора), и ей не следует выказывать малейшего неуважения к Ханым, а пристало занять⁴ подчинённое положение на собрании.

Другой причиной, разжёгшей огонь разногласий среди бадахшанцев, стало то, что Мир Низами⁵, *аталик* мирзы Шахруха, и большое число знатных бадахшанцев с шейхом Бабаи Вали, который коварно превратил облачение дервиша в язык своей лжи, решили возвысить Суфи султана, сына Чучак ханим, жены Абд-ар-Рашид-хана из Кашгара, и в обители интриг вышеназванного дервиша, которую они называли приютом (*ханка*), дали вместе клятву, что вычеркнут имя Харам бегим из книги жизни (убьют её) и поместят мирзу Сулеймана в бездну презрения. В это время один из заговорщиков рассказал обо всём мирзе (Сулейману). Последний сразу

же отбыл в Фархар⁶ вместе с Ваккас султаном, который стал великолепным заложником, а Харам бегим отправилась в Куляб, дабы подготовиться там к войне и найти лекарство от интриг кашгарцев. Ханым (явно Чучак), узнав об этом преступлении (о заговоре), устыдилась и послала за дерзким интриганом (Суфи султаном) и стала его упрекать. Сбитый с толку юноша ответил, что стопа его поскользнулась вследствие злобных наущений Мир Низами и других враждебно настроенных бадахшанцев, а также кажущегося благочестивым, а на деле несправедного дервиша. Чучак ханым испытала стыд и отправилась с двумя своими сыновьями в Кашгар. Она написала письмо с извинениями, в котором поведала о собственной непричастности и недобрых планах смутьяна (Мир Низами ?). Когда мирза Сулейман узнал о настоящем положении дел, то отправил здравомыслящих людей принести ей свои извинения (за то, что он её подозревал) и предложить встретиться. Чучак ханым послала Суфи султана со своими людьми в Кашгар и в целях заключения союза сделала привал с Абу Саид султаном и Рахим-ханом. Мирза и Харам бегим приехали туда и устроили дружеский пир. Дабы упрочить основание согласия, Ханым⁷ отдала старшую дочь за Абу Саид султана, а в качестве приданого пожаловала Рустак. Когда дружба была скреплена, Чучак ханым передала сына (Абу Саида) мирзе и отправилась в Кашгар. Мирза же решил наказать смутьянов. Многих отправил в пропасть уничтожения, а других заключил под стражу. Дервиша и его сообщников выставил на посмешище (*ташихир*) и изгнал. Кое-кто спешно бежал из страны.

Неприятностей прибавило бадахшанцам то, что Харам бегим доверила управление Кулябом Надим Каббузи. Это привело к беспорядкам и вызвало недовольство кулябского войска. Вследствие недостаточной преданности и уважения они провозгласили правителем находившегося в Каратегине Абд-ал-Гаффура, сына Джахангира Али бека, сына брата⁸ бегим, и предали смерти Надима. Харам бегим забрала с собой мирзу Шахруха из Кандуза, а Абу Саид султана из Рустака и выступила против Куляба. Мятежники забаррикадировались в Каратегине, и бегим начала осаду. Мир Афлатун, её главнокомандующий, переправился через реку и заблокировал вы-

ходы. На него напали Абд-ал-Гаффур с отрядом крепостного гарнизона, в результате чего тот был убит. Тогда же кулябцы из войска бегим окропили пылью неверности свои головы, дезертировав к врагу. Бегим пришлось спешно отступить, а Абд-ал-Гаффур оказался столь злобным, что бросился за ней в погоню. Он догнал Ханым (то есть Харам) и мирзу Шахруха, но поскольку у него ещё оставалось [хоть] что-то святое, он просто разграбил обоз, а её милосердие отпустил. Она была ужасно напугана обрушившимися на неё неудачами, но появился мирза Шахрух и развеял её печаль. Она сказала ему: «Мой муж оставил твоего отца среди врагов и бежал, а я оставила тебя среди мятежников и по глупости в спешке отступила. Да простит меня за это Аллах!» Вскоре же присоединилась к мирзе Сулейману и его войску и выступила против Куляба. Абд-ал-лах укрылся в Киргизе, но его добро и имущество оказались в руках врага.

152

Другой причиной бед в Бадахшане стали действия Мухаммад Хакима и предводителей тех мест, в результате чего слуги мирзы Сулеймана оказались в жалком положении и были вынуждены покинуть Афганистан, как уже об этом рассказывалось. Мирза Сулейман прибыл в Кабул и, не добившись успеха, повернул назад. Он взял под стражу Мухаммад Кули Шигхали и нескольких человек, давших слабину в служении. Некоторых из них приказал побить, других отругал, а также отобрал у Мухаммад Кули управление Кундузом, передав последний Хаджи Таман беку. Кангхар бай, Юсуф Кули, Бир Качи Хаксар, Саид бек, его сын, Хаджи Фахрги, Баки бек и отряд воинов бежали к Таджи Таман беку, и негодяй вступил в союз с этими неблагодарными злодеями. Они в сговоре с Ханым решили возвысить семилетнего мирзу Шахруха и подняли пыль мятежа. Их единственным желанием было захватить для мирзы Шахруха земли, принадлежавшие мирзе Ибрахиму, дабы открыть ещё одну лавку (интриг) и устроить прекрасный приют для негодяев. Когда мирза Сулейман узнал о том, что эта шайка пытается учинить беспорядки, он выступил против них. Те заперли ворота крепости и приготовились к обороне. Осада (Кундуза) длилась около сорока дней. Значительными усилиями мирзы Сулеймана и

стараниями здравомыслящих мужей мирза Шахрух остался с мирзой [Сулейманом], а компанию негодяев схватили. Мирза взял под стражу коварных хитрецов и отправил в Каратегин. Там они сговорились с гарнизоном и навлекли на Михр Али, управителя Каратегина, позор. Ещё никого не назначили главнокомандующим, и потому военачальники Каратегина обратились к самонадеянным врагам: «Ни у нас, ни у вас нет никого, кто достоин быть предводителем. Потому надо выбрать одно из двух: либо вы уладите дела с мирзой Шахрухом, чтобы мы могли принять решение в его присутствии, или вы должны убраться из этой страны и сами решать свои дела». Всё зашло так далеко, что они уже собрались схватить негодяев. Те оказались в безвыходном положении и поспешили в Балх с мольбами [о помощи]. Харам бегим послала дары управителю [Каратегина] и попросила наказать их. Злодеи спаслись благодаря вмешательству Шейх Хусейна из Хорезма и уехали в Кабул. Из-за разногласий и нерешительности Хаджи Таман бек и другие повернули назад и направились в Бадахшан. Саид Бадахши, Тенгри Кушбеги, Хаджи бек, Баки бек и другие направились к мирозащитяющему Двору. Когда беспорядки улеглись, благосклонность к Мухаммад Кули возросла, и ему отдали Кундуз. Шах Тайиб, близкий родственник Харам бегим, стал *аталиком* (опекуном) мирзы (Шахруха).

153

Произошло также событие, в результате которого мирза Сулейман получил по заслугам за свою неблагодарность: смутьяны снова сделали мирзу Шахруха предлогом для мятежа. Вкратце дело было так. Абдаллах-хан, управитель части Турана, решил захватить Хисар. Люди Хисара попросили помощи у мирзы Сулеймана. Мирза, дабы соблюсти родственные отношения, которые он недавно установил, воспользовался мнением дальновидных мужей, полагавших, что если страну захватит Абдаллах-хан, война коснётся и его, и решил созвать бадахшанское войско, с чем и отправился в путь. Он занялся административными вопросами и привёл войско в порядок, поручив охрану проходов опытным воинам, но из-за склочности и порочности своего визиря Мухаммад Кули Шигали изрёк слова, которые не подобало произносить при данных обстоятельствах. Несмотря на то что Мухаммад Кули должен был бы его поддержать,

он по своей порочности предпочёл выдвинуть всякого рода требования, достойные лишь невежественных. Когда мирза столкнулся со столь неподобающим поведением, то сперва поразился, а потом стал упрекать его недостойными словами. Тогда же отправил доверенных людей за Харам бегим, дабы передать его ей для наложения наказания. Мухаммад Кули устыдился и покинул собрание, притворившись, что у него болит живот. И отправился в Кундуз, дабы укрепить последний и подготовиться к битве. Он послал своего младшего брата Ходжа бека в Таликан, чтобы тот возродил старый союз с Ханом, заполучил мирзу Шахруха и поднял пыль мятежа. Смутьян объединился с Мулла Али и Маст Али, служившими Ханом, и задумал недоброе. Ханом и мирза Шахрух, которому исполнилось уже пятнадцать, покинули Таликан под предлогом осмотра окрестностей. Шах Тайиб отнёсся с подозрением к их отъезду, спешно приехал и стал за ними следить. Мулла Али, Маст Али, Джахангир бек, Мухаррам бек, Пир Кули, Хаки Ханзад и другие негодяи донесли Ханом, что Шах Тайиб сейчас один, и его нужно убить. Но опасаясь [гнева] Харам бегим, никто не решался это сделать. В итоге, после долгих разговоров, мирза Шахрух по наущению негодяев выпустил в него стрелу, а вышеупомянутые лица вонзили в него свои кинжалы. Мирза совершил сие недостойное дело по глупости и из-за безрассудства, вызванного наущениями невежественных умов!

Когда мирза узнал о побеге Мухаммад Кули, то спешно отправился в Кундуз. Поскольку у Мухаммад Кули не было времени укрепить крепость, он бежал, а мирза захватил Кундуз. Когда стало известно о поражении Шах Тайиба и мятеже Шахруха, он отправился на подавление беспорядков. В это время Ханом, после такого количества совершённых ошибок, взяла мирзу Шахруха и отправилась с ним в Хинду Кох, в надежде получить помощь от аймаков, присоединиться к Мухаммад Кули и вернуться, таким образом, в Бадахшан. В противном случае ей предстояло поехать к возвышенному Двору и коснуться челом порога славы. Поскольку Ханом с давних пор служила и была предана Его Величеству Шахиншаху, его доброта являлась для неё значительной поддержкой.

Когда они прибыли в Хинду Кох, *аймаки* стали собираться толпами. Мухаммад Кули также присоединился к ним. Мирза Шахрух вернулся и с лёгкостью захватил Андараб. Оттуда они отправились в Кахмард. Сабз Тулакчи, правитель тех мест, приехал и засвидетельствовал своё почтение. Ханым оставила там мирзу Шахруха и поехала в Гори. Султан Ибрахим, родственник мирзы Сулеймана, укрепил Гори. Хотя они вывели его сына и угрожали, что если он не сдаст крепость, то убьют его кровиночку (часть его печени), он ответил: «Лучше будет, если свою кровь прольёт проливший честь и преданность». И как верный слуга крепко удерживал цитадель в своих руках. Когда мирза Сулейман узнал об этом мятеже и собрался отправиться туда, Харам бегим покинула этот мир. Он поехал в Кишм оплакать её уход. Оттуда продолжил путь в Гори. Мирза Шахрух потерпел неудачу и поспешил в Андараб. Мирза решил поехать в Хинду Кох, дабы захватить семьи и имущество *аймаков*, а также разбить силы мирзы Шахруха. Тогда же мирза Шахрух, по наущению враждебно настроенных людей, попросил, чтобы земли, принадлежавшие мирзе Ибрахиму, были отданы ему, и заявил, что таким образом можно прекратить смуту и установить мир и согласие. Мирза Сулейман не дал никакого ответа. Когда имущество *аймаков* оказалось у него в руках, а положение мирзы Шахруха стало плачевным, последнему пришлось отправиться в Сираб. Оттуда он поспешил в Хост, сделав ущелья Бадахшана своим убежищем. Мирза Сулейман поехал туда же через равнину, и когда мирза Шахрух достиг развилки дорог на Гори и Кундуз, и пребывал в сомнениях, какой путь выбрать, неожиданно нагрянул авангард мирзы Сулеймана под командованием Михр Али. Войска мирзы (Шахруха) были разбиты. Сам же он вместе с Мухаммад Кули, Нур беком, его братом, Сабз Тулакчи и Кулиджем выступил против своего злого рока, они храбро сражались и отбросили врага. И направились в горы, в земли Анджумана⁹. Мирза Сулейман разграбил лагерь мирзы Шахруха и уехал в Харм [Гарм]. Мирза Шахрух пересёк горы и, претерпев множество бед, захватил Кундуз из-за небрежности стражей. Поскольку там оказалось много бадахшанских семей, люди мирзы Сулеймана оставили город и направились (к

Шахруху). Многие из них повели себя малодушно, чем навлекли на себя вечный позор. Мухаммад Кули Шигали и другие военачальники Бадахшана считали, что нужно догнать мирзу (Сулеймана) и убить. Мирза Шахрух, вследствие врождённой доброты и воспитания, не стал в порыве неучтивости и на пути неприятия внимать словам негодяев и пошёл тропой розария праведности. Он остался в Кундузе. Мирза Сулейман послал ему дружественное письмо и отдал территории Ибрахима. Прошло совсем немного времени, и злопыхатели тех мест решили, что Куляб — колыбель воинов и неприступное место, и мирза Сулейман хочет укрепиться там. Было бы хорошо уничтожить его, захватив [крепость]. Мирза Шахрух пришёл в недоумение от предложений черносердечных, хитрых людей и уехал в Таликан. Когда он туда прибыл, все, кто был с мирзой Сулейманом, вероломно встали на путь предательства и ушли к мирзе Шахруху. Эти негодяи воспользовались случаем и постарались использовать облачённые в золото слова и сбить неразумного с пути. Несмотря на их назойливость мирза не потерял нить разума и испросил разрешения находиться подле мирзы Сулеймана. Тот ответил: «Пусть сначала придёт Ханим и утешит моё сердце. Затем придёшь ты и станешь светом очей моих». Мирза Шахрух согласился с его пожеланием. Он поспешил засвидетельствовать своё почтение и поступил на службу к мирзе Сулейману. Находясь в Таликане, мирза Сулейман от чрезмерной подозрительности не разрешал какое-то время Ханим покидать его. Мухаммад Кули и его братия вследствие склонности [и заносчивости] повели себя резко с людьми мирзы (Сулеймана), и мирза Шахрух как следует выговорил им за это. Он устроил праздник, и в пиршественном зале они обменялись обещаниями и клятвами. И решили, что мирза Шахрух никогда не сойдёт с пути, приятного мирзе Сулейману.

Когда прозвучали торжественные клятвы, мирза Сулейман сказал, что ещё при жизни мирзы Ибрахима жаждал посетить Хиджаз и обойти вокруг святых мест, и сейчас его душа полна того же желания. Он хотел расстаться на взаимовыгодных условиях, чтобы часть обрётённой (территории) перешла к нему. Мирза Шахрух из великодушия и уважения не спешил давать согласие. И

поскольку воображение — верховный правитель — имело большую власть, любая просьба мирзы Шахруха воспринималась мирзой Сулейманом в обратном смысле, как что-то плохое. Когда ничего уже не могло успокоить мирзу Сулеймана, мирза Шахрух был вынужден разрешить ему уехать со всем уважением и дозволил забрать с собой имущество. Оттуда мирза Сулейман поехал в Кабул, ибо в его планы входило заключить там союз и отомстить мирзе Шахруху. Если Мухаммад Хаким мирза поможет ему, он вернётся и отплатит сполна, а если тот сможет поднять смуту, то попытается сделать то же, и воспользуется этим, чтобы вернуть себе Бадахшан. В противном случае ему придётся уехать ко Двору Шахиншаха и там претворить в жизнь тайные желания своего сердца. Когда Мухаммад Хаким почувствовал на собственном челе пыль смуты, отправил его в Индию с доверенными¹⁰ людьми. Из Бикрама мирза послал прошение ко Двору, в котором выразил тысячу сожалений и извинений. Умудрённый и терпеливый правитель принял его извинения и послал приказ пенджабским военачальникам поехать и встретить мирзу и оказать ему всяческий почёт. Он также велел Ходжа Ака Джану поспешить к нему с диковинами Индии и порадовать сердце изгнанника. Тот встретил мирзу на берегу Инда, успокоил его и позволил убитой горем душе обрести радость. Управители судьбы в каравансарае нашего мира, являющегося местом воздаяния за содеянное, привели его, вследствие бывших прегрешений, в сточную яму напастей и отметили знаком неприятностей. Поскольку судьба его была не лишена взлётов, он явился к священному Двору с ликом мольбы. Так как порог удачи Властелина Мира — источник благожелательности и уважения, его осыпали милостями. Кто-то из посланцев встретил мирзу у границ Синда, а кто-то в Бхире, и все проявили к нему уважение. Военачальники выехали поприветствовать его около своих владений и оказали ему почёт. Когда он подъехал к столице, высокие сановники и верховные военачальники собрались толпами и, послушные приказу Его Величества, приняли его в соответствии с установленной церемонией. Как только процессия оказалась в трёх косах от столицы, признательный Властелин Мира сел на коня и поехал навстречу. Смотрители дворца украсили приёмный зал и весь

город, и тот стал напоминать картинную галерею Китая. От фасада дворца и до конца пути в два ряда были выстроены гороподобные слоны, облачённые в золотые и серебряные гирлянды, а также [радовали глаз] убранные в золото и драгоценные камни дома. Стопа взгляда сдвинулась с места, и око сердца раскрылось от удивления. Между каждыми двумя слонами находился *чита*, облачённый в дорогие одежды. Встречающиеся по пути места и городские улицы были пышно украшены. Его Величество сел на коня в день амардад, 7 абана, Божественного месяца (середина октября 1575 г.), и все знаки царской власти предстали перед мирзой. Он спешил и направился вперёд. Прославленный Шахиншах, сделавший приумножение земных достоинств поводом для смирения и дружественных отношений, спешил и сделал *корниш*. Мирза поклонился (*сиджда*) и был осыпан милостями. Тотчас же горе прошлых скитаний, печаль из-за упрямства мирзы Шахруха, недостойное поведение Хаким мирзы и сбивающие с пути последствия изгнания стёрлись из его души. Он уехал отсюда с благодарным сердцем и словами признательности на устах. Мирзу удостоили чести общения с Его Величеством и ввели в круг его последователей. Верховный правитель вернулся в свой дворец и задал большой пир.

Подготовили дивный пиршественный зал,
В нём пир горой был задан.
В каждом углу там [восседали] красавицы Китая и Чигала¹¹,
Они украли чувства и душу соблазнили.

На том пиру Шахиншах распростёр руки щедрости и осыпал бесконечными милостями мирзу и всех гостей. Поскольку желание мирзы заключалось в том, чтобы получить в управление горную страну Бадахшан, он обрадовался известиям, что желание его будет исполнено. Ему сообщили, что туда незамедлительно будут отправлены войска Пенджаба под командованием Хан Джахана, и очень скоро они вернут мирзе Бадахшан. Мирза выразил благодарность и стал участником вечной радости.

Ещё одно событие — приезд и выражение покорности рад-

жи Тодар Мала в день дибадин, 23 абана, Божественного месяца. Он привёз в качестве дара пятьдесят четыре слона и диковины Бенгалии, захваченные им в битве при Такарои и в мирное время. Поведал о событиях в стране, о которых уже рассказывалось ранее. И также его осыпали разнообразными милостями. Ему доверили финансовые и территориальные дела, а также должность *машриф-и-дивана*. Он служил честно и был лишён корыстолюбия. В его управлении делами не проглядывало и намёка на алчность. Если бы не злобность и мстительность [присущие его натуре], тогда ни малейшее противоречие¹² не могло бы заставить недовольство вырасти на полях его сердца, укрепиться там и приумножиться. Такое качество считается мудрецами одним из самых пагубных в человеке, особенно если он сановник, коему доверены дела человечества и который избран *вакилом* Властелина Мира. Если бы фанатичная религиозность не окрасила его натуру, у него не было бы так много отрицательных качеств. Однако, несмотря на эти недостатки, если взглянуть на человеческую природу в целом, исключительное мужество (*сердили*), отсутствие алчности — сей рынок всегда был ему скучен, — по исполнению своих обязанностей, усердию и способностям он являлся человеком редким, практически исключительным¹³.

Произошло ещё одно событие. У Раи Сарджана забрали земли Гадхи¹⁴ и отдали в собственность Садик-хану, которого туда направили. Раи Сарджан получил в управление Чунар.

Также из Афганистана приехал Масум-хан и поступил на службу. Он получил сан, и его направили в Бихар. Он принадлежал к *сайидам* Турбата в Хорасане. Его дядя со стороны отца Мир Азиз¹⁵ служил прежде Его Величеству Джаханбани и достиг высокого положения визиря. И приходился мирзе Хакиму *кокалташем* (молочным братом), и широко известен своей храбростью и ответственностью. Ходжа Хасан Накшбанди, вследствие затуманенности разума, что часто случается со смертными, из-за незначительных подозрений решил его погубить. Будучи человеком дальновидным, [Масум-хан] приехал ко Двору и был одарен милостивым взглядом.

В том же году Мир Сайид Мухаммад Мир Адил получил в управление Бхакар.

Случилось также, что свой последний глоток [из чаши жизни] испил Джалал-хан. Мы уже рассказывали, что его отправили помочь войску Сивана. Когда он прибыл в Мирту, Султан Сингх и Рам Сингх, братья Рай Раи Сингха, и Али Кули, родственник Шах Кули-хана Махрама, прислали сообщение, что по приказу Его Величества обратили свои силы на выкорчёвывание Чандар Сена, но из-за гористости местности и плохих дорог, а также ватаги дерзких воинов, тот оказывает яростное сопротивление, и потому им крайне необходима помощь. Джалал-хан спешно отправился в те края. Чандар Сен по прибытии войска применил лисью стратегию и решил схитрить. Царские слуги догадались о [коварных] замыслах и атаковали его, но он укрылся в горах Кануджа (?) ¹⁶ и оттуда выехал дать бой. Много людей было убито, и когда слава его пошла прахом, ему пришлось скрыться в горах. Военачальники победно вошли в крепость Рамгарх¹⁷. В это время один хитрец заявил, что он Деби Дас. Вокруг него собрался всякий сброд. Многие считали, что Деби Дас погиб в Мирте, в сражении с мирзой Шараф-ад-дин-ом Хусейном. Тогда самозванец заявил, что был ранен в битве и остался лежать на земле в полумёртвом состоянии. Милосердный отшельник отнёс его на своих плечах к себе в жилище и там смазал раны мазями и вылечил его. После он отправился с отшельником по святым местам. Теперь же тот разрешил ему уехать, и вот он вновь повязал на плечи шарф земной жизни. Некоторые поверили в эту историю, а кто-то её не принял. Он присоединился к Джалал-хану, дабы нести добрую службу, и о нём сообщили Шахиншаху. Внезапно фокусница-судьба сыграла ещё одну шутку.

159

Вот краткий рассказ о случившемся. Когда преследование Чандар Сена оказалось в самом разгаре, новоявленный хитрец [Деби Дас] сообщил, что потерпевший поражение скиталец (Чандар Сен) укрывается во владениях Калы, сына Рам Рая, сына его (Чандара) брата, и обратился ликом к стене презрения (то есть пребывал в безвыходном положении). Победоносное войско поспешило в те края. Кала по злему року заявил, что Чандар Сена у него нет, и хитростью переманил на свою сторону Шимал-хана, задумав погубить Деби Даса. Как-то Шимал пригласил его к себе в гости и

уже был готов схватить, но тот ловко выбрался из передряги. Разочаровавшись в царских войсках, коварно отправился к Кале и стал на его сторону. В день шахриюр, 4-го числа Божественного месяца азар (ноябрь 1575 г.), когда силы падишаха устремились в разных направлениях, светоч зрения Деби Даса и других бесстрашных и самоуверенных людей начал угасать, хотя они желали насытиться мщением. Приняв жилище Джалал-хана за дом Шимал-хана, напали. Тот отважно сражался, но из-за неожиданности потерял монету своей жизни. Злодеи направились оттуда к шатру Шимал-хана, и туда же приехал со своими людьми Джаймал и подавил беспорядки. Когда о катастрофе доложили Его Величеству, он велел Сайид Ахмаду, Сайид Хашиму и отряду *сайидов* из Бархи догнать дерзких негодяев. Те сослужили добрую службу и подавили смуту¹⁸.

Глава 29

Передача управления Бенгалией

Хан Джахану

160

В день марисфанд, 29 абана, Божественного месяца, из Бенгалии пришли донесения о том, что в день хур, 15 абана, Божественного месяца (23 октября 1575 г.)¹, скончался Муним-хан, а Дауд вероломно преступил свою клятву и поднял мятеж, а военачальники по недостатку мудрости и [избытку] зависти не проявили стойкости, но покинули те земли без боя. Ныне, как было доложено, они находятся на перепутье и [блуждают] в смятении в пустыне растерянности. И не желая оставаться там, где находятся, всё-таки не осмеливаются отправиться к священному порогу.

Если кратко поведать о сем поучительном событии, то Муним-хан Хан-ханан, установив мир, стремительно двинулся в Гхорагхат и подавил там волнения. Он вернулся оттуда и поселился в городе Гаур, бывшем ранее столицей [Бенгалии]. Благодаря этому войско находилось неподалёку от Гхорагхата, ставшего источником смуты, и [при необходимости] могло полностью искоренить мятеж, а он имел возможность отстроить тот великолепный город с мощной крепостью и величественными постройками. Он [Муним-хан] не заметил, что воздух во дворце стал ядовит вследствие превратностей эпохи и разрушения зданий, особенно под конец сезона дождей, когда в большинстве округов Бенгалии происходит смена погоды (*абгардиш*). Хотя знакомые с природой того края [мужи] указывали на сии обстоятельства, их замечания не удостоивались внимания. Он погрузился в [состояние] отстранённости, обычное для многих, и тем самым вверг мир в пучину гибели. Отстранение, практикуемое избранным дворца исканий, заключается в следовании велениям

разума и славной мудрости — сим стражам мира физического — и поднесением результата их творчества несравненному Божеству, а не рассудку и внешним обстоятельствам. Таким путём Ашраф-хан, Хайдар-хан, Муин-ад-дин Ахмад-хан Фаранхуди, Лал-хан, Хаджи-хан Систани, Хашим-хан, Мухсин-хан, Хаджи Юсуф-хан, Кундуз-хан, Мирза Кули-хан, Абу-л-хасан, Шах Тахир, Шах Халил и немало иных военачальников, многие из которых были отважными солдатами и покорителями мира, уснули на ложе гибели², и мысль о смерти овладела всеми. Хотя в том году [везде] в восточных областях дул сильный ветер уничтожения, пошатнувший столпы жизни, в том городе он превратился в ураган.

Поскольку Хан-ханан действовал вопреки мнению большинства, то упорствовал в своём решении и не прислушивался к предостережениям. Но когда смертность превысила ожидания, и он узрел бедственное состояние дел, всё-таки постарался поправить положение. В это время пришли вести, что Джунаид поднимает смуту в Бихаре, так что представился повод покинуть долину смерти. Он выступил из того города несчастий с намерением двинуться в Бихар. Ещё более удивительным казалось то, что сам он не пострадал в урагане мора, обрушившего несчастья на народ, но, прибыв в Танду, скончался от лёгкой болезни³. Когда сие стало известно, в войске возникли смятение и беспокойство. Хотя военачальники выбрали главнокомандующим Шахам-хана, а евнух Итимад-хан, славившийся здоровым смыслом и рассудительностью, накрыл плечи покрывалом таланта, однако из-за отсутствия единодушия меж предводителями и домыслов солдат и скудных способностей большинства советников, а также пламени разногласий не удавалось выработать единого плана. Злодейский дух Дауда воспрял, когда он услышал о сих раздорах, и сорвав покров чести со своего лица, нарушил свои обязательства: осадил Назр Бахадура в городе Бхадраке и, посулами склонив к сдаче, умертвил его. Мурад-хан унёс стопу храбрости от города Джалесар (Джелласор) и отступил в Танду, не приняв сражения. В эту пору смуты заминдар Иса напал на Шах Барди, отвечавшего за корабли и пушки в той провинции. Хотя [Шах] выставил стопу храбрости и вознёс стяг победы, однако из-за неуёмных опасе-

ний оставил [злополучный] край и присоединился к военачальникам вместе с пушками и флотилией. Предводители победоносной армии из-за неприязни к этим землям и недостатка праведного мышления выпустили из рук нить труда. Они пересекли Ганг и достигли Гаура. Души этих презренных людишек были целиком поглощены тем, как вывезти из страны своё имущество, а для виду рассуждали: «Когда меж нами и нашим врагом окажется река, мы обратим умы к битве, и к нам присоединятся *какшалы* из Гхорагхата». Когда же переправились, Кутлак Кадам достал подмётное письмо⁴ (*музаувир наме*) и распустил неприглядные слухи о Владыке Мира. Те друзья сокровищ и недруги славы (*аздостан, намус душман*) использовали [недостойные] вымыслы в качестве собственных верительных грамот и двинулись в Бихар через Пурнийю и Тирхут. Они оставили столь прекрасную страну, не обернувшись. В это время Адам Таджбанд, доставивший *фирман* Его Величества для Хан-ханана и бенгальских военачальников, из низости и по наущению [негодяев] присвоил слонов и прочую собственность Муним-хана. Он распахнул тысячу врат разбоя и заявил, будто по приказанию Шахиншаха принимает меры для спасения добра. В действительности же погряз в алчности и обогащал собственный дом в ущерб себе самому и собственными стараниями приуготовил себе вечную гибель⁵.

Когда вести об этих событиях достигли слуха царя, он [Акбар] решил, что те земли можно доверить мирзе Сулейману, дабы в этом приятном краю он поправил своё бедственное положение и обрёл счастье жизни. Если в сложившихся обстоятельствах [мирза] желает главенства (*сирдари*) в Бадахшане, и жизнь в стране горцев завладеет его разумом, сие желание будет легко исполнено. Яростный ветер жажды мщенья, питаемой мирзой Сулейманом к мирзе Шахруху, и его чрезмерная привязанность к своей гористой родине потушили светильник рассудительности и здравомыслия. На челе его не появилось ни следа радости [при сообщении] об этой великой удаче. Владыка Мира извинил простеца и передал ему счастливые известия об удовлетворении его мелких желаний. Однако, поскольку на галерее правления миром начертано, что насущные предприятия следует предпочитать маловажным и нельзя забывать о принципах

верховой власти, Его Величество приказал Хан Джахану, приготовившемуся двинуться на завоевание Бадахшана с победоносной армией, направиться в Бенгалию, завоевать и очистить ту страну. [Шахиншах] снабдил его мудрыми наставлениями, что могли умиротворить человечество и возрадовать [самого] Господа. В день исфандармаз, 5 азара, Божественного месяца (примерно 15 ноября 1575 г.), он был отпущен в [упомянутый] край после возвеличивания всех его достоинств великими милостями. Раджу Тодар Мала, мужа бывалого и опытного, назначили сопровождать его, [а высочайший] приказ гласил, чтобы все бенгальские военачальники и землевладельцы считали Хан Джахана исполнителем приказаний Халифата, и полагали его волю и довольство угодными повелителю, и приложили все необходимые усилия для отвоевания и наведения порядка в тех землях. Управление Пенджабом передали Шах Кулихану Махраму, известному среди отважных и праведно мыслящих.

Хан Джахан обратил силы к службе в согласии с принципами верных и удачливых. Бенгальские военачальники достигли окрестностей Бхагалпура, когда туда подошла победоносная армия. Смятение тех своекорыстных мужей возросло. Не имея склонности вернуться и служить вместе (с Хан Джаханом), не осмеливались и направиться ко Двору. Большинство из них откинуло завесу стыда и красноречиво разглагольствовало о непостоянстве народа, вредоносном воздухе края и высокой смертности и вознамерилось отправиться домой. Некоторые из злонравия и строптивости заговорили о религии⁶ и начали сочинять небылицы о главенстве Хан Джахана. Ореолом величия Шахиншаха, обходительностью раджи Тодар Мала, а также глубоким талантом и терпимостью Хан Джахана губы каждого оказались запечатаны молчанием, и они решились сопровождать его [Хан Джахана]. Исмаил Кули-хан занял своё место в войске вместе с отрядом энергичных и доблестных бойцов и с Божьей помощью, их мастерством и преданностью легко отвоевали Гархи, врата Бенгалии. Аяз Хаса Хайл, возглавлявший оборону, попал живым в их руки и был казнён. В собственной гордости Дауд и не думал, что царские войска явятся так скоро. Услышав отзвуки их поступи, он немедленно взялся за [укрепление] оборо-

ны. Ведомый стремительностью и смекалкой, Хан Джахан избрал в качестве лагеря Ак Махал⁷: с одной стороны он укреплен рекой, с другой же — подступ затруднен высокой горой, тогда как спереди дорога покрыта обширными болотами. Помимо того что Ак Махал представляет собой мощную крепость, он является форпостом Бенгалии. Соответственно, занявшие эту сильную позицию избавлялись от случайностей, а обитатели страны пребывали в безопасности, покуда войска удачи оставались там. Хан Джахан подвёл войска в боевом порядке, однако из-за сложной местности и обстоятельств сражения не произошло. Отважные воины появились отовсюду и изъявили преданность, и [предоставилось] множество возможностей испытать воинскую доблесть.

Тем временем скончался Мир Мухаммад-хан Хан Килан в Паттане, в Гуджарате, в день фарвардин, 19 дая, Божественного месяца (декабрь 1575 г.). Сострадательный повелитель молил о прощении его грехов и исцелил печаль обделённых царскими милостями.

Важным событием явилось то, что мирза Сулейман получил разрешение уехать в Хиджаз. С того самого мига, как мирза обрёл счастье изъявить своё почтение, он неизменно был окружён благосклонностью Шахиншаха, и его отличали великими почестями на священных собраниях. Однако вся его душа [пылала] мыслями о наказании мирзы Шахруха и о том, как стать правителем гор Бадахшана, — и потому узел его сердца не распутывался. Когда Хан Джахан отправился в область Бенгалию, и исполнение его [Сулеймана] желаний оказалось на время отложено, он, по злополучию и нетерпению не осознав истинного состояния вещей, обратился за разрешением отправиться в Хиджаз. Рассчитывая, видимо, что сим путём ему, быть может, удастся добраться до той страны (Бадахшана) и достичь желаемого лисьими уловками. Его Величество снизошёл к его желаниям, и распрощался с ним, и назначил Кулидж-хана и Рупси сопровождать его до одной из гаваней Гуджарата и служить ему, а также помочь миновать опасности. Его снабдили продовольствием на несколько лет вперёд и [предоставили] хорошо оснащённое судно. Названные военачальники мирно и беспрепятственно доставили его в порт Сурат и отправили в Хиджаз.

Глава 30

Священная процессия [Его Величества
Шахиншаха] направляется в Аджмир

164

Краса цветника Халифата в своём безмерном почитании Господа и ревностном искании Истины ведёт себя в соответствии с представлениями толп поверхностных [людей]. Обладая глубоким разумом и превосходным знанием веяний эпохи, он редко распространяется о блестящих мыслях, луч коих нисходит в его сердце с небес гения. Ибо добыча львов джунглей не пригодна для воробьёв на крыше, а пища гороподобных слонов не поместится в жалких насекомых! Так же не пригодна еда сильного духом для немощного разумом. Восседающий на престоле султана учитывает состояние различных типов человечества и соизмеряет своё сияние в соответствии с этим. Поскольку он твёрд на этом пути, во внутренней палате его духа не поднимается пыль. Хоть и занимает трон духовного царства, равно как и мира, освещаемого лучами света истинного, он считает, что истинному Господу должно поклоняться и внешними обрядами, и поклоняется подлинному Господу на манер поверхностных, и в духовном почитании придерживается правил обычных последователей мирских традиций. Поэтому, словно настоящий сторонник обрядности, он истово практиковал посещение усыпальниц погонщиков каравана существования (то есть святых; возможно, просто умерших), что некоторые считают самой основой поклонения Творцу и почитания Божества, в то время как другие видят в этом благочестивое деяние и созерцание Божественного сострадания. При помощи сего превосходного замысла [Шахиншах] ввёл почитателей формы на пиршество практической мудрости иставлял их на пути Истины. И когда он, постигший веяния эпохи,

назначил тем хворым такое лечение, эти земные искания (*хакпарси*) не вызвали землетрясения, способного запятнать рубаху его величия. Не раз в священных чертогах [Его Величества] с губ его были готовы сорваться слова: «Видя, что признак человеческого величия, который состоит в познании истины и достойных поступках, не обнаруживает себя в пристанище стихий — ставшем обителью похоти и страсти и на мирском языке именуемом телом, — как можно искать его в темнице мира (могиле)? К тому же, когда всадник *Цели* (*максуд*) затерялся в ровных покоях Времени, то есть в границах тела, есть ли надежда найти его после того, как сама основа тела распадется в темнице смерти — сей бурной переправе (возможно, обесцвечивающем месте, то есть кладбище) Божественной ярости? Если его невозможно отыскать в собственном доме, к чему выкапывать яму в обители праха? Если бы к этому отнеслись правильно, люди не стали бы оберегать пристанище разрушенного дома, именуемое ими могилой. Но такие речи войдут не во всякое ухо и не на всяком сердце оставят след. Из чего следует, что понимающие [человеческие] установления и очень терпимые, узрев эту осень без [надежды] на весну, не отдают цветник своей души ветрам смуты, но созерцают идеи тех, кто мнит практику (паломничества) поклонением Божеству, и наслаждаются вечной весной».

По причине таких воззрений Его Величество [Шахиншах] покинул столицу Фатхпур в ночь замийяда¹, 28 бахмана, Божественного месяца, и двинулся в Аджмир. Он двигался переход за переходом, творя правосудие и даря радость, и водительством Божественной помощи в день аштад, 26 исфандармаза, Божественного месяца (18 марта 1576 г.), разбил лагерь в изобильной округе Аджмира. В соответствии с предписанным обычаем последний этап пути к гробнице он проделал пешком и, сделав внешние средства возможностью увеличения света внутреннего, прибыл как собиратель цветов сада Истины. Он раздал немалую сумму сидящим у порога гробницы и назначил щедрые пенсии прислуживающим. Он укрепил души жаждущих и сделал скорбящих сердцем владыками залы даров. Благодатью вознесения величественных стягов страна расцвела вновь. Тем самым внешние обычаи были соблюдены, и в

то же время духовный мир украшен. Возвысилось достоинство плоти, а сердце удостоилось просветления. В сей мусорной яме сущего (в миру) принято почитать святых, и молить их о вдохновении, и возвеличивать приближённых к этим избранным — особенно когда это совершает великий царь. Хвала Аллаху! Благородный нрав, а также иные восхитительные качества были присущи священной особе Шахиншаха. И если сие похвальное качество занимает достойное место для внешне великих [мужей], то насколько оно величественно, когда встречается у владык мира духовного, и высоких мыслью, и обширным талантом, сочетающих главенство в обоих мирах — что мы и видим на славном челе Владыки Мира!

Слова мои поднялись высоко; боюсь,
Сорвётся часть их с моих губ.
Нетерпелив стал скакун речи;
Боюсь, поводья выпадут из моей руки.

Глава 31

Начало 21-го Божественного года
[с момента] священного Восшествия
на престол [Его Величества] Шахиншаха
— года азар второго цикла

Весенней порой упрочения справедливости задул устойчивый [благоуханный] ветер. Земной мир расцвёл, и вослед — город души Хосрова горизонтов.

Зефир украсил зеленью сад мира,
Земля являла образец лугов иного мира.
Где же Маджнун, молящий и узревший
Прекрасные чертоги и прелесть Лайлы?

В ночь воскресенья, 9 зу-ль-хиджжа [983 г.х.] (11 марта 1576 г.), когда миновал 1 час и 19 минут, светило физическое и духовное [Солнце] бросило взгляд на созвездие Овна, и начался 21-й год [правления Акбара, или год азар] второго цикла. На пиру верховной власти открыла свой лик неувядаемая весна [появившись] из галереи образов истины.

Хвала Аллаху за дуновение ветерка!
Есть ли предел его благим деяньям?
Очам и слуху отраду принося,
Они несут жизни возрастанье.

В начале этого года Его Величество уделил внимание упрочению мира обитателей Гуджарата. С того времени как Мирза Кока, ведомый несчастливой судьбой, сбился с пути, а целитель горизонтов (Акбар) отстранил его от должности и послал в школу для изучения мудрости, в тайных палатах собственного сердца он

решил, что, если мирза сбросит свой сон и ступит на путь радости, он пошлёт его защищать тот край. Поскольку это время ещё не настало, Мирза-хан, Вазир-хан, Мир Ала-ад-даула, Сайид Музаффар и Бипак Дас, каждый из которых отличился на службе, были посланы охранять добро, жизнь, честь и веру — что есть совокупность того, чем владеют смертные, — и положить конец раздорам в тех землях. Их внешнее положение возвысилось несравненными милостями, и они получили драгоценные жемчужины наставления. Управление теми землями поручили Мирза-хану, а наместничество доверили здравомыслию Вазир-хана. Мир Ала-ад-Даула назначили *амиром*, а Бипак Дас — *диваном*. Мир Музаффар поставлен *бахши* войска. Названные военачальники отправились туда, и в скором времени страна умиротворилась.

Одним из событий стала отправка войска против *раны*.

Изысканнейшая форма почитания [Господа] для мирян, от коего зажигается и лампада затворников, воплощается, когда величественные правители рассеивают мрак пустыни высокомерия сиянием прозорливой мудрости и сверканием украшающего мир меча, и понуждают упрямых путников долины гордости отправиться в город мольбы. И если злополучие этого типа людей подтвердилось, великие правители вычищают землю от скверны их существования — ибо большинство негодяев порочны, хотя некоторые просто скудоумны, — чтобы они получили заслуженное, а смертные обрели бы спокойствие, и чтоб каждый под сенью мира поклонялся Господу на свой лад, а принятые обычаи сделал средством изъявления признательности. Таким путём внешний мир обретёт спокойствие и усладу, а мир духовный посвятит себя обогащению и развитию.

В соответствии с такими воззрениями, поскольку непокорность и спесь *раны* вкупе с его лживостью и лицемерием превзошли все границы, Его Величество занялся его низложением. *Куар* Ман Сингх, по мудрости, верности и отваге бывший одним из первых при Дворе и в числе прочих милостей получивший возвышенный титул *фарзанд* (дитя), был назначен на сию службу. В день *дибадин*, 23 фарвардина, Божественного месяца, что соответствовал 2 мухарраму 984 г.х. (3 апреля 1576 г.), он покинул Аджмир. Его со-

проводжали Гази-хан Бадахши, Ходжа Гияс-ад-дин Али, Асаф-хан, Сайид Ахмад, Сайид Хашим Барха, Джаганнатх, Сайид Раджу, Михтар-хан, Мадху Сингх, Муджахид бек, Ханкар, Рай Лонкаран и множество иных храбрых военачальников. В своей несравненной милости Его Величество кратко и ясно в письменном виде изложил указания относительно дел мирских и духовных.

В сию пору, дабы Пенджаб стал пристанищем мира и безмятежности, Мирза Юсуф-хан, Маснад Али Фатх-хан, Сайид Умр Бухари, Шейх Мухаммад Газнави и Сайид Касим отправились в эти места.

Происшествием стало взятие крепости Сивана¹, одной из крепостей Аджмира, принадлежавшей Чандар Сену и управлявшейся Пата Ратхором. Поскольку Шах Кули-хан Махрам и Рай Раи Сингх не управляли войском как надобно, лошади ослабли, из-за недостатка ячменя, а [перебои с] продовольствием подорвали дух солдат. Вначале Сайид Ахмада, Сайид Касима, Сайид Хашима, Джалал-хана, Шимал-хана и многих иных прославленных бойцов отправили взять крепость, тогда как остальным повелели спешно прибыть ко Двору. Командиры отбыли в свои владения и начали вооружаться. Тем временем Джалал-хана постигла [крупная неудача], и строптивцы тех земель подняли главу смуты, а именно: Кала, сын Рам Рая и внук Рай Малдео, и многие недовольные собрались в крепости Деокур². Сайиды рода Барха и остальные военачальники приложили все усилия, чтобы усмирить тех непокорных [однако из этого ничего не вышло]. Соответственно Шахбаз-хан³ получил при Дворе поручение довести дело в Сиване до конца, а затем вернуться ко Двору. Добравшись до места, он узнал, что войска находятся в растерянности из-за [неудачной] осады цитадели, и весьма непросто [подавить] вереницу мятежей и ожесточённых сражений. Шахбаз-хан, прибыв, немедленно принял меры для взятия крепости [без промедления]. Небесной помощью, что благоволит усердным и чистым сердцем, была явлена победа, и погублено огромное число врагов, а крепость захвачена. Мятежники попали в плен, а Шахбаз-хан, оставив некоторых сайидов Барха в том месте (*тхана*), обратился к завоеванию Сиваны. В семи косах от той цитадели вы-

силась каменная крепость, называемая Дунара⁴. Во время переправы войск через Луни близ неё собрались раджпуты клана Ратхор и повели себя надменно. Хотя им был указан путь послушания, это не произвело никакого воздействия, и единственное, что оставалось, — взять крепость. Кровь многих дерзких оросила пыль бесчестья, и сей славный успех стал прологом завоевания цитадели [Сиваны] и усилил смятение недостойных. Оттуда Шахбаз-хан двинулся на завоевание Сиваны, а прежнюю армию (*лашкар-пеш* — потерпевшую неудачу армию) отослал ко Двору. В приготовлении *сабата* и создании условий для распутывания сего, с виду сложного, узла рука и сердце объединились, а сноровка дополнила доблесть. Вскоре после того гарнизон взмолился о покровительстве [царской власти], и сдал крепость верным, и поспешил преклонить колени на пороге удачи. Они исполнили это, когда царские знамёна находились в Аджмире, и были приняты с царскими милостями. Когда дела в той области уладились, в день хур, 15 ардибихишта, Его Величество проследовал из Аджмира в столицу, а в день бад, 22 ардибихишта, достиг Фатхпура. Ещё более рьяно, чем обычно, он обратился к делам, просветляющим мир, и розовый сад мира зазеленел вновь.

Значительным событием стала отправка армии Бихара в область Бенгалию. Как уже говорилось, миропокоряющие войска, взяв Гархи, столкнулись с неприятелем у Ак Махала. С этого времени депеши доставлялись в обе стороны при помощи конных гонцов. А тут пришли донесения, что настал дождливый сезон, в той области сопровождающийся сильными бурями, и завоевание Бенгалии оказалось бы делом нетрудным, прибудь туда свежие силы. Соответственно Музаффар-хану и остальным военачальникам Бихара приказали привести войска в порядок и двинуться в Бенгалию. Когда лишения солдат и нехватка припасов для войска занимали ум Его Величества, снарядили несколько кораблей, гружённых деньгами и товарами, и тревога робких улеглась, а сердца врагов преисполнились трепета.

В это же время из войск пришли вести, что Ходжа Абд-аллах Накшбанди⁵, преисполненный света преданности, с несколькими воинами покинул укрепления, чтобы завязать бой. Навстречу вы-

шли [противники], и спутники Ходжи запятнали себя пылью позора и обратились в бегство. Ходжа проявил стойкость и уничтожил множество врагов. Наконец, он проиграл монету своей жизни и взошёл на небеса славы. Его Величество Шахиншах, опечаленный сим происшествием, исцелил сердца его детей и домашних различными деяниями милости.

[Важным] событием стала отправка Шахбаз-хана против Гаджпати⁶. Вкратце дело обстояло так. Гаджпати был одним из могущественнейших землевладельцев области Бихар. Он поддерживал [дружеские] отношения с воинами порога Халифата и оказал ценные услуги в завоевании Бенгалии. Сославшись на какую-то малозначительную причину, [вдруг] распрощался и отправился в свои земли. В пору мятежа в Бенгалии обратился за помощью (*панах авард*) к Хан Джахану, однако когда тот вместе с войском проходил через его владения (*йурат*), Гаджпати, из-за искажения [линии] собственной судьбы и порочного нрава, ушёл в сторону и не имел счастья сопровождать его. Поскольку армия удачи долго стояла перед врагом, злополучный мятежник мало-помалу пристрастился к разбою на большой дороге и угнетению слабых. Злонамеренные и корыстные [собрались около него], и его строптивость становилась всё более дерзкой. В своём безрассудстве и близорукости он начал грабить города и сёла. Когда взметнул пыль господства в окрестностях города Арра, Фархат-хан, *джагирдар* [сего местечка], счёл сражение с ним нежелательным и заперся в цитадели. Подлый Гаджпати вступил в переговоры с Даудом и попытался перерезать пути сообщения, а также задержал и взял под стражу Пешрау-хана, спешившего на корабле в Бенгалию из столицы. В своей слепоте и злополучии он поставил стопу за пределы своего ковра, и, поскольку правилом владык судьбы является возносить некоторых неблагодарных и злодеев, чтобы тем глубже они пали и разлетелись бы на части, то позволено было этому чёрному сердцем мужу пламенеть на вершине заблуждения несколько дней, словно соломинке в огне. Фархат-хан, его сын, и Каратак-хан пали в битве с ним. Вот краткий рассказ о том. Фарханг-хан⁷, сын Фархат-хана, узнав про осаду Арры, покинул свои владения, и к нему присоединился Каратак-хан, стоявший

169

поблизости. Неподалёку от крепости они напали на корабли губителя общего блага и одержали победу, а затем бесстрашно пересекли Сону. Того спесивого и недалёкого мужа несколько безрассудных головорезов уговорили дать бой. В начале [сражения] Фарханг-хан несколько раз отличился в рукопашных схватках и дважды заносил свой меч над Гаджпати, так что та искра мятежа чуть не угасла, когда его мечники подрубили ноги коню Фарханга. Тот с доблестью продолжил сражаться пешим и отправился в пустыню погибели. Вслед за ним и Каратак бесстрашно разорвал нити существования. Фархат-хан, прознав о гибельном исходе [сражения], в неудержимом порыве отцовского чувства выступил из крепости и, подобно жертвующим жизнью любящим, избрал путь обетованной земли.

170 Когда вести о бунте названного негодяя достигли царственного слуха, Его Величество в день рам, 21 хурдада (начало 1576 г.), отправил отличившегося преданностью и добрым служением Шахбаз-хана покарать злодея. Также вышел приказ, чтобы Саид-хан, Махсус-хан и остальные слуги [престола], находившиеся в тех краях, присоединились к нему с соответствующим вооружением и объединили свои усилия для уничтожения того [мятежника]. Получив приказ, Шахбаз-хан поспешил в назначенное место, а упомянутые военачальники присоединились к нему со всей быстротой. Гаджпати не подозревал, чем всё кончится, и, приняв глубину падения за вершину восхождения, лишь добавил спеси и ограбил множество деревень и городов. Он готовился выступить на Газипур, где находились семья и слуги Хан Джахана. Тут прибыла победоносная армия, и он в своей гордыне повернул обратно и стянул войска для сражения. Благостью удачи Шахиншаха вскоре его постигло подобающее наказание, что и будет вкратце описано.

Тем временем Шихаб-ад-дин Ахмад-хана отправили в Мальву. Возвышенный гений, постоянно занятый обустройством земель, воспитанием сердец и дарением справедливости угнетаемым, сосредоточил усилия на том, чтобы облагодетельствовать жителей той страны, обширной и восхитительной. Он возвысил в достоинстве Шихаб-ад-дин Ахмад-хана, известного своими дарованиями и заботой о земледельцах, и предоставил ему мансаб 5 000 [воинов],

и отправил его в названные земли в день дибادين, 23 хурдада, Божественного месяца. На уши его удачи повесив массивные жемчужины наставлений, увеличил тем его мудрость.

[Следующие две с половиной страницы посвящены рассуждениям о различных (шести) классах людей и об обязанностях правителя. Их можно сравнить с главой 1 в «Аин-и-Акбари», II, и главой 7 с рассуждениями о брэнном характере земных благ там же. Эти рассуждения отсутствуют в издании Лакхнау, и никаких сведений об Акбаре там нет, за исключением замечания в конце, что он увеличил число слонов и заботился о лошадях, быках, ослах и т.д. Переводить всё это я счёл ненужным. Абу-л Фазл утверждает, что эти рассуждения стали частью напутствий, данных Акбаром Шихаб-ад-дину, перед тем как того послали управлять Мальвой]⁸.

Заметным событием стала смерть Мир Шариф Казвини. 173
Поскольку игра *чауган*, развивающая [силу] удара в рукопашной схватке, воспитывает усердие и тренирует лошадей, что по большей части отбираются солдатами, то Его Величество рассматривает сию забаву как поклонение Господу под видом спорта. По высочайшему распоряжению в день арад, 25 хурдада, Божественного месяца, была устроена эта игра. Мир Гияс-ад-дин Накиб-хан и Мир Шариф, сыновья Мир Абд-ал-Латиф Казвини, благодаря милости Шахиншаха стали выдающимися участниками сей забавы. В пылу атаки лошади двух братьев столкнулись. Один из юношей, выбитый из седла, потерял сознание, и кровь хлынула у него из уха. Его Величество спешился на том поле — являвшем достойное мира зрелище — и осенил состраданием (Шарифа). Зрители, не видя среди конных Его Величества, разразились криком и причитаниями. Злокозненные разжигатели недовольства воспользовались [представившейся] возможностью. И мига не прошло, как унимающий раздоры мира уселся в седло по горячей мольбе Кутб-ад-дин-хана и поскакал по полю. Ужас прошёл. Вскоре связь стихий в упавшем разорвалась. На могиле Его Величество раздал крупные суммы семье погибшего, дабы освободить плечи их сердец от бремени долга, и настала [после скорби] пора удачи. Пусть же сердечное удовлетворение (благодаря уплате долга) поддержит того [юношу] в его суровом странствии!

Глава 32

Усиление [света] лампы удачи
[Его Величества] Шахиншаха
и нисхождение *раны* во мглу бегства

Как уже говорилось, спесь *раны* подпитывалась славой его рода, что в прежние времена правил Индией. Собственное могущество, обширные владения и множество раджпутов, готовых пожертвовать жизнью ради чести, — [всё это] образовало завесу для его очей. Он не постиг чудес удачи Шахиншаха, оставил послушание и сбился с пути. Украшающий цветник мира повелел *куару* Ман Сингху отправиться с отрядом преданных мужей, и пробудить его от хмельного сна, и препроводить в школу благодати. Но у неудачливого (букв. «одеяло которого черно») призыв к пробуждению лишь усиливает сонливость. Царские силы стояли некоторое время в городе Мандалгарх¹, ожидая военачальников и собирая обоз. В течение этого времени [отведённого] для пробуждения, *рана* в невежестве своём лишь упрочил упрямство и выступил с намерением посеять смуту. Он пренебрёг удачей, соединённой с вечностью, и в командире² победоносного войска увидел землевладельца, низшего по рангу с собой. И единственная мысль явилась ему — подойти к названному городу и дать сражение. Однако те, кто желал *ране* блага, не позволили тому усугубить свои грехи (*хасарат*) этим дерзким деянием (*джасарат*).

174 Когда царские войска собрались, *куар* Ман Сингх, положившись на возрастающую день за днём удачу, подтянул свои силы и выступил к Гоганде³, родине того мужа с задремавшей удачей (*раны*). Сам он находился в центре, *сайиды* из рода Барха — на

правом крыле; Гази-хан Бадахши, Рай Лонкарн стояли слева; Джаганнатх и Ходжа Гияс-ад-дин Али, Асаф-хан следовали в передовом отряде; Мадху Сингх и иные покрытые славой мужи входили в *алтимаш*, Михтар-хан и остальные образовывали замыкающий отряд. В войсках неприятеля в центре находился *рана*; Рам Шах⁴, раджа Гвалиара, командовал правым крылом; левым повелевал Бедамата из племени джала; Рам Дас, сын Джаймала, входил в передовой отряд. *Рана* во тьме самонадеянности и не подумал выстроить войска в боевом порядке; однако усилиями дальновидных были сделаны приготовления, и он проявил рассудительность. В день амардад, 7 тира, Божественного месяца⁵ (18 июня 1576 г. ?), когда истекла одна стража дня, армии встретились близ деревни Хамнур⁶, расположенной у входа в ущелье Халди и являющейся зависимым владением Гоганды. С доблестью сражались обе стороны. Низкой оказалась цена жизни, но высокой — смерти.

Когда смешалось войско с войском,
Устроили они день воскрешения [мёртвых] на земле.
Столкнулись океаны крови:
Бурлящими волнами земля окрасилась в тюльпана цвет.

Правый фланг неприятеля отбросил левое крыло падишахских слуг, и передовой отряд [врага] также продвинулся вперёд. Многие царские воины подались назад. Джаганнат бился отважно и приготовился расстаться с жизнью, когда подоспел *алтимаш*, и *куар* Ман Сингх сам вступил в сечу. Левое крыло врага также теснило правый фланг слуг падишаха. Сайид Хашим рухнул с лошади, однако Сайид Раджу помог вновь усестись в седло. Гази-хан Бадахши двинулся вперёд и соединился с передовым отрядом. Открылся базар, где жизни забирались и отдавались. С обеих сторон воины расставались с жизнью, но сохраняли честь. И так же, как совершали чудеса люди, так же творили чудеса и животные. На стороне неприятеля бился крушащий ряды [слон по имени] Лона. Джамал-хан Фаудждар вывел навстречу ему слона Гаджмукту. Столкновение этих двух гороподобных форм повергло воинов в трепет; цар-

ский слон получил рану и приготовился обратиться в бегство, когда помощью растущей день за днём удачи пуля попала в погонщика вражеского животного, и то повернуло назад. Лишь затем Портаб⁷, родич *раны*, двинул Рам Першада, главного их слона, повергнувшего множество храбрецов. Когда воины заколебались, Камал-хан выпустил громадного Гаджраджа и принял участие в битве. Панджу вывел навстречу Рам Першаду слона Ран Мадара и сражался великолепно. Стопа храбрости этого бойца также чуть не оступилась. Могуществом удачи погонщик Рам Першада был убит стрелой, и тот знаменитый слон — часто служивший предметом разговоров в святых собраниях — вошёл в число добычи. Сражение продолжалось до полудня.

Многие друг с другом бились,
Немало крови пролилось на поле брани,
Нагрелась печень, зазвучали крики,
В петлю попали шеи.

Рам Дас, сын Джаймала, отправился в скорбную обитель гибели от удара длани Джаганната. Раджа Рам Шах с тремя сыновьями Салбаханом, Бхан Сингхом и Портаб Сингхом пали, отважно сражаясь. В сверкании искр бури и боя и среди жара огней удачи *куар* Ман Сингх и *рана* сошлись и свершили славные деяния. По мнению поверхностных, перевес казался на стороне врага, как вдруг блеск Божественной помощи, что поддерживает удачу непреходящую, принёс победу. Одна из внешних причин этого — посреди сумятицы подоспел передовой отряд, готовый к битве. Пронёсся слух, будто сам Владыка Мира прискакал на своём коне, быстром как ветер, и отбросил тень своей мощи на поле боя. Бойцы издали боевой клич, и враги, всё более и более теснившие [слуг Акбара], пали духом. Ветер победы повеял из пристанища небесной помощи, с розового куста надежд преданных, и раскрылся бутон розы успеха тех верных, жертвующих своей жизнью. Тщеславие и самомнение уступили место позору. Вновь подверглась испытанию удача, обречённая с вечностью. Преданность верных возросла, а незадач-

ливым открылась [желанная] искренность. Благодатный утренний бриз признания и веры задул для усомнившихся, врага же объяли непроглядный мрак и ночь уничтожения. На том поле погибли примерно 150 *гази*, и более 500 знатных мужей из числа врагов запятнали себя пылью гибели. Из-за сильной жары и усталости после битвы царские слуги не обратили сердца к преследованию врагов, и *куар*, вознеся благодарность, на следующий день направился в Гоганду. Негодяй же бежал и поспешил в теснины гористого края. Царская армия разбила лагерь в том городе, а ко Двору с мауланой Абд-ал Кадир Бадауни — получившим у собрания учёных мужей (*ахл-саадат*) разрешение на участие в сем походе — отправили донесение о сражении с упоминанием подвигов героев и храбрости врагов, вкупе с удивительными диковинками, доставшимися в качестве трофеев — в особенности слона Рам Першада. В день мах, 12 тира, Божественного месяца, вести о победе достигли высочайшего уха. Он возблагодарил Господа и возвысил верных и преданных. В тот же день Сайид Абд-ал-лах-хана послали на почтовых лошадях в восточные области с заданием передать военачальникам вести о приближении мирозавоёвывающих стягов. Ему предстояло огласить известия о великолепной победе и, если солдаты области Бихар ещё не отправились на подмогу Хан Джахану, настоять на том, чтобы они исполнили это⁸. Отсылая его, Его Величество молвил, что на портик его сердца упал луч вдохновения, возвестивший ему, что, коль скоро тот принёс в сей край известия об этой Божественной победе, то подобным же образом доставит он ко Двору известия о покорении Бенгалии.

Глава 33

Поход [Его Величества] Шахиншаха в Бенгалию и его возвращение с первого перехода¹

177

Вот краткий рассказ об этом. Несколько достойных доверия людей прибыли из восточных провинций и возвестили, что свет возрастающей день за днём удачи воссиял в победоносном лагере, а афганец по имени Исмаил, которому Дауд дал титул Хан Джахан, убит в окопах *какшалов*. Они также сообщили, что, по мнению военачальников, без подхода миропокоряющих стягов огни победы не воссияют со всей яркостью, однако из почтения те не в силах заявить об этом в открытую. Его Величество приказал приготовиться к походу [после чего] войску надлежало двинуться туда по суше и по воде. Касим-хан был отправлен в Агру с задачей позаботиться об останках во время плавания. В краткий срок вершители дел исполнили труд нескольких лет.

Поскольку столпы знания и султаны мудрости никогда не одобряют, чтобы труд нынешний откладывался на завтра, и полагают это особенно непозволительным для дел управления, Шахиншах, положившись на Господню милость, оставил Фатхпур в разгар [сезона] дождей — а в этот сезон многие энергичные мужи воздерживаются от активности — и выступил в день абан, 10 амардада, Божественного месяца, что соответствовал воскресенью, 25 раби-ахира [984 г.х.] (22 июля 1576 г.).

Шах вышел из обители славы,
Приютом славы стал Бахтияр (слон его?).
Красу небес вобрали штандарты (*каукаба*),

К небесам вознёсся месяц его знака,
Слоновьи формы согнули землю,
Вселенная затрепетала.

Его возвышенным намерением являлось отправление водным путём с немногими придворными, в то время как войско двинулось бы посуху. Хотя время года не подходило для военных мероприятий, однако Хедив Мира, поразмыслив о разрешении трудностей страны, счёл, что уничтожение врагов для солдат станет отдыхом. По пути он рассказал одному из спутников: «Прошлой ночью, когда я пребывал в дрёме, открылось окно в таинственный мир, и мне стало ведомо, что вскоре придут вести о завоевании восточных областей, а их обитатели наслаются спокойствием и возрастающей с каждым днём справедливостью». Когда поздним вечером достигли селения Бирар, зависимого от округа Агра, Сайид Абд-ал-лах-хан, совершивший длинное путешествие за 11 дней², привёз вести о победе царских слуг, разгроме дерзких бунтовщиков и завоевании области Бенгалия. Дабы преподать урок роду людскому, в джилаухана (навес) во внутреннем дворе он швырнул голову Дауда. Очевидцы испустили крик, и возликовало человечество. Хотя поверхностные мнили, будто великая победа одержана во внешнем мире, однако очи людей с пронизательным зрением видели, что был завоёван духовный мир. Истомлённые стопы в глуши исканий удостоились руководства. Искатели, потерявшие свой путь и ищущие озаряющую ночь лампаду (наставления) в сумрачном пристанище жаждущих, облачённых в лохмотья (у нищих и аскетов), обрели в качестве наставника принца горизонтов и вновь принялись за труд, и свеча их видения зажглась благодаря двум чудесам, к каковым разум не имеет доступа, и каковые не под силу ни догадкам, ни рассуждениям. Слепцы розария бытия возрадовались источнику прозрения и обретению тысячи очей пробуждения и приняли участие в празднике лицезрения (*шухуд*). Хромцы равнины познания излечили стопы знания. Люди близорукие заполучили сурьму [прекрасного] зренья. В руках бредущих по пути исканий оказался посох стойкости. Первым (из двух чудес) явилось [произношение] цветом творения

178

(Акбаром), когда он отпускал Сайид Абд-ал-лаха, [знаменательных] слов: «Ты принесёшь вести о победе и завоевании». Вторым стало объяснение Его Величеством в тот же день [привидевшегося ему] сна и объявление вестей о победе и покорении.

Его Величество Шахиншах вознёс Господу хвалу за две славные победы. Хотя распутать тот нелёгкий узел (завоевать Бенгалию) было, воистину, результатом благодати святого влияния Владыки Мира, однако внешней причиной стали глубокие способности, мастерство и неослабные усилия Хан Джахана и раджи Тодар Мала, а также старания стойких (*бе ру ?*) *сазавалов*³. Когда пользующееся небесной поддержкой войско стояло перед Даудом, решительному сражению препятствовал пересечённый характер местности, и храбрецы с обеих сторон попеременно выходили и испытывали свою отвагу. Единственной надеждой надменных негодяев [являлась мысль], что с приходом сезона дождей [царский] лагерь будет снят. Военачальники победоносной армии, по большей части *чагатаи*, не желали, чтоб во главе столь великого мероприятия стоял Хан Джахан, *кызылбаши*⁴. Они не обладали такой верностью, чтобы ради труда на своего повелителя забыть о различиях в религии и традициях и приложить все усилия для достижения его [Акбара] целей. Подобные недостойные мысли неизбежно становились помехой на пути удачи сей клики. Точно так же и войско бенгальцев отвернуло сердца от [завоевания] сей страны из-за эпидемии чумы, и вся их энергия [направлялась] на то, чтобы воспрепятствовать исполнению сего труда. Где же сияние мудрости, что дало бы возможность понять, что время и место не оказывают ни дурного, ни положительного влияния на наполнение сосуда жизни? [Ибо] итогом будет объём, назначенный Божественным знанием, независимо от того, проведёт муж свои дни в джунглях тигров или же в пределах источника жизни! И где такая верность, что потребовала бы самопожертвования на службе своему повелителю? Они не хотели сражаться ещё потому, что в глазах поверхностных враги превосходили их выучкой и числом. И не обладали прозорливостью, чтобы увидеть армии растущей с каждым днём удачи Шахиншаха. Помимо того, не желали принимать бой из-за силы вражеских по-

зиций. У них не имелось величия, чтобы компенсировать силу неприятельских позиций мощью удачи Его Величества. Сила дождей и бурность рек также отвращала их от схватки. Из-за совершенного неведения Истины они не воззвали к духовной помощи против хлябей небесных, а трудности с зерном и высокие цены на провиант [?] поколебали их стойкость. По недостатку доверия и самонадеянности не учтя первопричину, заняли ум делами второстепенными.

Хан Джахан и раджа Тодар Мал благодаря своей верности и знанию мира не слушали людских вздорных сплетен, но делали всё возможное, чтобы ободрить воинов и вдохнуть в них мужество. По высокой цене скупив неприязнь сподвижников, подвергли жемчужину службы необычайным испытаниям. Будучи не в силах прочесть буквы слова «завоевание» на челе нрава сих людей, они решили распустить армию Бихара и отписали об этом [Акбару], взывая о помощи возвышенный Двор в сем деле. Музаффар-хан занимал время ничтожными заботами людей с малым умом, однако, когда прибыли энергичные и непреклонные (*бе руи*) *сазавалы*⁵ Двора, ему пришлось действовать, и вместе с Шуджаат-ханом, Мухибб Али-ханом, Масум-ханом Кабули, Мир Муизз-ал-мулком, Саманджи-ханом, Мирзада Али-ханом, Тархан Дивана он привёл войско в порядок и обратил свой лик к службе. [Однако] на землях Бхагалпура⁶ Музаффар-хан вернулся к первоначальному мнению и после бурных споров с остальными военачальниками решил, что «дожди — это сезон неустройства, и идти в эту пору в Бенгалию и потерпеть там неудачу равносильно самоуничтожению. До конца дождей следует оставаться там, где [кто] есть. Хан Джахан, утомлённый продолжительными схватками с неприятелем и невероятными трудностями, должен вернуться; когда взойдёт звезда Сухейль (Канопус), и вода в реках начнёт спадать, а воздух станет приятен, царские слуги единовременно двинутся, чтобы покорить Бенгалию и уничтожить афганцев». В это время прибыл Мухибб Али-хан⁷ и отвечал на сие смятение: «Твоё рассуждение невозможно поместить ни на весы преданности, ни даже на весы практической мудрости. Когда мудрый правитель послал нам решительный приказ спешить в Бенгалию и дать битву, не след измышлять какой-либо иной план или медлить.

Будем неуклонно держаться приказа и выступим с душой и сердцем, чтобы исполнить нашу службу, и Божьей помощью и удачей Шахиншаха положим конец этому затянувшемуся делу». Поскольку энергичная мысль родилась источником преданности и верности, она тронула всех. Охотно или нет, но шайка метателей камней [из пращи] медлительности согласилась с этим планом и предложила перед объединением с войском Хан-ханана послать надёжных гонцов и заверить последнего, что, как только произойдёт объединение войск, битва не будет более оттягиваться, и они завершат сей великий труд. Ибо опасались, что военачальники находящегося впереди войска (Хан Джахана) окажутся не расположены к битве и изъявят желание дожидаться подхода сил Шахиншаха, а их лагерь в это время года будет разгромлен. Соответственно, Мир Муизз-ад-дина и Вазир Джамила послали заверить тех.

Когда письма промедления были таким образом стёрты, им пришлось двинуться в ту область. В день марисфанд, 29 тира, Божественного месяца (10 июля), армии Бихара и Бенгалии соединились. Хан Джахан встретился с верховными военачальниками (сил Бихара) и обошёлся с ними с почтением. Он проводил их в свой шатёр и устроил великий пир. На следующий день отправился в ставку Музаффар-хана и побеседовал с ним с глазу на глаз. После долгих разговоров о незначительных предметах тот (Музаффар) настроил своё сердце на битву, и они начали стягивать войска. Хан Джахан командовал в центре; армия Бихара стояла на правом крыле; на левом крыле находились раджа Тодар Мал, Джаббари, Баба-хан Какшал, Итимад-хан Ходжасара, раджа Гопал и другие. В передовом отряде — Шахам-хан, Мурад-хан, Джан Мухаммад Бахсуди, Исмаил бек Узбек и иные. *Алтимаш* состоял из Исмаил Кули-хана, Кийя-хана и прочих. Силы врага расположились в следующем порядке. В центре стоял Дауд, на правом крыле — Кала Пахар, Джунаид — на левом; в передовой отряд входил правитель Ориссы Хан Джахан и Катлу. 31 тира, Божественного месяца, что соответствовал четвергу, 15 раби-ас-сани (12 июля), разгорелось сражение. Хотя вся равнина находилась под водой и пересечь её по мосту не имелось возможности, храбрецы победоносной армии обос-

новались у склона холма, и с помощью возрастающей день за днём удачи попытались снискать славу, и поставили на кон свои жизни. Нашли подходящий путь, и, когда пришли вести об успехе, вознеслась хвалебная песнь ликования. Воины расположились в боевом порядке и устремились к победе. Миновав некоторое расстояние, подошли к глубокой и тёмной реке. Перебраться через неё казалось невозможным, а они и думать не смели о том, чтобы повернуть назад. Поток сомнений захлестнул поверхностных и близоруких, в то время как [мужи] с пронизательным зрением раскрыли око наставления, ожидая чудесной помощи удачи. Вскоре таинственные лучи осветили их лица радостью, и через тот непроходимый поток обнаружилась переправа. Для даровитых и разумных это явилось предзнаменованием победы. Когда неприятель узрел, что произошло, то изготавился к битве. Баба-хан Какшал и все герои левого крыла пересекли реку и с пылом вступили в сечу. Кала Пахар и иные храбрецы из вражеских рядов держались твёрдо и вынесли на базар брани жемчужину доблести. Поле битвы обрело славу.

181

Копья (синан) разили грудь (синаха).
Дню Воскрешения уподобился мир.
Кровью так река напилась,
Что головы уносила, словно мячи для поло.

По своему злополучию Баба-хан повернул поводья. И тогда появился Джаббари с другими храбрецами и бросился в атаку. Яростные схватки отполировали жемчужину храбрости. Стойкие уже готовы были заколебаться, когда раджа Тодар Мал бесстрашно вырвался вперёд. Верные вновь пошли в атаку и, сделав умение украшением энергии, вступили в ожесточённые поединки и начали теснить врагов. Раненый Кала Пахар понял, что [единственное] его спасение заключается в бегстве. Доблестные герои сочли неразумным преследовать его, ибо впереди лежали обширные болота, и, кроме того, им ничего не было известно об остальных войсках. Они были вынуждены натянуть поводья и лицезреть чудеса удачи. Священные воины правого крыла приготовились доказать свою отвагу,

когда враг запятнал себя прахом поражения, и достойной описания сечи не произошло. Джунаид, меч афганцев, искусный в воинском ремесле, сравнялся с землёй подлости (погиб). Причиной этого стало, что в ночь, предвещавшую утро победы, пушечное ядро задело Джунаида, спавшего на *кар-паи* (кровати), и сломало ему ногу. Мурад-хан и остальные [воины] из передового отряда пересекли реку и пошли в наступление. Враги доказали свою отвагу и оттеснили их. Тут же подоспели остальные *гази* передового отряда и *алтимаша* и вернули назад тех, кто обратил спину. Они стояли непреклонно и явили свою преданность.

Столкнулись два войска, ища отмщения.
Храбрецы на поле боя встали.
День битвы вздымался и опадал.
Роса крови опустилась рыбам, пыль к луне (поднялась)
Мечи героев атели кровью:
Кто-то отдал жизнь, другой бежал.
Броня раскололась, ослабли чресла,
Сил ни в руке, ни в голове не осталось.

182 Хан Джахан, возглавлявший неприятелей, отправился в [пучину] гибели, и среди врагов воцарилась неразбериха. Сражение ещё не докатилось до центра, когда свет месяца Божественной милости озарил мир, и вспыхнуло светило удачи Шахиншаха. Победоносные воины преследовали беглецов повсюду, и войска противника спалили свою честь искрами ярых мечей и в смятении отправились в пустыню забвения. Многие из них в помутнении бросались в реки и воды и так расставались с жизнью. Хан Джахан [Хусейн Кули-хан] отправился на поиски врагов, когда поле боя наполнилось звуками победы. Его уши восхитились ликующими кликами. Бой барабана радости слышался повсюду. Посреди сей радостной неразберихи привели безрассудного Дауда, взятого в плен. Рассказывали, что его лошадь увязла в трясине. Талиб Бадахши, сын Ходжа Ибрахима, доверенного слуги мирзы Хиндала, в своей низости дал ему лошадь и позволил бежать. Неожиданно некий неизвестный (*ики аз на ши-*

насан) рассказал обо всём Мураду Систани и Хусейн беку Гурду, и те схватили его и привели [к Хан Джахану]. Одновременно с ними явился и злокозненный (Талиб) и потребовал свою долю (в награде). Увидев, что произошло, со стыдом удалился. Хан Джахан осведомился у того интригана (Дауда), что произошло с его клятвами и договором. Тот откинул с лица покров стыда и заявил: «Соглашение было заключено с Хан-хананом. Теперь же пришло время приобрести новых друзей и заключить новый договор⁸». Поскольку изящество речи не в силах осветить мрак губительных действий, Хан-ханан мудро остановил [поток] измышлений и небылиц этого недостойного и приказал освободить его плечи от бремени головы со вздорными мозгами⁹. Следом он немедленно отправил [Акбару] с Сайид Абд-ал-лахом голову и сообщение о чудесных событиях.

Господь великий! Ведом ли кто такой удачей,
Чтоб мир беззаботно принять?
Да славится его жемчужный зонт:
Осенён его трон Господней тенью.
До сей поры сокрыт его разящий меч.
До сей поры не распустилась ни одна из сотни роз.
До сей поры незримы его тайные победы.
До сей поры вестей добра мысль не касалась.

Когда стало известно о сей великой победе, новая благодарность была вознесена Господу, дарителю царств. Оживился базар даров и раздачи милостей. Сайид Абд-ал-лаха отличили щедрыми денежными пожертвованиями и подобными [знаками], и столько красных и белых монет излилось в подол его надежд, что он не в силах оказался унести их. Победные сводки послали правителям и наместникам. Хвала удаче, в продолжение 25 дней явившей две великие победы, каковые нечасто одерживались [выдающимися] правителями древности. Первая — уничтожение гордыни *раны*, вторая — завоевание Бенгалии и казнь Дауда. Хотя поверхностные изумлялись подобным достижениям, однако те, кому ведомы славные качества и деяния владыки — его мудрость, знание истины и чис-

тота, — сочли их [победы] лишь одной из тысяч удач и преклонили чело восхищения!

Поскольку обыкновенные люди тревожились из-за столь далёкого похода в неподходящее время года, Его Величество понял, что быстрое возвращение станет предвестником благодарности, и вернулся на следующее утро после победы, и бросил сень справедливости на столицу Фатхпур. Устроили великие празднества, и воцарилось всеобщее ликование. Духовный базар вновь оживился, и волны щедрости утолили жажду бедняков.

Подобно океану, волны вздымающему,
Оставляющему жемчуг и затем отступающему,
Так заботливый властелин в своей щедрости
Словно дождь, идущий порою назначенной.

Славной праведностью Владыки Мира и неустанными усилиями Хан Джахана и раджи Тодар Мала те обширные земли вновь завоевали и обратили в обитель мира. Люди различных народов и традиций обрели мир, а святое сердце полностью успокоилось о стране, что с давних времён именовалась домом раздоров (*бул-гак-хана*). Ведь пыль неурядиц постоянно вздымалась в той стране злокозненными мужами. В то время как занимающий престол, узрев знаки верного мышления и правильных действий, обратился к Небесной помощи, моля о ниспослании ему бодрости, род людской вознёс признательность за свою счастливую звезду, одарившую их столь мудрым, любящим, набожным и оберегающим подданных повелителем. Они привязали к подолу разума узел обязательства (*акд-и-лузум*) и сделали удачу светочем собственной жизни.

Пусть длится его царствование вечно.
Пусть на его указах свою печать поставят циклы [времени]!

184 Заметным событием стало избрание Кутб-ад-дин-хана на пост командира пяти тысяч. Прошёл ли хоть день без того, чтобы знаток царств мирских и духовных не назначил на высокий пост во-

начальника, где бы тот ни находился? Поскольку улучшение мира внешнего связано с повышением должностной ступени, он сделал каноны справедливости и беспристрастия гербом на вратах разума и возвышал достоинство слуг Двора. Тем самым одновременно испытывались людские качества и поддерживалось оживление мирского базара. Не хватило бы целой книги, чтобы описать сии меры. Я вынужден сосредоточиться на вещах более важных и воздержаться от подробностей. Но нет! Любая мелочь возвышенного Двора отражает мир вышний в его целостности. Но полное описание событий навечно украшенной власти превосходит возможности человеческого разума, а потому что в силах свершить единственная, смятенная душа из братства зависимого существования (*анджуман-и-имкан*)? Особенно если на плечо цели я взвалил бремя мирского состояния, то стремление к истинному аскетизму, пребыванию в теснине сумрака и разрыву физических уз, при слабом сердце и непостоянной душе, окажется разрушительным для ментального спокойствия. Излагая повесть о просвещении [мира], я — вопреки последователям общих мест — сделал преклонение перед Господом и признательность за полученные блага своими проводниками в пустыне истины и, невзирая на разногласия противоречивых побуждений, с праведным намерением и устремлением к истине взялся за исполнение сей великой задачи. Священный порядок, несущий печать Мудрости, установил, что если рука не достигает полы рубахи, то не следует пытаться схватить за край её кайму, и если нет пути в аллею сада, не следует строить гримасы, вдыхая аромат цветов. Соответственно, упоминая о некоторых первостепенных делах Двора удаchi, я, во-первых, коплю заслуги для собственного счастья, а во-вторых, готовлю новые дары для искателей нынешних и грядущих. Возможно, так мне удастся занять место в их сердцах и стать одним из избранных признания.

Важным происшествием стала отправка войска для наказания Дауды, сына Рай Сарджана, правителя Рантхамбора. Тот злонамеренный без дозволения отправился в родные земли Бунди и раскрыл ладонь притеснений. Справедливый властитель назначил Сафдар-хана, Бахадур-хана, шейха Мухаммад Хусейна, Кангар Рая,

Джандун Султана, Джаймала и прочих воинов обеспечить поражение тем опьянённым, не ведающим смысла вещей, даровать защиту жителям и осенить их миром.

Глава 34

Поход в Аджмир

185

Благочестивый повелитель отправился к усыпальнице Ходжа Муин-ад-дина Санджари в день исфандармаз, 5 михра, Божественного месяца (15 сентября 1576 г.). Он выступил верхом, сопровождаемый несколькими слугами и некоторым числом верных *амиров*. На первой остановке его встретил Мирза-хан, который вернулся из Гуджарата и был удостоен счастья изъявить почтение. Мудрый царь сделал многообразие¹ завесой единства и остановился в Аджмире вечером 16 михра², Божественного месяца (26 сентября), и исполнил церемонию посещения святой гробницы. Сонмы людей, собравшихся из различных краёв, дабы принести обеты, возликовали. Человечество унесло обильные подношения с пира щедрости. Властители радости разогнали тоску плясками и рукоплесканиями.

Певец вливал вино, но [опьяняли] через ухо.

Внешне праздновал город традиции, внутренне же орошение освежило зелень розового сада Истины.

Тем временем прибыли *куар* Ман Сингх и прочие военачальники той области для изъявления почтения. При восходе звезды удачи Его Величества и закате звезды *раны* за скалами поражения эта группа верных стала лагерем в Гоганде. Тот изгнанник из земель Господних (*даргах*) понёс лик бесчестья в горные теснины. Военачальники благоразумно не стали преследовать его, а из-за

трудностей с доставкой продовольствия покинули гористый край и водрузили стяги победы в открытом поле. Мошенники и прислужники Века нашептали Его Величеству, будто в деле уничтожения негодяя проявлена небрежность, и военачальники чуть не навлекли на себя царское неудовольствие³. Однако проницательностью и глубиной расследования — этими превосходными качествами, присущими Владыке Мира, — с размалёванного лика злокозненных пустословов маска была сорвана. Радостным событием стало [традиционное взвешивание]: в день бад, 22 михра (2 октября 1576 г.), в пору благодати и сияния лучей славы Века, монета сокровищницы Творения (Акбарово тело), согласно установленному обычаю, была взвешена⁴, а на другой чаше весов лежали драгоценности, и произошла [принятая церемония] раздачи даров.

186 [Следует отметить, что] ко Двору прибыл Пешрау-хан⁵ и доставил хорошие известия о последней победе — поражении Гаджпати и его заслуженном наказании. Вот краткий рассказ. По непостоянству удачи и недостижимости своей страны тот оставил путь послушания и преисполнился самомнения, как уже вскользь говорилось. Он задумал разграбить Газипур, но тут прибыл Шахбаз-хан с армией удачи, и уверенность его поколебалась. Поняв, что лучше искать спасения в бегстве, поспешил к переправе Чаузы. Пересёк Ганг и изготовился к битве. Не без усилий герои собрали корабли и начали переправу. Их усердием неприятеля вытеснили в пустыню поражения. Они завладели ружьями и судами, а также прочим его добром. На пути подошли к крепости Махад⁶ и начали её осаду. Санграм⁷, управитель крепости, сделал передачу ключей от неё доказательством своего успеха. Шахбаз-хан передал твердыню способным мужам и стремительно двинулся дальше, намереваясь покарать Гаджпати. Негодяй пытался укрыться в лесах Бходжпура, где множество холмов и оврагов. Хотя преданные воины ступили на землю усилий, они не достигли успеха, ибо те [мужики] с дремлющей удачей вследствие «изгнания» (*дурбаи*) чести (*ипбал*) не видели блага в том, чтобы дать бой. Победоносная армия вернулась и выбрала иной путь. На следующий день своевольный⁸, выжидающий [благоприятной] возможности, подошёл к берегу реки, дабы

взметнуть ночью пыль битвы. Из-за ущелий и [неровной] местности благоразумие не позволило отважным героям пересечь реку перед лицом неприятеля. Ведомые Санграмом, они, не теряя времени, отправились опустошать владения врага. Время от времени случались ожесточённые стычки и одерживались славные победы. Поскольку у того, кто был затемнён внутренне, дневное светило⁹ отняло всякую надежду, он предпринял ночную атаку и собственными стараниями полетел напрямик в мрачную обитель гибели. Покрытый прахом бесчестья, поспешил в Джагдиспур, мощнейшую из своих крепостей. Энергичные воины почти два месяца занимались рубкой деревьев вокруг того пристанища, но влиянием Шахиншаха оно было (накопец) взято, семья и владения злодея стянуты петлёй Божественного гнева, а сам он загрязнил себя пылью позора и ввергнут в презрение.

Пешрау-хан также рассказал, как той ночью, принёсшей великую победу, Божественная защита стала его крепостью, ибо он обратился к Шахиншаху и тем уберёгся от смертельной опасности. Вкратце коснёмся рассказа о том великом спасении. «Со времени как я очутился во власти того дерзкого и самонадеянного, не было ни дня, который я не считал бы последним. Однако благостью своего обращения к Владыке Мира я вышел без царапины. Особенно явно это открылось в день битвы с армией удачи. А худшим моментом из всего [пережитого] стала ночь, когда тот дремлющий вступил в пустыню поражения в своём злополучии. Примерно семьдесят пленников указали (мне) путь гибели (были умерщвлены). Среди них — четверо моих спутников. К каждому приставили подлеца, которому предстояло расправиться с пленником в лесу, и тот, кому велели забрать жизнь этого потерявшего надежду (мою), увёл меня и приготовился разрушить основу моего существования. Священную особу Шахиншаха я сделал средством приближения к Господу и обратил лик мольбы к источнику щедрот. Втянув голову в ворот, обратился к мысли, что если сей костяной замок (*кахх-и-истахвани* — его тело), не спасёт меня, я достигну величественных чертогов в благословенной обители радости. По прошествии немалого времени, в течение которого исполнитель приговора с железной печенью не

подавал ни знака, я поднял голову, а он шагнул навстречу с мольбой и раскаянием и произнёс: «Ты — или один из гостей на пиру сущего, или избранник мастерской тайны: ибо, сколько я ни пытался, рука моя отказывала мне в повиновении». В ответ я поведал ему о постоянстве удачи Шахиншаха и творимых ею чудесах и сделался его наставником на пути. Сия беседа об истине продолжалась, пока мимо не прошёл Гаджпати. Поскольку он пребывал во сне заблуждения, а его злая судьба опустила завесу пред очами просветления, он счёл сие предостережение плутовством и передал меня другому убийце. Тот, в свою очередь, совершил отчаянные усилия, чтобы поразить мою обитель стихий, а я, как и ранее, размышлял о священной особе Хедива духовного и мирского и, сделав его своей опорой, обратился к Небесному двору. Хотя тот силач собрал всю [присущую ему] мощь, меч не выходил из ножен. Вдруг тот скиталец пустыни уничтожения (Гаджпати) вновь прошёл мимо нас. Увидев, что происходит, разгневался и нахмурился. Находясь в великом замешательстве: ибо, с одной стороны, опасался потерять жизнь или попасть в плен, а с другой — [терзался] мыслью о том, как обеспечить безопасность своей семье, — он сошёл с пути удачливости. По его знаку тот муж посадил меня на слона и двинулся прочь с намерением без хлопот избавиться от меня в безопасном месте. Слона этого недавно поймали, и он оказался злого нрава. Слуга ушибся и упал, а затем получил пинок [от слона] и лишился сознания. Тогда слон громко затрубил и побежал, а остальные [животные], услышав сей ужасный звук, впали в панический страх. Вскоре я достиг пустыни, где не было ни следа человека. Во время этого стремительного бега я обхватил руками, которые были связаны, шею погонщика, чтобы сжать его горло и, когда тот испустит дух, достичь безопасного места. Погонщик подумал: «Он хочет, чтобы я правил быстрее». Наконец, он уразумел моё намерение и попытался стряхнуть меня. Слон продолжал нестись. На рассвете остановился, а я спрыгнул и, упав на лицо, лишился чувств. Я очнулся к полудню, чувствуя страшную слабость, но добрался до дороги. [Вдруг] появился всадник и поскакал ко мне, полагая, что я чужеземец. Мне он показался знакомым, и я его окликнул. Он узнал меня и пал

ниц в признательности — оказался одним из слуг, искавших меня. Я возблагодарил [Господа] за чудесные результаты своей медитации на священной особе и за изумительную помощь, уселся в седло и испытал радость и признательность. Лишь после этого услышал бой барабанов. Пospешив в том направлении, увидел Араб Бахадура и отряд солдат, разыскивающих меня. С ним явился к Шахбаз-хану и рассказал, как спас меня Царь Царей — духовный и земной. Все преклонили голову, услышав о сем великом чуде.

Я превозношу многообразные, возвышенные воздействия, одаряющие такими лучами наставничества для защиты и водительства даже тех, кто находится далеко за пределами ковра чести [Двора], и освещающие очи сердца счастливых, пребывающих при Дворе Присутствия. Во время сей величественной кампании прорицаниями о его [Пешрау-хана] добром здравии и [предстоящем] возвращении он не раз преисполнял радостью его детей, впадавших в отчаяние¹⁰. Некоторые из тех, кто утонул в пучине невежества и считал сии капли истины обычным утешением, пробудились от сна небрежения и оросились стыдом¹¹.

Хвала Господу, что занимающий престол Единства в Множественности чудесной находчивостью непрестанно возносит искренних к Свету, всё более яркому, и возжигает лампу наставничества для несчастных из обители невежества, и выводит их к просветлению. Что удивительного в том, что святые души тех, кто познал Господа, [души] необыкновенно одарённые, располагают подобным могуществом? Или что странного в том, что преклоняющие чело на пороге пред святыми душами после мук обретают такую радость? Однако мелочные приверженцы формы по скудоумию воображают, будто истинное величие и духовная исключительность присущи [лишь] оборванцам пустыни аскетизма, и, увидев подобные этим (явленным Акбаром) чудеса, тысячей грузов изумления обвешивают тяжеловесных привратников своего сердца.

Среди удивительных историй, поведанных им (Пешрау-ханом), следующая: «Во время моего спешного пути я встретил человека в цепях¹². Он ощутил жалость к моему одиночеству¹³ и отпустил со мной своего слугу. В благодарность за его любезность я

освободил того. В тот же день, когда он, расставшись с тем несчастным¹⁴, вышел из неведомого ущелья, я из-за его недоброго появления очутился в темнице. Когда наступила ночь, за которой последовал рассвет, освободивший меня из моего смертельного плена, он со множеством иных пленников отправился в бездну гибели. Как несчастье его общества принесло мне зло, так благодаря его уходу обрёл я удачу».

В то же время произошло стирание записи жизни Бири Сала. Когда свет небесных лучей — сияющая лампада возрастающей с каждым днём удачи — превратил Гаджпати в бродягу в пустыне гибели, и он в смятении и смертельном ужасе — несмотря на то что Шергарх¹⁵ был мощной твердыней — и с шипом заблуждения в стопе поспешил в горный край Рохтас и набросил на плечи плащ унижения, его брат Бири Сал со многими мятежниками понадеялся на лесные холмы и поляны. Воины отважные и усердные последовали за ними и застигли врасплох. Он погиб со многими иными. Была захвачена богатая добыча.

189 Ещё одним событием, явленным крепнущей удачей, стало взятие крепости Рохтас. Поскольку преданность, усердие и бескорыстие службы¹⁶ есть ключи успеха и возможность для распутывания узлов деяний и блестящих предприятий, кажущихся сложными мирянам, то сия крепость, взятие коей земными путями казалось нелёгкой задачей, была завоёвана легко и с малыми усилиями. Когда Гаджпати испытал поправление стопой неудачи, его сын Шри Рам с некоторым числом спесивых смутьянов скопил причины для поражения и обосновался в Шергархе. Шахбаз-хан приступил к осаде и начал строить *сабат* (крытые траншеи) и пр. Большая часть мятежников в тех землях избрала торный путь покорности. В сию пору благодаря удивительному могуществу [царского] влияния новый цветок украсил собой сад желаний. Если рассказывать вкратце, то в пору, когда в той области не было ни одного из верховных чиновников [Акбара], Рохтас оказался в руках Джунаида. Тот передал цитадель одному из своих верных сторонников по имени Сайид Мухаммад. Когда Джунаид погиб, Сайид Мухаммад некоторое время удерживал крепость с злыми намерениями. Но не имея доста-

точной поддержки, решил воспользоваться посредничеством одного из влиятельных сановников при царском Дворе, чтобы предложить крепость в качестве дара и так войти в число царских слуг. Однако по своему хитроумию ничего не сказал прямо. В это время разбойниками в окрестностях крепости, без помощи которых невозможно было к ней подобраться, овладел страх перед царским войском, и они избрали покорность. Одновременно Музаффар-хан с войском Бихара двинулся, вознамерившись взять крепость. Гарнизон пал духом и вступил в переписку с Шахбаз-ханом, послав к нему надёжных мужей и изложив условия сдачи. Тот охотно даровал желаемое и немедленно отправился туда с отрядом храбрецов. Он вдохнул радость в смятенных [солдат] гарнизона и вознёс признательность Господу. Музаффар-хан, узнав об этом великолепном завоевании, в печали отправился назад.

Немаловажно и взятие Шергарха. Когда возрастающей день за днём удачей взяли Рохтас, обитатели того горного тракта (кохпайя) лишились уверенности. Прежде чем с лика их деяний упала завеса, Шри Рам, их предводитель, мудро признал величие царской удачи и засвидетельствовал почтение Шахбаз-хану. Он передал ему ключи от крепости и исправил свою несчастливую судьбу.

Произошла отправка победоносных войск в область Джалор и Сирохи, где их ожидал успех. Когда до царственного слуха дошло, что Тадж-хан Джалори отвернул главу от послушания, а Деора Рай из Сирохи по невежеству отступил от законов служения, Тарсун-хан, Рай Раи Сингх, Сайид Хашим Барха и многие испытанные бойцы [отправились] [покарать его]. Им следовало начать с мягкости и увещаний, чтобы привести строптивцев на путь покорности. Если такими средствами, что одобрены мудрыми, они сумели бы достичь целей, им надлежало не ступать на путь битвы, но уверить тех в воздаянии Божественной милостью. В противном же случае им следовало непоколебимо упереть стопы на равнине усилий и считать, что Божественная воля желает разорвать нить существования столь беспокойных душ. Воины вскоре достигли Джалора, а Тадж-хан прикрепил себя к стремнам непреходящей власти доказательствами раскаяния. Когда сие дело было [таким образом] легко улажено, они

190

направились в Сирохи. *Рай* того места также вышел из сна своей удачи и предстал перед слугами верховной власти с пристыженным ликом. Вместе с Тадж-ханом он отправился к священному порогу, чтобы преклонить колени. По приказанию Его Величества Тарсун-хан поспешил принять управление Паттан-Гуджаратом. Сайид Хашим и Рай Раи Сингх расположились в городе Надот и привели к покорности зачинщиков смуты в тех краях. Пути въезда и выезда из земель *раны* были перекрыты.

Заметным событием стало отправление знамён миропокорения в Гоганду. Священное сердце задумало осуществить управление теми землями путём проведения там охоты, чтобы непокорные навсегда превратились в скитальцев пустыни заблуждения, а благодать пришествия Царя Царей обратила бы обитателей к сиянию удачи. Таким образом лицемерие Божественных чудес упрочило бы просветление познавших, а неприятие зла и питание блага — наиболее утончённые формы поклонения Господу и источники совершенств духовных и земных — происходили бы в необходимой мере и без примесей, вызванных лестью торговцами этими услугами, а также без обращения к уловкам плутов. Дела внешние также уладились бы в соответствии с духовными соображениями. Сколь чудесен этот труд, лик которого осенён преданностью, и в то же время сколь велико его значение для развития дисциплины!

Хотя, на первый взгляд, кажется, будто доброжелательность обращена к достойным, однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что возможна и доброжелательность по отношению к порочным. И хотя, на первый взгляд, непокорным и мятежным адресовано порицание, однако в действительности оно — источник блаженства для тех, кто чист. Ибо силой глубокого исследования истинная сущность испытывается на пробном камне весов, дабы поощрение первой категории (добрых) и источник возвышения отпечатались в умах поверхностных приверженцев традиции. И очевидно, что совокупность обязанностей верховной власти покоится прежде всего на ответственности и глубоких способностях тех, кто занимает престол и обитает во дворце Верховной мудрости. С таким мнением благочестивый Царь Царей обращает свой священный дух

к решению дел, кои его слуги не в силах исполнить наилучшим образом. Соответственно, в сию пору, что знаменовала собой восход светила влияния, когда [его] луч показал, что *рана* поднял голову, вознамерившись поднять бунт в южных, горных землях, а *рай* Нараян Дас¹⁷ вознёс стяг надменности в Идаре, а также, что головы ещё одной клики страдали чесоткой гордыни, он решил отправиться в те земли на охоту¹⁸. В день марисфанд, 29 михра, Божественного месяца, различные категории военачальников и многие слуги, имевшие счастье пребывать при Дворе, построились в отряды, украсились сталью и предстали для смотра.

Герои закованы в железо с головы до пят
И обликом с зеркалом схожи.
Муж каждый так покрыт железом,
Что ресницы похожи на иголки¹⁹.

В тот день царственный наездник ехал по большей части на слоне Балсундаре, и, хотя и утверждали, будто поход представляет собой лишь увеселительную охоту и здесь находятся лишь несколько [ближайших] слуг Акбара, войско оказалось огромным. 31 михра, Божественного месяца (11 октября 1576 г.), после поклонения Господу, заключавшегося в решении внешних дел, он выступил к Гоганде из отрадного места Аджмир. Прозвучал возвышенный приказ, чтобы ежедневно военачальники гвардии (*умра-и-кишик*)²⁰, исполнив свою службу, спешили вперёд и созерцали просветление, а перед тем как приступить к обязанностям несения службы в преддверии Присутствия, исполняли бы *корниш*. Когда знамёна удачи приблизились к месту назначения, многие спесивцы того края склонили чело покорности. Перед величием Шахиншаха *рана* укрылся в гористых землях презрения. Из предусмотрительности и прозорливости Кутб-ад-дин-хан, раджа Бхагван Дас и *куар* Ман Сингх вместе с иными царскими слугами были посланы в горные теснины, где они наложили руки на гнусных обитателей ущелий. Кулидж-хан, Ходжа Гияс-ад-дин Али Асаф-хан, Мир Гияс-ад-дин Али Накиб-хан, Тимур Бадахши, Мир Абу-л Гаис, Нурам Кулидж и многие иные стойкие

191

[воины] были посланы в тот день в Идар с задачей очистить тот край от сора неблагодарных.

Именно в это время у Его Величества возникло желание совершить паломничество в Хиджаз. Однако по просьбе военачальников верховной власти он отказался от своего намерения. Владыка Мира в безмерном сострадании и знании истины неуклонно стремится к исполнению воли Господней. [Однако при] всех своих достоинствах — земных и небесных, [при наличии] обширных дарований и полноте талантов он не считает достигнутое им удовлетворением (букв. «завтраком») своих желаний. А поскольку взор его преисполнен мироозаряющего света, [царь] не созерцает свою красу, возрастающую день ото дня, но неуклонно устремляет взгляд искания из восточного придела своего сердца. Стопа гения постоянно ищет признака Того, кто лишён признаков (Господа). В сию пору несколько человек родом из земель простоты, не связанные путами²¹ (лавандан), ощутили стремление царственного всадника к земным проявлениям преданности — и особенно к посещению отдалённых гробниц мучеников²² — и вновь предложили сему отважному путнику дебрей исканий отправиться в паломничество в Хиджаз. Хотя в избытке мудрости ему было ясно, что паломничество является первым этапом (лишь) для ищущих истины аскетов, и те, кто отправился в подобные путешествия, а тем более те, кто достиг пика своих желаний, отёрнули свой подол от столь земного и формального почитания и обратили собственную деятельность к иным вещам. Великие мира земного имеют иные задачи, а их почитание носит иной характер. Особенно это относится к дарующим правосудие правителям, и тем паче сие верно для украшающего мир, принявшего на свои плечи бремя человечества [повелителя], который своими искусными планами и сверкающей саблей сделал владения стольких владык оплотом мира. Разве пригодна для него такая форма почитания? Тем не менее возлюбивший Господа повелитель чувствовал себя обязанным исполнить любое условие [необходимое для] единения, а потому вложил сие путешествие в подол своей энергии. Любимцы двора и мудрецы святых собраний описали обряды мирян и анахоретов — кои уже были ясны его искреннему уму — и

в манере, в какой увещевают честные и искренние, объявили, что один из великих гениев, соткавших истину и установивших, что подобные посещения оправданны для священного класса подобных ему [правителей], поставил условием, чтобы ни одна пылинка неудачи не села на отрадную обитель, где происходит воспитание их подданных. Справедливый повелитель, в согласии с собственным возвышенным разумом и целью оберечь сердца искренних и цельных, стёр начертания своего желания со скрижали сердца.

Поскольку требовались необходимые приготовления²³, его дарующий справедливость разум определил, что в тот край надлежит отправить прямодушного и закалённого мужа, ибо если бесценная жемчужина истины полируется духовным отказом (от намерений), то оно может быть исполнено внешне посредством такого посольства. Султан Ходжа Накшбанди — имевший сих качеств с избытком — в упомянутый день²⁴ был назначен *амир-и-хаджем* и выступил. Он получил шесть лаков рупий и 12 000 *хилатов*, с тем чтобы раздать дары в соответствии с заповедями [распоряжения] собственностью, а также наградить тех, кто избрал ссылку в это долгое странствие. Повелели и навести справки, и составить полный перечень отшельников тех земель, каковые, будучи поглощены своими душами, не располагали досугом, чтобы следовать определённому занятию или ремеслу, а также иных смиренных бедняков того края. Его святое сердце задалось целью каждый год посылать туда просвещённого придворного, дабы обеспечить нуждающихся — а также всех бедняков иных климатов — пропитанием со стола щедрости Шахиншаха. В сей благостный караван входили различные люди, и в особенности те, кто был связан с родом созерцания и просветления, а также соединённые с [рациональными] доказательствами и [внешними] явлениями (*шахид*). Никогда прежде столько ищущих не являлось из Индии в те края.

Саадат Яр Кока²⁵, Шах Ходжа, Малик Махмуд, Кази Имад-ал-мулк, Маулана Абд-ар-Рахман Ваиз²⁶ (проповедник), Мулла Абд-ал-лах Вафадар, Ходжа Ашраф, Ходжа Хусейн Али Фархари, Маулана Фазли Наушад, Шах Мирза, Джамал-хан Билуч входили в число паломников. В своей неизреченной милости

Его Величество повелел, чтобы отправленные в Гоганду и Идар военачальники примкнули к ним. Длинный караван двинулся через перевал Халди и вместе с победоносным войском направился в Гоганду. Они миновали ущелья и горы и достигли Панвары. Там Кутб-ад-дин-хан и раджа Бхагван Дас вместе с воинами, избранными, чтобы сокрушить рану, повернули и направились в Гоганду. Когда они достигли родных краёв злосчастного, тот спустился в яму уничижения и набросил на голову плащ сокрытия. Войска, отправленные в Идар, сопровождали паломников переход за переходом и прибыли туда в день амардад, 7 абана, Божественного месяца. Спесивцы этого края ушли в горные ущелья, однако некоторые раджпуты засели в храмах и домах, решив принять смерть. Несколько героев, а именно Хира Бхан, Умр-хан Афган²⁷ и Хасан Бахадур, пошли в атаку, пытаясь выбить их. Злополучные обнажили мечи, [взяли на] изготовку копья и вышли на арену самопожертвования. Немало царских солдат отступило, однако названные [воители] донесли жемчужину стойкости до базара величия и бились доблестно. Умр-хан и Хасан Бахадур испили последний живительный глоток и отправились в рай отдохновения. Строптивые и невежественные низвергались прямиком в бездну уничтожения, и город с неисчислимой добычей попал в руки царских слуг, и они начали наводить порядок и учреждать правосудие. Оттуда караван паломников, сопровождаемый Тимуром Бадахши и некоторыми военачальниками, последовал в Гуджарат. Ввиду того что время года не способствовало мореплаванию, караван остался в Ахмадабаде.

Тем временем дальновидный принц вознёс Ходжа Шах Мансур Ширази, адепта тайн счетоводства, на высокий пост ви-зи-ря. Незадолго перед этим того назначили одним из верховных чиновников²⁸ отдела парфюмерии, однако, будучи [слишком] сообразительным и усердным (*джош-и-рашд*), он вступил в пререкания с Музаффар-ханом, и его отстранили. После ряда неудач примкнул к Муним-хану, и когда прибыл к высокому порогу в связи с делами Бенгалии, его таланты заметили. После кончины Муним-хана раджа Тодар Мал из-за подозрений в денежных делах взял его под стражу и заковал в цепи. Движимый уважением к заслугам, Его Величест-

во издал приказ, призывающий того ко Двору. В сие время, ставшее порой улыбки весны верховной власти, Шах Мансур украсил чело своей удачи, преклонив колени на святом пороге, и без рекомендаций придворных, каковая помощь необходима большинству, и без опыта которой, по мнению знатоков, является основанием для возвышения слуг, вес и влияние Ходжи возросли. Хотя глубокие дарования и обширные познания Его Величества не зависят от помощи министра, и блеск мудрости сего неповторимого [создания] Творения приводит обыкновенных слуг Султаната к теснинам бездеятельности, благодаря силе своего разума и отказу от лицемерия собственной, Богом данной красоты, он находится в постоянном поиске достойного человека (*сара-и-адам*) и словами и поступками постоянно изъявляет желание обрести такого — избранного — мужа и возлагает на него обязанность стать второй душой и третьим глазом (себя). Однако очевидно, что несравненный Господь желает, чтоб священная особа Шахиншаха выступила из одиночества и уединения, а ограничительные законы смертных, созданные, чтобы стать всемирными уложениями, издавались бы теми, кого он вознёс, а мироозаряющая краса земного владыки отпечаталась в сердцах [людей] малых и великих. [Но] если столь мудрый муж глубоких способностей, избранник несравненного Двора, которого ищет Его Величество, и был бы найден, многие недалёковидные из мира внешности прониклись бы вредной мыслью, будто великие законы рождены мудростью того мужа! Хотя, по мнению мудрецов эпохи, Божьему избраннику взирь не надобен, однако, поскольку Его Величество созерцает связь меж явлениями духовными и земными и печётся как о тех, так и о других, он в день гош, 14 абана, Божественного месяца, назначил Ходжу на сей высокий пост. Пусть тот и не владел долей в науках современности, однако совершенством речей и поступков стоял во главе наиболее значительных мужей эпохи и, помимо этих качеств, обладал немалыми способностями.

Когда он [Шахиншах] разбил лагерь в городе Мохи, прибыли Шихаб-ад-дин Ахмад-хан, Шах Фахр-ад-дин Мешхеди, Шах Будаг-хан, Мутталиб-хан и военачальники провинции Мальва и изъявили почтение. Каждого благодетельствовали в соответствии

с мерой его преданности. На протяжении нескольких дней падишах служил украшением того местечка, а положение его обитателей проверялось соответствующим образом. Бахадур, а именно: Гази-хан Бадахши, Шариф-хан Атка, Муджахид-хан и Сабхан Кули тюрк, были оставлены в Мохи, а Абд-ар-Рахман, сын Муийд бека, и Абд-ар-Рахман, сын Джалал-ад-дин бека, вместе с иными оставлены в Мадарийя. Подобным же образом направили отважных воителей и в другие места, дабы кара настигла того гнусного зачинщика розни (*рана* Партаб), где бы он ни выбрался из теснин позора. Когда священный разум уладил дела в тех краях, в день михр, 16 азара, Божественного месяца, он проследовал в Мальву по пути через Бансвалу (Бансвару). Им владело единственное желание — благостью своего прихода утвердить в тех землях справедливость, дабы народ обрёл счастье и процветание под сенью его милосердия.

195

Событием [для придворных] стал выговор, полученный Кутб-ад-дин-ханом и раджой Бхагван Дасом. Вот краткий рассказ. Предводители армии удачи достигли убежища *раны*. Не обнаружив ни следа этого мятежника, они, когда узнали о приближении царских знамён, не стали дожидаться приказа и немедленно прибыли ко Двору. Поскольку исполнение повелений Султаната возложено в первую очередь на верховных военачальников и лишь затем — на нижестоящих слуг, их не допустили к счастью изъявления почтения, [выразив недовольство подобным поведением] [дерзкие] получили выговор. Когда они явили знаки раскаяния (букв. «когда письмена покаяния показались на линии их лбов, и чтецы таких знаков их узрели») и покаялись в своём проступке, им дозволили явиться.

Когда величественная процессия проходила через Удайпур, из Гуджарата пришли известия, что какие-то невежды встревожили паломников, напугав их [рассказами] о чиновниках в портах *феринги*. Хотя их целомудренные высочества²⁹ обратились к ним со словами мудрости, а царские чиновники ободрили их, большинство не успокаивалось. Его Величество в своём великодушии не мог покинуть в нужде эту группу добровольных изгнанников³⁰. Поэтому приказал Кулидж-хану, имевшему владения в Гуджарате, прибыть к нему на почтовых лошадях³¹ из лагеря в Идаре, после чего отправил его в

Гуджарат с заданием добраться до побережья, успокоить паломников и оказать им помощь.

[В «Икбал-наме», насколько я понимаю, разъясняется несоответствие, вызванное тем обстоятельством, что женщины отправились задолго до каравана. Там сказано без обиняков, что Кулидж-хан принял меры для отплытия корабля «Селими» «с благочестивыми женщинами гарема, уехавшими ранее (каравана)».]

Могуществом доброй удачи Шахиншаха названный быстро исполнил сию прекрасную службу. Затворницы³² Двора целомудрия отплыли на судне «Селими», а Султан Ходжа и прочие чиновники — на корабле «Илахи». Христианские властители и управители каждой области узрели честь в прибытии паломников и обрели источники вечного блаженства.

Как только великолепие августейших стягов осенило славой земли Бансвара, Раул Пертаб, предводитель того края, неизменно проявлявший строптивость, и Раул Аскаран, правитель Дунгарпура, а также иные беспокойные духи той страны явились и преклонили колени в раскаянии. Поскольку природе Его Величества присуще принимать извинения и поощрять смиренных, он воспринял их стыд за незначительность своих услуг как разновидность доброй службы и принял жизнь, честь и владения этой клики под защиту своей справедливости и великодушия. Всех возвысили особыми милостями.

[Заметным] событием явилось прибытие Мирзада Али-хана и изъявление им почтения. Он привёз 65 слонов из числа добычи, взятой в восточных областях, и рассказал удивительные вещи о тех краях и добрых услугах, оказанных верными. И так появился повод отблагодарить несравненного Творца.

Происшествием стала отправка войск в Гоганду. В сию пору до августейшего слуха дошло, что *рана* вновь воспользовался горами и теснинами, чтобы поднять волнения, и злые мысли продолжают обуревать его. В день дибмихр, 15 дая, Божественного месяца, раджа Бхагван Дас, *куар* Ман Сингх, Мирза-хан — сын Байрам-хана, Касим-хан Мирбахар и другие закалённые мужи отправились туда. Вниманием Шахиншаха те земли очистились от терний мятежа.

[Тогда же случилось] и прибытие из Бенгалии в Бансвару раджи Тодар Мала и Итимад-хана Ходжасара и изъявление ими преданности. Они поднесли великолепные трофеи, взятые в той стране, — в каковые входили 304 крупных слона, — и превознесли чудесную и возрастающую день за днём удачу, подтверждённую успехом царских слуг, [а также] гибель врагов, избавление страны от неблагодарных и умиротворение её обитателей.

Тем временем Рахман Кули-хан Кушбеги (сокольничий) прибыл в Дипалпур из Хиджаза и засвидетельствовал своё почтение. Он представил Его Величеству прошение *шарифов* и иных чиновников тех земель. Его Величество оставался там несколько дней, решая различные дела управления.

Событием стала отправка Раджа Бирбара и Рай Ланкарана в Дунгарпур. Если поведать о том в немногих словах, то раджа тех земель, ведомый доброй удачей, передал через некоторых доверенных [слуг] Двора просьбу, чтобы его дочь — прославившаяся целомудрием и мудростью — вошла в число слуг дворца (стала женой Акбара). Таким образом, редкостная жемчужина обрела бы достойную оправу, а его (раджи) роду была бы оказана значительная поддержка. Его Величество принял во внимание его преданность и даровал просимое. Двое доверенных слуг получили разрешение отбыть, чтобы доставить в гарем удачи ту затворницу.

197 В день фарвардин, 10 исфандармаза, Божественного месяца, от Рай Раи Сингха пришло донесение о завоевании Сирохи и взятии Абугарха. Вкратце *рай* Сирохи, Султан Деорах, по своему злополучию и природной необузданности, явился в собственные земли с тёмным умыслом. По указу Его Величества Рай Раи Сингх, Сайид Хашим и прочие слуги отправились, чтобы покорить тот край и покарать названного злодея. Для начала они вступили в те земли и осадили его [пристанище]. Поскольку крепость оказалась мощной, а дальновидным разумом он не обладал, то возомнил, будто крутые склоны оберегут его, и спесь его лишь возросла. Воины же разбили там лагерь и взялись за дело без рвения, которое тогда [являлось залогом успеха]. Рай Раи Сингх послал за семьёй, находившейся дома. Муж с уснувшей удачей (*рай* Сирохи) атаковал караван в

пути с отрядом на всё готовых головорезов. Многочисленные раджпуты, сопровождавшие караван и бывшие под началом Раймала, сражались отважно, и завязался жаркий бой. С обеих сторон насчитывалось множество павших, но благостью растущей день за днём удачи тот дерзкий горец потерпел поражение и превратился в бродягу в пустыне поражения. Он оставил Сирохи и двинулся к Абугарху. По превосходному решению слуг [Акбара] те земли должны были быть присоединены к царским, после чего они поспешили к Абугарху. Истинное название того местечка — Арбуда Ачал (здесь Абу-л Фазл пишет его по буквам), но в людских устах и с течением времени оно превратилось в Абугарх. Говорят, Арбуда — имя духа, являющегося в женском обличье для направления [на путь истины] заблудших в пустыне исканий. Ачал переводится «холм», и в общем это означает, что с тем местом связана чистая форма. Абугарх находится поблизости от Сирохи, на границах с Адждмиром, по направлению к Гуджарату. Его протяжённость равна примерно семи косам. На вершине холма *рана* некогда воздвиг упирающуюся в небеса цитадель. Путь к ней крайне труден. Там есть источники с [ключевой] и колодцы с пресной водой, и предостаточно продовольствия для пропитания гарнизона. Произрастает [множество] различных цветов и душистых растений, а воздух весьма приятен. Ради духовного спасения состоятельные люди возвели там храмы и гробницы. При поддержке возрастающей день за днём удачи победоносные отряды стянулись к крепости, и столь неприступная твердыня, взятие которой оказалось бы делом нелёгким и для величайших правителей, перешла в руки сего войска верных при ничтожных усилиях [с их стороны]. Султан Деорах был поражён могуществом Султаната Шахиншаха и прибег к мольбам. Он обратился за поддержкой к удачливым слугам и воспользовался ключами от крепости как средством распутать узел своей удачи, передав их. Рай Раи Сингх оставил крепость на попечение способных мужей и отправился ко Двору вместе с *раем* Сирохи.

[Заметным] событием стала отправка армии удачи в Хандеш. Раджа Али-хан, управитель той страны, поддерживаемый остальными управителями Декана, проявлял недобросовестность в своей

покорности и службе. Владыка Мира в неизмеримой снисходительности, являющий себя высоким и низким, повелел в день бахрам, 20 исфандармаза, Божественного месяца, соответствующей [случаю] армии под началом Шихаб-ад-дин Ахмад-хана отправиться в ту область. Кутб-ад-дин-хан, Шуджаат, Баки-хан, Науранг-хан, Мирза Ниджат-хан, Али Дост-хан и многие иные отобраны для сей службы. Им велели вначале обратить слова пробуждения к спящим в пустыне безрассудства, и привести их в город истины, и назначить их сборщиками цветов в саду доброго служения. Если же из-за несчастливой звезды они останутся в спячке, то пусть воины приложат все усилия, чтобы сверканием индийских мечей смахнуть пыль с тех омрачённых. [В этом случае] им надлежит передать страну мужам справедливым и бескорыстным и защитить всех подданных, что есть возложенная Господом обязанность.

[Следует отметить], что раджу Тодар Мал направили в область Гуджарат. Когда до высочайшего слуха дошло, что по безопасности Вазир-хана в тех землях началось брожение, он приказал даровитым и надёжным людям немедленно отправиться туда и при поддержке военачальников тех земель постараться навести порядок. Тот спешно выступил и явил роду людскому жемчужину своих талантов. Уроженцы той области и пришлые обрели счастье благоденствия.

[Важным] событием стало, что Шахбаз-хан с успехом — благодаря своей доброй службе — вернулся из восточных земель в Дипалпур и изъявил почтение. Когда Его Величество услышал о взятии Рохтаса, победе Шахбаз-хана над Гаджпати и превосходной его службе, то приказал передать Рохтас Мухибб Али-хану, а [Шахбаз-хану] явиться ко Двору. В день аштад, 26 исфандармаза, Божественного месяца, тот коснулся челом преданности порога удачи и был возвышен и осыпан царскими милостями. Поскольку Его Величество желал, чтобы мирозавоевывающая армия отправилась в Декан со всей быстротой и превратила тот край в обитель мира и оплот правосудия, он указал ему, что необходимо позаботиться об оснащении войска и сделать это на соответствующей основе. Тот [старательно и добросовестно] выполнил назначенную службу

— строго по приказу и исполнил корниш, когда Его Величество находился в столице.

Одним из свершений явилось завоевание Идара. Уже упоминалось, что, когда звезда *рая* тех земель закатилась за горизонт погибели, Его Величество в соблюдение заповеди, что праведные принцы — лекари мира и *хакимы* горизонтов, послал туда войско энергичных мужей. Если умиротворяющие речи не окажут воздействия, им надлежало стереть образ его существования со страницы Творения. Но увещевания лишь укрепили упрямство сего недостойного невежды. Когда Кулидж-хан был отозван в гавани Гуджарата, тот (*рай* Идара) предался ещё более мерзким мыслям и собственными усилиями осквернил себя прахом бесчестия. Краткий рассказ о сей Божественной помощи таков. Те два события (увещевания и отбытие Кулидж-хана) послужили для *рая* поводом к возрастанию его спеси, и завеса опустилась пред его взором. Его безрассудство быстро превратилось в опьянение, и, поскольку он не постигал чудесной и возрастающей день за днём удачи (Акбара), Аса Равал собрал отряд дерзких головорезов и вышел из ущелий, чтобы дать бой. Царские слуги выступили навстречу. В ночь дня гош, 14 исфандармаза, Божественного месяца, они оставили Шер-хана с отрядом для охраны обоза и двинулись к полю битвы. Ходжа Гияс-ад-дин Али Асаф-хан командовал центром. Под началом Тимура Бадахши находилось правое крыло, а левым руководил Мир Абу-л Лаис. Мирза Муким Накшбанди, Нур Кулидж, Дхира Парман, Мир Гияс-ад-дин и прочие находились в передовом отряде. Шимал-хан, Гада Али и иные залегли в засаде. Неприятель разделился на два отряда и устремился вперёд. Мирза Муким и некоторые *ази* передового отряда проявили проворство, а Музаффар наступал по центру. Храбрецы не знающей поражений армии отпустили поводья и ринулись в гущу боя. Неустрашимые раджпуты изготовили копья и встретили их. Схватки врукопашную были удивительны [по жестокости и бесстрашию]. Жемчужина отваги, подвергнутая испытанию, обрела новый блеск.

199

Гремели барабаны, разгоралась сеча,
Мечи обнажились, герои пылали.
Словно вино, текла кровь, крики сливались в оркестр,
Рукояти кинжалов служили чашами, десертом — стрелы.

200 Будучи ранен в руку, Нур Кулидж всё-таки не отвёл своей
длани от битвы. Музаффар вылетел из седла под натиском радж-
путов, но храбрецы вновь усадили его на коня. Дхира Парман явил
доблесть. Во время схватки передовой отряд смешался, однако на-
званные сберегли честь и стояли намертво, жертвуя жизнями. Мир-
за Муким испил целительного шербета смерти, а Кутб-хан, один
из его спутников, также проиграл монету жизни. Когда передовой
отряд был близок к разгрому, победоносные войска усилили натиск.
Хотя враг предпринял все усилия, ему пришлось показать спину.
Благодартью возрастающей с каждым днём помощи царские слуги
достигли успеха в пору отчаяния и предались бурному веселью.

Когда известия о победе дошли до августейшего слуха, он
вознёс признательность Господу. Неустрасимые слуги были возвы-
шены царскими милостями.

Глава 35

Начало 22-го Божественного года
[с момента священного Восшествия
на престол Его Величества Шахиншаха]
— года дай второго цикла

Под покровом охоты любящий справедливость правитель неподалёку от Дипалпура вознёс молитвы сословия уединённого и мирского и установил гармонию меж жизнью физической и духовной. Внешним явлениям он придал внутреннее достоинство.

Отрада устойчивой весны открыла [взгляду] лик счастья, и распахнулись дворы блаженства. Пора щедрости обрела новое великолепие. В ночь понедельника, 20 зу-ль-хиджжа [984 г.х.] (11 марта 1577 г.), по истечении 7 часов и 12 минут Солнце бросило свои лучи на созвездие Овна.

Письмена могущества мир уподобили галерее Мани¹,
Свет мудрости сделал сад похожим на мысли Авиценны,
Казалось, будто в радости земля на небеса похожа стала,
Казалось, будто небеса цвели как сад.

[Печальным] событием стал уход Махи бегим в духовный мир. Та питомица розария Халифата приходилась внучкой Равал Харраджу, правителю Джайсалмира. Считая земную юдоль источником печалей, она 18 фарвардина, Божественного месяца (28 марта 1577 г.), отвернула свой лик от внешнего мира и не более года [продолжала] собирать цветы в увядающем саду.

201

Вокруг этого острова океан глубок,
Черна земля, и темна вода.
Когда ушёл тот цветок рая,
Волною сердца разломан был корабль.

Женщины выказали немалую скорбь и пролили немало слёз. Как описать мне состояние Владыки Мира? В форму речи вместить это невозможно! Из того, какое горе причиняла сему источнику великодушия смерть отпрысков его слуг, пронизательный сумеет с некоторой долей [вероятности] понять, что он испытывал, когда скончался его собственный ребёнок. Однако он окутал себя терпением и избрал отрадную обитель сдержанности.

Да здравствует вовеки удача добрая царя!
Пусть будут для него отрадны венец и трон.

В начале этого славного года взяли крепость Бунди, а Дауд, сын Рай Сурджана, получил то, что заслужил. До этого против него отправили войско, однако когда стало известно, что те воины оказались неискренни [в службе], для сей задачи из Рампура в день бахрам, 20 фарвардина, Божественного месяца, что соответствовал 10 мухаррама 985 г.х. (30 марта 1577 г.), был послан Зайн-хан Кокалташ. С ним отправлены Рай Сурджан, отец Дауда, Бходж, брат того, Рам Чанд, Карм Саи и иные. Также последовал приказ, чтобы военачальники, участвовавшие в предшествующем походе, примкнули [к ним] и приложили все силы для сей службы. Вскоре крепость Бунди взяли, а Дауд укрылся в ущельях горной страны. Когда тот край был умиротворён, Зайн-хан Кока, следуя приказам Его Величества, оставил Бходжа и прочих военачальников для его охраны и отправился ко Двору в обществе Рай Сурджана. Во время первого перехода он узнал, что в стране вспыхнуло недовольство, и ему пришлось вернуться. Вот краткий рассказ. Из-за долгого пребывания в той горной стране многие солдаты обнищали, и, когда Кока ушёл, некоторые склонные ко злу воины пустили слух о приближении Дауда и предались разбою. *Урда базар* (обоз лагеря)

и значительная часть города были разграблены. Военачальники же из опасений и растерянности собрались уйти. Кокалташ вернулся и стал там лагерем. Господней помощью и мудростью он взял верх над [тягой] к удовольствиям и предпочёл невидимое служение личному присутствию при Его Величестве. Он отправил Рай Сурджана ко Двору с пряностями (*масалих*)² и начал наводить порядок в стране. Он не испытывал недостатка ни во внешнем оснащении, ни в присутствии духа, и так пыль раздоров наконец улеглась. Радость возвратилась к удручённым, а ядовитые клеветники навлекли на себя презрение, в то время как бунтовщиков подобающим образом наказали. В день гош, 14 ардибиhiшта, Божественного месяца, крепость Рантханбхор стала пристанищем шатров победы. Владыка Мира поднялся в замок и некоторое время отдыхал во дворце Рай Сурджана. Оттуда он направился в Фатхпур, и по его прибытии верховные военачальники изъявили почтение, и каждый был осыпан милостями. В ночь 31 ардибиhiшта, Божественного месяца, город обрёл славу его прибытия.

[Важным происшествием] стало прибытие ко Двору Зайн-хана Коки и объявление им вестей о победе перед Его Величеством. Как уже упоминалось, он расположился в Бунди и принялся очищать те земли. Многие солдаты из-за скудости пропитания прибегли к недостойным средствам. Тот беспокойный (Дауд), судьба коего впала в дрёму, не обратил внимания на чудотворную удачу Шахиншаха, и не принял в расчёт победоносные войска, и проникся самодовольством. Он сколотил шайку бродяг и вознёс стяги высокомерия на вершину горы Унтгардан (Верблюжья шея). Это гора высока, и взойти на неё нелегко. Его единственной мыслью было воспользоваться сей возможностью, чтобы нанести ущерб победоносному стану. Зайн-хан Кока разделил свои войска на три отряда и двинулся вперёд. Немало воинов он вдохновил на подъём к вершинам и бесстрашно двинулся вперёд сам, имея поддержку горцев. Они миновали ущелья и оказались недалеко от вершины, когда враг заметил их и двинулся навстречу. Началась перестрелка из ружей, и благоволением возрастающей день за днём удачи трое знатных мужей из числа неприятелей пали. Остальные начали отступать.

Почувствовав благодать Божественной помощи, Кока усилил натиск, и, когда тот недостойный (Дауд) остался с горсткой отчаянных, оказывавших сопротивление, самолично поскакал туда, и завязалась жаркая схватка.

Щиты и стрелы, что там шли в дело,
Цветущим садом сделали пустыню.
Лиловые мечи сверкали,
Знамёна лишали очи зрения.

Доброй удачей и счастливой звездой [Акбара] стопа неприятеля покрылась волдырями на каменистом тракте поражения. Сто двадцать высокородных воинов пало с их стороны в этой схватке. Надменного и самонадеянного горца разгромили. Когда страна избавилась от пыли мятежа, управление ею возложили на Рай Бходжа. Зайн-хан изъявил почтение и был осыпан царскими милостями.

Следует отметить и проверку управлением казначейством³. Благодаря указам царя мудрости заботы об имуществе и увеличении доходов, что есть принципы великих правителей, представляют собой особую форму поклонения Господу [практируемую] главой мирского государства. Хотя возвышенный гений Владыки Мира вследствие своего положения водителя каравана мира духовного обращён к истинному объекту поклонения и удалил обманчивые образы с галереи своего видения, однако он полагает соблюдение заповедей внешнего мира — украшающих возвышенный разум — правильным и необходимым, как это присуще мирским правителям. Благодаря такому обыкновению ни одна пылинка не садится на его священное окружение, а в розарии его Единства не клубится туман. Вот почему религия, коей придерживается сей единственный Творения, — в отличие от набожности мирских созерцателей — не нуждается во вспомогательных средствах⁴. Каждый миг этого небесного странника всецело посвящён молитвам и изъявлениям преданности и рождает во внешнем мире спокойствие без покрова сомнения или промедления; сие спокойствие есть надлежащее состояние мирского государства. Садик-хан, Ходжа шах Мансур и прочие честные и

даровитые мужи — оплоты надёжности и эталоны (*кистас*) знания — были посланы из Фатхпура в Агру с задачей изучить состояние общественной казны и проверить казначеев и счетоводов, а также хранителей. После тщательной проверки выяснилось, что чиновники честны, и наградой им стали милость и доверие.

Глава 35 б

(Глава открывается рассказом о назначении Саид-хана *аталиком*, или наставником, Султан Данияла. Автор посвящает целую страницу риторическим рассуждениям о качествах, необходимых для подобной службы. После чего возвещает: «Саид-хан с благодарностью принял сей великий дар, и устроил великие пиры, и сделал соответствующие подношения. Его обиталище прославилось прибытием принца»).

205

[Все встревожились, узнав] что на теле принца Султан Салима появились гнойники. Это началось 12 хурдада, Божественного месяца, и сопровождалось лихорадкой. Любящий властитель в раздумьях склонился над подушкой питомца сада удачи и прочёл на страницах судьбы, что тому суждено выздороветь. Аскеты, астрологи и прорицатели, в свою очередь, объявили радостную весть. Однако, поскольку искушённые лекари были не в силах определить заболевание, женщины гарема и слуги не успокоились. Во время этого состояния неизвестности [на лице у принца] проявилась сыпь (*джудари*), и теперь лекари также подтвердили, что он выздоровеет. Вскоре всё исчезло, и в честь выздоровления задали пир. Мир возликовал, и благостные убедились в знании Его Величеством сокрытых явлений и пали ниц в признательности.

Тем временем доставили письма от Низам-ал-мулка из Декана вместе с дарами из той страны. С ценными советами к нему послали Баки-хана¹, и тот [Низам-ал-мулк], выслушав приказания царского Двора, отправил верного слугу Вафа-хана с Баки-ханом. В

день дай ба михр, 15 хурдада, Божественного месяца, они совершили *корниш*, и Его Величеству были представлены могучие слоны и диковинки того края.

[Знаменательным] стало избавление шейха Джамал Бахтияра² от угрожающей его жизни опасности благостью священного духа Его Величества. В сей отрадной обители давно стало обычаем, что, когда правитель приближает любимца, его истинные друзья и благожелатели поддерживают того в этом возвышении, в то время как недоброжелательные слуги и враги под маской друзей, страдающие недугом зависти, неустанно пытаются повергнуть избранного. Однако тот благостью особой связи (с правителем) располагает защитой Господа. В соответствии с сим достойным порицания обыкновением многих ограниченных и завистливых раздосадовало возвышение шейха, и они воспользовались беспечностью кравчего, чтобы отравить его питьё. Едва он выпил, как в состоянии его произошла перемена. Дараб³, один из лучших слуг Его Величества, движимый дружбой, также отпил оттуда и тоже впал в болезненное состояние. Сутки они находились в опасном положении. Его Величество, узнав о том, употребил лекарственные средства, а также некоторые из ду- 206

[Печальным] событием явилось усиление нездоровья Музаффар Хусейн мирзы. Когда мирозавоевывающие стяги завоевали Гуджарат, каждый мирза получил свою кару и стал парией в пустыне гибели. Как уже рассказывалось, Гулрух Султан бегим, мать Музаффар Хусейна, благодаря сноровке и напряжённым усилиям, доставила неискушённого отрока в Декан. Поскольку он отвернул свой лик от алтаря удачи, управители судьбы осыпали его прахом горестей. Так как в том краю (в Декане) шип неудач пронзил стопу его желаний, он по наущению неких злопыхателей счёл Гуджарат свободным и направился туда. Языки болтунов вздора на задворках затрепались. Когда Его Величество узнал о таком обороте дел, то в день михр, 16 хурдада, Божественного месяца, повелел верховным военачальникам считать подавление волнений в Гуджарате более важным, нежели завоевание Хандеша, и двинуться в первое из названных мест. Эта клика, будучи не в силах оценить возрастающую

с каждым днём удачу Шахиншаха, считала, что выполнение задачи (покорение Хандеша) превышает их возможности, и потому медлила. Более того, их алчность разгорелась так, что они вознамерились грозными речами выжать деньги из правителей той страны и тем заложить основания мира. И подобной государственной изменой, подрывавшей воистину основу их собственного счастья, они надеялись позолотить крышу дворца своей удачей.

Увы тщетным замыслам,
увы мечтаниям неосуществимым!

В Биджагархе вышеназванные нащёптывали подобные вероломные речи, когда прибыл царский приказ. Тысячу раз благословили они свою добрую удачу, достигнув желаемого, и каждый из них отправился в собственные владения. Поскольку их намерения были затемнены, труд, отвергнутый ими⁴, успешно выполнили без их содействия. К чему же тосковать и падать духом?⁵ Если бы скорбь завладела теми близорукими лавочниками из-за того, что они выпустили из рук ведущую нить своих делишек, это было бы понятно. Но разве имелось тогда подходящее время или возможность? Правители Декана, встревоженные приближением мирозавоёвывающих сил, успокоились и по своей проницательности не удовольствовались тем, что дали военачальникам, но послали обходительных мужей с диковинками того края к высочайшему Двору.

Глава 36

Прославление поля брани мечами
Вазир-хана и раджи Тодар Мала, а также
поражение Музаффар Хусейн мирзы

(Глава открывается обычными рассуждениями о несчастливой судьбе любого, осмелившегося оказать сопротивление Акбару. Затем автор упоминает об истории Музаффар Хусейна как последнем примере этого).

Вот краткий рассказ о сих событиях. Вазир-хан не достиг успеха в задачах организации войска, умиротворения слабых и искоренения злодеев. До того как случилась упомянутая катастрофа (с Музаффар-ханом), Его Величество отправил в ту область раджу Тодар Мала — непревзойдённого своими дарованиями, службой и отвагой. Ему надлежало приложить все усилия на сей службе и потушить рознь в том краю. Раджа прибыл туда, не теряя времени, и воспользовался надлежащими средствами, чтобы установить мир. Вначале он отправился в Султанпур и Надурбар, где принял соответствующие меры. После этого восстановил спокойствие в Сурате. Затем поправил дела в Броаче, Бароде и Кампанире и прибыл в Ахмадабад. Вместе с Вазир-ханом был занят установлением справедливости, когда вспыхнули волнения [вызванные] недовольством. Михр Али Кулаби, слуга Ибрахим Хусейна, объединился с некоторыми злонамеренными мужами, подобными ему, и увёл тех неискущённых юношей из Декана в Гуджарат. Вблизи Султанпура они зажгли искру мятежа. Некоторые спутники Арифа и Захида, сыновей Шариф-хана¹, запятнали прахом вероломства чело своё и примкнули к Михр Али. Когда он достиг окрестностей Бароды, *дарога* (начальник стражи) того города утратил мужество и бежал,

207

и тот великий город был сдан без битвы. Баз Бахадур² выступил с отрядом, однако из-за низости солдат не достиг успеха. Вазир-хан намеревался запереться в Ахмадабаде, однако раджа Тодар Мал, поддерживаемый удачей Шахиншаха, постарался распутать эту историю. Он вышел за [городские] стены и изготовился к битве. Направившись к Бароде, разбил лагерь в четырёх *косах* от города (*касба*), [от таких вестей] враг пал духом и выступил в Камбей, не приняв битвы. Победоносное войско не спеша последовало за ним. Неприятель понял, куда клонится дело, собрался с духом, остановился возле Камбея и начал раздувать мятеж. Сайид Хашим *халса амил* выступил [из города] первым и явил достойную похвалы доблесть, однако из-за множества врагов был вынужден искать укрытия. С приближением царских сил враг снял осаду и заспешил в Джунагарх. В день замияд, 28 хурдада, Божественного месяца, военачальники достигли земель Дулаки и украсили поле сражения. Вазир-хан командовал центром, Ходжа Яхья Накшбанди, Ваджиха-ал-мулк и остальные украшали правое крыло; раджа Тодар Мал, Руп Рай Гуджрати, Шейх Вали, Бипак Дас и некоторые храбрецы находились на левом крыле. Поскольку малодушие и двуличие омрачили лик войска, враг развернулся и выставил стопу храбрости. Его единственная надежда заключалась в предположении, что, как только армии окажутся друг перед другом, большая часть царских слуг примкнёт к ним, другие обратятся в бегство, а Вазир-хан и раджа будут убиты. Основные усилия они направили на то, чтобы сразить (*дар кара-гари*) раджу, ибо ведали, что в его отряде находились мужи, бывшие врагами собственной жизни, но друзьями своей чести. Таким образом, мирза вяло атаковал Вазир-хана, в то время как Мухр Али, душа мятежа, двинул цвет своих войск на раджу.

Когда столкнулось войско с войском,
С обеих сторон [в атаку] устремились воины.
Так жарок был битвы пламень,
Что искры из-под копыт коней летели.

Раджа стоял непоколебимо и явил лик победы. Герои показа-

ли преданность и признательность Господу. Восемнадцать знатных мужей из числа врагов сошли в [пучину] уничтожения, и после ожесточённой схватки неприятель отшвырнул свою честь пред лицом могущества удачи Шахиншаха. Он потерпел постыднейшее поражение. Солдаты правого крыла бежали, не оказав значительного сопротивления. Большая часть центра повела себя подобным образом. Вазир-хан с немногими верными явил преданность, и жизнь его чуть не прервалась посреди доброго служения. Неожиданно раджа Тодар Мал, разгромивший своих противников, подоспел с [пылом] тысячи сердец. Тотчас была разорвана вся паутина [сплетённая] самонадеянными злодеями. Многих убили, а многие оказались затянуты петлёй бесчестья. Музаффар Хусейн мирза бежал в Джунагарх с немногими воинами с загубленной удачей.

Выжившие убрались в таком виде,
Что жалели о том, что жизнь сохранили.

Была одержана великая победа, и немалая добыча попала в руки победоносных военачальников. (Здесь следуют примерно двенадцать строк, посвящённые преимуществам преданности.) Дхару³ послали, чтобы передать Его Величеству, донесения и отборных слонов. Вести об этой крупной удаче вызвали горячую признательность Господу и общее ликование. В это же время прибыли посланцы Султан Хусейн мирзы⁴ из Кандагара и преклонили колени [перед Акбаром]. Целью посольства являлось укрепление уз дружбы и службы. Проницательный владыка даровал посланцам желаемое и распрощался с ними.

Одним из происшествий стала отправка солдат для направления на путь истины раджи Мадхукара⁵. Заповедь правосудия и мироправления гласит, что захмелевших и спесивых следует порицанием и карой приводить в чувство и направлять [их] на путь службы, а сад владычества озеленять, возвышая честь и достоинство пробуждённых сердцем, дабы и покорный, и строптивый получили заслуженное, а мольбы и благодарность Господу возносились бы надлежащим образом. Итак, поскольку в ту пору сказанный за-

миндар вследствие обширности своих земель имел множество недостойных и дерзких слуг, недостаток мудрости и дружбу льстецов, а владения его оказались труднодостижимы, [поскольку] он сошёл с торного пути послушания и превратился в скитальца в пустыне уничтожения, Садик-хан, раджа [Рай] Аскаран⁶, Мота раджа⁷, Улуг-хан Хабши и прочие герои в день ормузд, 1 тира, Божественного месяца, были избраны, чтобы пробудить этого спесивого горца от сна невежества.

Тем временем Дастам-хан отправился к управителю Аджмира. Его Величество узрел в нём признаки [стремления] к справедливости и любви к подданным и потому вознёс его достоинство. Он назначил ему в качестве владения *саркар* Рантхамбор и послал его охранять ту область.

Событием стало прибытие Рай Лонкарана⁸ и раджи Бирбара. Уже упоминалось, что двое этих верных слуг были посланы из Дибалпура, чтобы оказать честь *раю* Дунгарпура. Они вернулись в день рам, 21 тира, Божественного месяца, и доставили ту целомудренную жемчужину в священный гарем. Так [мирское] общество украсилось, а мир духовный обрёл [невиданную] красу. Неповторимая жемчужина достигла сокровищницы истины, а семье [раджи] оказана значительная поддержка.

[Немаловажным явилось] прибытие посланцев Шахрух мирзы. Вершина целомудрия Ханым, мать мирзы, благодаря проницательности и рассудительности узрела черты духовного правления и знаки просвещения внешнего мира на священном челе Шахиншаха и с ранних лет поддерживала с ним тесную дружбу. Однако история мирзы Сулеймана ужаснула её, но она не ведала, какое впечатление история произвела на Его Величество, и как сплетники представили ему это дело. Она полагала, что всё, что придётся не по душе сему властителю, материальному и духовному, нанесёт ущерб чести и жизни Шахрух мирзы. И ещё подумала, что, если Его Величество сочтёт её причиной сих беспорядков, она будет навек обесчещена. В глубине её сердца также жила мысль, что Его Величество, возможно, сделает мирзу своим сыном⁹ и возвысит его. 1 амардада, Божественного месяца, Абд-ар-Рахман бек и Мирза Ашак передали

[Акбару] просьбу от неё и её сына, и Его Величество в неизмеримой снисходительности и давней привязанности милостиво принял её извинения. Он порадовал посланцев и отпустил их. В это же время из Декана прибыл Хаким Аин-ал-мулк. Ранее его послали для руководства Адил-ханом из Биджапура. Он исполнил сию службу и передал мольбу Адил-хана [о прощении]. Рашид-ал-мулка, доставившего петиции и диковинки из тех земель, вознаградили по справедливости.

Тогда же прибыл посланник Абд-ал-лах-хана [Шейбани], правителя Турана, с дружеским письмом и приличествующими дарами. Благодаря возрастающей день за днём удаче Его Величества (Абд-ал-лах) уже предпринимал попытку наладить дружеские отношения (букв. «уже сотрясал цепь дружбы»), однако, поскольку Его Величество подумывал о завоевании своих наследственных земель¹⁰, а его (Абд-ал-лаха) предложения оказались пустыми, Шахиншах не уделил послу значительного внимания. Немало времени он уделил обозу¹¹. К примеру, во время первого похода в Гуджарат в победоносной армии не обошлось без беспорядков. Мастерство [при взятии] Сарнала ошеломило посланца, и, когда Его Величество возвратился с победой, по просьбе государственных сановников написал ответ и отослал названного [посла]. Чтобы ответ выглядел более сурово, с ним не послали никого из придворных. Вернувшись в свою страну, тот доложил о чудотворной удаче Царя Царей духовного и мирского. Правитель той страны поразмыслил, к чему всё клонится, и прибег к просьбам, и сочинил послание с горячими мольбами, и показал знаки искренности. Суть его предложений сводилась к тому, чтобы миропокоряющий властитель отправился из Индии в поход в Персию, дабы совместными усилиями [они] освободили бы Ирак, Хорасан и Фарс от узурпаторов престола. Хедив Мира в своём великодушии и милосердии принял посла благосклонно и, осчастливив, отпустил его. С ним он послал Мирза Фулада¹², [снабдив] того диковинками из Индии, и так умиротворил туранцев. В ответ написал, что та династия (персидская) особо [тесно] связана с семьёй Пророка, и поэтому он не может считать различие в законе и вере¹³ основанием для завоевания. Давние и ценимые им друзья также от-

212 вратили его от сего мероприятия. Поскольку в тех (Абд-ал-лах-хана) дружеских письмах (букв. «аромат») правитель Ирана упоминался без всякого почтения, Его Величество упрекнул его [Абд-ал-лаха] и дал ему ценные наставления.

Глава 37

Ещё одно посещение Адждмира Акбаром

Поскольку походы праведных правителей являют смертным источник умиротворения и торжество правосудия, Его Величество всегда проявлял склонность к путешествиям и охоте (*саир у шикар*), и в особенности, если таким путём он мог совершить паломничество к усыпальнице одного из великих аскетов. Поэтому ежегодно посещал Адждмир. Ночью бада, 22 шахриюра¹, Божественного месяца (2 сентября 1577 г.), сел на коня и отправился в священную обитель. В день, когда [Шахиншах] сделал остановку в селении Кароха², он невозмутимо воссел на слона Ран Сангар, к которому боялись приблизиться выдавшие виды мужи, ибо тот был неистовым *мастом*. И неукротимый подчинился мощи удачи Его Величества, и очевидцы преисполнились изумления. [Но] удивились поверхностные, тогда как пронизательные и чистые сердцем возликовали, ибо обладали знанием. Кто-то познал одно из тысяч великолепных качеств Его Величества, а иные поднялись из бездны отрицания и вступили в розарий преданности. Сей славный муж непрестанно свершал превосходные деяния. Среди таковых было, что во время упомянутого похода Фатх-хан, укротитель леопардов, пришёл в отчаяние из-за болезни глаз. Разуверившись в лекарях, обратился к молитвам, и Его Величество излечил его, дохнув на него дыханием Пророка. С виду он излечил его, применив ланцет, однако лекари не осмелились сравнить своё, приобретённое, знание с мудростью [Шахиншаха] — сим Господним даром — и преклонили колени в благоговении.

Печальным событием стало окончание жизни Шейх Ахмада,

второго сына Султан Салима из Фатхпура. Он снискал уважение мирян за множество превосходных качеств. И не говорил дурного о людях, а зрелище недостойного поведения многих [людей] не ввергло его в печаль. Его манера держаться и речь отличались скромностью. Благодаря верности и доброй службе он вошёл в число *амиров* и был назначен опекуном старшего принца. Во время похода в Мальву он простудился. Из-за беспечности и невнимания к советам [Ахмад] [хворым] прибыл в столицу, где его недомогание перешло в паралич. В этом году, когда миропокоряющие стяги двигались к Аджимиру, его привезли к Повелителю Мира, и он, преклонив колени, распрощался навсегда. Добравшись до дома, скончался. Слава счастливому, положившему свою преходящую жизнь к стопам своего учителя и царя! Если бы он проиграл ту драгоценную монету (жизни) на службе у верховной власти, то донёс бы жемчужину доблести и праведного мышления до Двора [её] воплощения. В любом случае покров над его славой доброго слуги [не] был бы разорван. Из-за того что двуличные и ненадёжные друзья процветают, сие утверждение пригодно не для каждого слуха. Однако тот великий знаток единства, тот удачливый и ценитель верности — чьим именем озаглавлен сей труд — собрал капли [слёз] со своей чистой души и выразил своё одобрение.

Знаменательно вознесение Сайид Хамид Бухари и назначение его управителем Мултана. Его Величество отпустил его, дав ему ценные наставления касательно защиты беспомощных и наказания порочных. Получив оные, тот постарался воплотить их в жизнь.

Радостным событием стало возвращение раджи Тодар Мала из Гуджарата и приём его с царской благосклонностью. Когда процессия падишаха находилась в Басаваре³, раджа и многие верховные военачальники облобызали порог. Раджа рассказал тысячу историй о чудесной удаче Шахиншаха и привёл множество закованных в цепи злодеев — в числе коих был Дауда бек, зачинщик [мятежа]. Поскольку они оказались недостойны жизни, их казнили. В соответствии с прежними решениями он (Тодар Мал) занялся делами, связанными с должностью визиря. Благостью внимания Его Величества к сему предмету были приняты добрые законы⁴.

Глава 38

Музаффар Хусейн-хан вновь разжигает смуту и терпит поражение

Да убережёт Господь от развращённого рассудка, ибо тысячи бед он навлекает и приводит к краху мира! И если человек охраняется от сего зла, ему надлежит избегать общества порочных, ибо многие разумные и дальновидные нисходят от добра ко злу из-за общества тех омрачённых, и так мир сменяется раздорами. Мудрые называли человеческую природу «сокрытым разбойником». Невольно человек приобретает характер своих спутников и начинает растить в себе то, что в остальных людях пробуждает отвращение. Ещё один пример тому — история Музаффар Хусейн мирзы, ибо он, даже будучи [мужем] благородного нрава и чистой души, приуготовил собственное падение связью с порочными. Поскольку некоторая удача поддерживала его, он сохранил свою жизнь, в то время как злонамеренные низверглись в бездну погибели. Когда сие постигло его отца и деда, как это уже описывалось, у него появилась надобность очнуться от сна в жаркой обители небрежности. Однако под влиянием неугомонных и недалёких людей, вожаком коих был Михр Али, он отпустил поводья доброго совета и взметнул пыль распрей. С Божьей помощью сие удалось быстро погасить. Когда раджа Тодар Мал из Гуджарата отправился к порогу удачи, те злокозненные мужи забыли о предостережении и вновь воспользовались мирзой для недостойных деяний. Во-первых, они разжали ладонь притеснений торговцев Камбея и завладели множеством добра. Вазир-хан, положившись на Божественную помощь, выступил из Ахмадабада и поспешил в те края. В Пирпуре¹ его уверенность была поколеблена бесчестным поведением сподвижников Баз Баха-

214

дура. Он двинулся к Сарналу с намерением дать битву. Большинство его подлых слуг оказались рабами золота и покинули его, примкнув к врагу. Узнав об этом, Вазир-хан призадумался и, поскольку знаки неверности проступили на челе его слуг, повернул назад и заперся в Ахмадабаде. В день дибазар, 8 шахриюра, Божественного месяца, злосчастные негодяи приступили к осаде. Многие [шаткие], ожидающие, как повернутся дела, примкнули к врагу и прониклись вредоносными мыслями. Настрой ненадёжного гарнизона также изменился. С непоколебимой верностью Вазир-хан постарался исправить положение. Некоторых [солдат] заковал в цепи, а в остальных вдохнул мужество к сече. Отчаявшись в видимой помощи, решил умереть и уповал [лишь] на чудесную удачу (Его Величества). Опасаясь вероломства гарнизона, ежедневно менял стражу на башнях. Когда положение стало безнадёжным из-за непрерывных атак днём и ночью, воссиял свет Небесной помощи, и неприятель запятнал себя прахом поражения. Если поведать о том вкратце, то 15 шахриюра, Божественного месяца, враги условились с людьми в крепости и напали. Они приставили лестницы и оказались недалеко от победы. Многие самонадеянные обрели желаемое (так они полагали) и вытянули длань грабежа, а иные приготовились совершить сие. Ружейная пуля из обители судьбы настигла Михр Али, и тот предводитель мятежных отправился в безмолвную обитель небытия. Узрев сие чудо [сотворённое] возрастающей день за днём удачей, потерявшая совесть шайка пала духом на самом пике своего успеха.

215 В великом смятении она отступила к Надарбару. Однако никто из гарнизона не выступил [за стены], опасаясь засады. Когда истекла одна стража следующего дня, истинность доброй удачи Владыки Мира вошла в [сознание] каждого, далёкого и близкого. Род людской поспешил вознести молитвы Всемогущему, прося о вечности несравненной власти.

Извечно, под солнцем и дождём,
Зефир улыбку из уст розы вызывает:
Пусть для улыбки открыты будут губы твоего желания,
Пусть недрогов твоя удача покарат.

Две вещи образуют источник процветания и благодати. Первая — мудрое сердце, а вторая — око, внемлющее предостережению. Кого же искажённая удача лишает сих двух ценностей, тот вскоре нисходит в пропасть гибели и покрывается бесчестьем на веки вечные. История Михр Али свидетельствует о том. Он не узрел великолепия удачи Шахиншаха и вызвал волнения. В скором времени его сразили стрелки судьбы, и он занял своё место в [приюте] вечной гибели. Если [муж], обладающий воистину благоприятным разумом, из-за дурного общества попадает на несколько дней в глушь скитаний, он плавится в тигле поражения, чтобы дурная примесь была удалена, а он прошёл бы испытание. И это доказывают злоключения Музаффар Хусейн мирзы. По наущению скудоумных и злокозненных людишек он пошёл по дурному пути и истёр свои стопы в кровь на каменистых тропах отчаяния. Однако, поскольку сущность его была добра, Божественная защита оберегла его и позволила ему воспринять царские милости — как о том будет рассказано в соответствующем месте.

Радостно сообщить, что Музаффар-хан возвысился преклонением колен на священном пороге. Уже упоминалось, что в наказание за его проступки его держали в отдалении. Ведомый счастливой звездой, он в мрачной глуши разочарования взмолился к Его Величеству, и к энергичности, службе и послушанию присовокупил разум и доблесть. Когда столпу Халифата доложили о жемчужине его доброй службы, луч милости коснулся его, и он был вызван ко Двору. 29 шахриюра, Божественного месяца, прибыв из провинции Бихар, засвидетельствовал почтение в Ханс Махале. В качестве *пеи-каша* он поднёс диковинки тех земель и роздал четыре *лака* рупий. Восседающий на престоле вознёс его милостью, и возвеличил его достоинство, и повелел ему тщательно вникать в дела государства и соблюдать заповеди справедливости. Радже Тодар Малу и Ход-жа Шах Мансуру вменили в обязанность наставлять его. 4 михра, Божественного месяца, восхитительный град Аджмир прославился прибытием царских знамён. Его Величество поспешил к священной гробнице и преклонился пред несравненным Господом. Ожидавшие его святого прибытия [просители] получили желаемое.

В сию благодетную пору слуги Двора взвесили² Его Величество — противовесом являлось золото и иные [драгоценные] предметы — и обильными дарами вызвали людское довольство. Вначале тот поток щедрости [Акбар] роздал груды золота и серебра, а после этого чиновники по его указанию совершили денежные пожертвования. Тогда же за просвещённость и верность Мухибб Али-хан, сын Мир Халифы, был одарен славным одеянием почёта, и ему даровано дозволение всегда представлять прошения людей и докладывать о том, что, по его разумению, надлежит исполнить.

Хотя неизменная живость разума Владыки Мира такова, что он решает все дела царства с такой полнотой и совершенством, с какой даже истинно талантливые, прозорливые и усердные мужи решают одно-единственное [дело], однако благодаря неизмеримой мудрости и знанию людской природы, а также ради простого народа он действует в этом отношении осмотрительно. Как видно, наказ Царя мудрости заключается в том, чтобы праведные правители и иные великие [мужи], имеющие многообразные задания, не довольствовались бы собственным разумом и способностями, но позволяли некоторым разумным и надёжным докладывать свои соображения — дабы в пору избытка трудов или кипения ярости, из-за которой мудрые иногда оступаются, те подсказывали бы ему разумные мысли. О Господь, дозвожь, чтобы, пока не исчезло солнце и тени, и пока не исчезли дожди и зелень, сей властитель уединения и общества озарял своим светом людские души и горизонты!

О Господь, покуда существуют небеса,
Не отнимай у мира этого царя,
Пусть сферы подобны станут печати этого кольца,
Да не покинет ключ Вселенной рукав его.

Трагическим событием стала гибель Муджахид бека, внука Ходжа Калан бека. Ранее он был назначен *txанадаром* Мохы в области Аджмир. *Куар* Ман Сингх и многие храбрецы направились в горные теснины. [Дело было в том, что] в начале михра, Божественного месяца, оттуда вторглись раджпуты и ограбили некоторых

из охраняемых³ поселенцев на недавно присоединённых землях. Узнав про эту дерзость, он [Муджахид бек] пришёл в ярость и немедленно выступил, не располагая достаточными силами. Показав достойную Рустама доблесть, отправился к своей последней цели и снискал вечную славу.

17 михра, Божественного месяца, Его Величество поднялся на вершину цитадели Аджмира и одарил своей милостью спящих там⁴. Близ могилы Сайид Хусейн Хангсавара остановился и выказал своё почтение. В ту ночь он до рассвета держал зажжённой лампаду истины и давал наставления благодетельным из священного сонма. Удачливые и просветлённые выслушали немало истин мирских и духовных. Поскольку сердце Шахиншаха, расположенное к архитектуре, узрело значительные изъяны в сей Божественной крепости, он повелел военачальникам приложить старания для её починки. Сей труд был вскоре исполнен наилучшим образом. 22 михра он покинул то изобильное место и двинулся к Мирте. Внешне увеселялся охотой, в действительности же учреждал правосудие и утверждал Божественную волю.

217

Находясь там, он решил назначить проводника караванов паломников, и 2 абана избрал Мир Абу Тураба для сей важной службы. Названный происходил из сайидов Салами из Шираза. Его дед Мир Гияс-ад-дин — да укрепит его Аллах — известный как Сайид Шах Мир, всецело поглощённый приобретёнными [мирскими] науками, прибыл (в Гуджарат) во время [правления] Султан Кутб-ад-дина, внука Султан Ахмада, в честь коего назван Ахмадабад, а затем вернулся в свою отчизну. Во время бунта Шах Исмаила (Исмаила I) он вновь явился в Гуджарат, во владения Султан Махмуд Бегарха. Сопровождаемый двумя сыновьями — Мир Камал-ад-дином и Мир Кутб-ад-дином — [он] поселился там и скончался, оставив по себе добрую память. Мир Абу Тураб, сын Мир Камал-ад-дина⁵, обрёл славу в той стране, и, когда Гуджарат перешёл под власть царских слуг, Тенью Господа (Акбаром) он был возвышен милостями и обрёл счастье стать учеником. Когда же получил сию должность (*мир хадж*), ему были переданы пять лаков рупий и 10 000 хилатов на благо жителей Хиджаза. Итимад-хан Гуджара-

ти, долго стремившийся посетить те могилы, также получил дозволение отправиться. Благодаря разливу реки милости к паломникам присоединилось немало людей с необходимыми средствами. *Шарифам* той земли, неизменно присылавшим оттуда донесения и диковинки, передали *лак рупий* и великолепные дары.

Следует отметить, что бразды правления Гуджаратом были переданы Шихаб-ад-дин Ахмад-хану. Когда стало известно, что Вазир-хан не соблюдает законы справедливости, из-за чего страна терпела утеснения, его сместили, а этот пост передали названному хану, известному своей осведомлённостью в делах, трудолюбием, справедливостью и мягкостью к подданным, и перевели его из Мальвы [в Гуджарат] для сей великой службы. Выпустили грамоту, и её дополнили мудрые указы. Касим-хан, Тахир-хан, Сайф-ал-мулк, Мир Гияс-ад-дин Али Накиб-хан, Камар-хан, Фируз, Шейх Муаззам, Шейх Джунаид и иные слуги порога отправились обеспечивать спокойствие в тех землях. Был издан приказ, чтобы, как только новый управитель прибудет в страну, Вазир-хан явился к пределам Идара и принял там дела⁶, а остальные чиновники отправились ко Двору.

Примечательна отправка войск для умирения *раны*. Поскольку наиболее изысканная форма преданности для земного государства — это надлежащими увещеваниями и доблестными замыслами склонять к послушанию высокомерных и упрямых, и, буде совет и порицание не возымеют успеха, изгонять подобных из [земного] существования, дабы единство не давало трещин, а отрадная обитель мира не осквернялась бы прельщением народа, — раджа Бхагван Дас, *канвар (куар)* Ман Сингх, Паянда-хан Могол, Сайид Касим, Сайид Раджа, Улуг Асад Туркаман, Каджра Кохан и иные верные воины в названный месяц и год стали исполнителями сего великого труда. Шахбаз-хан *мир бахши* был назначен управлять войсками, и на него возложили ответственность за исполнение той задачи.

Под маской услаждения охотой недовольство в той области (Раджпутане) счастливо умилили, а само мероприятие, каковое прежде не удалось бы исполнить и тысячью усилий, свершилось благодаря поверхностному вниманию Его Величества.

(Глава заканчивается восхвалением щедрости Акбара и заявлением, что даже звери ощущали его благодать. Однако приведён один-единственный пример — о том, как олень ел зерно у него из рук. Заметив, что придворные дивятся этому, Акбар заметил, что ничего странного в этом нет, если человек не жесток с животными и ласково разговаривает с этими бессловесными созданиями. Такое обхождение стало притягательной силой, завлёкшей небеса и звёзды в силки любви!).

Глава 39

Повествующая об обучении удачливых сыновей Его Величества [Шахиншаха]

219

Праведный Владыка Мира, оценивая уровни рода людского, неуклонно следует предусмотрительности и тем сохраняет свежесть и зелень сада возвышения. Он сведущ в том, как надлежит испытывать людей, и в соответствии с тем наделяет их властью.

Так же, как необходимо, чтобы виночерпий на царском пиру верно оценивал способность мужа к питию и разливал испытывающее человека вино мира в соответствии с этим, так же и Правитель Мира в избытке своей проницательности следует этой заповеди точнейшим образом. Иных он ведёт к величию шаг за шагом, а иных, кого он счёл достойным величия, возносит к вершине почёта в мгновение ока. И в сию пору, знаменовавшую собой наступление весны возрастающей день за днём удачи, он узрел в характере своих сыновей лучи разума и осознания истины, а потому пренебрёг их нежным возрастом и возвёл каждого в высочайшее достоинство. Поскольку численность царской конницы равнялась 12 000, а известна она под именем *ахади*, а также потому, что ни у одного командира, или *амира*, под началом не было более 5 000, утвердили, что Султан Салим достоин 10 000 [кавалерии], и Его Величество объявил, что, понаблюдав за послушанием, добрым нравом, рассудительностью и терпением сего питомца верховной власти, он передаёт всё войско под его начало. Принц Султан Мурад был поставлен командиром семи тысяч, а принц Султан Даниял — командиром шести тысяч.

220

Хотя владыка шаг за шагом двигался [по подвластным землям], предаваясь утехе охоты, однако вся его энергия была обращена на пленение сердец. Духовная и мирская помощь изливалась время

от времени из источника просветления, и добрые деяния становились украшением эпохи. В селении Бамри¹ (?), зависимом владении Мирты², ему донесли, что страна обезлюдела из-за скверного состояния водоёмов. В своей безмерной милости он побывал в окрестностях и назначил умелых рабочих под начало каждого чиновника. После выкапывания, продлившегося день, была дарована влага.

Словно воском натёртые, водоёмы блестели,
Они казались зеркалами мудрости,
Прозрачные их воды напоминали очи,
Сотне жемчужин уподобилась каждая капля.

Важным событием стала отправка отряда храбрецов в область Аджмир. Когда зачитали донесение Шахбаз-хана, и выяснилось, что он нуждается в нескольких бывалых воинах, способных удержать под контролем перевалы, туда послали Шейх Ибрахим Фатхпури с войсками, имея задачу закрепиться на землях Ладлая³ и внушить покорность строптивцам того края, а Шахбаз-хану надлежало приложить все усилия для подавления *раны*.

Глава 40

Поход Его Величества [Шахиншаха] в Пенджаб, появление кометы и другие события

221 Когда дела в этой части страны (Аджмире) были улажены, Его Величество решил отправиться в Пенджаб, и, наслаждаясь охотой, прекратить местные распри. 9-го числа Божественного месяца абан он стал лагерем близ Махрота¹. Желая удостоить вниманием подданных, посетил жилище Нараян Даса, брата Рупси. 27-го числа стан расположился близ Амбера², и в тот же день отборные подарки преподнесли послы Кутб-ал-мулка³. Среди них находился слон Фатх Мубарак, известный столь буйным нравом, что даже опытные погонщики боялись на него садиться. Когда животное показали Его Величеству, тот без промедления сел на него и усмирил. Присутствовавшие изумились и чуть не лишились чувств, узрев мощь и величие правителя. Что удивительного в том, что он совершает такие чудеса и может подчинить себе дикого зверя?

В это время на путь истинный наставили раджу Тодар Мала. Он являлся одним из выдающихся по мудрости и преданности мужей своего времени, но также оказался впереди всех смертных по суеверности и фанатизму. У него было правило: пока он не совершит особым образом ритуал поклонения своим идолам и не выразит им почтение тысячью разных способов, не приступит к делам, не будет есть и пить. Как-то в лагерной суматохе идола этого простака пропали. Впав в совершенное безумие, он потерял сон и перестал есть. Его Величество сжалился над ним и стал утешать. Тот кое-как пришёл в себя и приступил к своим обязанностям.

Важным делом стало закладывание оснований крепости Мул-

Манахар-нагар. Поскольку Его Величество всегда стремится улучшать почву (*гил*), а также воспитывать душу (*дил*), он постоянно украшает общество и уединённость укреплением этих двух великих мест почитания. Пока он пребывал в Амбере, до него дошли слухи, что в окрестностях расположен один старый город, древнее величие которого ныне отмечено лишь земляным холмом. Он решил возродить его, и 29 абана, в благоприятный момент, заложил своей царственной рукой основание крепости. Он поручил нескольким военачальникам курировать работу, и через короткое время она была выполнена великолепным образом. [Шахиншах] посвятил [цитадель] Манахар⁴ Дасу, сыну Рай Лонкарана, *заминдара* тех мест, и нарёк её Муль-Манахарнагар.

Замечательное происшествие того времени — появление кометы⁵, как только солнце село на трон запада.

Давайте опишем это явление ради насыщения озерца беседы!

Когда лучи согревающего мир солнца касаются влажной земли, великое светило производит жар, в результате чего водные частицы становятся лёгкими и устремляются ввысь. Они смешиваются с атмосферой и улетают высоко-высоко. Сия смесь зовётся испарением (*бухар*). Когда же солнцем нагревается сухая земля, запас сокрытой в ней влаги соединяется с сухостью, и под воздействием жара земные частицы сгорают, в связи с чем их лёгкость возрастает. Затем они смешиваются с атмосферой и поднимаются вверх. Сия смесь зовётся дымом (*духан*). Каждая может быть двух видов. Одна скапливается в земле и даёт начало источникам, впадинам (*канха*) и землетрясениям. Другая распределяется на поверхности и испаряется. Отсюда происходят облака, дождь, бури, гром, молнии и тому подобное. Труды по естественной истории хорошо разъясняют все эти вещи. Я же освежу сад своей речи рассказом о примере чудесных явлений (кометах).

Да не укроется от внимающих знаниям, что когда в стране правит Марс, на неё обрушивается засуха, поднимается густой пар и туман. Особенно же это распространено, когда Марс находится в Десятом доме годового или сезонного гороскопа, и если сей дом ветреный, огненный или пагубный, а Луна или Меркурий ветрены,

222

он (Марс) может взирать на них благосклонным взглядом.

Несомненно, пострадают урожаи, и наступит голод. Также придут болезни, будет царить гнев и порвётся нить изысканий (стремление обрести мудрость).

Итак, когда вязкий и неприятный туман впервые поднимается над землёй и достигает первого слоя⁶ атмосферы, того, что смешан с огнём, он обретает красоту, подобно тому, как дым от погашенной лампы озаряется при поднесении зажжённой свечи. Так и с метеором (*шихаб*) или падающей звездой. Когда последняя движется по направлению к земле, чернь думает, что звезда падает. Если красота [метеора] не поражает, он, ввиду своей массивности, не воспламеняется, а уничтожается. Поскольку атмосфера бывает разных видов, он преобразуется в различные формы. Например, становится волосатым или хвостатым, имеет копье⁷ или напоминает животное и т.д.

В результате качественных различий, он либо быстро поглощается, либо это происходит по истечении какого-то времени. Иногда вокруг него можно наблюдать алые или чёрные вспышки. Если он плотный, его алое свечение вселяет ужас, а когда он становится ещё плотнее, появляется пугающая чернота. На языке древних подобные формы назывались саваби и-наджум и *зуат ал-азуаб*⁸. Каждая имела собственное имя в зависимости от вида. Например, волосатый метеор назывался *зу-зуаба*, а с хвостом — *зу-занаб*. В индийских книгах насчитывается более ста форм⁹. В греческих трактатах перечисляется всего семь видов, и все они считаются сатурнианского или марсианского происхождения. *Зу-зуаба* (обладающий вихрами) и *зу-занаб* (хвостатый) считаются самыми зловещими. Птолемей говорит, что *зу-зуаба* отделяет от Солнца всего одиннадцать знаков. Некоторые греки считают, что *зу-зуаба* показываются утром на востоке, а *зу-занаб* — вечером на западе. Идея эта — явно результат неоднократных наблюдений. Индийские мудрецы

223 — разделили их на два класса, в зависимости от их пользы или пагубности. Все сходятся во мнении, что они оказывают воздействие на страну, через зенит которой проходят, или на то место, жители которого могут их видеть, и всё зависит также от природы знака, в

котором они видны. Они движутся со скоростью огненной сферы. Их воздействие зависит от времени, в течение которого они видны. Их чудодейственное влияние подробно рассматривается в старинных трудах, но мы не станем излагать всё это здесь. Среди прочих можем упомянуть волосатую комету, наблюдавшуюся в 662¹⁰ г.х., когда Солнце было во Льве. В ту ночь лунное¹¹ затмение имело место в пределах одиннадцати точек — 11/12. Самое удивительное, что она была размером с человеческую голову, вокруг которой клубился дым. Её видели в таких странах, как Тибет, Туркестан, Китай, Кашгар, Фергана, Центральная Азия и Хорасан, и наблюдали в течение 85 дней. Во всех этих странах начались беспорядки. В Мавераннахре и Хорасане события оказались связаны с Каидом¹² и Бораком, другие страны являют тот же пример. Таким образом, люди долгое время отсчитывали свои годы и месяцы от её появления. В 803 г.х. (1400 г.) хвостатая комета появилась в зените над Малой Азией (Рум). Маулана Абд-ал-лах Лисан, Мухи-ад-дин Маграби¹³ и другие астрономы тех дней сообщили Сахиб Кирану (Тимуру), что из слов мудрецов следует, будто воинство придёт с востока, завоюет эту страну и захватит её царя. Отрада лика судьбы давно ужемышлял о походе в те края, но его нерешительные сподвижники не одобряли подобных планов. Он отправился в путь и упрочил в умах высокого и низкого свет своего замысла и глубокую прозорливость астрологов. В 837 год хиджры (1433 г.) хвостатая комета наблюдалась в первых градусах знака Весов, близ Северной Короны. Она показалась и исчезла. По прошествии нескольких дней заметили ещё одно явление. [Комета] стала копьевидной (*незадар*) и немного сдвинулась в сторону Северной Короны и через восемь месяцев исчезла. Великая чума обрушилась на Герат и его окрестности. Каждый день умирали больше тысячи человек. Мирза Ибрахим, правитель Фарса, Мирза Байсункар Аргун, шах из Бадахшана, и Султан Заин-ад-дин Хафи¹⁴ также покинули этот мир во время бедствия. Результатом явилось соперничество между мирзой Шахрухом и Сикандаром, сыном Кара Юсуфа. Тот, кто знаком с тайнами небес, знает, что если угол государства пересекает комета, правитель этого государства умрёт, и если комета отклоняется в сторону этого угла,

принц выпустит из рук свои владения, а в случае, если комета видна в углу падения (*сакит-и-ватад*), придут болезни и чума, а кроме того внезапно начнут умирать люди. Тысяча благодарностей Господу за то, что благословением священной личности *Хедива* Мира пагубное воздействие обошло государство стороной. Если время от времени имеет место столь ужасное явление, на государство не обрушивается больше серьёзных несчастий. Несмотря на Божественное покровительство сей благоразумный участник пира просвещения приказал раздать щедрую милостыню в соответствии с традициями мусульман и индусов. Люди во всём мире возрадовались.

Вот краткий рассказ об этом великом явлении¹⁵. В день арад, 25-го числа Божественного месяца абан (5 ноября 1577 г.), когда Солнце благоприятно расположилось в Скорпионе, небесный знак был явлен в Водолее, на западе¹⁶, но повернул на север. У [кометы] виднелся длинный хвост, и в некоторых странах её наблюдали в течение пяти месяцев. Астрологи и люди, владеющие секретами небесного мира, сообщили, что в определённых населённых пунктах Индии подорожает зерно, и назвали конкретные места, где это произойдёт. Они также сказали, что правитель Персии умрёт, и что в Ираке и Хорасане поднимется пыль беспорядков. По их словам, это пройдёт без ущерба и потерь. Примерно в то же время прибыл караван из Персии, и несколько способных и искренних мужей доложили августейшему Двору, что шах Тахмасп покинул этот мир, мирза Хайдар предан смерти, а шах Исмаил обрёл власть. Вот краткий рассказ о том, как шах — вершина рая — умер в Казвине 5 хурдада¹⁷. Султан Хайдар, его третий сын, заявил о своём праве на престол и благодаря усилиям ряда сановников вообразил, что он в безопасности. Его убийство организовала его злобная (*намихрбан*) сестра Пари Ханум, и Исмаил мирза, второй сын, который в течение 22 лет находился в заточении в крепости Кахка¹⁸, взойшёл на трон. Он по злобе своей отправил многих родных и двоюродных братьев в мир иной. В один день умертвил Султан Ибрахима¹⁹ вместе с одиннадцатью²⁰ родными братьями. Когда Его Величеству доложили о событиях в Персии, он сказал, что население тех мест стало свидетелем воздаяния за собственную неблагодарность, и что

сей мрачный и кровожадный юноша переполнит чашу своих дней, не смочив уст своих (*лаб тар нагушта*) вином мира, ибо дух столетия не выдержит его бесчинств. Свершилось начертанное на скрижалях языка, изобилующего жемчужинами. Имелось ещё одно доказательство знания Его Величеством тайн, и небесное явление раскрыло его качества в отношении и прошлого, и будущего. Сначала шах Тахмасп отправился в святой мир ещё до появления чуда (кометы), а после и шах Исмаил ушёл в небытие. Он умер, потратив год и пять месяцев на кровопролитие, бесчестье и алчность (*бадмихри*). Многие сошлись во мнении, что его отравила Пари Ханым²¹. Во время жизни шаха Тахмаспа она являлась средоточием всех дел и ожидала обрести ещё большую власть при правлении злополучного и желчного (Исмаила). Он же из заносчивости и тщеславия отдалил её (букв. «начертал слова отдаления на страницах её положения»), хотя обрёл титул шаха только благодаря её стараниям. Эта глупая женщина (Пари Ханым) сговорила с матерью Хусейн бека Халвачи Огли, из рук которой он (Исмаил) принимал микстуры и лекарства. В ночь бахман, 2-го числа Божественного месяца азар следующего года (985 г.х.) (ноябрь 1577 г.), правитель Гурджистана прислал в дар нескольких коней. Он отправился посмотреть на них. Поскольку комета отбросила свой пагубный свет, персидские астрологи пришли к общему мнению с мудрецами Индии и прочли ему небесное послание, попросив отложить поездку. Но всё оказалось бесполезно. Посмотрев на коней, он отправился к Хусейн беку, чьи владения располагались неподалёку. Шариф Казвини привёз ему из дома его обычное лекарство и заметил, что печать на ларце (*хукка*) сорвана. Поскольку близилось роковое время, он потерял нить разума и ответил, что коли тот взял его из рук матери Хусейн бека, бояться нечего. Он принял микстуру и дал немного Хусейн беку. Знатоки тайн Персии сообщили, что по прошествии какого-то времени ночью Пари Ханым, чей дом располагался в окрестностях дома сына этого кондитера, отправила туда Шах Варди²² и нескольких переодетых женщинами людей. Они пережали горло и другие жизненно важные органы сего потерявшего рассудок человека и убили его. Из-за приступов сумасшествия и подозрительности он всегда пребывал в оди-

ночестве, а потому его искренние доброжелатели — стражи власти и религии — не входили к нему [в покои]. Даже слуги туда ступить не могли. В итоге дурных последствий подобного поведения — наихудшего из встречающегося среди живущих в обществе и среди правителей — всё вышеназванное и произошло с этим смятенным и самоуверенным человеком. Дверь дома ужаса была затворена, и никто ничего не знал. Итак, ночь сменилась днём, а день почти стал ночью. Ни у кого не хватало духа начать выяснять, в чём дело. Великое мужество проявили приехавшие туда визирь Мирза Сулейман, Мирза Мухаммад Хаким и другие. Они прочли надпись беспомощности на пороге, распахнули дверь и нашли его мёртвым. Мизинец правой руки был сломан, а кожа на лбу и на носу содрана (далее следует несколько риторических строк...).

226 Произошедшее с этим смятенным духом отразилось на всех. Он начал с того, что рассердил своего отца, благодетеля и господина. Последний из любви и проницательности и в надежде исцелить его взял [сына] под стражу. Когда по воле небес он стал правителем Персии, то погасил последние проблески мудрости и предался алчности. И задушил источник пробуждения, и стал убивать друзей и окружать почётом врагов. Не оценив чести верховенства, активно разрушал основы власти. Безусловно, именно благодаря чудесным замыслам распорядителей судьбы, во всём мире провозгласили благо, благожелательность и правосудие правителя Индии, и все подданные сей обители крестьянства смогли преобразовать *Имам* времени и мирно проводить свои дни в благоприятной обители благодарности.

Славься источник земли и воды,
Породивший такую жемчужину.
Пусть настанет на небесах славный день,
Когда засияет озаряющая ночь звезда.
Аллах, охрани сего стремящегося к святости царя,
Чья тень оберегает покой человечества.
Пусть долго правит он людьми:
Пусть сердце его живёт во имя блага почитания.

Итак, произнеся несколько лицемерных слов скорби и задав ещё больше пиров, они стали искать другого правителя. Поскольку не осталось более царских сыновей, достойных верховной власти, обратились к Пари Ханым, но та осознавала веяния Века и отказалась от высокого положения, отослав их к Султан Мухаммад Худабанде, старшему сыну шаха Тахмаспа, чья слепота спасла ему жизнь во времена кровопролития шаха [Исмаила]. Её единственная мысль заключалась в том, чтобы тот стал номинальным султаном, а истинная власть сосредоточилась бы в её руках. Мирза Сулейман, хорошо знавший её хитрость и лукавство и по своему доброму нраву не желавший вступать с ней в сговор, бежал в Шираз, опасаясь, что его возьмут под стражу. Он поведал о её коварстве и договорился с матерью Султан Мухаммад Худабанды, настоящей матерью шаха Исмаила, избавиться от этой беспокойной смутьянки. Когда Султан Мухаммад Худабанда достиг Казвина, Пари Ханым узнала о его замыслах и перекрыла подступы к городу. Шамхал Чаркас (Черкес), её дядя по материнской линии, приготовился с тысячью воинов к битве. Благодаря усилиям здравомыслящих людей всё завершилось миром. Дама Ирана принесла свои извинения, а дальновидные мужи, думающие о будущем, приняли их. Когда она приблизилась к лагерю, ей сообщили, что час неблагоприятный. Ей следует приказать остановить свой паланкин недалеко от лагеря, а Шахмал со своим отрядом должен расположиться в окрестностях одного из селений. Утром, прежде чем присоединиться к стану, Шахмалу положено возвыситься возможностью засвидетельствовать своё почтение (Худабанде), а после провести пышный смотр войск. Посредством сих приятных событий они (Пари Ханым и её дядя) оказались в безопасности. Когда ночь набросила чёрную мантию на лик дня, они заставили Амир Аслан Афшара, являвшегося якобы другом (*аз достан расми*) Шамхала, поехать и подготовить дружеский пир в личных покоях и убить там его (Шамхала), застав врасплох. Они пообещали отдать этому рабу золота в качестве награды за содеянное в управление Исфахан. И вот он, не понимающий законов связей и ещё менее сведущий в таинствах дружбы, пролил чашу своего существования. В то же самое время они схватили сокрытую

227

чадрой даму Ирака²³, и она вскоре стала обительницей таинственной палаты уничтожения.

Случилось также, что 2-го числа Божественного месяца азар в окрестностях города Котпутли²⁴ на закрытый совет призывали Музаффар-хана, раджу Тодар Мала и Ходжа Шах Мансура, и прошло обсуждение дел государства. Много решений было принято. *Саркар* Бихара отдали Шуджаат-хану, Мир Муиз-ал-мулку и другим слугам. Монетные дворы державы падишаха, находящиеся в ведении *чаудхари*²⁵, тоже поделили. Управление столь значительным делом в Фатехпуре, столице империи, поручили Ходжа Абд-ас-самаду *Ширинкалам*²⁶. Монетный двор Лахора отдали Музаффар-хану, а тот, что в Бенгалии — радже Тодар Малу, джаунпурский — Ходжа Шах Мансуру, а гуджаратский — Ходжа Имад-ад-дин Хусейну. Тот, что в Патне [Бихар] — Асаф-хану. В тот же день Асаф издал приказ отчеканить квадратные²⁷ рупии. 9 азара победоносные знамёна отбросили свою тень на город Нарнаул. Поскольку святое сердце Его Величества отмечено славой поиска Бога, он посетил обитель отшельника шейха Низама²⁸ и одарил вечной радостью сего хвалителя простоты. Мощь доброй удачи не позволила печали найти путь к его сердцу из-за того, что он не узрел знаков просветления (в шейхе Низаме). И лишь усилил свои поиски. Поскольку благодаря широким возможностям и значительным устремлениям его прозорливый взгляд не упал на собственные сокровища, и он не обнаружил в обладателях лохмотьев и учёных мужах Века каких-либо проблесков духовных и небесных тайн, неотъемлемых составляющих изобильного стола Аллаха, его жажда испить прозрачной воды Истины возрастала с каждым днём. Таким образом, обитатели божественного совета (Господа) сделали боль исканий Бога — зенита Истины — непрекращающейся. Несравненный Аллах не посещает просторы сердца смертных, а стопа ищущих никогда не стирается.

228

В день асман, 27-го числа Божественного месяца азар, столица Дели прославилась прибытием Шахиншаха. Прежде всего он обошёл вокруг священного мавзолея Его Величества Джаннат-ашияни и осыпал дарами зрителей. Затем посетил другие гробницы, где также проявил щедрость в своих дарах. 3-го числа Божествен-

ного месяца дай посетил обитель шейха Фарида²⁹ Бахши Беги, у которого имелось много жилищ в тех благоприятных окрестностях на берегах Джумны, а также святилища — места поклонения индусов. 5-го числа того же месяца стал лагерем в *сарай* Бавали³⁰ и погрузился на несколько дней в административные дела и охоту. Бедный люд тех мест насытился от стола его щедрости.

И вот событие — прибытие Хаджи Хабиб-ал-лаха. Уже упоминалось, что его отправили в порт Гоа с большой суммой и искусными ремесленниками, дабы привёз с собой превосходные искусства и диковины тех мест. 9-го числа он засвидетельствовал своё почтение в сопровождении лиц, одетых как европейцы и играющих на европейских барабанах и горнах. И предъявил Его Величеству отборные товары заморских стран. Ремесленники, отправленные с ним обучаться искусствам, показали приобретённые умения и получили похвалу в момент решающей проверки. Иноземные музыканты продемонстрировали волшебство инструментов своей родины, в частности, органа. Наслаждение получили и глаза и уши, а также разум. Стан также посетили и засвидетельствовали своё почтение Ходжа Гиас-ад-дин³¹ Али Асаф-хан и сын его брата Джафар бек.

Глава 41

Поражение, нанесённое радже Мадхукара
приумножающейся с каждым днём
удачей [Его Величества] Шахиншаха

229

Когда гаснет звезда чьей-то удачи и наступают чёрные дни, первое, что происходит, — это затухание света разума, так что человек сам, своими собственными стараниями, теряет честь и превращается в презренную личность, как на духовном, так и на земном плане. Именно это и случилось с недобрым *заминдаром* [раджой Мадхукара]. Когда слава правосудия царила по всему миру, а вечные управители трудились над славой власти (Акбара), сей слепой и хромо́й человек выдал своё кажущееся могущество за силу своих территорий, а горстку дерзких сподвижников посчитал поводом для надменности и потому сошёл с высокого пути преданности. Властелин Мира отправил Садик-хана¹ с большим войском в те края. В случае если [мятежник] не согласится внять приятным словам мудрости, он должен понести заслуженное наказание. Победоносная рать отправилась в поход через Нарвар и передала наставления. Сей мятежный и смятенный человек не прислушался к ним. [Воинам Шахиншаха] пришлось приступить к очищению джунглей (*джангалбури*), и они продолжили путь к городу Ундках (Орча в «*Indian Gazetteer*»). Приблизились к крепости Кархара, где укрылся Парман Пармананд Панвар, союзник этого негодяя. Войско окружило цитадель и приступило к осаде. Каждый день кто-то из гарнизона совершал вылазки и терпел поражение. Вскоре чаша власти [Пармана] была готова опрокинуться. Он открыл свои уста для мольбы и попросил пощады. Поскольку в правилах Шахиншаха заботиться о смиренных и принимать извинения, царские слуги пос-

ледовали тому же принципу и взяли его под защиту. Развязав сей крепкий узел, продолжили путь. Поскольку местность была покрыта лесом, войско двигалось с трудом: один день рубили деревья, а на другой продолжали путь. Таким разумным способом шли переход за переходом, пока не оказались у реки Дхара², что на севере Ундкаха. Негодяй собрал большую рать и приготовился к битве на берегу. Храбрецы с обеих сторон каждый день украшали поле битвы. Время от времени проходил доблестный рукопашный бой. 5 дая, Божественного месяца, решили переправиться через реку и вступить в сражение. Из-за неровного ландшафта войска не могли сохранить строй. Садик-хан вёл один отряд, а Касим Али-хан, Улуг-хан и Шейх Фируз с несколькими храбрецами отправились вперёд к переправе. Из-за вражеского обстрела авангард не смог перейти реку, и *гази* оказались в тяжёлом положении. В данной ситуации царские *фаудждары* Камал-хан и Махмуд-хан погнали к реке разрушающих строй слонов и переправились на другую сторону. Первым реку пересёк Садик-хан с отрядом отважных ратников, и произошло славное сражение.

230

Пустыня превратилась в реку крови,
Казалось, что тюльпаны расцвели;
Земля напоминала море дёгтя
С волнами из кинжалов, стрел, булав.

Поскольку на широком поле Божественной помощи земные средства не имеют значения, и ни одна вредоносная пылинка от толп негодяев не попадает на приятную обитель преданности, истинный воин одержал верх над проходимцем. Враг был разгромлен, и многие лишились жизни. Победоносная рать без труда захватила жилище раджи. Из-за большого количества деревьев и незнания местности они никак не могли поймать его самого. Некоторые думали, что он прячется и ждёт удобного момента. Другие подозревали, что собирается напасть на лагерь. Садик-хан согласился с последними и направился к стану. Он превратил авангард в аррьергард³ и стал отсылать отряд за отрядом. Тем временем лишившийся удачи глу-

пещ зашёл с тыла и учинил переполох. Значительную часть войска охватила паника, и они повернули назад, а Улуг-хан с несколькими храбрецами стойко держал позиции и сражался. Садик-хан прибыл с отрядом героев и воодушевил нерешительных. Абу-маали и другие преисполнились отваги. Каждый оставшийся думал о своей жизни и защищал свою честь. Началась грандиозная битва. Улуг-хан, Абу-маали и Мирза Мухаммад Силдуз прославились за одно сражение. Хорал Део, старший сын раджи, был убит ядром из *гаджнала*⁴. Хан Джахан, брат раджи, атаковал огромного слона и упал на землю. Он проворно вскочил на ноги и вонзил⁵ в зверя свой кинжал и после демонстрации изумительной доблести скрылся, получив ранение. Рам Сах, сын дерзкого [бунтовщика], приняв участие в битве и получив ранение стрелой, бежал с поля боя. Проходимец потерпел поражение от мощи приумножающейся удачи. Около 200 знатных раджпутов погибли. Некоторые храбрецы царской рати оказались ранены, но при содействии небес вскоре восстановили силы. Садик-хан, вознося хвалу доброй удаче (Акбара), сказал: «Когда ситуация вышла из-под контроля, я вспомнил о священной личности Шахиншаха и направил своё внимание на источник благословения. Я сделал мысль о *Хедиве* Мира проводником каравана последнего пути и вступил в горячую схватку. Внезапно показались знамёна падишаха, и появилась великая особа. На какое-то мгновение сие возвышенное видение ослепило глаза и сердце. Я погрузился в океан изумления и совершил немалые подвиги. Время от времени меня наполняла новая сила. В той духовной и физической борьбе огни победы зажигались от благословения таинственного зрелища и растворялись во мраке». Несмотря на то что сторонники были разрозненны, а врагов было много, победа, которую обычные люди с трудом могут себе представить, явила свой радостный лик. Обычно события, кажущиеся необычными затуманенным душам поверхностных людей, есть результат содействия святых духов, нацеленного на то, чтобы направить на путь истинный невежественных, но удачливых. Но иногда распорядители судьбы вершат своё дело, когда уникальные личности сущего понятия об этом не имеют. Всё это для того, чтобы показать чистоту драгоценного камня и помочь смертным выбраться из

пустыни отрицания и войти в приятную обитель преданности. Если внимающий этой поучительной истории вхож на священный пир, и удостоен секретов дворца чистоты, и знает о Божественной мудрости Хедива Мира, он посчитает сие необычное видение знаком первого уровня, а если он один из благословенных практиков мудрости и обладает знанием о пронизательности и величайшем милосердии Властелина Земли, то посмотрит на это, как на явление второго уровня.

Ещё одно событие тех дней: Касим-хана отправили управлять Агроей. Из-за особенностей климата коренное население тех мест известно во всей Индии своим горячим нравом, неустрашимостью и безрассудством. Они пришли к повиновению лишь благодаря величю Тени Господа и поступили на [царскую] службу. В это время, когда процессия падишаха находилась в походе, они по злобности и не думая о последствиях подняли головы мятежа и стали притеснять слабых. В результате справедливый принц 14 дая, Божественного месяца, удостоил [Касим-хана] этого назначения, а также дал ему мудрые советы, ибо тот слыл одним из выдающихся в своём деле и по своему мужеству мужей Века. Он объединил славу действия со знанием и принёс в мир равновесие.

Другое событие — поход Хан Джахана на Сатгаон. Там находилась семья Дауда, а также Мати⁶ и Джамшид, связанные с его хасхайлем (кланом), и множество злобных афганцев учинили там беспорядки. Когда центральная Бенгалия была очищена от мятежников, Хан Джахан обратил свой взор на эту территорию. Мати, завладевший кое-какими сокровищами Дауда, захотел благодаря своей доброй удаче поступить на царскую службу. Джамшид и другие афганцы объединились и пошли на него войной. После многочисленных сражений он потерпел поражение и ушёл в тень. Значительная часть его имущества оказалась у них в руках. Юсуф Балуч и Сармаст Афган, а также несколько друзей Мати стали ждать удобного часа для мести. Однажды этот смутьян (Джамшид) отправился к ним, чтобы заключить союз, и они убили его. Благодаря чудесам небесного содействия злосчастные враги сами ввергли себя [в пучину несчастья], даже без вмешательства войск падишаха.

Мать Дауда и другие члены её семьи попросили защиты и пообещали, что если войско удачи отправится в Танду, она и её люди придут ко Двору. Хан Джахан согласился на эти условия и отправился в Сатгаон, в оговоренное место. [Мать Дауда] и её сторонники сдержали слово и явились ко Двору⁷.

26-го числа того месяца Его Величество спешно отбыл в окрестности Хисара поохотиться, отбросив на этот город тень своего правосудия. Дом Михр Али Силдуза удостоился чести его Присутствия. Были преподнесены подарки, и Шахиншах принял некоторые из них, чем очень порадовал [хозяина дома]. Оттуда отправился к Ханси, где спешил к святыни шейха Джамала, отдал дань почтения Аллаху и осыпал зрителей богатыми дарами. Он [шейх Джамал] был одним из заместителей (*джайнишинан*) шейха Фарид Шакарганджа и по приказу своего *пира* поселился там, дабы служить проводником ищущих. Когда шейх (Фарид) замечал признаки выдающихся качеств в человеке, то направлял его в какие-нибудь земли и давал с собой письмо для шейха Джамала⁸, в котором говорилось о назначении. Если последний не возражал, тот должен был приступить к своим обязанностям как раб Божий. В противном же случае ему следовало смириться (*гудазии*) до тех пор, пока не удостоится этой чести. Рассказывают, что он направил одного человека в Дели, и тот не получил одобрения шейха Джамала. Впоследствии же скрепил подписью назначение Низам-ад-дина (Аулии). Безусловно, идея заключалась в том, чтобы его искренность затронула всех, а его собственное высокое положение укрепилось возвышением ученика. Иначе какой смысл давать такую власть подчинённому и использовать подобные приёмы расширения института ученичества.

В это время также прибыл и засвидетельствовал своё почтение Маулана Мухаммад Амин⁹. Он принадлежал к знатному семейству Езда и происходил из селения (*кария*) Акда. В Ширазе обучался в школе учёного мужа нашего Века Мауланы Мирза Джана, и прочёл ряд комментариев и трудов по аскетизму (*таджрид*), был знаком с Азди, и ввиду интереса к таинственному знал кое-что о звёздах и науке геомантия (*рамал*), а также обладал сведениями о хронологии. Это был красноречивый толкователь планов, и его уве-

ренность и благовидность позволяли ему продавать себя задорого. Тогда он приехал из Ирака к порогам удачи, и при посредничестве царедворцев его представили ко Двору. *Хедив* Мира вследствие высокого мнения о нём, сложившегося благодаря рекомендовавшим его людям, решил возвысить его и отправил с принцем Мурадом в дом шейха Абд-ан-наби, являвшегося вершиной *ахл-и-саадат* (учёных мужей), дабы ничего важного не предпринималось без его согласия, и также осыпал его милостями. Поскольку тот обладал скверным характером и не изучил страниц гения, а также не имел больших талантов, его никчёмность вскоре стала явной, и внешняя позолота открылась и высоким, и низким, о чём будет поведано в надлежащем месте.

Тем временем произошло и пленение Музаффар Хусейн мирзы. Судьба вздымается, чтобы ниспослать войну на каждого, кто вскидывает голову против покорности почитающему Бога *Хедиву*, и стопа его вскоре натывается на шип неудач. Тот, кому не суждено благополучие, низвергается в пропасть уничтожения. В противном случае судьба лишает его разума и передаёт в руки Властелина Удачи, дабы мог он в заточении — школе истины — научиться доброй службе. История мирзы — яркий тому пример. Хотя враждебно настроенные люди сделали его поводом для недовольства, он вскоре сам запятнал себя пылью стыда и превратился в поражённого мозолями бродягу. Из Гуджарата направился в Декан, где спелся со злодеями Берара. Местные войска пошли на него войной, и произошло горячее сражение. Поскольку он отвернулся от истинной *киблы*, то потерпел поражение и отправился в Хандеш. Раджа Али-хан схватил его и прекратил грабежи. Хотя на деле он лишь боролся с пылью беспорядков в собственных землях, внешне словно отдавал долг преданности Двору. Когда Его Величеству стало известно об этих событиях, он отправил с Максуд Дамбой приказ доставить к нему [хана].

Помимо этого, тучи набежали на доверие Его Величества к шейху Абд-ан-наби. Благодетельный властелин никогда не думал о себе и всегда стремился к справедливости. По законам Султана мудрости, он не делал различий между недругом и врагом. Пос-

кольку о достоинствах¹⁰ шейха Его Величеству поведали недалёкие люди, продававшие невежество по цене знаний, а также корыстолюбцы, притворявшиеся, что они искренни и свободны от желаний, он поднял того из низин неудач на высоты чести. Первым делом ему поручили управление учёными мужами (*ахл-и-саадат*), после чего доверили великие дела государства. Поскольку в испытательном доме познающих людей алхимиков фальшивая монета смертных не в ходу, здравомыслящие мужи распознали истину, и в это время кое-какие известия о его обмане и корысти дошли до пронизательного правителя. Вследствие исключительной пронизательности и глубоких размышлений — ибо многие здравомыслящие люди пятнают себя подозрениями, высказываемыми злобными и неуважительными [недоброжелателями], — он решил сам разобраться в этом деле и стал вести расспросы должным образом. На суде падишаха не было и намёка на слабость, и никто понятия не имел о расследовании. По прошествии нескольких оборотов сфер истинность донесений проявилась некоторыми путями¹¹.

Если человек хранит какое-то время что-то в секрете,
Всё рано или поздно выплывает наружу.

Вследствие совершенной мудрости — необходимой составляющей в нашем мире зла к границам города Гохана¹² был направлен с шейхом Фарид Бухари следующий приказ. Когда царская процессия будет проезжать мимо тех краёв, он должен прислать местных обладателей *суюргалов* к Его Величеству, дабы мог тот определить достоинства каждого и уверился в правильности назначений. В скором времени стало очевидно, что из-за любви к золоту и вследствие доверия рекомендациям пренебрегались правила объективности и размышлений. Хедив Мира по своей величайшей мягкости не стал сбрасывать чадру с лица его (Абд-ан-наби) действий, но препоручил расследование и суд здравомыслящим слугам. Он сказал: «Человек не может справиться со всем ввиду множества дел. Особенно если это значительное дело столь масштабно, что находится за пределами возможностей одного человека. Крайне благоразумно было бы на-

значить управителя в каждую провинцию и поделить между ними эту великую форму поклонения, дабы истина отпечаталась в самом сердце и возвысились основы справедливости, то есть знание истины». Где-то в это же время *садарат* Пенджаба поручили заботам мауланы Абдулла Султанпури, а некоторым лицам с просветлённым сердцем поручалось сообщить Его Величеству имена доверенных, опытных и энергичных людей, которые могли бы подойти для данной работы¹³.

В это время город Сунам озарился славой знамён падишаха. Он отличил Мирза Юсуф-хана, обратившись к нему (или, вероятно, даровав ему титул) со словами: «Что-то мне подсказывает, что превосходящая мир территория Кашмира окажется в руках царских подданных». Благодаря его щедрой милости сия благодатная страна была пожалована ему в качестве земельного владения. Я славлю его проницательность и свет его предвидения! То, чему следовало свершиться после стольких лет, осуществилось в тот день в чистом храме его души, являющейся отражающим тайны зеркалом. 21 бахмана, Божественного месяца (примерно 1 февраля 1578 г.), он стал лагерем в Шадивале и, дабы указать путь стоящим у порога удачи, дал благотворные советы. И позволил многим духовным и земным истинам слететь со своих уст. Он сказал: «Если бы на моих плечах не было перевязи мирской жизни, я бы перестал есть мясо». Зная о волчьей¹⁴ природе людей, посчитал, что укрощать их всех сразу — причинять боль и страдания приверженцам традиций. В результате его священное сердце посетило вдохновение начать про-
235
тягивать свою длань понемногу, дабы не осложнить положение последователей истины, и чтобы постоянные опасения не приводили в ярость подданных. Он на какое-то время прекратил есть мясо по пятницам¹⁵. Будем надеяться, что практика (потреблять мясо) когда-нибудь исчезнет.

Тем временем произошло поручение *парганы* Тихара Рахман Кули Кушбеги¹⁶. Какое-то время, в силу своего управления духовным миром и в водовороте материальных размышлений, он бороздил океан видений (*шахуд*). Выйдя из этого состояния (букв. «когда вернулся»), продемонстрировал сей акт великодушия. Некоторые

придворные задумались, что явилось тому причиной. Читающий надписи на челе сердец сжалился над их недоумением и объяснил: «Когда показался город¹⁷ (*касба*), чьё название означает «Ваш»¹⁸, мне пришло в голову, что всё это — проявление славы Святой Сущности (Бога), а это (выражение или название селения) всего лишь внешнее проявление (*сурат-и-намудари*). Сердце моё разрывалось от урагана «Мы и я (*ма у ман*)» и тисков взаимоотношений и зависимости. Я чувствовал себя обителью связей, и моя зачарованность внешним миром была почти разрушена. Когда таинственное свершение Божественной судьбы привело меня в мир случайного существования, я подумал, что в качестве благодарности этот город следует отдать тому, чьё имя ассоциировалось бы с несравненным Творцом». В это время пред ним предстал избиратель служения (Рахман-хан) и был возвышен особой милостью.

На этом великом собрании он произнёс множество приятных слов и взвесил со знанием дела интеллект просветлённого сердцем мужа. Звуки пробуждения подняли и направили в пустыню исканий пребывающих в ночной дреме людей. Слава возвышенной власти, что держит факел Единства зажжённым на сильном ветру многообразия и следит за уединённостью в самой гуще общества! Приветствую возвышенное понимание, что удерживает верховную власть бок о бок со святостью и оберегает единство цвета!

Шах, что в мудрости своей — наш проводник или путь к Богу,
Есть океан, что ни на секунду с Создателем не расстаётся;
Хотя его Тенью Аллаха именуют,
Мы не зовём его так, ибо он — Творца свет¹⁹.

9 исфандармаза, Божественного месяца, мост перекинули из окрестностей Лахи Киямпур²⁰, и знамёна падишаха переправились через Сатледж. Моря войск и океаны животных пересекли [реку] целыми и невредимыми. Близ этого места Шах Кули-хан Махрам прибыл из Лахора, и засвидетельствовал своё почтение, и удостоился царских милостей.

Важным событием стал приказ войску отправиться в Белуд-

жистан. Поскольку военачальники племени тех мест ввиду врождённой свирепости и злополучности повернулись спиной к подчинению и не выказывали должного уважения, Мирза Юсуф-хан, Шах Кули-хан Махрам, Сайид Хамид, Мухаммад Заман и другие энергичные воины были направлены в те края. Им предстояло сперва дать наставительные советы, а если это не принесёт никакого результата, осветить темноту вспылками меча. 12-го числа [процессия падишаха] остановилась в Патане (Пакпаттан). Властелин посетил святилище Фарид Шакарганджа. В начале ночи зажёл утро истины и почти весь последующий день провёл в молитвенном месте (*мутаф*), отдавая первостепенный долг духовному и физическому миру. Смотрители святилища и сами жители достигли величия и обрели утешение. Во время пира просветления Суфи Насир из Балха и Мулла Мушфики²¹ из Бухары были осчастливлены возможностью быть представленными ко Двору. Духовные познания одного и поэтический талант другого прошли проверку, а они, узрев бесполезность собственных жизней, начали свой путь сначала.

Глава 42

Начало 23-го Божественного года
[с момента] священного Восшествия
[на престол Его Величества Шахиншаха]
— года бахман второго цикла

Во вторник, 2 мухаррама 986 г.х. (11 марта 1578 г.), по истечении 53 минут Солнце наполнило светом знак Овна, и начался 11-й год второго цикла. Смертные возрадовались равновесию воздуха и вознесли благодарность в своём восхищении. Звучала не омрачённая печалью мелодия, и веселье царило повсюду.

Весенние облака картины расписали в саду,
Бриз утра излил *атр*¹ на розарий,
Пряный зефир аромат принёс из потаённых мест,
Живительный борей осыпал землю жемчугами.

В начале этого года, [а именно] 3 фарвардина, Божественного месяца, мост передали Рави в Ханпуре, и царские стяги озарили те земли своими лучами.

Одним из событий стало назначение Султан Ибрахима управителем столичной области (Фатхпур Сикри). Он был знатоком внешнего мира и искушён в управлении. Ему приказали явиться в названный город от *тханадари* Ладлая и проводить в жизнь приказания повелителя. Хотя почтение к царскому правосудию удерживает и близкого, и далёкого в школе служения, и каждый считает службу источником счастья мирского и духовного, однако, поскольку бдительность и прозорливость — основные черты занимающего

237 трон удачи, он передаёт каждую область [под надзор] одного из рассудительных и энергичных мужей и, не ведая отдыха, распространяет над всем сень бдительности. В сей благородной манере так почитает мироукрашающего Господа.

Происшествием стала и отправка Шуджаат-хана² в область Мальва. Поскольку до царского слуха дошло, что чиновники тех земель пребывают в спячке и не принимают мер против утеснения слабых, и превратились в мирян, и отступили от пути мудрости, он дал советы, сообразные с нравом каждого, и послал в качестве их руководителя Шуджаат-хана, обладавшего в придачу к храбрости познаниями в делах и справедливостью. Также было дано приказание, чтобы Шах Будаг-хан, Тулак-хан, Мутталиб-хан и все воины хранили единодушие, решая трудности, и сообразовывались с мнением Шуджаат-хана.

[Тем временем разнеслась весть], что лошадь Его Величества споткнулась. Случившееся с ним служит уроком и украшением. Если под влиянием человеческой природы его одолеет дрема или забывчивость будет явлена покровом смертности, его пробудит то, что кажется губительным, и непостижимым путём снизойдёт просветление. Намёки достигали *маснада* обучения сообразно с дремой каждого. Однако вся сонливость мира не в силах сравниться с его сладким сном. Очевидцы изумляются и, не понимая этого обстоятельства, приходят в смущение. Видимо, именно так и обстояло дело однажды вечером, когда он [Шахиншах] возвращался с охоты в лагерь, и лошадь его споткнулась. Он, мудрый и прозорливый, счёл сие посланием Аллаха и преклонил колени в [порыве] преданности. Новое основание было заложено для почитания Господа. Пусть сохранит Несравненный Творец сию священную особу в отрадной обители здоровья и не допустит, чтобы пылинка несчастья опустилась на подол возрастающей день за днём удачи!

Да славится восседающий на царском престоле!
[Сей] преемник помощи Господней,
Хвала Господу, что в его возвышенной судьбе
Беда³ предстаёт лишь в облике печали.

Людишки узколобые и поверхностные, никогда не видевшие в сем неповторимом царстве бытия ничего, кроме благоразумия и проницательности, и не отходившие ни на полшага от рыночной

площади заурядных дел, изыскали незначительные причины. Один из поэтов прошлого написал:

238

Решил я зарубить мечом коня,
Сказал он: «Вначале выслушай моё превосходное оправдание:
Я — не буйвол мира⁴, чтобы снести его тяжесть,
И я — не четвёртая сфера, чтобы достать солнце».

[Важным] событием стал захват крепости Комулмир⁵. Подобиться к этой твердыне трудно, а расположена она на горе высотой с небо. Подобно своим предкам, *рана* сделал её своим обиталищем. В стародавние времена мало кому удавалось взять её. Благодаря удивительной удаче Шахиншаха в тот день она стала пристанищем победоносной армии [и свершилось сие] малыми усилиями. Шахбаз-хан, взяв путь туда, отослал назад ко Двору раджу Бхагван Даса и *куар* Ман Сингха из опасения, что те из-за своей привязанности [к тому краю] как землевладельцы не будут спешить с карой тщеславного мятежника (*раны*). Сопровождаемый Шариф-ханом, Гази-ханом, Мирза-ханом и прочими, он лично двинулся туда, чтобы взять крепость. Ведомые [благоприятными] звёздами, войска миновали каменистые тракты и легко пересекли ущелья. В эту пору, когда ни местные обитатели, ни инородцы ни о чём не подозревали, подошёл Шахбаз-хан с намерением захватить цитадель. Силой Небесной помощи он овладел перевалом Келвара, столь высоким, что стопа мысли (*хийял*) не в силах достичь его [вершины]. Герои поднялись наверх и заняли выигрышную позицию. При виде света Небесной помощи гарнизон впал в уныние. 24 фарвардина, Божественного месяца (3 или 4 апреля 1578 г.), крепость взяли, и забил барабан ликования. При виде мощи *гази* стопа мужества того беспокойного (*раны*) утратила опору, а его тревога возросла ещё более. Таинственной волей судьбы большую пушку в его крепости разорвало, и жатва его вооружения обратилась в прах. Тотчас он выпустил нить отваги и бежал в горы⁶. Многие именитые раджпуты встали перед воротами и вокруг храма и вступили в яростную схватку. Выказав отвагу в поединках, они уснули в палатах гибели. Утром верховной

власти тот небесный узел оказался распутан, и была явлена победа, каковую обычные люди постичь были не в силах. Когда же стало известно, что тот недостойный находится в горном краю Бансвала, он (Шахбаз-хан) передал крепость Гази-хану Бадахши и спешно выступил в том направлении. На следующий день, в полдень, взял Гоганду, а в полночь — Удайпур. Огромная добыча досталась победителям.

Вот одно из заслуживающих внимания происшествий. Некий аскет-отшельник долгое время жил в безвестности в первой крепости (Комулмире ?). Люди постоянно просили благословения у его возвышенного духа. Примерно за три дня до катастрофы, поутру, он взойшёл на вершину храма *раны*, и возгласил *азан* (призыв к молитве), и возвестил о подходе царского войска. Правитель изумился и попросил [объяснений]. Тот ответил: «Этой (прошедшей) ночью мне стало известно, что крепость будет взята». Тот муж с уснувшим рассудком пришёл в бешенство и умертвил его.

Узнав о сем великом даре Господнем, Его Величество умножил знаки преданности и возвысил верных воинов великими милостями. 31-го числа того же месяца Шахиншах близ Чиниота подошёл к мосту ⁷, и часть великого обоза под его присмотром переправилась, и ревностные слуги получили ещё один пример его чудотворства. Как столь многочисленное войско сумело бы переправиться, если он не направлял бы его? Кто в силах описать вооружение? Поведать ли мне, как были пройдены холмы и долины? Или рассказать лучше о наведении моста и об украшении (*аин*) кораблей? Или написать о том, как слоны шли через бурный поток, или поведать об искусности (*исбахбади*) этого царя духовного? В этот день, вследствие неопытности необученных слуг, Пундарик, особый слон (*хаса*), нашёл смерть в глубинах (*зхарифха*) реки. Зрящий вглубь (*зхарифнигах*) властитель счёл потерю имущества упрочением жизни и устроил пир. Как-то раз над отведённым для охоты местом разразилась страшная буря. Градины были величиной с орех. Его Величество находился в носилках (*сухпал*), общаясь с Господом. Благодаря сени удачи Шахиншаха его спутники не понесли никакого ущерба на той лишённой прикрытия равнине.

[Знаменательным] событием стало рассеивание облачности и [прекращение] дождя. Если поведать о том чуде, то дождь лил непрерывно несколько дней, что не соответствовало времени года. Охранявшие обоз и многие подданные были удручены и сетовали. Творец чудес своим ароматным дыханием⁸ несколько раз коснулся зеркала и затем положил его в огонь. Благодаря чудесному воздействию дыхания⁹ того, кому послушны сферы, небесные волнения утихли.

Когда энергия помогает храбрым,
Превыше неба они возносят землю;
Когда дела творятся энергично,
[Любая] трудность для тебя легка.

240 [Благотворное действие имело] прощение проступков *белуджей*. Уже было упомянуто, что вожаки этого племени во тьме своего разума и с задремавшей судьбой обратили взгляд на отдалённость и мощь своего края и стали на путь гибели. Поскольку мироукрашающее солнце Божественного света¹⁰ существует для того, чтобы повергать порочных и помогать добрым, некоторым военачальникам Пенджаба приказали отправиться в селения этого племени и наложить на них соответствующее наказание. Звук идущих мирозавоевывающих стягов пробудил спящих и привёл их на добрую службу. Охваченные ужасом и ведомые предусмотрительностью, послали они рассудительных мужей с просьбой о прощении. Его Величество принял их извинения¹¹ и внял мольбам тех укрощённых из глуши невежества, поставив условием достойную службу. Он приказал войскам вернуться. Ведь единственная его мысль — принять покорность смертных, чтобы множественность стала единством, и весь род людской обрёл бы успокоение. Он не действует, подобно разбойнику или ненасытному, использующему проступок в качестве предлога для захвата и неспособному успокоиться, не пролив кровь и не собрав груды богатств.

[Знаменательным событием] стало умиротворение волнений, связанных с *сьюргалами*¹² (освобождёнными от податей землями).

Многие уединённые страдали от своей бесправности, ибо земли их не были расположены в одном месте, и нередко их донимали сборщики податей или слуги землевладельцев. Помимо того, люди алчные и бессовестные местами дерзко прибрали к рукам земли. Различия в статусе земель они сочли возможностью для обмана и тем обрекли себя на вечную погибель. Справедливый Владыка Мира приказал не путать земли *Аима* с государственными землями и землями *джагиров*. Также он отменил множество уложений и каждому назначил особый *танхвах*¹³ на его земле. Даровитые мужи были отправлены в каждую область и каждый *саркар*, и воссияла справедливость. Благодаря священному повелению для уединённых зажглась лампада довольства, а недостойных привели на путь истины. Труд [этот выполнили] основательно, и мудрыми установлениями удалось оберечь подати, что есть высочайшая форма почитания [Господа] в мирском государстве. Свет справедливости осиял мир новым великолепием.

[Случилось великое] удивление поверхностных [людей] явленной Его Величеством способностью проникать в тайны. Как-то раз он услышал в своих личных покоях бой барабана. Хотя имеющие доступ [к Акбару] искали барабанщика, они не обнаружили ни следа его. С жемчужных уст сошли слова: «Что-то подсказывает мне, что это — восхитительное произведение Яр Мухаммада»¹⁴. В результате поисков убедились, что это действительно так. Подобные прозрения постоянно демонстрировались для наставления удачливых. Не проходило ни дня, чтобы он не читал письма людских сердец, словно это были надписи на портике. [Даже] если бы я удовольствовался записью лишь того, что мне известно, потребовалась бы отдельная книга — что же говорить о примерах для иных?

Примечания

К ГЛАВЕ 1

- ¹ Эта и следующая строки непонятны. Примечания редактора издания Лакхнау не разрешают трудностей. В его тексте строки поменяны местами, как и в данном случае.
- ² *Гошмахи* — букв. «рыбье ухо».
- ³ Согласно мифам, хамелеон обладает могучим зрением и может смотреть на солнце. Отсюда персидское *афтаб-парас* — солнцепоклонник.
- ⁴ Либо книга природы, либо религиозный труд. Возможно, подразумевается Коран. Кажется, Абу-л Фазл желает сказать, что хотя Бога и нельзя познать, всё же смертные находят в себе или других самое лучшее и воспринимают это как проявление Божественных качеств.
- ⁵ Труды уничтожили, бросив в воду.
- ⁶ То есть они применили «выразительное молчание».
- ⁷ Абу-л Фазл имеет в виду, что, увековечивая дела Акбара, также исполняет обязанность поклонения Господу.
- ⁸ Бог — независимое солнце, а Акбар — астролябия, которой его определяют.
- ⁹ Возможно, подразумевается, что Акбар собрал вокруг себя величайшие умы века. [Указание на так называемые «девять драгоценностей» — величайших музыкантов, философов, учёных при Дворе Акбара.]
- ¹⁰ Илия нашёл источник жизни, который Александр отыскать не смог.
- ¹¹ Букв. «от меня к мусору (или обломкам) океана дороги нет». Отрывок озадачил переписчиков, поскольку существует несколько его прочтений. В одной рукописи (Британский музей, Доп. 26, 27) находим *аз маудж ба* (от волны), а не *аз манта*.
- ¹² Возможно, *део-нафс* означает склонность к лени и отказу от цели. Язык этого предисловия сплошь натянут и туманен. [*Нафс* — в исламе «животная» душа человека, источник страстей.]
- ¹³ Или же «пусть разум и слова мои будут, как у них».
- ¹⁴ Первые строки цитируются у Бадауни (пер. У. Лоу, 363), как и начало оды Файзи. В честь завершения 30-го года [правления Акбара] Файзи написал *Хилафат* (Халифат), а Абу-л Фазл изменил его на *виладат* (рождение). Хотя буквальный перевод — «с рождения», имеется в виду «что касается рождения», то есть первые 30 лет жизни Акбара, которые пришлось на середину 17-го года его правления.
- ¹⁵ В тексте нет даты, но, по крайней мере, в трёх рукописях в «Indian Office» № 235, 236, 237 (каталог Г. Эте) перед словом Сулейман стоят слова «начало Абана», и то же самое в манускрипте Британского музея (Доп. 26, 207). Те же слова, по всей вероятности, были и в рукописи Чалмерса. Я уверен, что слова достоверны и очень важны, так как фиксируют дату смерти Сулеймана, относительно которой Г. Беверидж приводит только год. Строго говоря, смерть Сулеймана должна была войти во второй том, поскольку случилась 1 абана, а день рождения Акбара — 8 ида, и потому в некоторых манускриптах эта часть помещается перед *Хатимой*, или заключением. Но, возможно, Абу-л Фазл руководствовался датой, когда вести были доставлены Акбару, — 1 абана 980 г.х. (11 октября 1572 г.).

- ¹⁶ Мир Мухаммад, старший брат Шамс-ад-дин Атки.
- ¹⁷ В «Аин-и-Акбари» (пер. Г. Джарретта, II. 276) говорится, что он относится к Джодхпуре. У Ф. Гладуина — Бхадраджоон, а у Тифенталера (I. 308) — Тахаур ахун. И он совсем не упоминается в «Indian Gazetteer» или «Rajputana Gazetteer». Место указано в атласе первого тома «Indian Gazetteer» (ил. 34) и находится между Джодхпуром и Сирохи.
- ¹⁸ Вероятно, это храм Сарнешвар (Саранешвар), в двух милях от Сирохи, по пути в Эринпуре, описанный в «Rajputana Gazetteer» (III. 125).
- ¹⁹ Тахмасп был тогда жив, а Худабанда являлся лишь управителем Хорасана. См.: Г. Эллиот, V. 324. Утверждение, что Тахмасп также отправил посла, — неправильный перевод.
- ²⁰ Сын Мир Касима («Аин-и-Акбари», пер. Г. Блохманна, 406).
- ²¹ Так в тексте, но, без сомнения, это Диза в Гуджарате.
- ²² Вариант Соратх, скорее всего, верен.
- ²³ До смерти раджи Бхагвана он был всего *куар*. [*Кувар* — титул, который носили сыновья раджи.]
- ²⁴ В связи с юным возрастом. Тело его отца было явно всё ещё там. Его перевезли в Мешхед в 985 г.х. (1577 г.). Согласно «Маасир-и-рахими» (I. 381), его сначала отвезли в Дели.
- ²⁵ Так в тексте, но явно должно быть Чотана («Аин-и-Акбари», пер. Г. Блохманна, 518).
- ²⁶ «Аин-и-Акбари», пер. Г. Блохманна, 470. [Мир Абу-л Касим Намакин был из *сайидов* Герата.]
- ²⁷ *Кад* в Бароде.
- ²⁸ В тексте Ихтияр-ал-мулк, сын Машрики, но из «Табакат-и-Акбари» и «Икбал-наме» явствует, что Малик Маскрик или Малик Ашрак — верное имя и это совсем другой человек, не Ихтияр-ал-мулк. Малик Шарк или Ашрак упоминается в главе III как проводник Акбара. Его впоследствии сделали сборщиком [налогов] в Тханесаре, и о нём сообщает Бадауни (пер. У. Лоу, с. 223).
- ²⁹ *Футувай* имеет общее значение — великодушие. Возможно, имеется в виду, что если бы военачальники Гуджарата проявили покорность, то Акбар мог обойтись с ними великодушно.
- ³⁰ Этот отрывок объясняет Г. Эллиот (V. 343), где говорит, что военачальники Акбара относились к абиссинцам с подозрением и сообщили об этом Акбару, который приказал, чтобы вожди передали в руки доверенных слуг Двора.
- ³¹ Есть вариант Сахадж. Я не нашёл этого места. Согласно «Мират Ахмади», мятежи, упомянутые в следующем абзаце, разгорелись в Хаджипуре.
- ³² *Шукрана*. Это явно относится к размеру *пешкаша*, или подарков, преподнесённых каждым.
- ³³ В «Аин-и-Акбари» и «Табакат-и-Акбари» называется цифра 360. (См.: пер. Г. Джарретта, II. 240.)
- ³⁴ Конкретная дата не обозначена. Если, как обычно, то был день рождения Акбара, — это 5 раджаба, и всё произошло до того, как он прибыл в Ахмадабад.
- ³⁵ Он был правителем Джунагарха и [других земель]. Рассказ Абу-л Фазла о двух походах в Гуджарат необходимо сравнить с сообщаемым в «Табакат-и-Акбари» — в той части, где приводится история Акбара, и там, где сообщается о царях Гуджарата. Низам-ад-дин служил в Гуджарате, и его описание зачастую подробнее и точнее, чем у Абу-л Фазла. См.: Г. Эллиот (V. 360–70). Именно интриги Итимад-хана заставили

Акбара вмешаться в дела Гуджарата. Итимад сначала предъявил Музаффара, или Натху, и поклялся на Коране, что тот является сыном Султан Махмуда, а затем, когда Музаффар ушёл от него к афганцам (Шер-хан Фулади и другим), Итимад отказался от своих слов и написал, что Музаффар не был царским сыном

К ГЛАВЕ 2

- ¹ То есть в пятницу, 6 шаабана (12 декабря 1572 г.).
- ² В «Икбал-наме» вместо Сирии — Фаранг (Европа).
- ³ В «Табакат-и-Акбари», пер. Г. Эллиота, сказано, что Акбар покинул Ахмадабад в понедельник, 2 шаабана [980 г.х.] (8 декабря 1572 г.), а Ихтияр-ал-мулк бежал в Ахмаднагар и Идар 4-го числа того же месяца. Этот Ахмаднагар находился в Гуджарате примерно в 20 милях от Идара. См. «Мират Ахмади».
- ⁴ Предпочтительнее вариант Асофхани.
- ⁵ Это тот Рустам-хан, который так долго оборонял Броач. Из рассказа явствует, что Ибрахим умертвил его не только по причине нарушения союза.

К ГЛАВЕ 3

- ¹ В «Икбал-наме» упоминается Вазир Джамил, и, видимо, это имя верно. Это тот самый человек, который впоследствии стал предателем в Бенгалии.
- ² Есть вариант Вафа, а в «Икбал-наме» — Вафа Чела и Сарх.
- ³ В «Икбал-наме» — *дилаваран* (храбрецам приказали).
- ⁴ В тексте: *ду кас* — два человека, но в рукописях «Indian Office» № 236 и Британского музея Or 26, 207: *ду сих кас* — два-три человека, и я принял последнее прочтение.
- ⁵ *Лашкар-и-неш*. Должно быть, войско, что прежде выступило против мирз, и вернуть которое теперь послали Бахши Шахбаза. Об этом ещё раз говорится немного ниже.
- ⁶ В тексте Ашраф, но правильно — Ашрак.
- ⁷ Так в тексте, но это явно ошибка. У Эллиота (VI. 37) — Саканир, а у Берда в «Гуджарате» (310) — переправа Биакатур. Это явно река Махиндри или Махи, а место это, возможно, Ванканеер (Ванканир), отмеченное на реке Махи между Ахмадабадом и Бародой на карте к «Гуджарату» Бейли. В «Bombay Gazetteer» (VII. 539) упоминается город Васопура как место, где находится брод реки Махи. В оригинале «Мират Ахмади» есть слова: «река Махиндри у переправы Биканир».
- ⁸ Акбар говорит, что бой лучше вести днём, поскольку тогда людям будет стыдно убежать.
- ⁹ Сарнал, вероятно, означает «устье реки», и Абу-л Фазл обыгрывает эти слова, говоря, что это была вершина холма. Его нет на карте, и он, по всей видимости, исчез. В «Аин-и-Акбари» его называют *саркар* Ахмадабад.
- ¹⁰ В «Мират Ахмади» говорится, что гуджаратцы называют пересечённую местность *Котар*.
- ¹¹ Бадауни называет его Бхунпат и говорит, что он был сыном Бхагвана. В «Икбал-наме» его упоминают как сына брата Бхагвана.
- ¹² Заккум, или *euphorbia antiquorum*, или кактус.
- ¹³ Перевод рассказа Абу-л Фазла о сражении при Сарнале имеется в «Истории Индии» Г. Эллиота (VI. 37). В томе V (344) есть также перевод рассказа Низам-ад-дина об этой битве.
- ¹⁴ Формулировка в рукописи Британского музея (Доп. 27, 247) значительно отличается от данного текста и представляет собой совсем иной вариант. Там, как и у Низам-

ад-дина, говорится, что Шах Кули Махрам преследовал Гулрух пятьдесят косов, и хотя не поймал её, сумел захватить часть имущества. В том же манускрипте в начале главы приводится длинный рассказ о крепости Сурат и её строительстве Ходжа Сафаром (Худавад-ханом или Руми-ханом). Кажется, *чауканди* — это оборонительное сооружение, такое как башня, и португальцы выразили неодобрение относительно него, поскольку оно напоминало их собственные строения.

¹⁵ Сравни: «смешение её женских мыслей с мужским животом». II книга Маккавейская. С. VII. 21.

¹⁶ Согласно рассказу в рукописи Британского музея (Доп. 27, 247), Шахбаз-хан был избит палками таким образом, что не осталось следов. Кажется, первоначально Абу-л Фазл изложил именно этот рассказ, и его признаки просматриваются в выражении доброты и шутки под видом гнева. Шутка заключается в том, что побои не были жестокими.

К ГЛАВЕ 4

¹ Бадауни пишет, что он был телохранителем Хумаюна.

² В рукописи Британского музея (Доп. 27, 247) говорится, что Тодар Мал возвратился в течение недели и доложил о положении дел. В тексте присутствует некоторая путаница. Есть другой вариант в Доп. 27, 247. На самом деле Тодар Мал доложил, что взятие крепости — лёгкое предприятие, и Акбару не стоит лично в нём участвовать. По этому поводу Абу-л Фазл говорит, что действительно дело обстояло совсем не так: взятие крепости являлось сложной задачей, но Тодар Мал считал, что Акбар не должен ехать туда лично, потому как уже давно отсутствовал в столице, и имелось много важных дел, требующих его участия. Потому Тодар Мал положился на удачу войск Акбара, представив захват крепости легко выполнимым, хотя это было не так. Акбар согласился с доводами Тодар Мала, что он нужнее в другом месте, однако всё же решил лично отправиться в Сурат.

³ В тексте, без сомнения, *кулаби*, водоём, но в примечании к тексту говорится, что во многих рукописях указывается *Коли талао*, и то же находим в манускриптах Доп. 26, 207 и 27, 247. Однако правильное прочтение — *Копи*, то есть *Гопи талао*, и эти слова есть в нескольких рукописях. Гопи был индусом и основателем Сурата в конце XV века. Он хотел назвать город Сурадж или Суриапур, но мусульманский правитель Гуджарата предпочёл дать городу имя, как у глав Корана, а именно Сурат. Гопи вырыл водоём и выложил его камнем, дабы сделать основным украшением города. Место существует по сей день и зовётся *Гопи талао*, хотя ныне это всего лишь лощина, где разбит сад. См.: «Bombay Gazetteer», II. 70 и примечания. См. также: Дживанджи Джемшеджи «Парсы при Дворе Акбара». Бомбей, 1903. Примечания Дю Перрона. С. 186. *Гопипура* — пригород Сурата близ Салабатпура и Рустампура.

⁴ Использование слова *мифармаинд* показывает, что данное высказывание принадлежит Акбару. Предполагаю, что вместо *бисиари* нужно читать *ба бисиари*.

⁵ *Димна*. Абу-л Фазл явно использует игру слов, ибо хотя *димна* означает распорядителя или управляющего, всё же слово это в основном употребляется для обозначения хитроумных шакалов в Анвар Сухайли.

К ГЛАВЕ 5

¹ В тексте — Анджу. Это автор «Фарханг Джахангир». См.: Рью «Персидский каталог» (II. 496). О нём одобрительно говорится в журнале сэра Томаса Роу.

² Непонятно, сам ли Кутб-ад-дин нанёс удар.

- ³ Сын Кутб-ад-дина.
- ⁴ Наряду с информацией о Бухари-хане подробно рассказывается о битве. См.: Бадауни (пер. У. Лоу, 153–154).
- ⁵ В рукописи Доп. 27, 247 эта история преподносится в других словах, и слона зовут Барбир. Там говорится, что всё произошло после сражения, и когда забили барабаны радости, появился слон, и всадники тщетно пытались его поймать. Его поймали, лишь когда перестали бить барабаны.
- ⁶ Этот отрывок несколько отличается от Доп. 27, 247. Там ничего не говорится о непокорности Музаффара, присоединившегося к Хан Аазиму. Сообщается, что он вернулся в Ахмадабад 1 шаввала и прибыл в Сурат за два дня до Хан Аазима.
- ⁷ В Доп. 27, 247 (с. 242 б и 243 а) это интересное происшествие описывается иначе. Там приводится речь мнимых послов, и рассказ заканчивается словами, что Акбар принимал их милостиво, пока они находились у него. В «Гуджарате» Берда (с. 329) утверждается, что осаждаемые пригласили португальцев и предложили передать им крепость. См. «Мират Ахмади» (с. 124), где описывается интрига португальцев. Мой друг г-н Уайтуэй отослал меня к рассказу Диего да Кутто об этом периоде в его 9-й Декаде, Глава 13, с. 63 и далее, Лиссабон, 1786. Хронология Кутто неточная, и он не сообщает, когда конкретно были приняты послы. Однако я считаю, что посольство, описанное им как возглавляемое Антонио Кабралом и упомянутое Абу-л Фазлом, — одно и то же. Трудность приведения в соответствие утверждений — результат того, что Абу-л Фазл очень краток; временами он ошибается как от недостатка информации, так и от её избытка. Например, он говорит, что турецкие орудия были привезены в Сурат Сулейманом, в то время как имеет в виду, что Сулейман привёз их в Диу, а Сафар Ага уже переместил их в Сурат. Также он говорит о множестве христиан, приехавших в Сурат, в то время как на деле португальский наместник со своим флотом прибыл в Даман, дабы посмотреть, что можно извлечь из беспорядков в Гуджарате. Некогда они прибыли в Диу, чтобы помочь Бахадуру, и в результате захватили крепость. Также и теперь наместник, вероятно, надеялся провести подобную операцию, приехав в Сурат, чтобы помочь мирзам, а затем захватить крепость. Таким образом, он прибыл в Даман со своим флотом, предположительно по приглашению мирз, а затем, когда обнаружил, что Акбар слишком силен, изменил план и послал к Акбару в Сурат послов. Вполне возможно, как утверждает Кутто, Акбар ещё до этого направил послов к наместнику. Гарем Акбара находился с ним, и несколько его жён пожелали совершить паломничество в Мекку, а для этого необходимо было снискать дружбу португальцев. Вероятно, «мать» Акбара, о которой говорит Кутто, — это его мачеха Хаджи бегим, по всей видимости ездившая в паломничество в это время. Но это могла быть и Мириам-макани, родная мать Акбара. Гульбадан бегим также могла быть одной из участниц предполагаемого паломничества, так как известно, что она давно уже хотела туда отправиться, но смогла это сделать лишь через 2–3 года. Кутто приводит перевод *фирмана* Акбара от 18 марта 1573 г., через 10 дней после того, как Акбар уехал из Сурата. Возможно, он был пожалован в Броаче, где Акбар стоял лагерем по пути из Сурата в Ахмадабад. Кутто также сообщает, что в Камбее Акбара посетили португальские купцы, и он тогда облачился в португальский костюм и позволил португальцам поцеловать руку. Он говорит, что Акбару пришлось покинуть Гуджарат из-за лукиосов, которые создавали ему проблему на севере так же, как афганцы на востоке. Предполагаю, что лукиосы — это белуджи, хотя истинное беспокойство на севере Акбару доставлял Ибрахим Хусейн мирза. Согласно Абу-л Фазлу, именно белуджи со временем избавили Акбара от его врага, хотя Низам-

ад-дин и Бадауни говорят, что Ибрахим Хусейна убили джила. Изложение Кутто использовал Данверс в своём труде «Португальцы в Индии» (II. 4). Возможно, его лукиосы — это ланга, афганское племя, которое некогда правил в Мултани. Или это жители леса Лакхи.

К ГЛАВЕ 6

- ¹ Абу-л Фазл обыгрывает значение слова *фатх*, которое означает как завоевание, так и открытие. Ключ — это *мифтах*, производное от слова *фатх*.
- ² Подразумеваются четыре степени преданности, которыми должны обладать слуги Акбара.
- ³ Вариант Давлат присутствует в рукописях 27, 247, а также 26, 207 и у Бадауни.
- ⁴ *Забан бариданд*. Абу-л Фазл обыгрывает имя Хамзабан — подобный языку.
- ⁵ У Берда (322) их не доставляли в столицу.
- ⁶ Данный поход имел место в 1538 году. Турецкий султан, о котором говорит Абу-л Фазл, это Сулейман Великолепный, сын Селима [Сулейман I Кануни (1495–1566), турецкий султан в 1520–1566 гг.]. После смерти Бахадур-шаха он отправил войско и флот под командованием грека Сулейман паши. Тот подошёл к Диу 4 сентября 1538 г. и осадил его, но португальцы храбро оборонялись, и он прекратил осаду 6 ноября. См.: Уайтуэй «Расцвет португальского могущества в Индии» (с. 256, 265). Сулейман выгрузил на берег часть тяжёлой артиллерии и передал всё это Сафар-аге (Руми-хан, а также Худавад-хан). Сафар-хан отвёз орудия в Сурат. В Доп. 27, 247 — другая формулировка (с. 243 b и 244 a); там говорится, что часть орудий теперь в Джунагархе. Также утверждается, что турецкий поход оказался неудачным, потому что правитель Гуджарата считал турок более опасными, чем *фаринги* [европейцы], а потому объединился с последними и не снабдил турецкий флот провиантом.
- ⁷ В некоторых рукописях и у Бадауни — Бахарджио.
- ⁸ Придворный астролог (Г. Блохманн, 404, прим.).
- ⁹ Это была Нуруниса, которая впоследствии стала женой Джахангира. У Прайса («Джахангир», 21) она зовётся Шей Бегам. Возможно, это Нур Серай Махал, которая умерла на 15-м году правления Джахангира («Тузук-и Джахангири», 323).
- ¹⁰ Здесь утверждается, что численность конницы составляла 3000. См. рассказ о Баглане, известного также как Баглан («Bombay Gazetteer», XVI. 399). Это северное подразделение Насика. См. также отрывок из «Бадшах-наме» (Г. Эллиот, VII. 65) и «Гуджарат» Берда (122 и прим.). Доход Багланы, по утверждению Абу-л Фазла, составлял около 162 500 рупий.
- ¹¹ *Хамсир* — вероятно, противники.
- ¹² Абу-л Фазл явно имеет в виду, что внешняя сторона мирской жизни была неприятна Акбару. Я не думаю, что Абу-л Фазл хочет сказать, что Акбар находился в состоянии опьянения. Слова *нишах-и-захир* у него означают видимость, как, например, в тексте III. 43, где эта фраза вкладывается в уста самого Акбара. *Ниша* также означает опьянение.
- ¹³ В «Икбал-наме» Акбар говорит, что два раджпуты, совершившие самоубийство таким образом, были соперниками и состояли в кровной вражде. У него не было противника и кровного врага (*хам-сир у хамхашм надарим*), и потому он померяется силами с мечом. См.: «Мират Ахмади», 125.
- ¹⁴ В «Мират Ахмади» говорится, что он был братом Сайид Абдаллах-хана (465). Вероятно, это Сайид Музаффар, который упоминается в письме Акбара к священникам Гоа.

- ¹⁵ Бадауни говорит, что крепость поручили сыну Кулиджа.
- ¹⁶ Как было отмечено ранее, Доп. 27, 247 имеет значительные расхождения с другими рукописями. В ней говорится, что послы *фаринги* [европейцев] испросили дозволения осмотреть крепость Сурат после её взятия, а на с. 244 б приводится история Акбара, который в опьянении бросился на Шахбаз-хана с кинжалом, потому что тот отказался участвовать в групповом пении. В «Табакат-и-Акбари» говорится, что Акбар приехал в Ахмадабад в последний день зу-ль-каада (3 апреля 1573 г.).

К ГЛАВЕ 7

- ¹ Эти строки — компиляция из «Махзану асрар» [«Сокровищница тайн»] Низами. Первые две строки встречаются в издании Бланда (с. 23, строка 609) [Низами Гянджеви. Собрание сочинений в трёх томах. Том 1. Баку: «Азернешр», 1991. Перевод с фарси К. Липскерова. С. 231, строки 27, 28], следующие четыре — с. 32, строка 598 и т.д. [с. 231, строки 3, 4]. Однако у Бланда вместо *гул* стоит *кисса дил*. Следующие две — строка 595 [с. 230, строки 27, 28], затем ещё две — строка 599 [с. 231, строки 5, 6], но у Бланда *аз дар-и-гул* вместо *бар-и-гул* и *сип-ас* вместо *сатаиш*. Две последние строчки находятся на с. 33, строка 621 [с. 232, строки 23, 24]. Летописцы сада [в переводе — «Сад указ разгласил»] — это птицы. Соловей, очевидно, предопределил смерть вороны или ворона из-за карканья.
- ² На предыдущих страницах «Акбар-наме» нет прямого упоминания, что Чингиз был убит. Есть только ссылка на его смерть в рассказе о Шараф-ад-дине. Рассказ об убийстве Чингиз-хана есть также в «Тарих-и-Акбари» — в конце главы о царях Гуджарата.

К ГЛАВЕ 8

- ¹ Идаль-Адха празднуется 10 зу-ль-хиджжа. [Праздник жертвоприношения — иначе Курбан Байрам.]
- ² В «Indian Gazetteer» это Хайбатпур и утверждается, что Акбар прибыл туда 18 зу-ль-хиджжа. Хан Азам покинул там Акбара. Сидхпур, однако, представляется верным прочтением. Он находится в Бароде. См.: «Bombay Gazetteer» (VII. 616). Расположен в 64 милях к северу от Ахмадабада.
- ³ Г. Блохманн (502, 532). [В комментариях к «Аин-и-Акбари» упомянуты два человека с именем Раджа Гопал.]
- ⁴ [В «Аин-и-Акбари» упоминаются Бходж Бхадаурия, Бходж Хада и Бходж Радж.]
- ⁵ Имеется в виду рана Удайпура. О результатах поездки Ман Сингха сообщается позднее. *Заминдаром* Идара был Нараин Дас Ратор.
- ⁶ Сын раджи Бхагван Даса.
- ⁷ Это была жена Акбара и мать Джахангира.
- ⁸ В тексте *валад*, сын, но это ошибка. Мир Гиас-ад-дин — ещё одно имя Накиб-хана, он был сыном Абд-ал Латифа.
- ⁹ Также зовётся Кахтоли или Катхоли.
- ¹⁰ Г. Блохманн (419) упоминает некоего Хангара, который был *заминдаром* Большого Качча, но Хангар, подразумеваемый здесь, — это племянник раджи Бхагвана. См.: Г. Эллиот, V. 364.
- ¹¹ Его бывшее земельное владение.
- ¹² Это Хусейн-хан Туркия. Рассказ об осаде Нагаркота более полно приводится Низам-ад-дином и Бадауни. См.: Г. Эллиот, V. 356 и Бадауни.
- ¹³ В землях Эта.

- ¹⁴ Должно быть, это тот же человек, которого ниже называют Гопи Чанд.
- ¹⁵ В тексте: *наярра фарахтар сахта* — иметь широкое представление, но в рукописях «Indian Gazetteer» смысл отрывка показывает, что пропущено отрицание, и прочтение должно быть *насахта*. Поскольку Хан Джахан тяжело трудился, он не мог иметь широкого представления и понять, что крайне важно опередить Ибрахима.
- ¹⁶ Под военачальниками здесь подразумевается сам Хан Джахан и те, кто к нему присоединился. Вероятно, имеется в виду: «Каждый понесёт свою ответственность за содеянное».
- ¹⁷ В тексте это Палта. В Доп. 26, 207 — Таламба.
- ¹⁸ Бадауни говорит, что мирза сменил платье и укрылся в доме дервиша, который выдал его Саид-хану. Ибрахим был ранен в горло.
- ¹⁹ В Джайпуре.
- ²⁰ Или Баджуна, я точно не определил, что это за место.
- ²¹ Придворный астролог.
- ²² Святой из Фатхпур Сикри, в честь которого назвали Джахангира.

К ГЛАВЕ 9

- ¹ *Худаванд-и-а'алм-мубаракбади*. Полагаю, что выражение используется для обозначения отца Абу-л Фазла Мубарака. Мубаракбади — это обыгрывание его имени. Послание из духовного мира гласило: он должен сообщить правоверным, что Акбар так возвеличен земными победами, дабы мог стать их духовным [вождём].
- ² Слово *ма* пропущено в рукописях Британского музея Доп. 27, 247 и 26, 207. В рукописи Индийского отдела стоит слово *бама* — нам, которое, вероятно, является верным. Это провозглашение Мубарака было, по всей видимости, прелюдией к знаменитому декрету, который он подготовил, в то время как там говорится, что Акбар выше, чем *муджтахид*, и обладает правом разрешать религиозные вопросы. Стоит помнить, что Мубарак составил этот документ в 987 г.х., то есть через шесть лет после оглашения он добавил туда утверждение, что уже несколько лет шёл к этой цели.
- ³ Вероятно, эти шкуры принадлежали 200 коровам, которых, по словам Низам-ад-дина, принесли в жертву в храме близ Нагаркота.
- ⁴ В «Тарих-и-Акбари» приводится более подробный рассказ об этих событиях, чем в «Акбар-наме». Низам-ад-дин говорит, что глаза Масауда «были защищены», но Акбар сделал так, чтобы они открылись. Он также освободил многих пленников, а остальных передал тюремщикам.
- ⁵ См.: Г. Эллиот, VI. 42. Он, кажется, прочёл это слово, как *кхадр* (предательство), но в рукописи стоит *узр*, что правильнее. Ман Сингху велели привезти *рану* ко Двору, но последний постеснялся туда приехать и отложил визит. Эрскин в переводе «Бабур-наме» (Доп. 26, 621) прочёл слово, как *узр*, то же находим и у автора «Икбал-наме».

К ГЛАВЕ 10

- ¹ Вероятно, Мукум Накшбанди.
- ² [Трижды упомянут в «Аин-и-Акбари».]
- ³ Он был сыном Ходжа Хованд Доста.
- ⁴ Блохманн, 346. [Мирза Юсуф-хан Разави из Мешхеда.]
- ⁵ Блохманн, 388. [Брат Саид-хана. Служил под началом принца Салима.]
- ⁶ *Джамаза*. Согласно Абу-л Фазлу, так звали верблюдицу Акбара, но слово имеет арабское происхождение.

- ⁷ Камангардани — верблюд, но буквально означает кого-то со склонённой головой. В двуступиши обыгрывается двойное значение слова.
- ⁸ Тода Бхим, в 70 милях к западу от южной окраины Агры (Эллиот, V. 362, прим.) и, следовательно, в 50 милях от Фатехпур Сикри. Находится в районе Джайпура. Место, где родился Бадауни.
[Ханс Махал расположен в 6 км от Сикандры.]
- ¹⁰ Мозабад указан на карте в «Гуджарате» Бейли, в 30 милях к юго-западу от Джайпура (Эллиот). Низам-ад-дин называет это место Мозабад или Морабад.
- ¹¹ *Буранг-и-гардан*. *Буранг* означает часть неба, где видна южная Полярная звезда. Но, вероятно, слово означает ржавчину или темноту, и подразумевается, что небеса изменили цвет или колёса покрылись грязью. *Ранг* также имеет значение «купол», так что может иметься в виду небосвод.
- ¹² Аджмир расположен в 26 милях от Агры и в 200 милях от Фатехпура, откуда начал свой путь Акбар. В «Тарих-и-Акбари» говорится, что он отбыл утром.
- ¹³ У Эллиота Низам-ад-дин говорит, что в ночь отбытия Акбара из Аджмира светила яркая луна, но такого не могло быть в конце лунного месяца, и Низам-ад-дин имеет в виду, что Акбар ехал всю ночь — «как луна», *камрвар*.
- ¹⁴ То есть он присоединился к ним там. Авангард всё ещё был впереди, но эти люди сделали привал. См.: Эллиот, V. 36.
- ¹⁵ Мерта в «Indian Gazetteer», в Джодхпуре.
- ¹⁶ *Мах-и-джумада-аль-авали*. Имеется в виду первый день месяца. Это было 29 августа 1573 г. [1 джумада-ал-аввала 981 г.х.].
- ¹⁷ Сын Бахшу Ланга, который помог Хумаюну бежать от Шер шаха.
- ¹⁸ В тексте Маияна, но Низам-ад-дин предлагает вариант Балисана. Балисана упоминается также и в «Indian Gazetteer» как судебное подразделение Бароды. В «Bombay Gazetteer» даётся вариант Баласинор. Однако, я думаю, правильным прочтением является Майсана, то есть Месина в «Indian Gazetteer», что в 43 милях к северу от Ахмадабада. Но это в пяти *косах* от Паттана.
- ¹⁹ Племянник раджи Бхагван Даса.
- ²⁰ Араш был известным лучником на службе у Манучехра.
- ²¹ Или Кади.
- ²² Эллиот называет его Ролия. В Доп. 26, 207 — *алия мулазим*, то есть слуги, а в Доп. 27, 247 — *макарибан мулазим*. У Эрскина — Рао Лиан.
- ²³ В тексте: *кила гири* — оборона крепости. Но в Доп. 26, 207 — *кила кари* — крепость Кари, что мы также встречаем и у Эрскина. Вероятно, это правильный вариант.
- ²⁴ Брат Мухаммад Юсуфа.
- ²⁵ Эрскин в своём переводе даёт комментарии по поводу числа индусов в этом списке. № 25 Хар Дас встречается в некоторых манускриптах, как Патр Дас (Блохманн, 469). № 27 также называют Миян Лал (Блохманн, 612 и прим. 4). Он был музыкантом, и вероятно, ряд остальных индусов — обычные граждане. *Санвал* или *санвала* — это, возможно, художник. В Музее Виктории и Альберта, Южный Кенсингтон, в рукописи Кларка, есть рисунок битвы при Сарнале его работы. Тара Чанд, возможно, тоже художник.
- ²⁶ Рупси был дядей Бхагвана по отцу.
- ²⁷ Момент для посадки на коня был благоприятным. Будет упомянуто, что Акбар не сразу на него вскочил. Он сел на него уже в пути, когда, вероятно, наступил благоприятный момент. В Доп. 27, 247 стоит *боз байза* — чалая лошадь (?). Эрскин переводит отрывок о первом предзнаменовании, как «обычная езда на такой лошади»,

и вполне возможно предположить, что Бхагван имел в виду какую-то особенность лошади, тем более что Абу-л Фазл только что привёл её имя.

К ГЛАВЕ 11

- ¹ Подвиг Акбара, который можно считать лишь быстрой ездой, не идёт в сравнение со скачкой полковника Таунли из Белграда в Константинополь, когда тот проехал 820 миль за 5 дней и 11 часов, «непрерывно борясь с ветром, дождём и грязью и два раза упав». См.: заметка Гранта Даффа из «Дневника», 1889. С. 8. Однако [следует учесть, что] Акбар вёл за собой войска.
- ² Видимо, означает, что они были прирождёнными предателями.
- ³ *Каргах* — фабрика или мастерская.
- ⁴ В издании Лакхнау вместо *карад* — *кару*, то есть паутина.
- ⁵ Видимо, имеются в виду основные силы войска Акбара, в отличие от его личной свиты.
- ⁶ Очевидно, это имя, и так его трактовали издатели «Указателя», с. 63. *Чарани* — племя в Гуджарате, родственное бхатам. Одной из их обязанностей было затягивать во время битвы хвалебную песнь, и, очевидно, именно это Хапа и сделал. См.: Т. II. С. 249, рассказ о *чаранах*. В «Воспоминаниях» Джахангира (пер. Прайса, с. 50) говорится, что Шах Кули Махрам и Хусейн Кули Туркаман произнесли, что пришло время напасть.
- ⁷ Согласно Бадауни, в тот день это был боевой клич Акбара. Он означает «Друг помогающий», однако я полагаю, что Акбар употреблял его по отношению к своему святому — Муин-ад-дину из Аджира. Возможно, этим и объясняются слова «Аджири, аджири», которые затем твердил Саиф Кока.
- ⁸ Пониманием этой строки я обязан Маули Абд-ал Хак Абиду: согласно его пояснению, смысл в том, что облако пало духом, узрев блеск мечей. Это гиперболический парафраз, означающий, что сверкание мечей превзошло тьму туч.
- ⁹ Полагаю, что это арабское слово *кахака* — шум, и значение, видимо, «шум или свист ракет». [В английских трудах XIX в. именуется также *баан* или *наади*, *кашак баан*. Ракеты имели 15–25 см в длину и могли преодолевать расстояние до 1 км. Взрывались при ударе о преграду. Заряд составлял до 0,5 кг пороха.]
- ¹⁰ Это не Ман Сингх *куар* [из рода Качваха. Ман Сингх Дарбари упоминается лишь дважды.]
- ¹¹ Думаю, имеется в виду, что они были в такой ярости, что дрались даже зубами и тем самым раздирали свои раны.
- ¹² Видимо, Абу-л Фазл использует двойное значение слова *фирузи*, которое означает и победы, и голубой цвет бирюзы. *Бихрус* — голубой хрусталь. Мне не известен цветок с названием *шакаикбахрузи*, однако полагаю, что он может означать голубой анемон или тюльпан.
- ¹³ Полагаю, что значение этого фрагмента объясняется у Бадауни (пер. У. Лоу, с. 170), где сообщается, что боевой клич Акбара в этот день звучал: «Яр Муин», то есть «Друг помогающий». Однако святым покровителем Акбара был Муин-ад-дин Чишти из Аджира, и нет сомнений, что Акбар имел в виду именно его. В рассказе Абу-л Фазла об этом факте также упоминается. Поэтому клич «Аджири, Аджири» я считаю трансформацией фразы «Яр Муин», приведённой Абу-л Фазлом. Как будет рассказано, Бадауни говорит дважды о кличе «Яр Муин», на с. 170 и 171. Помимо того, он сообщает, что Саиф Кока нырнул в водоворот битвы и погиб в тот момент, когда зазвучал клич.

¹⁴ Карана.

¹⁵ Ибрахим Хусейн скончался из-за раны в горло.

¹⁶ У Бадауни, III. 43, приведён пространный рассказ об этом святом, которого он называет Миян Ваджих-ад-дин Ахмадабади. По его словам, тот был сторонником Мухаммад Гауса и скончался в 998 г.х. (1590 г.). Джахангир описывает своё посещение его гробницы. См.: «Тузук-и Джахангири», 211.

К ГЛАВЕ 12

¹ В «Аин-и-Акбари», II. 254 — Саталпур. Вариант — Ситпур, и это подтверждается «Икбал-наме».

² «Аин-и-Акбари», II. 254 — Баднагар. В «Икбал-наме» — Баднагар. Расположен к западу от Идара и Дунгарпура и помечен как Бурнугтар на карте Гуджарата Бейли.

³ «Аин-и-Акбари», II. 267 — Бхакар. Лежит на границе с Аджмиром.

⁴ В издании Лакхнау — сына заминдара, а в «Аин-и-Акбари», I. 333, он назван Амр и представлен сыном заминдара или раны Идара; однако представляется, что в действительности это был сын раны Кика. См.: «Аин-и-Акбари», II. 269, где он описывается как преемник Партаба.

⁵ Абу-л Фазл описывает его как необычно ревностного индуса: он [якобы] ел исключительно зерно, которым испражнилась корова.

⁶ Видимо, смысл этого фрагмента в том, что Шамс-ад-дин записал историю похода или деяний Музаффар-хана. Абу-л Фазл вновь обращается к нему при описании восстания в Бенгалии и обстоятельствах поражения Музаффара.

⁷ Вероятно, Дхуб или Дхуп — ошибка вместо Дохад, хорошо известного местечка на границе между Мальвой и Гуджаратом, название которого, как говорят, происходит от этого [?] обстоятельства. В этом случае произносить следует Дохад. Оно известно как место рождения Аурангзеба («Хафи-хан», I. 296). В «Аин-и-Акбари», II. 256 это называется Дход, а в «Indian Gazetteer», XI. 366 — Дохад. В письме XXXI, 35, пер. Джамшеда, Аурангзеб называет его местом своего рождения.

⁸ В тексте: *джиз аин бадил намирасид*. Однако в тексте рукописи Министерства по делам Индии и издательства Каунпора стоит *чиси бадил намирасид*, и это я счёл верным вариантом. Реформы Акбара являлись радикальными и были сопряжены с большими страданиями. Шахбаз-хан ввёл клеймение, и оно единственное пережило прежние установления Ала-ад-дина и Шер шаха.

К ГЛАВЕ 13

¹ *Ан хама акл акила шуд*. В «Гияс-ал-Агат» одно из значений слова *акила* — верёвка, путы. *Акила* также означает уединённую, или застенчивую, женщину — возможно, смысл в том, что разум Луди уединился — [покинул его].

² В «Икбал-наме» — Яр Хусейн Тавачибаши.

³ Тирмохини. Сару — другое название Гогра. Тирмохини протекает близ Чапра. Хотя её название означает «три устья», однако в действительности она образована слиянием лишь Гогра и Ганга. Джамна впадает в Ганг только около Аллахабада. Именно на этой Тирмохини, в лагере Бабура, Хонд Амир закончил свой труд «Хабиб-ас-сияр».

⁴ Возможно, речь идёт о Чаненде или Чораненде в «Аин-и-Акбари», II. 156, или это Кот в *саркаре* Рохтас.

⁵ В «Табакат-и-Акбари» речь идёт о Джалал-хане Крори.

⁶ Девять небес. Акбар взвешивался дважды в год. Здесь рассказывается о большом, или солнечном, взвешивании, происходившем обычно 1 абана.

К ГЛАВЕ 14

- ¹ То есть жизнь — священна, и её нельзя откинуть похода.
- ² В «Икбал-наме» отмечается, что принцу тогда было четыре года, четыре месяца и четыре дня.
- ³ *Харуф-и-абджад*. Буквы *абджад* — буквы, имеющие численное значение, но здесь означают обычный алфавит.
- ⁴ Здесь, а также в «Аин-и-Акбари», II. 243, это означает, что Хаджи бегим была дочерью дяди Хумаюна (по материнской линии). Однако не исключено, что *валида* — лишний элемент, и тогда это означает, что она приходилась дочерью дяди Хумаюна по материнской линии. Иными словами, являлась его двоюродной сестрой. Именно так Г. Блохманн («Аин-и-Акбари», I) понял их родство. У него стоит *тагаи зада-и-валида-и-Джаннат ашияни* — я полагаю, это тоже означает дочь дяди Хумаюна по матери. Хаджи бегим была захвачена при Каузе, затем Шер шах её освободил и вернул Хумаюну. Она доказала свою любовь к Акбару и своё уважение к придворному этикету, попробовав какое-то лекарство, прежде чем предложить его Акбару. Мириам-макани беспокоилась, однако из почтения к Хумаюну боялась сказать что-либо старшей жене. Предположительно Хумаюн в это время где-то воевал. Хаджи бегим приходилась дочерью Ядгар Тагаи. Она отправилась в Мекку в начале 972 г.х. (1564 г.), а вернулась в 975 г.х. Если Абу-л Фазл не ошибается, а я понял его правильно, Хаджи бегим — кузина Махам бегим, жены Бабура, которая была дочерью её [Хаджи бегим] дяди по материнской линии Ядгар Тагаи. Тогда Хумаюн являлся её [Хаджи бегим] двоюродным племянником.
- ⁵ Раджа Мадхукар Бундела из Ундка [Орчи].
- ⁶ Он был сыном от второй жены Ходжа Ходжаки, старшего сына Ходжа Ахрара. См.: «Хазина-ал-асфийа», I. 597.

К ГЛАВЕ 15

- ¹ Это в четырёх *косах* от Фатхпура.
- ² «Аин-и-Акбари», I. 483. Там говорится, что Рам Дас стал *наибом* Тодар Мала на 17-м году. По всей видимости, это произошло на 18-м году, и представляется, что он был назначен *диваном*, хотя слуги Тодар Мала остались.

К ГЛАВЕ 16

- ¹ Аллюзия на множество лепестков розы.
- ² *Шах* — ветка, также значения «цибетин» и «виверра» («Аин-и-Акбари», I. 79). Однако строка эта мне непонятна. Возможно, *шах* означает здесь ветку, а не *цибетин*, а *изафат* должен находиться между *гул* и *имама*, а не между *ната* и *гул*. Значение примерно такое: «Ветвь бросила на ковёр — то есть землю — покров розы» — осыпала землю лепестками.
- ³ Вариант — Сирьяни. Возможно, это Сарвар в «Аин-и-Акбари», II. 273.
- ⁴ В «Икбал-наме» — Кох-Корина. Возможно, второе слово образовано лишь по принципу созвучия, или же оно может быть связано со словом *каур* — местностью, полной ущелий.
- ⁵ Другой вариант — Матхра, а в «Икбал-наме» стоит Мачва или Махатва. Возникает вопрос: не Махевах ли это в «Аин-и-Акбари», II. 276? Очевидно, здесь Сиванах — ошибка, так как войска двинулись туда после описываемого далее сражения.
- ⁶ В «Rajputana Gazetteer», II. 232, Чандар Сен назван вторым сыном Малдео; там сообщается, что он погиб близ Сиванаха, однако в «Акбар-наме» этот факт не

- находит подтверждения. Это утверждение принадлежит, по всей видимости, Тоду — «Раджастан». Смерть Чандар Сена он датирует 1584 г. Старшим сыном Малдео был Удай Сингх по прозвищу Толстый раджа, см.: «Аин-и-Акбари», I. 429. Его сестра — Джодхбаи, жена Джахангира и мать Шах Джахана.
- ⁷ У этих ворот торговали рабами и скотом.
- ⁸ «Аин-и-Акбари», III. 443. Интересно сравнить рассказ Абу-л Фазла о его душевных терзаниях с рассказом Имад-ад-дина об обращении в христианство. См.: его автобиография, английский перевод: London, Church Missionary House, 1885. Отрывок его приводится у Гарсина де Тасси в его «Истории литературы Индостана», II. 14.
- ⁹ То есть его успех ослабил дух самосовершенствования, ибо он застыл в созерцании собственных способностей и достижений.
- ¹⁰ Здесь автор переходит к первому лицу.
- ¹¹ В переводе этого пассажа биографии Абу-л Фазла (с. XII) у Г. Блохманна — «отшельники Ливана». В тексте — слова *муртазан-и Лубнан*; возможно, имеются в виду *носаири*, или последователи Али [другое название — *ансаири*].
- ¹² В тексте — *йогиян*, однако есть вариант *лабхаи*, что является искажением *ламаха*.
- ¹³ Абу-л Фазл начинает рассказ о себе в третьем лице, а заканчивает в первом. Лучший комментарий к этому отрывку можно найти в третьей книге его писем, под заголовком «Хутбу-и-каджкал бузурк» — «Рассказы о чаше великого нищего», с. 265 литографического издания Невал Кишора. Там он рассказывает о себе схожим образом. На с. 266 сообщает, что, в отличие от большинства людей, достиг разумного возраста в пять лет, а к пятнадцати годам понимал все обычные науки. Затем провёл десять лет в беседах и дебатах. Но это лишь увеличило его самонадеянность. Его душа отвернулась от радости учения и восхищения учеников, и он обратился к религиозной жизни. После этого описывает свои семь рождений примерно так, как делает это в «Акбар-наме». Абу-л Фазл родился в начале 958 г.х. (или 14 января 1551 г.) и был представлен Акбару во второй раз на 19-м году царствования (982 г.х.), когда ему шёл 25-й год. Его первое представление произошло несколькими месяцами раньше.
- ¹⁴ *Арбаб-и-саху-у-исахаб-и-сакр* — владыки рассудительности и повелители хмеля, что означает людей рациональных и страстных — суфиев. Ср. рассказ Дара Шикоха в «Сафина-ал-аулийя» о знаменитом мистике Хусейн Мансур Халладже, где он называет его Сахиб-и-сакр.
- ¹⁵ Имеется в виду, что его отец отошёл от жизни в миру.
- ¹⁶ Думаю, подразумевается внешнее положение Абу-л Фазла, а не его отца.
- ¹⁷ *Барадаран гарами*. Думаю, это почётное множественное число, и это почтение относится исключительно к Файзи, и Г. Блохманн именно так это и понял. Однако у Абу-л Фазла имелись и иные братья, хотя и младше его, и их, возможно, он тоже имеет здесь в виду. Или же двоюродных.
- ¹⁸ *Худаи маджази* — явленный Бог, то есть отец Мубарака.
- ¹⁹ Название 256-го аята второй суры Корана. У Бадауни сказано, что, по словам многих, этот комментарий принадлежал в действительности Мубараку.
- ²⁰ Далее описываются вторая беседа Абу-л Фазла и презентация им второго трактата, главы, посвящённой Победе. См.: «Аин-и-Акбари», XI и XII, где упоминается о том же. Там же можно найти парафраз рассказа Абу-л Фазла о его молодости. См.: «Аин-и-Акбари», III. 443–445, более подробный рассказ о ранних штудиях автора.
- ²¹ «Аин-и-Акбари», I. 279. Однако там сказано, что звери были вырезаны на корме. В тексте — *сир*.
- ²² «Аин-и-Акбари», I. 346. Фиришта упоминает, что тот женился на дочери мирзы Аскари.

К ГЛАВЕ 17

- ¹ Доводы, при помощи которых Абу-л Фазл защищает неугомонность Акбара и его постоянные притязания на чужие территории, интересны, но малоубедительны.
- ² В «Аин-и-Акбари» *мустауфи* именуется заместителем дивана. Очевидно, это не был раджа Бхагван Дас Качваха.
- ³ В «Икбал-наме» добавлено имя Файзи.
- ⁴ Этот случай более подробно описан в «Табакат-и-Акбари».
- ⁵ Означает в основном шатры женщин.
- ⁶ В тексте — Куди. Это река Гумти. Сайидпур — это Саидпур в «Indian Gazetteer», XXI. 384. Он расположен в округе Газиपुर.
- ⁷ Он был сыном Абд-ал Латифа из Казбина и вместе с братьями принимал участие в походе. Впоследствии обрёл случайную смерть от руки своего брата Накиба во время игры в поло. «Акбар-наме», III. С. 173. Бадауни упоминает о его прекрасном голосе (II. С. 230).
- ⁸ *Китаб-и-ишкийя*. Есть вариант *ишика*, который также встречается в «Икбал-наме». Возможно, какая-то книга имела такое заглавие. Д' Эрбело упоминает две *Китаб-и-ишки*, одна из которых приписывается Аристотелю. Возможно, имеется в виду *диван* Ишки-хана. См.: Бадауни, III. С. 277.
- ⁹ В стихе описывается человек, неудовлетворённый или скорбящий посреди избытка.
- ¹⁰ В *саркаре* Джаунпур.
- ¹¹ У Бадауни, с. 179, сказано, что она находится при слиянии Ганга и Гумти.
- ¹² В «Аин-и-Акбари», I. С. 421, и издании Лакхнау вместо Патна стоит Татта. О сдаче крепости Бхаккар см.: «Тарих-Маасуми», Мале, 146.
- ¹³ В «Тарих-Маасуми», Мале, 146, говорится о том, что Самия бегим относилась с великой жестокостью к больным, покидающим Бхаккар.
- ¹⁴ О деяниях Мир Гесу см.: Эллиот, I. 241. Он был человек буйного нрава, и впоследствии его убили собственные солдаты в Мирте. Схожая судьба постигла его преемника — Итимад-хана.
- ¹⁵ Возможно, означает лишь, что он вёл войско.
- ¹⁶ В тексте — Барджпур.
- ¹⁷ Из «Табакат-и-Акбари» можно узнать, что войскового *кази* (судью) звали Якуб.
- ¹⁸ Это Шейх Яхья, отец Шараф-ад-дина. См.: «Аин-и-Акбари», III. С. 370, где Абу-л Фазл приводит краткую биографию Шараф-ад-дина.
- ¹⁹ Восьмой из орденов Индии. См.: «Аин-и-Акбари», III. С. 354 и 356.
- ²⁰ Абу-л Фазл упоминает об этом труде в начале третьего тома «Инша», и, видимо, он редактировал этот труд. Писания Шараф-ад-дина Акбар очень любил.
- ²¹ В тексте — Султан Махмуд, но это явная ошибка, если имеется в виду Махмуд Газнави. Поэтому я принимаю вариант, что Шараф-ад-дин скончался в 781 или 782 г.х., то есть 1379–1380 гг., а Мухаммад Туглак умер в 1351 г.
- ²² То есть Низам-ад-дину Аулийя («Аин-и-Акбари», III. С. 365).
- ²³ *Ниябат*. Видимо, титул ему обеспечило его наместничество.

К ГЛАВЕ 18

- ¹ Если рассказ Абу-л Фазла верен, то те здания находились в это время в состоянии консервации. Ныне от них остались лишь кучи земли и камня. Недавно там велась раскопки под руководством д-ра Уодела.
- ² Означает, видимо, что показались посланные Акбаром корабли, и флотилия противника обратилась в бегство.

³ Возможно, Гази-хана Таннури.

⁴ *Шашиербаз*.

К ГЛАВЕ 19

¹ Последний афганский царь в Дели.

² Абу-л Фазл говорит, что его проступок явился одной из причин Бенгальского мятежа. Он был *аткой* Салимы бегим (Баязид, 91 а).

³ В тексте третий и четвёртый человек представлены как одно лицо, то же происходит и с номерами 18 и 19. В издании Лакхнау номер 19 вообще отсутствует. Этот человек, вероятно, двоюродный брат Накиб-хана, что упомянут у Г. Блохманна (449) и который у последнего описывается под № 155.

К ГЛАВЕ 20

¹ У Г. Джарретта (II. 155 ?) — Козрах. Это также может быть Гунасагар, упомянутый в рукописи Бучанана в рассказе о Телиагархи (?). В тексте это *кунч* или *конч*.

² В тексте Тибли, но есть вариант *нили*, хотя это явно Тели, имя раджи или его касты, владевшей Гадхи до того, как туда пришли мусульмане. См.: Г. Джарретт (II. 116 и прим. 1), а также в манускрипте Бучанана из Индийского отдела — место о Бхагалпуре, с. 230. Отрывок из рассказа Бучанана о Телиагархи я приводил в «National Magazine» (Калькутта) за январь 1894 г., с. 2. Раджа принадлежал к касте москательщиков. В томе о Бхагалпуре Бучанан говорит в главе о *тхана* Файзулагандже, что он видел руины крепости Дхархара. По местной традиции она принадлежала радже Хетаури, прозванному Гаурмардан, у которого была очень умная дочь по имени Бидья-Билас. Она решила, что выйдет замуж лишь за того, кто умнее её. В итоге какой-то нищий ответил на все её вопросы и женился на ней. Но вскоре Кали убила его и всех жителей, кроме одного москательщика, которому богиня и отдала во владение эти земли. Бучанан также упоминает глубокий водоём в окрестностях, известных как Гунасагар. См.: «Indian Gazetteer», статья Телиагархи. В «Сияр-аль-мутахарин» есть примечание переводчика о Гархи, в котором говорится, как крепость была сожжена маратхами в 1740 г. Мир Джамла сделал то же за век до этого, и теперь Абу-л Фазл нам сообщает, что перевал использовался в XVI веке.

³ Он совершил *сиджда*.

⁴ Это явно Сикандарпур у Г. Джарретта (II. 120), расположенный в *саркаре* Джаунпур.

⁵ В «Аин-и-Акбари» (Г. Джарретт, II. 120) Абу-л Фазл говорит, что разделение имеет место у Казихаттаха в *саркаре* Барбакабад.

⁶ Случай произошёл в Джаунпуре. Он явно умер во время своего путешествия по воде в обществе Акбара из Джаунпура в Лакхнау. В «Икбал-наме» также говорится, что он умер в Джаунпуре.

⁷ В районе Этаха. Это родина и *джагир* Хусейн-хана. В тексте Бетали, но есть верный вариант Паттали, но это, безусловно, не Паттала, а другое место.

⁸ См. рассказ Бадауни (187), который говорит, что Хусейн-хан прибыл в окрестности Паттали и Бхонгаона, чтобы засвидетельствовать своё почтение, но его не приняли, и Шахбаз-хан Мир Бахши получил приказ оставаться за пределами верёвки, окружавшей приёмный зал. После этого Хусейн решил стать *каландаром* и раздал всё своё имущество. Тогда Акбар сжалился над ним и послал ему платок, стрелу и т.д., но всё напрасно.

⁹ В тексте *сирманзил* — стоянка или место, где кто-то меняет свой курс. Но правильное будет прочесть *шихманзил*, «второй переход», как это в «Икбал-наме», а также у

Бадауни (187), где вместо трёх *косов* говорится о трёх переходах. В «Икбал-наме» также говорится, что Акбар, выехав из Агры, поехал налево, в Дели.

- 10 Стрелу, безусловно, дали как символ полномочий и доказательство его милости. См. Бадауни (188), который утверждает, что колчан — неверный перевод. См. рассказ в «Гуджарате» Бейли (389) о Хумаюне, который привязал свой колчан к телу музыканта Бачу, дабы смог тот освободиться от друзей.
- 11 Не ехать в Мекку, а предстать перед Акбаром.
- 12 Некоторые из этих колонн сохранились до наших дней.

К ГЛАВЕ 21

- 1 Приказ построить *Ибадат-хана* [молитвенный дом] был дан в зу-ль-каада 982 г.х. (февраль—март 1575 г.).
- 2 *Шаб-и-джама*, как говорит Г. Блохманн (173, прим. 3), означает ночь четверга, поскольку мусульмане отсчитывают начало дня от заката.
- 3 В тексте *мухтажжан* — нуждающийся. Рукопись Индийского департамента, 235, содержит это слово, но переписчик вычеркнул его и заменил на *муртазан*, которое сюда больше подходит.
- 4 *Халкпарасты* — почитаемые народом [идолы].
- 5 Букв. «те, что носят большие тюрбаны и свисающие шарфы». Имеются в виду маулави и учёные врачеватели. Рассказ Абу-л Фазла об *Ибадат-хана* можно сравнить с историей Бадауни (Блохманн, 170; Лоу, 103; «Тарих-и-Акбари», Эллиот, V. 390). Бадауни утверждает, что *Ибадат-хана* возведена на месте, где жил Шейх Абд-ал-лах Ниязи из Сархинда (см. рассказ о нём в «Дарбар-Акбари», 81, и у Бадауни, III. 45). Первоначальное здание было явно больше, чем то, что в данном случае указывается как *Ибадат-хана*.
- 6 *Хиджабстан-и-тааллук*, что означает «в общественной жизни».
- 7 То есть *сайиды* (см. Эллиот, V. 391). В рукописи Индийского департамента стоят слова *Мухайман парастан* — почитатели Господа.
- 8 В тексте: *атиш* — огонь, но в рукописях Индийского департамента 235 и 236 стоит слово *унс*, так что явно имеется в виду, что «они объединились в горе» (то есть устыдились).
- 9 Захир-ад-дин Фариabi, персидский поэт, который умер в Табризе в 1201 г.н.э. Некоторые предпочитали его Анвари.
- 10 Тот, кто знает наизусть «Коран», а также певец или музыкант.
- 11 *Мурабба-нишин* — букв. «сидящий прямо», то есть с перекрещёнными ногами, как Будда.
- 12 Третья книга «Инша», с. 266—267, издание Невал Кишора. Там описывается семь рождений.
- 13 [*Джариб* — мера площади, которую можно засеять одним мешком зерна, в разных регионах колебалась от 0,18 га до 0,5 га.]

К ГЛАВЕ 22

- 1 Несмотря на заголовок в главе ничего не говорится о клеймении. Об этом рассказывается в Аине 7 [«Аин-и-Акбари», т. I, кн. 2]. Оно было введено Шахбаз-ханом на 20-м году (правления Акбара). Соответствующая глава в «Икбал-наме» содержит более полную информацию, чем «Акбар-наме», так как автор добавил несколько подробностей из «Аин-и-Акбари».
- 2 В тексте — *бааин-и-имдад*. Однако в примечании утверждается, что в нескольких манускриптах стоит слово *табинбаши*, а в двух рукописях Индийского департамента

- и издании Лакхнау приводится первое прочтение, которое, скорее всего, является верным. О *табинбаши* см.: [«Аин-и-Акбари», т. I, кн. 2, Аин 3, 14].
- ³ Я думаю, что под фразой *бакаид-и-забт дараварда* подразумевается именно это. См.: «Аин-и-Акбари», с. 296, строка 6. Там фраза *базабт амад* используется, чтобы подчеркнуть тот факт, что Шер шах и его сын ввели деньги вместо оплаты налога натуральными продуктами.
- ⁴ Или *танка*. См.: Бадауни (пер. У. Лоу, 192, и Эллиот, V. 386). Абу-л Фазл говорит, что военачальникам назначили больше *крора дамов*. [1 дам равнялся $1\frac{1}{2}$ танка.] [Танаб — шест из бамбука длиной 50 газов илахи.]
- ⁵ [Вакианавис. «Аин-и-Акбари», т. I, кн. 2, Аин 10.]
- ⁷ Имеется в виду «Аин-и-Акбари».
- ⁸ В тексте — Кима, но есть вариант Касима (Прекрасная), который я предпочитаю слову Кисмия у Блохманна (Г. Блохманн, 618). Это важная глава, но, как обычно, Абу-л Фазл чрезмерно краток тогда, когда нужны подробности. Меры, предпринимаемые для создания единого государства, выглядят просто революционными. Должность *амила*, или сборщика налогов, описывается в [«Аин-и-Акбари», т. II. Аин 5] (Г. Джарретт, II. 43). О *крори* также сообщается в «Аин-и-Акбари», т. I. кн. 1 (13). Там Абу-л Фазл утверждает, что Акбара сподвиг к этим реформам по управлению землями Ходжасара Итимад-хан. Необходимо обратить внимание на главу о *сайургалах* (Аин 19). См. также Эллиот, V. 343.

К ГЛАВЕ 23

- ¹ Багла — это Бакла, часть современной территории Бакарганджа. К ней относится *паргана Чандрадви*.
- ² В *саркаре* Махмудабад.
- ³ В Баглане, к югу от Гуджарата. Мулхаир сейчас находится в Наусарийском районе Бароды. Джарретт его называет Мулер. Однако сомнительно, чтобы имелось в виду это место. Вероятно, это Мухер на границе Бихара и Джхаркханда.
- ⁴ Вряд ли это Луни из Джодхпура (Г. Блохманн, 398, прим. 1). Беглатта может быть местом в Гхорагатте (Г. Джарретт, 136).
- ⁵ Вероятно, Ду Тара или Дунара в Джодхпуре (Г. Джарретт, II. 276).
- ⁶ В тексте — *Чатар*. См. Г. Блохманн, 341, который называет Сирхари — Сармади. Вероятно, имеется в виду Читтуи. Читтуи расположен к северу от Миднапора. Возможно, это Чатва в Мадаране (Г. Джарретт, II. 141). Есть вариант Джессор.
- ⁷ Блохманн говорит (342) о Меднипуре, и то же название встречаем в «Тарих-и-Акбари». Но Меднипур относился тогда к Ориссе, в которую, по всей вероятности, царские войска так и не вошли. В «Маасир» (III. 206) — это Мандалпур, и то же находим в «Акбар-наме».
- ⁸ Я полагаю, что Ходжа Сара — это Итимад-хан, но, вероятно, имеется в виду, что Мухаммад Кули был отравлен собственными евнухами. Этой же точки зрения придерживается и Г. Блохманн.
- ⁹ Идентифицируется Г. Блохманном как Бхитаргарх в районе Хугли.
- ¹⁰ В *саркаре* Мадаран, Катва (Г. Джарретт, II. 141). Это в Миднапоре, около Гхаттала.
- ¹¹ Или Харипур (Г. Блохманн, 375). Возможно, Харпат (Г. Джарретт, II. 125). Однако в рукописи Индийского департамента № 236 находим Дхарпур, который приводится как вариант в издании Bibliotheca Indica.
- ¹² Вероятно, это всего лишь означает, что он воскресил в памяти различные случаи преуспевания Акбара.

- ¹³ *Шоми*. Имеется в виду, что Александр так и не смог найти живую воду.
- ¹⁴ *Гирох-и-укчи*.
- ¹⁵ Эллиот, V. 387, где говорится, что Гуджар-хан лично ранил Хан-ханана, и поскольку у последнего не было никакого меча, он ответил ударами своего хлыста. В «Тарих-и-рашиди» (с. 325), изданном в Лакхнау, не сообщается, что у него не имелось меча, хотя там и говорится об использовании хлыста.
- ¹⁶ *Асбаб-и-муканнат*, по-видимому, означает «спрятанная собственность». *Балашкар беги дам-и-истикбар зад* — Он дышал дыханием гордости, как будто был главнокомандующим. Но это также может означать, что вёл себя самонадеянно в отношении командующего войском. Он был шпионом (*каравал*), а также охотником.

К ГЛАВЕ 25

- ¹ *Сукасан*. См. описание этого вида паланкина (Г. Джарретт, II. 122).
- ² Полагаю, имеется в виду, что старые слуги преувеличили положение дел и оснащение врага. «Они посчитали это средством для роста своей репутации». Думаю, это означает, что они надеялись заставить людей поверить, что их прежнее мнение о трудности выполнения задачи было верным.
- ³ [Это был день Нового года по хиджре.]
- ⁴ Согласно Низам-ад-дину (Эллиот, V. 390, и Стюарт, 161) вся Орисса была пожалована Дауду.
- ⁵ Намёк на последовавшую вскоре после этого смерть военачальников от чумы в Гауре.
- ⁶ [Какшалы — узбекское племя, обычно составлявшее родовое подразделение на воинской службе.]

К ГЛАВЕ 26

- ¹ Чаргаон в *саркаре* Бихар (Г. Джарретт, II. 154).
- ² В *саркаре* Бихар (Г. Джарретт, II. 154).
- ³ Который недавно умер.
- ⁴ Вариант Чампаран, вероятно, верен.
- ⁵ *Курка*. См. П. де Куртейль — вид литавр.
- ⁶ В издании Лакхнау стоит Бадх Гандак, то же находим в «Икбал-наме» и рукописи Индийского департамента. Это также Малый Гандак, называемый Марха Гандак. См. карту Бимзаб, изданную Азиатским обществом Бенгалии в 1885 г., с. 182.
- ⁷ *Газандаз*. *Агаз* — это дротик или стрела.
- ⁸ Музаффар и его несколько спутников.
- ⁹ Г. Джарретт, II. 320. Находится в Сялкотте, в Пенджабе, это Пасрур в «Indian Gazetteer». Музаффар был некогда сборщиком налогов в этой *паргане*.
- ¹⁰ *Расмиан-и-хазимати*. Расми — наёмник или слуга, вероятно, «тот, кто привык к поражениям».
- ¹¹ В тексте — Магра, но есть вариант Тегра, который также встречается в рукописи Индийского департамента. Тогда становится ясно, что имеется в виду *тана* Тегра на северном берегу Ганга и на северо-западном берегу Ганга, а также в северо-западной части подразделения Бегам Сераи. В «Аин-и-Акбари» это место находится в *саркаре* Хаджиपुर и упоминается под именем Паткехра (Г. Джарретт, II. 155). Но есть вариант Техра или Тегра, а г-н Бимз говорит о Паткехра, как о «старой *паргане* Тегхара, расположенной вдоль левого берега Ганга», которая, как он утверждает, сейчас известна, как Мулки, но город Тегхара сохранил своё имя. Тегра находится к западу от Монгира, почти напротив Сурадждаргха.

- ¹² Эпитет *машкой* подразумевает, что Итимада назначили следить за женской половиной дома, но то не был Итимад-евнух, и сообщение в «Икбал-наме» показывает, что этому Итимаду поручили следить за получением драгоценностей и т.д.
- ¹³ *Интизам-и-касрат нами данист* — Не знал, как разобраться со сложностями. Вероятно, имеется в виду, что он был аскетом или отшельником, а потому не подходил для мирских обязанностей. Этот Хусейн-хан — друг Бадауни, Тукрия (Латальщик).
- ¹⁴ В тексте *Гадха мукнессар*. Это древний город в районе Мирут, расположенный на берегу Ганга.
- ¹⁵ В районе Этаха. В «Indian Gazetteer», XVII. 204, он назван Маракра.
- ¹⁶ То есть в доме Садик-хана. См. Бадауни, пер. У. Лоу, 224.
- ¹⁷ См. статью Анны Беверидж в журнале «Calcutta Review» за январь 1894 г. Согласно Абу-л Фазлу, Хусейн-хан ехал к Муним-хану (в Бенгалии), когда его схватили, однако, по данным Бадауни, он направлялся к себе домой в Паттали, что в районе Этаха и недалеко от Мархара. Оба утверждения могут быть правильными. Думаю, имеется в виду, что Акбар, находившийся в тот момент в Фатехпур Сикри, не настаивал на том, чтобы туда привезли Хусейна, а позволил ему остаться в Агре.
- ¹⁸ Это поэт, писавший под именем Карари. Был убит во время мятежа в Бенгалии примерно в то же время, что и Музаффар.
- ¹⁹ Это случилось в 974 г.х. (1567 г.).

К ГЛАВЕ 27

- ¹ *Амиран-и-джазаир-и-фиранг*. *Джазаир*, вероятно, означает «полуострова» или «страны».
- ² У Камрана было три дочери, и Фиришта, упоминая его смерть, рассказывает, за кого они вышли замуж. Одну звали Гулрух, и она стала женой Ибрахим Хусейн мирзы и жила до 1614 г. Другая вышла замуж за Мирза Абд-ар-Рахмана, сына брата Хайдар мирзы. Третья же была женой Шах Фахир-ад-дина из Машхада.
- ³ Это явно должен быть Даир, что в четырёх *косах* от Фатехпур Сикри. См.: Бадауни (пер. У. Лоу, 174).
- ⁴ Руми-хан Устад Джалаби (Г. Блохманн, 441). Вероятно, это Халаби, то есть из Алеппо. Это также может быть Джала из «Аин-и-Акбари» (III. 390), которого называют Джалаби в «Икбал-наме». Джалаби может означать «торговец лошадьми», и Абу-л Фазл рассказывает, что это была исконная профессия Джала. Он мог сопровождать Гульбадан бегим в качестве переводчика.
- ⁵ Вероятно, племянник Хайдар мирзы, женившийся на дочерях Камрана.
- ⁶ См. «Историю Хумаюна» Анны Беверидж, 1902, рассказ о Гульбадан бегим. Три дамы, сопровождавшие её, были племянницами: Салима — дочерью сестры (и женой Акбара), Хаджи бегим и Гулазар — дочерьми брата Камрана. Баки-хан — явно старший брат Адхам-хана. Десятая дама Салима Ханан — падчерица Гульбадан бегим. То, что она звалась ханум, свидетельствует, что её отцом был Хизр Ходжа, потомок царей Кашгара или Могулистана.
- ⁷ Среди прочего он привёз с собой орган. См.: Бадауни (пер. У. Лоу, 299).
- ⁸ См. Аин 8 («Аин-и-Акбари», т. I, кн. 2] Г. Блохманн, 257), где подробно описывается распределение караулов.
- ⁹ Бадауни говорит, что его наказали за то, что он сказал правду о клеймении, о *крорах* и т.д.
- ¹⁰ Его отправили из Фатехпура в Агру, где и держали под наблюдением в собственном саду.

К ГЛАВЕ 28

- ¹ Ханым [Ханум] была дочерью Шах Мухаммада и Хадиджи Султан ханим, четвёртой дочери Султан Ахмад-хана, дяди Бабура (Анна Беверидж «История Бабура», с. 247, и Росс, Д. «Тарих-и-рашиди», с. 330). Её отца убили (Росс, Д. «Тарих-и-рашиди», с. 452), матери пришлось уехать из Кашгара. Она умерла по пути в Бадахшан, а дети отправились в Кабул, где Мухтарима при посредничестве Хайдара вышла замуж за Камрана.
- ² Вероятно, имеется в виду, что он не мог или не должен был перепоручать такую обязанность.
- ³ В главе содержится дополнительная информация к той, что приводится в «Тарих-и-рашиди» (Росс Д. и Элиас Н., с. 120). Согласно Элиасу, настоящее имя Суфи султана — Адхам Султан, и он был пятым сыном Абд-ар-Рашида. Кучак, должно быть, приехала в Бадахшан ещё при жизни своего мужа, дабы выразить соболезнования мирзе Сулейману и Харам по поводу смерти их сына, поскольку последнего убили в 967 г.х. [1560 г.], а согласно Н. Элиасу, Абд-ар-Рашид жил до 973 г.х. [1566 г.]. Элиас упоминает в качестве имени сына не Абу Саид, а Рахим.
- ⁴ *Пусти-баталабад*. В рукописи Индийского департамента — *пеши наталабад* — не следует требовать главного места.
- ⁵ В «Акбар-наме» (III. 267) его называют Мир Нзани, и о нём говорится, как о муже дочери Мухтаремы, Михман бегим.
- ⁶ Описывается в «Гиас-аль-Логат» как город в Туркестане, известный красотой своих жителей. [Очевидно, Пархар в Хатлонской области Таджикистана.]
- ⁷ См. в тексте, но Ханым — это явно ошибка, должно быть Харам. Ханым (Мухтарима) не получала в дар Рустак. В дальнейшем станет ясно, что термин *ханим* применялся к Харам.
- ⁸ Явно имеется в виду, что Абд-аль-Гаффур был племянником бегим.
- ⁹ Анджуман отмечен на правительственной карте Афганистана. Расположен к юго-востоку от Бадахшана.
- ¹⁰ В «Табакат-и-Акбари» и у Бадауни приводится совсем другая версия. Они утверждают, что Мухаммад Хаким предоставил никчёмных проводников, которые бежали при первом же переходе, и Сулейман, которого сопровождала дочь, с большим трудом добрался до Инда. По рассказу Абу-л Фазла выходит, что всё подстроил Шахрух.
- ¹¹ Город в Туркестане, известный красотой своей молодёжи.
- ¹² Баязид Бият. В рукописи Индийского департамента (132 а) упоминается о религиозных чувствах Тодар Мала, когда тот наказал Баязида, явно справедливо, за разрушение храма в Бенаресе и превращение его в медресе. Впоследствии, когда по возвращении из Мекки Баязид получил *паргану*, Тодар Мал потребовал с него непомерную плату. Возможно, Абу-л Фазл рассуждал о поведении Тодар Мала по отношению к Шах Мансуру. Он схватил его и заковал в цепи, после чего отправил к Акбару. Вероятно, также имел отношение к его умерщвлению.
- ¹³ Абу-л Фазл тоже показывает, что у Тодар Мала имелось предвзятое отношение к Кази Али Багдади.
- ¹⁴ Гадха — Гадха-Катанга, то есть Джабалпур.
- ¹⁵ Мир Азиз-Уллах Турбати (Г. Блохманн, 527).
- ¹⁶ В некоторых рукописях это Кануча. Это холм близ Гундоджа, упомянутый в «Rajputana Gazetteer» (II. 223).
- ¹⁷ В Джайпуре, 100 миль к северо-западу от Джайпура.
- ¹⁸ Эта глава связана, главным образом, с событиями в Бадахшане. В ней много подробностей об истории этой страны. В них есть что-то от женских сплетен, что заставляет

думать, что Абу-л Фазл приводит здесь воспоминания какой-то дамы. Возможно, это недостающая часть из мемуаров Гульбадан бегим! Вероятно, Мухтарима вышла замуж за Ибрахима мирзу только после смерти своего первого мужа мирзы Камрана. Это случилось в конце 964 г.х. (1557 г.). В главе рассказывается о двух периодах. Первый — это когда Шахруху было 7 лет, а второй — когда исполнилось пятнадцать. Его отец Ибрахим был убит в 967 г.х. [1560 г.], а Шахрух явно родился в тот же или последующий год. То, что сообщает о нём Абу-л Фазл, соответствует тому, что о нём говорит в своих мемуарах Джахангир. Он женился на Шукранисе, дочери Акбара. Его мать умерла в 993 г.х. [1585 г.]

К ГЛАВЕ 29

- ¹ В «Воспоминаниях» Баязида Бията указывается понедельник, 18 раджаба 983 г.х., что соответствует 23 октября 1575 г.; 15 абана — это 25 или 26 октября.
- ² См. перечень в «Аин-и-Акбари», I. С. 376. Ашраф-хан слыл прекрасным каллиграфом и упоминается в «Инша» Абу-л Фазла.
- ³ Муним-хану было более восьмидесяти, когда он скончался (Бадауни, с. 221). Как будет сказано далее, скончался в Танде, а не в Гауре. У Баязида есть небольшой рассказ об эпидемии, с. 147 а. Там добавляется, что она была усилена неводержанностью солдат. В «Дарбари-Акбари», с. 229 и далее, содержится подробный и интересный рассказ о Муним-хане. Его сын умер раньше, и, согласно Бадауни, всё его состояние пошло в казначейство. В «Маасир», I. С. 635, о Муним-хане сказано немало; на с. 645 говорится, что его нетленным наследием стал мост через Гумти, построенный им в Джаунпуре в 981 г.х. (1573 г.). Мост ещё стоит. См. также рассказ о строительстве моста в «Дарбари-Акбари», с. 250 и далее. Точная дата смерти Мунима неизвестна. Абу-л Фазл приводит лишь дату по персидскому календарю. У Эллиота, V. С. 395, вместо *раджаб* ошибочно — *сафар*. В «Табакат-и-Акбари» и у Бадауни (который копирует «Табакат-и-Акбари») приведён лишь месяц, ибо указанные десять дней означают длительность болезни, а не числа месяца. У Баязида стоит «ночь понедельника 18 раджаба (983 г.х.)». В «Икбал-наме» прямо сказано, что он болел десять дней и умер на 11-й день. Местом кончины называется Танда.
- ⁴ В «Икбал-наме» оно именуется *китаб* Джали, то есть книга или письмо с измышлениями.
- ⁵ Баязид Бият в «Воспоминаниях», с. 147 а, описывает, как он отправился в Гаур после смерти Мунима, и как трудно ему оказалось уберечь достоинство хана.
- ⁶ Хан Джахан являлся сыном сестры Байрама, персом и шиитом. Большинство же бенгальских военачальников было тюрками и суннитами.
- ⁷ *Раджмахал*. Возможно, *ак* — тюркское слово, а само название означает «белый дом». В «Аин-и-Акбари», I, однако, стоит *Аг Махалл*. См. также «Аин-и-Акбари», II. 129. Название Раджмахал объясняется тем, что раджа Ман Сингх выбрал это место в качестве своей резиденции.

К ГЛАВЕ 30

- ¹ В «Табакат-и-Акбари» указано 7 зу-ль-каада, то есть 9 марта 1576 г.

К ГЛАВЕ 31

- ¹ «Аин-и-Акбари», II. С. 276. Там сказано, что она расположена в *саркаре* Джодхпур.
- ² «Аин-и-Акбари», I. С. 399, сноска 1. Возможно, это Деогаон в «Аин-и-Акбари», II. С. 273.

- ³ Его настоящее имя — Шах Ал-лах. См.: Бадауни, II. С. 171; пер. У. Лоу, с. 174.
- ⁴ В тексте — Дубана, однако есть вариант Дунар. Она располагается на правом берегу Луни, к юго-западу от Джодхпура.
- ⁵ У Бадауни, II. С. 240, сказано, что он — потомок Ходжа Ахрара.
- ⁶ Баязид, рукопись Министерства по делам Индии, 135 а, сообщает, что Гаджпати владел Бходжпуром и Бихийя, и называет его Уджаинийя Раджа. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 513, сноска 1. Блохманн добавляет, что раджи Бходжпура именуют себя Уджаинийями, так как претендуют на происхождение от раджей Уджаина в Мальве. Маули Абд-ал Хак Абид обеспечил меня генеалогическим древом, добытым в архиве *раны* Думраона. Согласно ему, Раджа Гаджпати, повсеместно известный как Раджа Гуджун Шах из селения Дава *парганы* Бихийя, *зилла* Шахабад, являлся 73-м потомком раджи Викрамадитьи из Уджаина. Он был сыном Бадал шаха. Далпат Уджаинийя («Аин-и-Акбари», I. С. 513, сноска 1) и его наследник Пратап также происходили из рода Думраон. Однако из генеалогического древа явствует, что Далпат, именуемый там Дулип Шах и Далпати Шах, приходился Гаджпати не сыном, а дядей (?). Он правил в 1577–1601 гг., а наследовал ему Мулук Ман шах из Бихты. В родословной Пратап носит имя Рудра Пратаб Нараин Сингх и, насколько известно, является 77-м потомком раджи Викрамадитьи. Я получил официальное письмо из коллектора Шахабада с сообщением, что Гаджпати широко известен под именем Гуджунсахи, а дворец его находился в Джагдиспуре. В рассказе о джунглях близ дворца Гаджпати упоминаются обстоятельства мятежа и сражений с *куар* Сингхом, также связанного с родом Думраона. У Бадауни, II. 227, Гаджпати назван *заминдаром* земель близ Хаджипура и Патны. Если верить Низам-ад-дину, Гаджпати поднял бунт, когда Музаффар-хан выступил к Раджмахалу на помощь Хан Джахану и оставил Бихар без гарнизона. Возможно, вариант Каджати — это в действительности Гаджани. В «Икбал-наме» стоит Каджани или Каджати. В своих записках Джахангир, см. Эллиот, VI. С. 321, упоминает, что земли Уджаинийя расположены близ Патны. Очевидно, он имеет в виду владения раджи Бходжпура.
- ⁷ Владения Фарханга находились на востоке от Соны. Он пересёк её, чтобы помочь Арраху. Бадауни, II. 227, называет его Мирак Радаи — однако, возможно, Радаи — ошибка вместо Разави. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 381 и 438.
- ⁸ [Замечание Г. Бевериджа.]

К ГЛАВЕ 32

- ¹ Примерно в 100 милях к северо-востоку от Удайпура, см. «Indian Gazetteer». Описывается у Тода.
- ² Имеется в виду Ман Сингх. Согласно «Икбал-наме», таково было положение семьи Амбера.
- ³ У Дж. Тода — Гогунда.
- ⁴ «Аин-и-Акбари», I. — Рам Сах.
- ⁵ 21 раби-ал-аввала, «Аин-и-Акбари», I. Сноска на с. 418. У Бадауни — «в начале раби I».
- ⁶ На карте Тода деревня Камнор расположена к северу от Гоганды. Это сражение обычно называется сражением при Халдигхате. Эллиот, V. 398. Согласно Бадауни, селение расположено в 7 *косах* от Гоганды. В тексте стоит слово *берун* вместо Халди, однако вместо Чаунпура предпочтительнее вариант Харди, то есть Халди. Он же даётся и в «Икбал-наме». Лучший рассказ о битве см.: Бадауни, пер. У. Лоу, 236.
- ⁷ Раджа здесь назван Пертабом, хотя обычно именуется *рана* Кика.

- ⁸ *Сазавали намаид* — букв. «проявили *сазавали*». Абу-л Фазл не объясняет в «Аин-и-Акбари» слово *сазавал*. Здесь оно используется в смысле «настойчиво требовать» или «настаивать» и может быть сопоставлено со словом *лакидгир*, что на бенгали означает человека, нанятого *заминдаром* (или владельцем плантаций индиго) для выбивания долгов из крестьян и принуждения их сеять индиго.

К ГЛАВЕ 33

- ¹ Глава открывается обычными похвалами Акбару, которые отсутствуют в издании Лакхнау.
- ² Битва произошла в четверг, 12 июля 1576 г., а Абд-ал-лах прибыл вечером в воскресенье, 22-го числа. Из «Табакат-и-Акбари», Эллиот, V. С. 400, явствует, что Бирар лежит в 10 милях от Фатхпура.
- ³ *Сазавалан*. Здесь это слово обозначает особых посланцев или гонцов Акбара, направляемых им с целью расшевелить командующих. Это так называемые *бе ру*, букв. «безликие», ибо их задача заключалась в том, чтобы проявлять настойчивость, не обращая внимания на лица. Сравнимо со словом «нахальство». Абу-л Фазл не без основания подчёркивает усилия Акбара и его *сазавалов*, ибо в противном случае Хан Джахан, вероятно, не стал бы вести военные действия во время дождей.
- ⁴ [*Чагатаи* — тюркско-монгольский род, возводивший своё происхождение ко второму сыну Чингиз-хана Чагатаю, мусульмане-сунниты. Хан Джахан — Хусейн Кули-хан был иранцем, мусульманином-шиитом. Отсюда противоречия между военачальниками Акбара.]
- ⁵ *Сазавалан бе руи* — бесстыдные нахалы. Очевидно, прежде всего это относится к Мухибб Али-хану Рохтаси.
- ⁶ В тексте — Какалпур, но верным кажется вариант Бхагалпур.
- ⁷ То есть Мухибб Али Рохтаси, а не Мухибб Али, сын Мир Халифы.
- ⁸ Имеется в виду молчание Хан Джахана в ответ на предложения Дауда.
- ⁹ У Бадауни сказано, что Хан Джахан не хотел казнить Дауда из-за его красоты, однако военачальники убедили его.

К ГЛАВЕ 34

- ¹ То есть он использовал общество или определённое занятие в качестве покрова для уединённого созерцания.
- ² Согласно «Табакат-и-Акбари», Акбар прибыл в Аджмир в четверг, 5 раджаба, а по Бадауни — 6 раджаба, в годовщину святого (29 сентября 1576 г.). Годовщина (*урс*) практически совпадала с датой рождения Акбара. Действительно, это вполне допустимо, так как в «Rajputana Gazetteer», с. 63, сказано, что точная дата кончины святого неизвестна, поэтому она отмечается с 1 по 6 раджаба.
- ³ Если верить «Аин-и-Акбари» (I. С. 340), Акбар был недоволен тем, что Ман Сингх не закрепил победу, и потому отозвал его. Об этом же говорится и у Бадауни. Кроме того, Акбара раздражало то, что Ман Сингх позволил войску терпеть нужду в Гоганде, вместо того чтобы разграбить земли *раны*, который, как и Ман Сингх, являлся раджпутотом. У Бадауни, (пер. У. Лоу, с. 247) сказано, что Ман Сингха и Асаф-хана не допустили к изъявлению почтения.
- ⁴ Взвешивание происходило дважды в год. Здесь идёт речь о лунном взвешивании, которое состоялось 8 или 9 раджаба 984 г.х. Однако оно практически совпало с солнечным. Возможно, оба взвешивания свели в одно.
- ⁵ Однако Пешрау-хана послали на 21-м году, а не на 19-м. Пешрау дожил до 90 лет и умер на третьем году правления Джахангира. Именем Пешрау (Идущий впереди)

он обязан тем, что заведовал *пешраухана*, и в его обязанности входило идти с передовыми частями.

6 Вариант — Махда, как в «Аин-и-Акбари», I. С. 446, сноска 1. В «Аин-и-Акбари» II. С. 154, это местечко названо Масодха в *саркаре* Бихар.

7 Он был раджой Харакпура.

8 *Кабучи* — тюркское слово, буквально означает швейцара или привратника. Эпитет употребляется, очевидно, потому, что Гаджпати засел в джунглях и не пускал царских слуг. Слово должно быть *капучи*, от *капу* — ворота.

9 *Нуристан-и-роз*. Абу-л Фазл описывает Гаджпати как ночную птицу, не выносящую света. «Дневное светило» — аллюзия на Акбара.

10 Неясно, относится ли это ко всем или только к детям Пешрау-хана.

11 Когда Акбар говорил друзьям или родственникам, что кто-то из отсутствующих вернётся, они воспринимали это как «солому вместо зерна». Эта фраза говорит в пользу того, что в предыдущей имелись в виду дети вообще, а не только Пешрау-хана.

12 *Масалсал*. Возможно, это человек, уклонявшийся от уплаты налогов. См. «Акбарнаме», III. С. 193, где это слово используется с ссылкой на Шах Мансура. Видимо, его сопровождал слуга.

13 Имеется в виду, когда он ехал посуху. Если бы он находился на судне, при нём были бы корабельщики и, возможно, четверо спутников, о которых он говорит. Не исключено, что одиночество объясняется тем, что он находился в чужих землях и не знал языка. Он вырос в Табризе.

14 Предложение запутанное, но я полагаю, что «он» относится к слуге, а не к человеку в цепях. Из текста можно заключить, что того человека заковали где-то в джунглях, но позволили иметь при себе слугу. Он отдал слугу Пешрау и, вероятно, отправился домой. Слуга же пошёл с Пешрау. Встреча с Пешрау освободила слугу от необходимости оставаться в джунглях, однако из-за него Пешрау схватили. Затем слугу увели на казнь, и Пешрау утверждает, что уход того его спас. История Пешрау отсутствует в издании Лакхнау. Она весьма интересна, но Абу-л Фазл сделал всё, чтобы испортить её своим тяжёлым и неровным стилем. Пешрау был его титул, полученный, возможно, из-за его деятельности в качестве гонца. А настоящее имя — или, по крайней мере, второе имя — Михтар Саадат. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 497, а также «Записки» Джахангира.

15 Пришедшая в запустение деревня в 20 милях к северо-западу от Сасарама, в округе Шахабад. Шер шах возвёл там мощную крепость. См.: «Indian Gazetteer», XXII. С. 272.

16 *Хидмат нафароши*. Абу-л Фазл имеет в виду тех, кто, по его выражению, «продаёт свои услуги», то есть поступает так лишь из корысти, но не из долга.

17 В «Аин-и-Акбари» (II. С. 241) сказано, что Нараян Дас вёл столь аскетичную жизнь, что питался зерном, испражнённым скотом.

18 Букв. «устроить охоту на тот край в качестве дичи».

19 *Созан*. Означает также инструмент, используемый для прочистки ружейного дула.

20 *Кишик* — тюркское слово, означает «жест». Это не вполне понятное предложение отсутствует в издании Лакхнау. Некоторую помощь в его истолковании оказывает Аин 9 второй книги «Аин-и-Акбари» (I. С. 257). Этот Аин назван в тексте «Аин-и Кишик», и Блохманн перевёл его как «Распоряжения относительно конной гвардии». Как явствует из главы, караул заканчивал службу и шёл на смотр вечером, а приказ Акбара заключался в том, чтобы военачальники исполняли *корниш* или *таслим* два раза: принимая караул и заканчивая службу. *Корниш* и *таслим* представляли собой обычные приветствия и отличались от *сиджда*, или коленопреклонения, дозволенного

- только последователям Божественной Веры и исключительно на закрытых собраниях. Фраза «стать созерцателем процесса просветления», видимо, означает, что до и после караульной службы они при появлении Акбара становились стражами просветления, или духовного пробуждения.
- ²¹ *Лаванд* — наименование, присваиваемое факирам и иным служителям религии.
- ²² *Машахад* — гробницы мучеников, однако слово «мученик» в мусульманской агиографии необязательно означает человека, доказавшего его ценой своей крови. Муин-ад-дин, например, умер естественной смертью.
- ²³ Фраза довольно тёмная, возможно, значение её в том, что внешние обстоятельства воспрепятствовали Акбару отправиться лично, а потому отрядили посольство.
- ²⁴ Никакой день явно не назван. Возможно, подразумевается день, когда Акбар выступил из Аджимира, что произошло 31 михра, или 11 октября 1576 г. Но в «Икбал-наме» в качестве даты отъезда Султан Ходжи указано 2 шаабана, или 25 октября 1576 г. Но возможно, что это дата, когда караван и войско отделились друг от друга. В «Икбал-наме» добавляется, что Акбар надел платье паломника, взял Султан Ходжу за руку и назначил его своим представителем.
- ²⁵ Возможно, это сын или пасынок Гульбадан бегим. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 443. Гульбадан бегим в своих «Воспоминаниях» упоминает о своём сыне Саадат Яре. Если это он, то скончался в 1003 г.х. См.: «Акбар-наме», III. С. 656. У него была сестра Хаджи Кока и брат, дочь которого стала женой сына Абу-л Фазла Абд-ар-Рахмана (см.: «Акбар-наме», III. С. 579).
- ²⁶ Это священнослужитель из Мавераннахра.
- ²⁷ Кажется вероятным, что это — отец Даулат-хана и дед Хан Джахана Лоди. См.: Абу Тараб «История Гуджарата», с. 84.
- ²⁸ *Ишраф-и-итрият*. Видимо, его назначили главным счетоводом министерства (*муш-рифом*). См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 430.
- ²⁹ *Хазрат кадси*, букв. «священные особы», ср. *Хазрат бегаман*. Полагаю, это относится к Гульбадан бегим и дамам, сопровождавшим её во время паломничества. Если это относится не к ним, то означает либо святых, таких как Султан Ходжа и Маули, сопровождавших паломников, либо иных благородных дам, находившихся в караване. Однако я сомневаюсь, что фраза «священные особы» относится к Султан Ходже и Маули, и нам ничего не известно о том, что какие-то благородные дамы, за исключением Гульбадан бегим и её окружения, отправились в паломничество. Затем, у паломников было всего два корабля, и один из них, «Селими», предназначался только для женщин. Нет сомнений, что только женщины ранга Гульбадан бегим и иных бегим располагали правом иметь отдельный корабль. Трудность заключается в том, что Гульбадан бегим и её спутницы покинули Фатхпур задолго до каравана, но Бадауни уверяет, что они целый год пробыли в Гуджарате. Тогда караван успел бы догнать их. Согласно Бадауни (II. С. 213), Гульбадан бегим и её спутницы покинули Агру в 982 г.х., и он также упоминает, что они достигли Мекку в шаабане 983 г.х. Однако, как мне кажется, он имеет в виду, что они отплыли из Сурата в шаабане, и я полагаю, что он ошибся в датах, и вместо 982 и 983 гг. должно быть соответственно 983 и 984 гг., если только 982 г. не относится к концу того года — к путешествию из Агры в Фатхпур. Абу-л Фазл (III. С. 145) сообщает, что Гульбадан бегим и её спутницы покинули Фатхпур в конце михра 20-го года, то есть примерно в середине октября 1575 г., или в шаабане 983 г.х. Низам-ад-дин (см.: Эллиот, V. С. 391) тоже датирует отбытие 20-м годом [правления] и связывает его с назначением Мир Хаджа. Если бы, как утверждает Бадауни, Гульбадан бегим и её спутницы год прождали бы в Гуджарате, они отплыли бы не ранее октября 1576 г., или шаабана

984 г.х. Бадауни сообщает, что они совершили четыре *хаджа*, или паломничества, и год провели в Адене из-за кораблекрушения, а вернулись в 992 г.х. (1584 г.). Согласно Абу-л Фазлу (III. С. 385), они провели три с половиной года в Хиджазе и на обратном пути задержались в Адене на семь месяцев. Если они покинули Сурат в шаабане 984 г.х., они, вероятно, в это время уже начали бы *хадж*, который состоялся в последнем месяце того года. Три других *хаджа*, видимо, произошли в 985–987 гг. 988 г.х. начался в феврале 1580 г., и это, возможно, привело их в Аден в апреле того года, где Баязид повстречал их

³⁰ Может также означать, что женщины не могли бросить остальных паломников.

³¹ *Басп-ям*. В тексте ошибочно *бам*. См. словарь П. де Куртейля. Учитывая, что Кулидж-хан находился в Идаре в *саркаре* Ахмадабада («Аин-и-Акбари», II. С. 252) и всего в 40 *косах* от Ахмадабада (Бадауни, II. С. 241), тогда как Акбар пребывал в Удайпуре, скорее можно было предположить, что Кулидж-хану приказали отправиться в Сурат прямо из Идара. Однако Низам-ад-дин (Эллиот, V. 403 и 404), сообщает, что Кулиджа к Акбару доставил гонец, которым оказался Али Мурад Узбек (Бадауни, II. С. 243), а встреча произошла в Бансваре. Оттуда Кулидж-хан направился в Сурат и при помощи купца из Камбея по имени Кальян Рай добыл разрешение на отплытие кораблей.

³² Думаю, имеются в виду Гульбадан и остальные женщины. Из Эллиот, V. С. 402, явствует, что суда отплыли из Сурата. Согласно Низам-ад-дину, с. 336, и Бадауни, II, с. 242, трудность заключалась в том, чтобы получить у португальцев разрешение (*каул*). Кулидж-хан при помощи Кальян Рая уладил все трудности. Бадауни, II. С. 242, сообщает, что Кальян Рай был *бакал* (владелец лавки) в Камбее.

К ГЛАВЕ 35

¹ [Мани, основатель манихейства (216–273(6) гг.), в мусульманской традиции считается непревзойдённым художником. Книга с его иллюстрациями, называемая «Арджанг», стала синонимом шедевра живописи.]

² *Масалих* означает пряности, однако контекст довольно странен. Это слово также означает «работы», и совокупное значение здесь, пожалуй, то, что Сурджан был послан ко Двору с каким-то поручением. Возможно, слово используется вместо *масалихгузар* в значении «миротворцы».

³ Первая проверка была проведена Итимад-ханом, см. «Аин-и-Акбари», I, кн. 1, Аин 2. Число казначейств было не меньше двенадцати.

⁴ *Каза надурад*. О слове *каза* см. «Словарь ислама» Хьюза. Означает молитву или пост, служащие для восприятия знамений.

К ГЛАВЕ 35 б

¹ Так в тексте, однако в рукописях Министерства по делам Индии и в «Икбал-наме» — Сани-хан, и это, вероятно, верно. Сани-хан был персом и шиитом, а потому приемлемой кандидатурой для Двора в Ахмаднагаре (см.: «Аин-и-Акбари», I. С. 476), тогда как Баки-хан был суннитом.

² «Аин-и-Акбари», I. С. 425. Здесь сказано, что его сестра была смотрительницей гарема Акбара, однако в «Маасир», II. С. 564, она названа одной из жён Акбара. На с. 266 говорится, что она — *сар-амад махалат*. Возможно, это означает, что она была главной, или любимой, женой. Звалась она Гохара-н-ниса.

³ Есть вариант Руп, и это имя приводится в «Маасир», II. С. 566, а в обеих рукописях Министерства по делам Индии *Дараб* кажется титулом и анаграммой слова *абдар*. Возможно, это Руп Хос из «Воспоминаний» Джahanгира (перевод Прайса), с. 35.

Он назван там мужем большой храбрости, но неисправимым пьяницей. Исповедовал ислам.

- ⁴ Фраза *хидмат-и-марджу*, букв. «вернувшаяся служба», малопонятна. Возможно, она означает службу в Гуджарате, а смысл заключается в том, что сей труд был в конце концов исполнен и без их содействия. Также может означать, что задача возвращения из Биджагарха успешно выполнена без помощи Кутб-ад-дина и всех тех, кто поспешил в свои владения в Гуджарате.
- ⁵ Видимо, военачальники были подавлены беспорядками в Гуджарате. Абу-л Фазл выражает недоумение по поводу причины их печали. Они достигли своей цели — получили деньги с правителей Декана, и не было смысла жаловаться, что они-де не завоевали область Декан, так как исполнить это не могли, а возможности для завоевания тогда отсутствовали. Помимо того, провал стал результатом их собственного недостойного поведения. Абу-л Фазл, кажется, имеет в виду прежде всего Кутб-ад-дин-хана, который, согласно «Табакат-и-Акбари», Эллиот, V. С. 406, оставил остальных *амиров* и направился в свои *джагиры* (Броач и Бароду) из-за набега Музаффар Хусейна. См. также Бадауни, пер. У. Лоу, с. 257. Фраза: «Но разве в тот миг было соответствующее время или возможность?», вероятно, означает, что военачальники получили то, что хотели, — взятки.

К ГЛАВЕ 36

- ¹ «Аин-и-Акбари», I. С. 388. Здесь единственным сыном Шарифа назван Баз Бахадур.
- ² [Не путать с Миян Баязидом Баз Бахадуром, последним правителем Мальвы.]
- ³ Сын раджи Тодар Мала. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 352 и 465.
- ⁴ Сын Бахрам мирзы и племянник шаха Тахмаспа. См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 313, где сказано, что он скончался в 984 г.х. Видимо, это должен был быть 985 г.х.
- ⁵ «Аин-и-Акбари», I. С. 356 и 488. Раджа Мадхукар был из рода *бундела* и главой Ундка (Орчха). Он являлся отцом Бир Сингха, убийцы Абу-л Фазла.
- ⁶ «Аин-и-Акбари», I. С. 458. Дядя Бхагван Даса.
- ⁷ Толстый раджа. Его имя — Удай Сингх, он был сыном Малдео.
- ⁸ Это прозвище означает «солевар», так как он был раджей озера Самбхар. Целью названных было доставить Шахиншаху дочь раджи Дунгарпура, которая должна была стать женой Акбара.
- ⁹ Фарзанди — сын. Она надеялась, что тот сделает его своим зятем, что и произошло, когда Акбар женил его на своей дочери Шукру Нисе.
- ¹⁰ Имеется в виду замысел Акбара восстановить все владения его деда [Бабура].
- ¹¹ *Такапуи дашт*. Может означать, что посланник отправился в этот поход с Акбаром.
- ¹² Тот самый Мирза Фулад [бек Барлас], который впоследствии был казнён за убийство Муллы Ахмада из Татты. Он был шиитом и одним из авторов «Тарих-и Алфи». См.: «Аин-и-Акбари», I. С. 206. У Бадауни, пер. У. Лоу, с. 278, упоминается, что Мирза Фулад Барлас был послан с посольством к Абд-ал-лах-хану вместе с Ходжа Хатибом, однако датируется это 987 г.х., то есть 24-м годом царствования. Возможно, это было второе посольство. См. также Эллиот, V. 413, который датирует это посольство 25-м годом.
- ¹³ Из тона предложений Абд-ал-лаха явствует, что он был уверен, будто Акбар — добрый суннит. Вероятно, Акбар не стал открывать ему глаза.

К ГЛАВЕ 37

- ¹ Если верить Низам-ад-дину, то Акбар отправился ближе к месяцу раджаб, когда отмечается дата смерти этого святого. В 985 г.х. раджаб начался 14 сентября 1577 г. Согласно Абу-л Фазлу, Акбар прибыл в Адждмир 4 михра, что практически соответствует 14 сентября.
- ² У Бадауни, ч. II, с. 243, оно названо Махал Кароха, зависимым владением Басавара. Именно там произошла кража книг, описанная у Бадауни. В «Акбар-наме», II. С. 350, Кароха названа второй остановкой от Фатхпура, расположенной перед Басаваром.
- ³ На пути Акбара в Адждмир. Согласно «Табакат-и-Акбари», туда прибыл и Абу Тураб.
- ⁴ Хотя глава на этом оканчивается, в следующей описано прибытие Акбара в Адждмир. Значительная часть главы 38 представляет собой вставку, повествующую о делах в Гуджарате, поводом для которой служит прибытие раджи Тодар Мала во время поездки Акбара в Адждмир.

К ГЛАВЕ 38

- ¹ Есть вариант Бирпур, скорее всего, он и верен. См.: «Аин-и-Акбари», II. С. 253.
- ² Это взвешивание произошло 5 раджаба, в день рождения Акбара по лунному календарю. Оно практически совпало с *урсом*, или годовщиной смерти святого Адждмира, произошедшей 6 раджаба.
- ³ *Зинхарьян* — охраняемые люди. Но есть и вариант *дихахаи* — селения.
- ⁴ Имеется в виду, что он помолился (*фатиха*) за души усопших. А посетил он Тарагарх. Там по-прежнему можно увидеть гробницу мученика Сайид Хусейна. См.: «Rajputana Gazetteer», II. С. 16.
- ⁵ Согласно автобиографии Абу Тураба, изданной недавно д-ром Эдисоном Россом, отца его звали Кутб-ад-дин, а Камал-ад-дин был его дядя.
- ⁶ Текст не вполне ясен, но в «Икбал-наме» сказано, что Вазиру надлежало прибыть в Идар и охранять границы. В том же источнике к имени Фируз, упомянутому в тексте, прибавлен эпитет Кабули. Возможно, смысл этого отрывка в том, что Вазиру и Шихаб-ад-дину надлежало встретиться в Идаре и провести там совещание.

К ГЛАВЕ 39

- ¹ Есть вариант Мамри. Мне не удалось идентифицировать это место. Возможно, это Бармер.
- ² «Indian Gazetteer» и «Rajputana Gazetteer», II. 261, а также «Раджастан» Тода. Это в Джодхпуре. В «Аин-и-Акбари», II, это местечко названо Мерат и локализовано в *саркаре* Нагор.
- ³ «Аин-и-Акбари», I. С. 403. В тексте — Лавалали. В «Маасир», II. С. 571, в истории про Шейх Ибрахима стоит Ладлаи. Возможно, это Лароала в «Аин-и-Акбари», II. С. 203, и, если это верно, он находится на Бетве, в *саркаре* Чандери и области Мальва. Однако из контекста следует, что речь идёт о Раджпутане. Шейх Ибрахим был племянником (сыном сестры) и зятем Шейха Салима, давшего своё имя Джахангиру. См.: «Табакат-и-Акбари», издание Невал Кишора, с. 485.

К ГЛАВЕ 40

- ¹ В Адждмире (Г. Джарретт, II. 273).
- ² Старая столица Джайпура.
- ³ Титул султанов Голконды. Султаном в то время был Кутб Шах, который умер в 1581 г.

- ⁴ Он был поэтом и писал под именем Таусани (Горячий конь). Его также называли Мухаммад Маһахар. См.: Бадауни (III. 201). О Манохарпуре см. в «Indian Gazetteer» (XVII. 200). Йозеф Тифенталер (География Индии, I. 323) упоминает город Моноарпур в 15 *лигах* к северу от Джайпура, называет его «ville de marque» [пограничный город] и говорит, что там была крепость. Возможно, это Манохарнагар у Г. Джарретта (II. 277).
- ⁵ *Зу занаб*, букв. «имела хвост». Это комета 1577 г., описанная Корнелиусом Геммой, профессором медицины в Лувене, который опубликовал свой труд в Антверпене в 1578 г. Он умер от чумы на следующий год. Его гравюру с изображением кометы воспроизвёл Гиймен. Она прошла перигелий 26 октября 1577 г.
- ⁶ В «Аин-и-Акбари» (Г. Джарретт, III. 38) утверждается, что Огонь — стихия первой сферы, чья выпуклость совпадает со сводом сферы Луны.
- ⁷ *Неза бадаст*. В «Аин-и-Акбари» используется слово *незак*, короткое копье или дротик, и Г. Джарретт переводит его, как «зодиакальный свет». Но Абу-л Фазл использует представления греков, а не индусов, а у греков не было зодиакального света. Следовательно, есть вероятность, что Абу-л Фазл имеет в виду *ниязик* — комету копьевидной формы. Следующее слово, которое Г. Джарретт переводит как светящиеся потоки, в оригинале передаётся словом *умидха*, и это множественное число для слова «столп, опора».
- ⁸ Обладающий вихрами.
- ⁹ В «Аин-и-Акбари» говорится, что индусы насчитывали тысячу комет, метеоритов и тому подобное (см.: «Аин-и-Акбари», II. 24 и Г. Джарретт, III. 38).
- ¹⁰ 1263–1264 гг. В «Кометографии» Пингра (I. 406, Париж, 1783) говорится, что комета эта относится к 1264 г. Она была видна во Франции в июле того года.
- ¹¹ *Кусуф*. Это обычно относится к солнечным затмениям, но поскольку это произошло ночью, то полагаю, имелась в виду Луна. Вероятно, *зер-и-замин* означает преисподнюю.
- ¹² Кайду и Борак во вступлении Нея Элиаса к «Тарих-и-рашиди», с. 34–35. Кайду был внуком Уктая, а Борак — правнуком Чагатая. Он умер в 1270 г. См. также «Историю Бухары» Вамбери (152, 153).
- ¹³ Анахронизм, если только не существовало двух людей с таким именем. Мухи-ад-дин Маграби жил во времена Хулагу (1260 г.). Я не смог найти Маулану Абдаллаха Лизана.
- ¹⁴ Оба — сыновья Шахруха, но Ибрахим был жив до 1435 г., или 839 г.х. Бай умер в 837 г.х. [1433 г.], но я нигде не обнаружил, чтобы он являлся правителем Бадахшана. Зайн-ад-дин Хафи был знаменитым святым. Он умер в шаввале 838 г.х. (апрель 1435 г.), см.: Бадауни, 592, примечание.
- ¹⁵ *Маухибат*, что означает «дар». Это либо эвфемизм, либо относится к тому обстоятельству, что комета не нанесла вреда Индии.
- ¹⁶ *Бахтарруя маил башимал*. Г. Джарретт (II. 278, примечание) отмечает, что хотя слово *бахтар* зачастую неверно употребляется, Абу-л Фазл постоянно использует его для обозначения запада. Я не уверен, не хотел ли Абу-л Фазл связать длину хвоста с тем фактом, что его было видно в разных странах.
- ¹⁷ Или 15 мая 1576 г. В «Аин-и-Акбари» говорится, что он умер 4 хурдада.
- ¹⁸ Крепость в районе Тус. Малькольм («История Персии», I. 514, издание 1815 г.) говорит, что ему сообщили, что Каха — это современный Шеша. Каха, однако, упоминается Реклюсом как большой город.
- ¹⁹ Сын Бахрам мирзы и двоюродный брат Исмаила.

- ²⁰ Согласно Олеарию, у Тахмаспа было всего одиннадцать сыновей. Слово *барадар* здесь явно подразумевает и двоюродных братьев.
- ²¹ Она — вторая дочь шаха Тахмаспа, была обручена с Бади-уз-заманом, сыном Бахрам мирзы. Абу-л Фазл приводит далее историю рода Сефевидов.
- ²² В рукописи Индийского департамента — Барди.
- ²³ Абу-л Фазл, вероятно, решил, что коли рассказывает персидскую историю, то не должен быть излишне красноречив и двусмыслен. В результате он больше чем обычно извилист и невразумителен. Из *Алам арай* (рукопись Британского музея, Доп. 16, 684, 65 b) видно, что Пари Ханум и Шамхал были казнены. Выражение «Сокрытая чадрой [женщина] Ирака» соотносится с тем, что говорилось несколько выше о Пари Ханум — «дама Ирана» (*бануи Иран*).
- ²⁴ В тексте *Котбукли*, но, скорее всего, должно быть *Котпутли*. Это в *саркаре* Нарнаул, провинции Агра (Г. Джарретт, II. С. 182 и 194). Там была медная шахта, из-за которой, вероятно, и обсуждался вопрос о монетных дворах. Котпутли находится в Джайпуре, в 60 милях к северо-востоку от Джайпура («*Indian Gazetteer*», XVI. 3).
- ²⁵ Индийский титул, означает главу цеха.
- ²⁶ Это каллиграф. Абу-л Фазл говорит, что он был обязан своим совершенством взгляду Акбара.
- ²⁷ Это рупии *джалала*, упоминаемые в «Аин-и-Акбари».
- ²⁸ Шейх Низам из Нарнола принадлежал к ордену Чишти́я.
- ²⁹ Фарид Бухари («Аин-и-Акбари», I. 413 и 415, прим. 1).
- ³⁰ Вероятно, Бавал в *саркаре* Ревари (Г. Джарретт, II. 293). Палам, куда Акбар отправился после, согласно «Тарих-и-Акбари», находился в *саркаре* Дели (Г. Джарретт, II. 86). Заведение описывается Бадауни в расплывчатом отрывке (пер. У. Лоу, 299).
- ³¹ Его племянник Джафар был известен во времена правления Джахангира.

К ГЛАВЕ 41

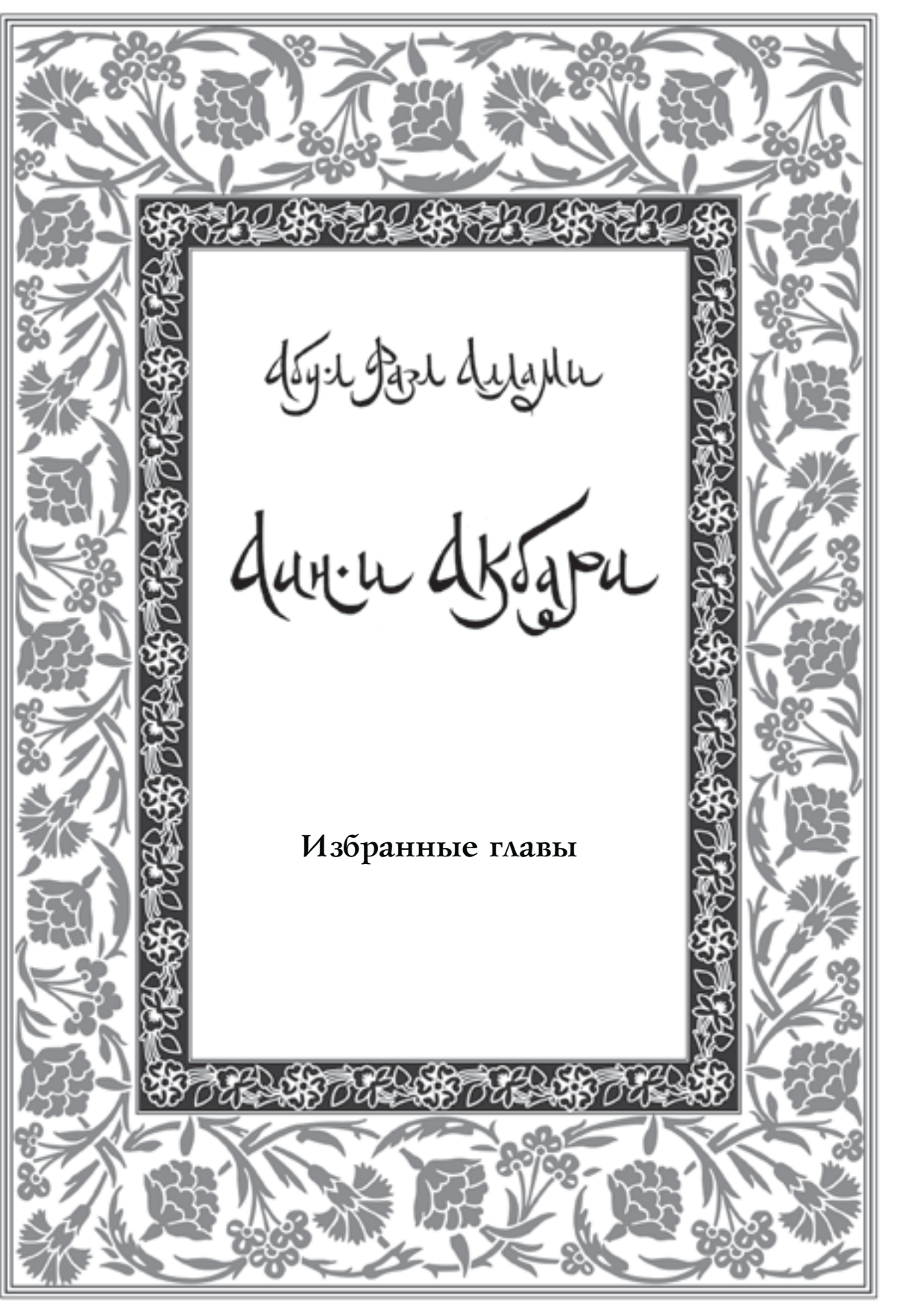
- ¹ В «Икбал-наме» говорится, что его сопровождали Мота раджа, раджа Аскаран и Касим Али-хан.
- ² «Аин-и-Акбари», I. 356 — Дастхара. В «Маасир» — «река Сава, известная под названием Сатдхара». Эллиот, VI. 58, который перевёл этот отрывок «Акбар-наме», даёт вариант Сатдхара и объясняет, что в переводе это означает «Семь потоков», а также утверждает, что это название Бетвы, что в Орчхе. В «Икбал-наме» также Дхара.
- ³ Этот расплывчатый отрывок разъясняется в «Икбал-наме». Явно Садик-хан переправился через реку, думая, что его лагерь в опасности, а затем Мадхукар воспользовался его отбытием и атаковал авангард, который стал арьергардом после ухода Садика.
- ⁴ Орудие, которое тащил слон.
- ⁵ В «Икбал-наме» говорится, что он убил слона.
- ⁶ Его настоящее имя — Махмуд-хан Хасхайл. См. далее в «Акбар-наме», 259. Он сдался Хан Джахану у Госа и там же был казнён.
- ⁷ Явно это всего лишь означает, что она сдалась Хан Джахану. Она сделала это у Госа (в Муршидабаде).
- ⁸ Есть рассказ о шейхе Джамале в «Хазина-ал-асфийа» (I. С. 285), а также у Г. Джарретта (III. 379), где его называют шейх Джамал-ад-дин. Он был потомком Абу Ханифы из Куфы. Там рассказывается история о том, как Фарид отправил ему на подпись бумаги. Фиришта также приводит рассказ о жизни Фариды (ближе к концу). Он говорит, что Фарид по примеру своей сестры дважды отправлял ему бумаги её

- сына, и во второй раз Джамал порвал их. Позднее он с радостью подписал бумаги Низам-ад-дина Аулии. Считается, что Джамал умер в 659 г.х. (1260 г.) и похоронен в Ханси.
- ⁹ Это Мулла Мухаммад Езди у Бадауни, который, по словам последнего, получил имя Язиди (намёк на Язида, убившего Хусейна). Это явно Маулана Мухаммад из «Аин-и-Акбари» (541). Он первоначально был шиитом и в фаворе у Акбара, который сделал его *садром* Джаунпура. Но впоследствии взбунтовался и, согласно Бадауни (пер. У. Лоу, 284), издал *фетву*, что считает своим долгом пойти против Акбара. Как сообщается, Акбар велел взять его под стражу и утопить. Абу-л Фазл мало что о нём рассказывает, лишь говорит, что тот утонул, отмечая, что это был несчастный случай. Мулла Мухаммад явно хотел сделать Акбара *шиитом*, точно так же, как и отец Родольфо Аквавива хотел видеть в нём христианина, и оба ошибались.
- ¹⁰ Абд-ун-Наби получил это назначение в 972 г.х. по рекомендации Музаффар-хана.
- ¹¹ Бадауни (III. 80) называет причиной падения Абд-ун-Наби казнь брахмана из Матхуры за неуважение к Пророку. Он добавляет, что Акбар очень рассердился, когда разбирал это дело, и его усы ошетинились, как у тигра. Более полный рассказ о Абд-ун-Наби см. в «Дарбари Акбари» (320).
- ¹² В тексте Кохана. Это в районе Рохтака. «Indian Gazetteer», XII. 304, Г. Джарретт, II. 293.
- ¹³ См. Аин 19 (I, кн. 2) о *суюргалах* (Г. Блохманн, 268). Абу-л Фазл там рассказывает, что *садра* направили консультировать его и увеличивать или уменьшать пожалования по его совету.
- ¹⁴ *Гургхои*. Это выражение встречается также в «Аин-и-Акбари» (Г. Блохманн, 61), где рассказывается о днях поста. Там также есть подобное замечание относительно постепенного отхода от этой практики. См. высказывание Акбара (Г. Джарретт, III. 240): «Если бы не мысль о проблемах пропитания, я бы запретил людям есть мясо. Причина, по которой я не отказываюсь от него сам, заключается в том, что кто-то волей-неволей (*кам накам*) может последовать моему примеру и впадёт в уныние».
- ¹⁵ Бартоли («Missioni al Gran Mogor», изд. Пьяченца, с. 7) говорит, что Акбар соблюдал строгий пост по пятницам и приписывает это его презрению к исламу. Акбар перестал охотиться по пятницам по причине, приведённой Джахангиром («Тузук-и Джахангири», 249).
- ¹⁶ Рахман Кули Кушбеги (то есть сокольник) приехал из Хиджаза и привёз письмо от *шарифов* Мекки. Я не сомневаюсь, что это Рахман из данного отрывка. Слово «Кули» означает «слуга» или «раб», так что Рахман Кули — это «раб Божий». Это явно Рахман Кули у Бадауни (III. 278), который назвал себя любящим сыном Мулла Ишки. Мулла Ишки — это Мир Бахши. Вероятно, это тот же человек, что и Исмаил-хан, названный Масум Бхакхари отцом Рахман Кули бека.
- ¹⁷ В «Аин-и-Акбари» (Г. Джарретт, II. 115) и в других местах Абу-л Фазл использует иногда слово *касба* в значении «паргана» или «район».
- ¹⁸ *Тихарау* и *тихари* на хинди означает «ваш» на старом диалекте брадж. Это согласуется со следующим предложением, в котором Акбар указывает на местоимения и говорит, что был расстроен «*ма у ман*» (мы и я). *Паргана* Тихара находилась в *саркаре* Сихринд на реке Сатледж. См.: Джарретт, II. 295.
- ¹⁹ Это четверостишие, вероятно, принадлежит Файзи (Г. Блохманн, 561).
- ²⁰ См. «Аин-и-Акбари» (Г. Джарретт, II. 332), где его называют Киямпур Лахи. Существует три других Лахи в *саркаре* (Бет Джаландхар Доаб).

- ²¹ [Мушфики Абд-ар-Рахман (иначе — Мулла Мушфики (1525–1588 гг.), таджикский поэт, оставил *диван* сатирических стихов, два *дивана* газелей, касыды, несколько поэм. В Бухаре, при Дворе Абдулла-хана, получил с 1578 г. титул *малик-аш-муара* — царь поэтов].

К ГЛАВЕ 42

- ¹ [*Атр* — благоухание, аромат.]
- ² См. в «Аин-и-Акбари» (I. С. 284) рассказ о том, как Акбар спас Шуджаат-хана от тигра.
- ³ *Камали* — совершенство, но я считаю, что имеется в виду *аин-и-камали* — злой глаз. Однако это может также значить «совершенство не достигается без печали» (как средства против злого глаза).
- ⁴ *Гао-и-замин*. Буйвол, который несёт на своих рогах землю.
- ⁵ *Кохлмир* — в тексте, в «Аин-и-Акбари», I, — Конбхалмир. Находится в штате Удайпур, в сорока милях к северу от Удайпура. Гора имеет высоту примерно 3500 футов. Там побывал Тод, описавший её в «Personal Narrative».
- ⁶ В «Маасир», II. С. 593, сказано, что *рана*, спасаясь, переоделся в наряд *саньясина*, но это может также значить, что он бежал нагишом или практически без одежды.
- ⁷ Фраза довольно тёмная; в издании Лакхнау и некоторых рукописях вместо *джиср* — мост стоит слово «известия». Возможно, это было названием местечка Джасройя или Джаррота, см. «Аин-и-Акбари», II. С. 320. Акбар, видимо, выступил из Лахора.
- ⁸ См. «Аин-и-Акбари» (I. С. 164), где рассказывается о том, как Акбар дышал на чаши с водой и ставил их на солнце. Возможно, слова *дар атиш нихад* означают «он положил зеркало на солнце».
- ⁹ *Дамгираи*. Означает также поддержку или силу. См. «Аин-и-Акбари», III. С. 366, где слова «чудесная власть» передаются как *дамгираи*. Абу-л Фазл играет на двойном значении. Упомянутое чудо описывается в рукописи «Табакат-и-Акбари». Рассказ датируется примерно 24-м годом, и в нём говорится, что Акбар приказал принести ему зеркало, три раза дохнул на него и затем сунул в огонь. Зеркало, возможно, было металлическим.
- ¹⁰ *Шамсах-и-пейштак* — солнечный образ портика.
- ¹¹ В «Икбал-наме» приводятся имена двух вождей *белуджей*, явившихся просить милости. Это Хаджи-хан и Джихат-хан.
- ¹² «Аин-и-Акбари», I. С. 268; пер. У. Лоу, с. 261. Кази Али из Багдада был назначен проверить состояние земель, освобождённых от податей.
- ¹³ Содержание (букв. «на удовлетворение тела»).
- ¹⁴ Возможно, имеется в виду Яр Мухаммад Ясавал. Или же это — сын Садик-хана. Эта история есть и в «Табакат-и-Акбари», примерно в начале 24-го года. Там сказано, что Акбар заметил: «Это Яр Мухаммад нагарчи (барабанщик)».

A wide, ornate border with a repeating floral and vine pattern in a light gray tone, framing the entire page. Inside this, a narrower black border with a small white floral motif frames the central text area.

Абул Фазл Ахмади

Дин и Акбар

Избранные главы

BIBLIOTHECA INDICA
Work No. 61

THE
AIN-I AKBARI

VOL. I

By
ABU-L-FAZL ALLAMI

Translated into English by

H. BLOCHMANN, M.A.
Calcutta, Madras

Edited by

Lieut.-Colonel. D.C. PHILLOTT, M. A. Ph. D.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Аин-и-Акбари

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ

АРМИЯ

АИН 1

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ВОЙСКА

Его Величество управляет войском мудрым советом и вниманием, и различными способами обуздывает попытки неподчинения. Ввиду многочисленности войска он разделил его на несколько родов и тем обеспечил мир в стране.

В отношении некоторых племён Его Величество довольствуется простым подчинением; он не требует от них особой службы и так ведёт многие дикие народности по пути развития.

*Заминдарам*¹ провинций отданы под начало более четырёх миллионов четырёх сотен тысяч жителей, и речь о них пойдёт позже.

Некоторые воины по повелению Его Величества ставят на своих лошадях царское клеймо. Лошади делятся на разряды и должны представляться к смотру.

Часть солдат находится под руководством одного командира. Их называют *ахади*², ибо они способны к гармоничному единству. Его Величество полагает, что некоторые из них достойны быть командирами, и назначает их таковыми.

Очень многие — люди достойные, но бедные; им выделяются средства на содержание лошадей и даётся земля, при этом они не обязаны ставить на лошадей царское клеймо. Туранцы и персы получают 25 рупий; жители Индостана — 20 рупий. Если же они участвуют в сборе податей, то имеют 15 рупий. Таких воинов называют *бараварди*³.

Некоторые командиры, что по какой-либо причине не могут [на свои средства] предоставить и снарядить воинов, имеют под своим руководством солдат со [снаряжёнными лошадьми с] царским клеймом⁴. Такие подразделения называют *дахили*⁵.

В подчинении командира (*мансабдара*) десяти тысяч служат другие *мансабдары* в ранге *хазари* (тысячники); в подразделении командира восьми тысяч служат *мансабдары* в ранге *хаитсади* (командир восьми сотен); в подразделениях командиров семи тысяч служат *мансабдары* в ранге *хафтсади* (командиры семи сотен); в подразделениях командиров пяти тысяч служат *мансабдары* в ранге *пансади* (командир пяти сотен); в подразделениях *пансади* служат *мансабдары* в ранге *сади* (командир сотни). *Мансабдары* рангом ниже не служат в подразделениях высоких *мансабдаров*.

Часть командиров получают под начало вспомогательные силы. Такие резервы именуются *кумаки*.

В настоящее время предпочтение отдаётся воинам, чьи лошади имеют царское клеймо. Этот класс воинов выше остальных. Основная цель Его Величества — не допустить, чтобы воины одалживали лошадей (на время смотров) или меняли их на тех, что похуже, а заставить их заботиться о царских лошадях; ибо Его Величество знает, что алчность делает людей настолько близорукими, что ущерб они принимают за выгоду. В начале нынешнего царства, когда Его Величество ещё находился под покровом, многие из его подданных были в плену бесчестного поведения, вели разгульную жизнь и, за недостатком чести, [вместо службы] наслаждались прелестями семейной жизни⁶. Недо-

стойные, алчные воины продавали своих лошадей и довольствовались службой в пешем строю или вместо настоящей лошади приводили тату⁷, который больше похож на осла. В своём бесчестии и погоне за жалованьем они произносили высокопарные речи и даже выражали недовольство или бунтовали. Поэтому Его Величество был вынужден ввести реестровую систему и поставить выплату жалованья в зависимость от инспектирования этого реестра (см. ниже, Аин 7). [Такая мера] вскоре прекратила беззакония и обновила всю военную систему. Но в то время законы о царском клейме ещё не были изданы, и Его Величество последовал совету неопытных приближённых, которые рассматривали клеймение животных как проявление жестокости⁸. Таким путём некоторые алчные подданные (которые не в силах были отличить доброе от дурного, и не имели уважения ни к себе, ни к господину, и полагали, что способствуют делу, подрывая его, тем самым действуя вопреки собственным интересам) усвоили иные порочные привычки, что привело к значительному ослаблению боеспособности войска. Вследствие этого Его Величество ввёл обязательное клеймение лошадей в дополнение к реестровой системе⁹. Так недалёкие и пустые люди получили урок дисциплины и стали достойными подданными, в то время как докучливые и низкие научились честности и мужеству. Бесчувственные и алчные познали роскошь великодушия. Теперь армия была схожа с садом, недавно орошённым. Даже для казны новые указы оказались благом. Вот к каким результатам приводят мудрость и практическая сметка! Клеймение лошадей и вправду может вызывать боль; но если смотреть шире, то мыслящий человек найдёт в нём немало выгод.

¹ [Заминдар (перс.) — землевладелец, в средневековой Индии — наследственный держатель земли, имевший право сбора налога на своей территории. При Акбаре заминдарами признавались правители подчинённых территорий, согласившиеся выплачивать фиксированный налог, по сути дань.]

² [Об ахади подробнее см. далее, Аин 4.]

³ [Бараварди (от глагола баравардан (перс.) — исключать) — исключённые из числа, получающих полное жалованье.]

⁴ [Наличие в армии Акбара солдат, которым предоставлялась лошадь с царским клеймом, то есть государственная, и жалованье, было по сути шагом к созданию регулярной армии.]

⁵ [Дахили (перс.) — внутренний, включённый (во что-то).]

⁶ [Поскольку армия традиционно формировалась по принципу ополчения, собираемого крупными землевладельцами, то в начале правления Акбара, в условиях отсутствия сильной центральной власти, была распространена практика уклонения от участия в боевых действиях и непредоставления воинов.]

⁷ [Или татту — пони. Д.-К. Филлотт.]

⁸ [Сыграв на любви юного Акбара к животным, его приближённые смогли надолго сохранить практику, когда практически невозможно было учесть число воинов, выставляемых каждым из них. Поэтому численность войск в тексте, вплоть до 1575 года, указана приблизительно — по сумме воинов, которых теоретически должны были выставять участвующие в походах феодалы.]

⁹ [Реформы Акбара стали по сути продолжением политики, проводимой Шер шахом Суром. Согласно ей владелец джагира — жалуемого земельного владения — был обязан не только сам служить правителю на войне, но и выставять наёмные войска, которые снаряжались и содержались на средства, полученные от джагиров. Количество наёмных воинов определялось чином военачальника или устанавливалось указом правителя. Клеймение коней индивидуальным клеймом джагирдара, или царским клеймом, позволяло прекратить практику предоставления на смотрях одних и тех же конников разными джагирдарами.]

АИН 2

О ЖИВОТНЫХ В АРМИИ

На 18-м году правления Его Величество ввёл систему клеймения [животных]. Наилучшим образом были расписаны воинские чины, и особое внимание уделено армейским животным. Для каждого вида разработаны требования и введены превосходные правила. Его Величество получил подробные справки о максимальных и минимальных ценах и установил средние. В практику ввели проверки счетов, для чего изданы соответствующие правила. Бахши освободили от тяжкой необходимости привлечения новых людей, и всё пошло гладко.

1. Лошади. Их разделили на семь групп и установили для каждой размер дневного рациона. Эти семь групп составляли арабские, персидские кони, *муджанна*, турецкие кони, *лабус*, *тази* и кони *джангла*.

Первая группа — настоящие арабские скакуны либо похожие на них статью и удалю. Их содержание обходится в 720 *дамов* в месяц, и они получают ежедневно 6 *серов* зерна (цена его, в пересчёте на каждое животное, — 12 *дамов* за *ман*), на 2 $\frac{1}{2}$ *дама* *гхи* [топлёное масло], на 2 *дама* сахара и на 3 *дама* травы. А также за *джул*, *артак*, *ялпош*, подпругу (Его Величество называет её не *танг*, а *фарах*)¹, *гадди* *нахтабанд*², *гайза* (каковое слово простолюдин произносит как *гайиза*), *магассан*, скребницу, *хаттхи* (мочалка из конского волоса для мытья лошадей), полотенце, *паибанд*, гвозди и т.д. — 70 *дамов* в месяц, эти издержки называются *хардж-и* *ярак-и* *асп* (расходы на сбрую). Кроме того, 60 *дамов* каждый второй месяц тратится на седло и *апчи*³, 7 *дамов* в месяц на подковы и 63 *дама* на конюха, который получает вдвое больше, если ухаживает за двумя лошадьми. Итого, 479 *дамов*. Но поскольку Его Величество заботится об армии и следит за удовлетворением потребностей своих воинов, он с самого начала увеличил эту норму содержания на 81 *дам*, а когда стоимость рупии возросла с 35 до 40 *дамов*, пожаловал второе повышение в размере 80 *дамов*. При расчёте жалованья эта монета [рупия] всегда стоит 40 *дамов*. После чего был издан приказ произвести третье повышение на 2 рупии (80 *дамов*) для всех видов лошадей, кроме *джангла*, которые в настоящее время полностью опускаются в расчётах.

Ко второй группе относятся лошади, выращенные в Персии⁴, или те, которые напоминают персидских формой либо статью. Их месячная норма содержания — 680 *дамов*. Из них 458 — необходимые расходы, что на 21 *дам* меньше, чем у предыдущей группы, а именно: 10 *дамов* за *ярак*, 10 *дамов* за седло и уздечку и 1 *дам* за подковы. Первое повышение составляло 67 *дамов*, второе — 75 *дамов*, третье — 80 *дамов*. Итого — 680 *дамов*.

Третья группа — *муджанна*, они напоминают персидских, и в основном это тюркские или персидские кастраты⁵. Месячная норма для их содержания — 560 *дамов*. Из них 358 *дамов* — на необходимые расходы. На довольствие для этих лошадей отводится на 100 *дамов* меньше, чем для предыдущей группы, а именно: на 30 *дамов* меньше на сахар, на 30 *дамов* меньше на седло и уздечку и т.д.; на 15 *дамов* меньше на *гхи*, на 3 *дама* меньше на конюха; на 2 *дама* меньше на подковы⁶. Первое повышение, санкционированное Его Величеством, составило 72 *дама*, второе — 50 *дамов*, третье — 80 *дамов*.

Лошади четвёртой группы завозятся из Турана⁷; они, хотя сильные и статные, не сравнятся с предыдущими. Месячная норма содержания — 480 *дамов*. Из них 298 — на необходимое. Их норма на 60 *дамов* ниже, чем у *муджанна*, то есть на 30 *дамов* меньше на сахар, на 30 *дамов* меньше на сено, на 10 *дамов* меньше на *ярак*, на 4 *дама* меньше на седло и уздечку и т.д.; на 2 *дама* меньше на подковы, на 2 *дама* меньше на *гхи*. Но ежедневный отпуск зерна был увеличен на 2 *се*ра (что в месяц даёт 18 *дамов*), так как был исключён сахар. Первое повышение составило 52 *дама*, второе — 50, третье — 80 *дамов*.

Пятая группа (лошади *ябу*) разводятся в этой стране, но не отличаются силой и размерами. Также они не очень хороши в бою. Они — потомки тюркской плохой породы. Для них месячная норма содержания — 400 *дамов*. Из них 239 — на необходимое. Их норма на 59 *дамов* ниже, чем у предыдущей группы, а именно: 28 *дамов* меньше на *гхи*, 15 *дамов* меньше на конюха, 10 *дамов* меньше на *ярак*, 6 *дамов* меньше на седло, уздечку и т.д. Первое повышение выполнили на 41 *дам*, второе — на 40 *дамов*, третье — на 80 *дамов*.

Последние две группы разводят в основном в Индии. Самая лучшая порода называется *тази*, средняя — *джангла*, а самая худшая — *тату*⁸.

Хорошие кобылы учитываются как *тази*, а если они не хороши, то как *джангла*.

Тази. Месячная норма их содержания — 320 *дамов*, из которых 188 — на необходимое. Их норма на 51 *дам* ниже, чем у *ябу*, а именно: 18 *дамов* меньше на зерно, так как они получают всего 6 *серов* в день; 15 *дамов* меньше на сено; 10 *дамов* меньше на *гхи* и сахар; 8 *дамов* меньше на *ярак*. Первое повышение составило 22 *дама*, второе — 30 *дамов*, третье — 80 *дамов*.

Джангла. Месячное содержание — 240 *дамов*. Из них на необходимое — 145 $\frac{1}{2}$ *дама*. Норма их на 42 $\frac{1}{2}$ *дама* ниже, чем у *тази*. Ежедневная норма зерна — 5 *серов*. Итого: 15 *дамов* меньше на сено; 9 *дамов* меньше на зерно; 6 *дамов* меньше на *гхи* и мелассу⁹; 4 $\frac{1}{2}$ меньше на *ярак*; 2 *дама* меньше на подковы. Первое повышение — на 29 $\frac{1}{2}$ *дама*, второе — на 25 *дамов*, третье — на 40 *дамов*.

Ранее мулы учитывались как лошади *тази*, но теперь как *джангла*.

Месячная норма содержания *тату* равна 160 *дамам*, но эти животные сейчас нигде не учитываются¹⁰.

2. Слоны. Клеймённые боевые слоны делятся на 7 групп: *маст*, *шергир*, *сада*, *манджхоло*, *карха*, *пхандуркийя* и *мокал*. Дальнейшее подразделение этих групп не производится, в отличие от слонов Его Величества.

Месячная норма содержания для слонов *маст* составляет 1 320 *дамов* (33 рупии). Ежедневный отпуск зерна — 2 $\frac{1}{2}$ *мана*. Ни к одному слону не приставлено более трёх человек obsługi, именуемых *махават*, *бхои* и *метх*¹¹, из которых первый получает 120 *дамов*, а остальные — по 90 *дамов*. Жалованье было повышено на 120 *дамов*. Вначале слонов клеймили, но теперь произошли некоторые изменения.

Слоны *шергир*. Месячное содержание — 1 100 *дамов*, что на 220 меньше, чем у предыдущей группы. Зерна выдаётся 2 *мана* в день, что в месяц составляет на 180 *дамов* меньше. На 15 *дамов* меньше получают *махават* и *бхои*. Его Величество повысил содержание на 110 *дамов*.

Слоны *сада*. Месячная норма содержания — 800 *дамов*, что на 300 *дамов* меньше, чем у предыдущей группы. Зерна — 1 $\frac{1}{2}$ *мана* в день, что в месяц даёт экономию в 180 *дамов*. Кроме того, на 30 *дамов* меньше получает *метх* и на 15 *дамов* меньше — *махават* и *бхои*. Довольство повышено на 50 *дамов*.

Слоны *манджхоло*. Месячная норма содержания — 600 *дамов*. Зерна — 1 *ман*. Понижение нормы такое же, как и у предыдущей группы, но этой группе на довольствие прибавили 90 *дамов*.

Слоны *карха*. Месячная норма содержания равна 420 *дамам*, зерна — 30 *серам*. Следовательно, уменьшение составляет 30 *дамов*, а *махават* получает меньше на 15 *дамов*. Должность *бхои* не предусмотрена. Дополнительное содержание — 60 *дамов*.

Слоны *пхандуркийя*. Месячная норма содержания — 300 *дамов*. Зерна — 15 *серов* в день, то есть экономия составляет 135 *дамов* в месяц. Положен только один слуга, жалованье которого составляет 60 *дамов* в месяц. Дополнительное содержание — 105 *дамов*.

Слоны *мокал* ранее не учитывались. Теперь же их сочли достойными занять место среди остальных групп. Их месячная норма содержания — 280 *дамов*.

Во всех платежах за слонов единицей расчёта служит *дам*, а не рупия, поэтому возможность колебания курса исключена.

3. Верблюды. Месячное содержание — 240 *дамов*, из них: зерна — 6 *серов* в день, сена — на 1 *дам*, сбруя — 20 *дамов*, погонщику — 60 *дамов*. Прибавка составила 58 *дамов*, а когда курс рупии установили в 40 *дамов*, было добавлено ещё 20 *дамов*

4. Волы. Месячное содержание — 120 *дамов*. Зерна — 4 *сера* в день, сена — на 1 *дам*; упряжь — 6 *дамов*. Прибавка — 38 *дамов*. После повышения курса рупии были добавлены ещё 10 *дамов*.

5. Тяговые волы. На каждую повозку месячная норма — 600 *дамов*, причём 480 *дамов* расходуются на волов, 120 — на смазку, починку повозок и прочие удобства.

Слоны и повозки положены только *мансабдарам* и тем, кто приводит хороших лошадей и верблюдов, а также достаточное число хороших волов для клеймения.

¹ (*Танг* — это подпруга, но *фарахи* — это валик [седла]. Д.-К. Филлотт.)

² (*Нахтабанд* — недоуздок. Д.-К. Филлотт.)

³ [*Апчи* (правильно — *абчи* от *аб* (перс.) — вода) — водяной, водонос.]

⁴ [*Ирак-и Аджам* — средневековое название территории Ирана.]

⁵ [*Холощение* (кастрация) применялось к жеребцам, отличавшимся строптивым нравом, чтобы укротить их, сохранив боевые качества.]

⁶ [*Указанная разница* в сумме составляет 80 *дамов*. Видимо, были сокращены ещё какие-то дополнительные расходы.]

⁷ [*Тураном* называли современную Среднюю Азию, включая Южный Казахстан.]

⁸ (Вместо *татту* — пони. Д.-К. Филлотт.)

⁹ (*Канд-и сиях* [букв. «чёрный сахар»] — это, вероятно, *гур* [патока]. — Д.-К. Филлотт.)

¹⁰ Примечание переводчика [Г. Блохманн].

¹¹ [*Махават* (*махаут*) — погонщик слона, который сидя на шее руководит его действиями с помощью крюка — *анкуша*. *Бхои* во время движения располагался на крестце животного и помогал *махавату* во время сражения. *Метх* ухаживал за слоном и отвечал за его питание и здоровье.]

Мы можем расположить все выкладки Абу-л Фазла в форме таблицы. Из нескольких замечаний Бадауни можно заключить, что в царскую армию входили в основном лошади четвёртой и шестой групп. Экспорт лошадей из Индостана Акбар на строго запретил, а ответственными за соблюдение этого закона назначил *котвалов*. См.: Бадауни, II. 390. Многие новобранцы приводили с собой лошадей, на содержание которых *мансабдары* получали из казны деньги согласно нижеследующей таблице:

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
	Арабские	Персидские	Муджанны	Турецкие	Ябу	Тази	Джангла	Тату
<i>Зерно</i>	54 <i>дама</i>	54 <i>дама</i>	54 <i>дама</i>	72 <i>дама</i>	72 <i>дама</i>	54 <i>дама</i>	45 <i>дама</i>	нет данных
<i>Гхи</i>	75 <i>дамов</i>	75 <i>дамов</i>	60 <i>дамов</i>	60 <i>дамов</i>	60 <i>дамов</i>	10 <i>дамов</i>	4 <i>дама</i>	

Сахар	60 дамов	60 дамов	30 дамов	30 дамов	20 дамов	10 дамов	4 дама	
Сено	90 дамов	90 дамов	90 дамов	16 дамов	10 дамов	45 дамов	30 дамов	
Ярак	70 дамов	60 дамов	40 дамов	2 дама	2 дама	12 дамов	7 ¹ / ₂ дама	
Седло и т.д	60 дамов	50 дамов	20 дамов	60 дамов	45 дамов	10 дамов	10 дамов	
Подковы	7 дамов	6 дамов	4 дама			2 дама		
Конюх	63 дама	63 дама	60 дамов			45 дамов	45 дамов	
Первоначальная норма	479 дамов	458 дамов	358 дамов	298 дамов	239 дамов	118 дамов	145 ¹ / ₂ дама	
1-е повышение	81 дам	67 дамов	72 дама	52 дама	41 дам	22 дама	29 ¹ / ₂ дама	
2-е повышение	80 дамов	75 дамов	30 дамов	50 дамов	40 дамов	30 дамов	25 дамов	
3-е повышение	80 дамов	80 дамов	80 дамов	80 дамов	80 дамов	80 дамов	40 дамов	
Итого: дамов в месяц	720	680	560	480	400	320	240	160

Отпуск сахара или мелассы, согласно Абу-л Фазлу, не производился начиная с IV группы; но, поскольку он упоминает эти продукты и далее, я поставил скобки. Гхи и меласса обычно выдавались вместе.

АИН 3 МАНСАБДАРЫ¹

Мудрые исследователи всегда руководствуются одними и теми же принципами, и мнения людей нашего времени не отличаются от мнений тех, кто жил прежде. Все они согласны в том, что если бы какое-то [образование], состоящее из множества частей, не было подчинено законам гармонии, то пыль волнений не улеглась бы и беззаконие не прекращалось. Так обстоит дело с силами стихий: пока нет объединяющего принципа, они мертвы и неспособны демонстрировать чудеса природного царства. Даже животные объединяются между собой и избегают умышленного насилия, поэтому живут спокойно и знают, что для них хорошо, а что плохо. Но люди, в силу своих порочных страстей, гораздо более нуждаются в справедливом вожде, вокруг которого они могли бы сплотиться; воистину, их существование в сообществе зависит от того, управляются ли они монархом; ибо чрезвычайная греховность людей и их склонность ко злу толкают их страсти и похоти к новым порокам и даже внушают им, что кровопролитие и нанесение вреда заповедано религией². Дабы разогнать эти тучи невежества, Всевышний избирает мужа, которым

он руководит, оказывая постоянную поддержку и выказывая ему милость, возрастающую день за днём. Опираясь на свой опыт, неустрашимость, великодушие, этот человек положит конец людским распрям и тем вдохнёт в них новую бодрость.

Но так как сил одного человека едва ли достанет для столь трудного предприятия, он, направляемый светом своего знания, выбирает себе превосходных помощников и одновременно назначает им подчинённых. С этой целью Его Величество учредил должность *мансабдаров* от *дахбаши* (десятника) до *даххазари* (командира десяти тысяч), вручив, однако, обязанности военачальников свыше пяти тысяч воинов своим августейшим сыновьям.

Проницательные увидели в этом знак, а пытливые умы усмотрели намёк свыше, когда обнаружили значение букв священного имени Всевышнего³: они прочли в нём счастливое провозвестие нынешнего блестящего царствования и уверились, что это крайне благоприятное предзнаменование. Количество *мансабов* составляет 66, столько же, сколько даёт сумма [числовых значений] букв в имени *Аллах*, что служит провозвестием вечной благодати.

Выбирая военачальников, Его Величество руководствуется своим знанием духа времени — знанием, изливающим особым свет на алмаз его мудрости. Некоторых людей Его Величество видит насквозь с первого взгляда⁴ и тогда назначает их на высокий пост.

Иногда он повышает начальника в должности, но уменьшает численность его войска. Он также определяет количество выючных животных. Ежемесячные выплаты *мансабдарам* зависят от состояния, в котором находится их воинский личный состав. Военачальник, личный состав которого соответствует его *мансабу*, причисляется к первому классу в своём ранге; если тот составляет половину или более положенного, он причисляется ко второму классу; к третьему классу относятся *мансабдары*, чей личный состав менее обозначенного, как показано в таблице ниже.

Юзбаши (командиры сотни) делятся на одиннадцать классов. К первому классу относятся те, что имеют под своей командой 100 воинов. Их месячное жалованье составляет 700 рупий. К одиннадцатому классу относятся те, кто не имеет своих воинов, в соответствии со сказанным ранее, что теперь предпочтение отдаётся войскам *дакхили*. Этот класс получает 500 рупий. Для девяти промежуточных классов месячное жалованье рассчитывается исходя из 700 рупий и уменьшается на 20 рупий за каждых 10 недостающих воинов.

При учёте животных *дубисти* не обязательно иметь строго определённое количество тюркских лошадей и лошадей *джангла*, а также слонов. Для командиров 30 и 20 обычно принимается четыре *муджанна*, реже *ябу*; а для *дахбаши* не обязательны тюркские лошади, хотя их жалованье остаётся неизменным.

Примечание переводчика о мансабах [Г. Блохманн]

Шестьдесят шесть *мансабов*, описанных подробно Абу-л Фазлом в нижеприведённой таблице, являются скорее результатом детальной классификации, а не *мансабами*, реально существовавшими во времена Акбара. Таблица, возможно, представляет собой составленную Акбаром схему; но список вельмож, приведённый самим Абу-л Фазлом в Аине 30 этой книги, включает только 33 *мансаба* — три подразделения трёх принцев от 10 000 до 7 000 воинов и тридцать соединений *мансабдаров*, а именно: подразделения по 5 000, 4 500, 4 000, 3 500, 3 000, 2 500, 1 500, 1 250, 1 000, 900 (?), 800, 700, 600, 500, 400, 300 (?), 250, 200, 150, 120, 100, 80, 60, 50, 40, 30, 20, 10. Из последних тридцати подразделений два вызывают некоторые сомнения (по 900 и по 300), так как не фигурируют во всех рукописях Аина, хотя в списке вельмож времён Шах Джахана («Падшах-наме», II. 717) упоминается часть из 900 воинов. Подразделение из 300 воинов там не указано, поскольку *мансабы* менее 500 в том списке отсутствуют.

Ниже Абу-л Фазл приводит имена всех командиров Акбара вплоть до *мансабдаров* 500 воинов, затем перечисляет имена командиров от 500 до 200, которые были живы на момент составления списка. Из командиров рангом ниже 200 он называет только количество тех, кто был в живых, а именно командиров:

150	53
120	1
100 (<i>юзбаши</i>)	250
80	91
60	204
50	16
40	260
30	39
20	250
10	224

Итого, общее число командиров от 150 до 10 составляет 1 388. Число вышестоящих *мансабдаров*, командиров от 5 000 до 200 воинов, равнялось 412, из которых 150 могли уже умереть к тому времени, когда Абу-л Фазл составлял свой перечень.

Поскольку перечень Абу-л Фазла (Аин 30), согласно свидетельству Низама Харави³, полный, то нет сомнений, что из 66 *мансабов*, указанных в таблице, реально существовали только 33. Первые восемнадцать из них — подразделения численностью менее 500 воинов, что соответствует списку вельмож Шах Джахана, приведённому в «Падшах-наме», который также содержит 18 подразделений до 500 воинов.

Части, перечисленные в «Падшах-наме», таковы: четыре подразделения принцев (Дара Шикох — 20 000; Шах Шуджа — 15 000; Аурангзеб — 15 000; Мурад Бахш — 12 000), а также подразделения численностью по 9 000, 7 000, 6 000, 5 000, 4 000, 3 000, 2 500, 2 000, 1 500, 1 000, 900, 800, 700, 600, 500.

Учитывая, что Абу-л Фазл приводит только имена командиров [подразделений] до 200 воинов, а «Падшах-наме» — до 500, можно сделать вывод, что во времена Акбара *мансабы* менее 200 человек, а во времена Шах Джахана — менее 500 не давали командиру права на титул *амира*. Судя по «Табакат-и-Акбари» Низама и по «Маасир-и-рахими», *мансабдары*, статусом равные или выше *хазари* (командиры 1 000 воинов), во времена Акбара именовались *умара-и кабир* или *умара-и азам*, или великие *амиры*. И я не уверен, не было ли использование титула *амир* ограничено только *мансабдарами* ранга *хазари* и выше.

Титулом *амир-ал-умара* (*амир амиров*, или верховный *амир*), который, судя по его значению, должен был принадлежать только одному человеку, награждались сразу несколько человек. Низам присваивает его Адхам-хану, Хизр Ходже-хану, Мир Мухаммад-хану Атке, Музаффар-хану, Кутб-ад-дин Мухаммад-хану и трём верховным военачальникам — Байрам-хану, Муним-хану и Мирзе Абд-ар-Рахиму, причём трое последних именовались *Хан-ханан*⁶ или *Хан-ханан у сипахсалар*.

В «Падшах-наме», однако, титул *амир-ал-умара* носит только первый из здравствующих вельмож (Али Мардан-хан).

Стоит отметить, что Низам упоминает только командиров 5 000, 4 000, 3 000, 2 500, 2 000, 1 500 и 1000 воинов — для более мелких *мансабов* он не приводит

имён [военачальников]. Абу-л Фазл называет три промежуточных *мансаба* по 4 500, 3 500 и 1 250 воинов, но так как он даёт только пять имён для этих трёх чинов, можно сделать вывод, что они не были обычными. Это согласуется и с размером жалования командиров: ибо если мы опустим подразделения численностью по 4 500, 3 500 и 1 250 человек, то, согласно Аину 30, получится *двенадцать* разрядов от 5 000 до 500, а месячное жалование командира 500 воинов (2 500 рупий) составляет *двенадцатую* часть от жалования командира 5 000 (30 000 рупий). В «Падшах-наме» между командирами 7 000 и 500 названо *четыре* разрядов и указан размер жалования командира 7 000 — один *крор дамов* в год, или 250 000 рупий; здесь же сказано, что размер жалования уменьшается пропорционально. В персидском словаре «Гияс-ал-лугат» говорится, что жалование командира 5 000 — один *крор*, или 250 000 рупий, а жалование *пансади*, или командира 500, — 20 000 рупий в год, то есть в 12,5 раза меньше.

Таким образом, может создаться впечатление, что размеры жалования *мансабдаров*, приведённые Абу-л Фазлом в нижеследующей таблице, несколько больше, чем те, что мы находим в «Падшах-наме» или «Гияс-ал-лугат», на что бы ни опирался последний труд.

Размеры жалования кажутся необычно высокими, но они были значительно меньше, если учесть, что каждому *мансабдару* надлежало содержать лошадей, слонов, верблюдов, подводы и т.д., количество которых Абу-л Фазл указывает для каждого ранга. Если взять за основу предыдущий Аин и таблицу в примечании, уточняющую количество лошадей и прочего, то для командира:

5 000	Месячное жалование — 30 000 рупий	10 637 рупий
1 000		3 015 ¹ / ₂ рупий
100		313 рупий

Три класса, которые Абу-л Фазл приводит для каждого *мансаба*, отличаются друг от друга незначительно. Командир 5 000 необязательно находился во главе такого количества войск. Фактически очень редко реальные цифры приближались к числу, выраженному титулом *мансабдара*. Так, Низам говорит как о чём-то необычном, что Тодар Мал и Кутб-ад-дин-хан имели под своим началом: первый — 4 000 кавалерии, второй — 5 000 *наукаров*, или слуг, то есть солдат, хотя Тодар Мал был командиром 4 000 (у Низама — 5 000), а Кутб-ад-дин — 5 000. Об Абд-ал Маджид Асаф-хане, командире 3 000 (см. Аин 30, № 49) Низам говорит: «Он достиг вершины, когда под началом у него стало 20 000». Из «Падшах-наме», где приводится больше подробностей о числе воинов у каждого командира, мы узнаём, что из 115 командиров 500 воинов при Шах Джахане только 6 действительно командовали пятью сотнями, а у последнего было под началом только 50 солдат. Этот факт объясняет употребление слова *зат* после титулов *мансабдаров*, как, например *пандж хазари-йи зат сикхазар сувар* — «командир 5 000 (*зат* — по рангу), в действительности командовавший 3 000 кавалерии». Иногда мы встречаем другую фразу, значение которой будет приведено ниже, а именно «*Шайиста Хан панджхазари, пандж хазар сувар-и дуаспа сихаспа*», что означает: «Шайиста-хан, командир 5 000, во главе 5 000 кавалеристов с двумя и тремя лошадьми». Воина называют *дуаспа*, если у него две лошади, и *сихаспа* — если три. Они служат для того, чтобы менять их на ускоренном марше, или *элгаре*. Но командовать *дуаспа* и *сихаспа* было особым отличием, поскольку в «Падшах-наме» упоминаются только имевшие таковых высшие *мансабдары*, а именно 8 (из 20)

панджхазари, 2 сиххазари; 2 духазари; 2 хазари пансади; 1 хазари и 1 хафтсади.

Высшие мансабдары в основном являлись правителями суб [провинций]. Поначалу их называли *сипахсаларами*, ближе к концу правления Акбара мы видим, что их называют *хакимами*, а затем *сахиб суба*, или *субадарами*, а ещё позже просто *суба*. Другие мансабдары держали *джагиры*, которые после Акбара часто менялись. Мансабдаров также называют *тайнатаиян* (назначенные), а воинов их подразделений именуют *табинат* (последователи)⁷; отсюда слово *табинбаши*, то есть сам мансабдар или его *бахши* (казначей, полковник).

Войска мансабдаров, которые составляли основу армии, осматривались в установленное время и оплачивались из государственной или местной казны. Эти смотры составляли Акбару множество забот, так как обман был обычным делом. Реформа армии начинается, когда Шахбаз-хан назначен *мир бахши*. Интересен следующий отрывок из Бадауни (пер. У. Лоу, II. 190):

«Всю страну, за исключением земель *халиса* (царских владений), *амиры* держали в качестве *джагиров*, а поскольку они были дерзкими и мятежными, тратили огромные суммы на запасы и мастерские, накапливая добро, у них не было времени и желания заботиться о войске и людях. В случае необходимости они прибывали на поле боя сами со своими рабами и слугами-моголами, но настоящих солдат при них не было. Шахбаз-хан, *мир бахши*, ввёл обычай и правило *даг-у махали*, который был правилом при Ала-ад-дине Хилджи⁸, а затем, при Шер шахе, стал законом.

Было решено, что каждый *амир* должен начинать с командира 20 (*бисти*) и вместе со своими последователями быть готовым стоять на часах... как было приказано; и когда, в соответствии с правилами, он приведёт для клеймения лошадей своих двадцати воинов, его следовало назначить *сади*, или командиром 100, или более. Согласно тому же установлению, им также полагалось иметь слонов, лошадей и верблюдов сообразно чину. Если они приводили своё новое подразделение на смотр в полном составе, их ожидало повышение в соответствии с их заслугами и особыми обстоятельствами до чина *хазари*, *духазари* или даже *панджхазари* — самого высокого *мансаба*; но если они производили плохое впечатление на смотре, их понижали в чине. Однако, несмотря на это правило, положение солдат только ухудшилось, ибо *амиры* творили, что хотели: они наряжали слуг в одежды солдат (*либас-и сипахи*), приводили их на смотры и действовали в соответствии с приказом. Но, получив свой *джагир*, отпускали конных слуг, а когда вновь возникала необходимость, выставляли столько «взятых внаём» солдат, сколько нужно, и отсылали их, достигнув своих целей. Поэтому в то время как доходы и расходы *мансабдара* оставались неизменными, «тарелки беспомощных солдат покрывала пыль», так как они были не нужны. Но отовсюду на смотр прибывали низкородные мастеровые, прядильщики и хлопководы (*наддаф*), плотники и бакалейщики — как индусы, так и мусульмане — и приводили взятых внаём лошадей, клеймили их, получали *мансаб* или назначались *крорами* либо *ахади* или чьими-то *дахили*, а по прошествии нескольких дней, когда от воображаемой лошади или седла не оставалось ни следа, им приходилось нести службу в пешем строю. Много раз на смотрах, перед самим царём в *диванханаи хасс* [здании для личных аудиенций] их взвешивали вместе с одеждой, связав руки и ноги, и оказывалось, что они весят от $2\frac{1}{2}$ до 3 *манов*, чуть больше или меньше, (?) а после допроса выяснялось, что все они наняты, а вся их одежда и седла взяты напрокат. Его Величество тогда говорил: «Теперь, когда мои глаза раскрылись, я вынужден платить этим людям жалованье, чтобы им было на что жить». По прошествии некоторого времени Его Величество разделил *ахади* на *дуаспа*, *якаспа* (с одной лошадей) и *нимаспа* (пол-лошади), в последнем случае два воина содержали одну лошадь и делили причитающееся жалованье, которое составляло 6 рупий.

Ты хорошенько взвесь все факты, но ни о чём не вопрошай!

Каждый день случалось, что-то... но несмотря на это, счастливая судьба помогла Его Величеству одолеть всех врагов, так что слишком многочисленное войско стало не столь необходимо, и *амиры* более не страдали от неудобств, связанных со строптивостью своих слуг».

Отсюда постоянные смотры воинов, животных, обоза и т.д., которые проводил Акбар, отсюда детальность многих правил, приведённых в Аинах, и большие штрафы, налагавшиеся на нерадивых слуг. В тщательности, с которой Акбар вникал в мелочи (*касрат*) с целью понять целое (*вахдат*) — что было довольно необычно для правителей прошлого, — заключался залог его успехов.

Нам недостаёт данных, чтобы точно оценить мощь армии Акбара. Однако мы можем процитировать слова из «Падшах-наме» относительно сил армии [Шах Джахана], см.: «Падшах-наме», II. 715.

«Войско нашего правителя, получающее жалованье, состоит из 200 000 кавалерии, в соответствии с вышеупомянутым правилом клеймения четвёртой части. Сюда не включены солдаты, которых разрешено содержать *фаудждарам*, *крорам* и сборщикам податей для управления *парганами*. Эти 200 000 состоят из: 8 000 *мансабдаров*, 7 000 конных *ахад* и конных *барканди*, 185 000 всадников, куда входят войска (*табинан*) принцев, высших сановников и остальных *мансабдаров*.

Кроме 200 000 кавалерии, есть 40 000 пешего войска: стрелки, пушкари, гренадёры. Из них 10 000 сопровождают царя, а остальные 30 000 находятся в *субах* и крепостях».

О «Правиле клеймения четвёртой части» повествуется среди событий 1056 г.х. [1646 г.] так («Падшах-наме», II. 506):

«Следующий закон был принят нынешним царём (Шах Джаханом). Если *мансабдар* имеет *джагир* в той же *субе*, где находится его *мансаб*, то он должен представить на смотр треть всех войск, предусмотренных его должностью⁹.

Соответственно, *си хазари* *зат сих-хазар* (по рангу командир 3 000, контингент которого составляет 3 000 всадников), должен представить на смотр (клеить) 1 000 всадников. Но если он исполняет должность в другой *субе*, ему следует представить на смотр только четвёртую часть. Соответственно, *чахархазари чахар-хазар сувар* (командир 4 000, в подчинении которого 4 000) должен представить только 1 000 всадников.

Когда царская армия получила приказ взять Балх и Самарканд (1055 г.х.) [1645 г.], Его Величество, по причине удалённости этих городов, приказал, чтобы на время похода каждый *мансабдар* выставлял только $\frac{1}{5}$ часть войска. Соответственно, *панджхазари панджхазар сувар* (командир 5 000 с контингентом 5 000 человек) представлял только 1 000, а именно: 300 воинов *сихаспа*, 600 воинов *дуаспа*, 100 воинов *якаспа* (то есть 1 000 человек с 2 200 лошадей) при условии, что доходы (*хасил*) его *джагира* закрепляются за ним на 12 месяцев; или 250 воинов *сихаспа*, 500 воинов *дуаспа* и 250 воинов *якаспа* (то есть 1 000 человек с 2 000 лошадей) при условии, что доходы его *джагира* сохраняются за ним 11 месяцев; или 800 воинов *дуаспа* и 200 воинов *якаспа* (то есть 1 000 человек с 1 800 лошадей), если доходы с *джагира* сохраняются 10 месяцев; или 600 воинов *дуаспа* и 400 *якаспа*, если 9 месяцев; или 450 *дуаспа* и 550 *якаспа*, если 8 месяцев; или 250 воинов *дуаспа* и 750 *якаспа*, если 7 месяцев; или 100 *дуаспа* и 900 *якаспа*, если на 6 месяцев; или 1 000 воинов *якаспа*, если на 5 месяцев.

Но если для воинов определённого *мансаба* установлен статус *сиаспа дуаспа* (иными словами, если командир — не *пандж хазари* или *пандж хазар сувар*, а *пандж хазари пандж хазар сувар-и дуаспа сиаспа*), то он [*мансабдар*], в соответствии с долей воинов *сиаспа* и *дуаспа*, представляет на смотр вдвое больше воинов, чем ему следовало бы представить, если бы его *мансаб* подчинялся вышеизложенным правилам. Соответственно, *пандж хазари пандж хазар тамам дуаспа сиаспа* (командир 5 000, в подчинении только воины *дуаспа* и *сиаспа*) представляет 600 воинов с тремя лошадьми, 1 200 вои-

нов с двумя лошадьми и 200 воинов с одной лошадью (то есть 2 000 человек с 4 400 лошадьми), при условии что его доходы сохраняются за ним 12 месяцев, и т.д.».

Из этого важного фрагмента становится ясно, что одна четвёртая часть того числа воинов, которое полагалось иметь по рангу, была средним показателем мощи войсковых соединений во времена Шах Джахана. Так, если командир 1 000 воинов имел ранг *хазари хазар сувар*, мощь его соединения составляла $1\,000 : 4 = 250$ человек с 650 лошадьми, то есть 75 *сиаспа*, 150 *дуаспа* и 25 *якаспа*. А если он носил ранг *хазари хазар сувар-и дуаспа сиаспа*, численность его подразделения составляла 500 человек с 1 300 лошадьми, то есть 150 *сиаспа*, 300 *дуаспа*, 50 *якаспа*, при условии что доход со своего *джагира* он получал ежемесячно в течение года. Этот отрывок указывает на то, что воины *сиаспа*, *дуаспа*, *якаспа* для всех *мансабов* набирались в пропорции 300:600 : 100, или 3 : 6 : 1.

Так как автор «Падшах-наме» не указывает ограничений по количеству месяцев, в течение которых *мансабдары* получали доход, можно заключить, что разница в мощи подразделения, указанная после имени каждого вельможи, зависела от богатства его *джагира*.

Из случайного замечания («Падшах-наме», I. 113) мы узнаём, что жалование командира *сиаспа*, *дуаспа* вдвое превосходило жалование командира *якаспа*. Это объясняется тем, что первый имел в подчинении вдвое больше людей и лошадей.

Силы Аурангзеба, по оценке Бернье, достигали 200 000 кавалерии. Армия Акбара, скорее всего, была меньше. Невозможно точно подсчитать численность подразделений, которая постоянно менялась и зависела от ситуации. Но можно попытаться подсчитать регулярные войска. В конце Аина 30 Абу-л Фазл утверждает, что в то время, когда он писал, были живы 250 командиров сотен (*юзбаши*), 204 — шести десятков, 260 — четырёх десятков, 250 — двух десятков, 224 командира десятка.

Поскольку эти цифры очень обобщённые, регулярные силы не могли быть больше 250 x 100, или 25 000 человек (пехота, стрелки и пушкар). В царских конюшнях содержалось 12 000 лошадей, которые находились под непосредственным управлением мирзы Абд-ар-Рахим Хан-ханана, главнокомандующего армии Акбара. Отсюда следует, что численность регулярной конницы равнялась 12 000 человек. Остальные были фитильщиками и пушкарями. В Аине 6 Абу-л Фазл утверждает, что фитильщиков было 12 000. Число их, достигавшее при Шах Джахане 7 000, не могло быть намного бóльшим. Многие из них занимали различные должности на той или иной службе, на складах, в мастерских; некоторые являлись адъютантами или использовались для особых поручений. Во времена Акбара это скорее были люди благородного происхождения, а не простые солдаты, поскольку при найме им полагалось покупать лошадь Бадауни упоминает *ахади* Ходжа Ибрахим Хусейна и сообщает, что он был его другом (II. 394). Количество *мансабдаров*, которое при Шах Джахане равнялось примерно 8 000, [при Акбаре] тоже было меньшим. Из 415 *мансабдаров*, чьи имена приведены в Аине 30, около 150 умерли к тому времени, когда он был написан Абу-л Фазлом¹⁰.

Таблица подразделений и жалований мансабдаров

№	Ко- ман- ди- ры	Лошади						Слоны					Вьючные животные и подводы			Месячное жало- ванье		
		Иракские	Муджанна	Турецкие	Ябу	Тази	Джангла	Шергир	Сада	Манджхоло	Карха	Пхандуркийя	Вербюды	Мулы	Подводы	Классы		
																1-й	2-й	3-й

Таким образом, число высших мансабдаров примерно равно 250, к ним надо прибавить 1 388 нижестоящих — от командиров 150 и ниже, и в сумме получается около 1 600 мансабдаров.

Но мансабдары Акбара, как правило, имели более крупные подразделения и, прежде всего, больше лошадей, чем мансабдары при следующих царствованиях, когда стали частыми повышения в должности без увеличения жалованья (*зат*).

В начале правления Акбара мансабдарам даже следовало приводить воинов с четырьмя лошадьми (*чахараспа*). Дахбаши, командир 10, должен был иметь 10 человек с 25 лошадьми; но позже практика *чахараспа* прекратилась, и дахбаши приводили 10 воинов с 18 лошадьми. Так как остальные чины обязывались представлять на смотр лошадей пропорционально этому количеству, один из хазари Акбара привёл 1 800 лошадей, тогда как хазари времён Шах Джохана приводили только 650.

Из неназначавшихся чинов упоминается *мирдаха*. Жалованье фитильщиков *мирдаха* варьировалось от 7 $\frac{1}{2}$ до 6 $\frac{1}{2}$ рупии в месяц. Средний фитильщик получал от 6 $\frac{1}{4}$ до 2 $\frac{3}{4}$ рупии. Поскольку они были регулярными (придворными) подразделениями, Абу-л Фазл описал их в первой книге своего труда (Аины с 36 по 40); читателю следует помнить, что вторая книга, повествующая о войске, касается главным образом подразделений мансабдаров.

Бадауни в вышеприведённом отрывке говорит о *либас-и сипахи*, или обмундировании солдата.

Различия, которые Акбар ввёл между мансабдарами, касались также некоторых флагов и *гхарьял*, или гонгов.

¹ Арабы произносят *мансиб*; в Персии и Индии слово произносится как *мансаб*. Это означает пост, должность, отсюда — *мансабдар*, чиновник; но обычно этот термин употребляется только по отношению к высокопоставленным чиновникам.

² «Когда сборщик дивана велит им (индусам) заплатить налоги, им надлежит повиноваться со всем смирением и покорностью. И если сборщику вздумается плюнуть им в рот, они должны открывать рот без малейшего страха заражения (*тагаззуз*), чтобы сборщик мог это сделать. В таком виде [с открытыми ртами] они должны стоять перед сборщиком. Цель такого унижения и плеванья им в рот — испытать послушание неверных подданных, а также прославить ислам, истинную религию, и выразить презрение к ложным религиям: ведь сам Всевышний учит нас презирать их, ибо Он говорит (Сура «Покаяние», 9:29): «...Пока они не дадут откупа своей рукой, будучи униженными» [пер. И.Ю. Крачковского]. Относиться к индусам с презрением — это наш религиозный долг, ибо они злейшие враги Мустафы (Мухаммада), так как Мус-

тафа, говоря об убийстве и нападении на индусов и обращении их в рабство, приказал: «Они должны принять ислам, или быть убиты, или порабощены, а их добро должно быть разграблено». И за исключением *имама-и азама* (Абу Ханифы), чьими последователями мы все являемся, нет другого авторитета, чтобы отнял *джизью* от индусов; но все законники говорят: «Смерть или ислам». «Тарих-и Фирузшахи», 290. Акбар часто упрекал мусульман за миссионерство мечом. Он говорил, что это бесчеловечно. Несмотря на то, он позволял *сати* (самосожжение вдовы вместе с трупом мужа). [Есть множество свидетельств тому, что Акбар активно боролся против этого индуистского обычая и позволял его, в виде исключения, если речь шла о престарелой женщине из почтенной и высокопоставленной семьи.]

³ *Джалала*. Это любопытное слово, согласно «Бахар-и Аджам», — аббревиатура фразы *джалла джалалаху* — «Да воссияет Его слава». Она используется в значении «Бог»; отсюда двойственное слово *джалалатаян*, высказывание *Аллах! Аллах! и хатм-и джалала*, произнесение слова *Аллах* 125 000 раз. Также и здесь: 66 *мансабов* соответствуют значению букв в слове *джалала*, то есть $1+30+30+5=66$. Абу-л Фазл усматривает смысл в этом совпадении, ибо в полное имя Акбара входило *Джалал-ад-Дин*, и Акбар уподоблялся божеству. Возможно, не стоит всё же говорить о совпадении, поскольку из 66 *мансабов* существовали только 33.

⁴ Абу-л Фазл часто превозносит Акбара как хорошего физиогномиста. Согласно Бадауни, он научился этому искусству у йогов.

⁵ Низам пишет в предисловии к своему списку высших вельмож при Дворе Акбара, что ему незачем перечислять всех, ибо перо Абу-л Фазла уже начертало имена каждого из достойных в книге «Акбар-наме». [Ходжа Низам-ад-дин ибн Мухаммад Муким Харави (умер в 1003 г.х./1594 г.), историк, достиг видного положения во время правления Акбара. В 993 г.х./1585 г. он был назначен *бахши* (казначеем) Гуджарата, а в 1001 г.х./1593 г. стал *бахши* всей империи. Известностью он, тем не менее, обязан своей знаменитой истории Индии «Табакат-и-Акбари», иногда именуемой «Табакат-и-Акбаршахи», или «Тарих-и-Низами», которая завершается 1001 г.х./1592–1593 гг. В отличие от более ранних трудов, это была не традиционная история одного правления, а общая история Индии от походов Газневидов и основателя династии Себуктегина (366 г.х./977 г.) до 38-го года правления Акбара (1002 г.х./1592–1593 гг.). Впервые труд такого рода был посвящён исключительно Индии и таким образом стал руководством и образцом для авторов более поздних аналогичных исторических работ.]

⁶ Что означает *Хан-и ханан*, то есть «хан ханов». В титулах персидский *изафат* опускается.

⁷ Индийское произношение *тайин* — назначать, *табин* — следовать за, а также в качестве прилагательного в значении «тот, кто следует за кем-то».

⁸ В «Тарих-и Фирузшахи» об этом говорится очень мало. Слова *даг-у махали* очень часто встречаются вместе.

⁹ Дословно: он должен привести на смотр (*даг*) $\frac{1}{3}$ своих воинов.

¹⁰ Имеется в виду список вельмож из Аина 30, который упоминает Низам в «Табакат-и-Акбари», созданном не позднее 1002 г.х. [сентябрь 1593 — сентябрь 1594 гг.], так как автор его умер в октябре 1594 г. Но он может быть ещё старше, так как Низам указывает для некоторых *мансабдаров* более высокий чин, чем тот, что называет Абу-л Фазл. Фактически этот список относится к периоду до 993 г.х. [1595 г.], когда три принца были назначены командирами 12 000, 9 000 и 7 000 соответственно (Бадауни, II. 342), в то время как в

списке Абу-л Фазла принц Салим (Джахангир) назван военачальником 10 000, Мурад — 8 000, а Даниял — 7 000.

АИН 4

АХАДИ

Есть много храбрых и достойных людей, которых Его Величество не назначает *мансабдарами*, но освобождает от подчинения чьим-либо приказам. Такие люди являются слугами непосредственно Его Величества и удостоиваются независимости. Они предварительно изучают свои обязанности, а затем их знания проверяются. Так как цель Его Величества — придать духовный смысл явлениям внешнего мира, он называет таких людей *ахади* (от слова *ахад*, то есть «один, единый»). Таким образом им постоянно напоминают об их единстве со Всевышним.

В отношении этого чина были изданы новые установления.

В интересах *ахади* был учреждён особый *диван* и назначили казначея, а их возглавляет один из великих *амиров*. Также подобрали подходящего человека, представляющего Его Величеству кандидатов в *ахади*. Он беспристрастен и не берёт взяток и каждый день приводит несколько человек пред очи Его Величества, который их проверяет. После того как их одобрили, они проходят *яд-дашт*, *талика*, изучают реестры и бухгалтерию (см. Аин 10). Затем казначей для надёжности повторно ведёт их к Его Величеству, который обычно повышает им содержание от $\frac{1}{8}$ до $\frac{3}{4}$ или даже на $\frac{6}{7}$ ¹. Многие *ахади* и вправду получают более 500 рупий в месяц². Затем в качестве отличительного знака он получает номер 9 [см. Аин 7]. Вначале, когда этот чин только что ввели, *ахади* представляли на смотр 8 лошадей; но теперь только 5. На свой *сархат* [см. Аин 11] каждый получает *фирманчу* (грамоту на должность и жалованье), по которому казначей ежегодно производит выплаты.

Ахади предстают на смотр каждые 4 месяца, после чего на основании соответствующего документа, теперь называемого *ташиха*³, подписанного *диваном* и *бахши*, чиновник казначейства выписывает чек, который должны подписать высшие сановники. Этот документ казначей оставляет себе и выплачивает требуемую сумму. До истечения срока (четыре месяца) он получает аванс в размере месячного жалованья. В течение года он получает наличные за десять месяцев после вычета из этой суммы $\frac{1}{20}$ части, которая идёт на оплату его лошадей и других расходов. Поступив на службу, *ахади* обычно ищет собственную лошадь, но затем получает её от правительства; и если в заключении инспекторов, называемом *сакат-наме*⁴, указывается причина, по которой лошадь отсутствует, он освобождается от платы за павшую лошадь, но не получает денег на содержание таковой, пока не заведёт себе новую. Но если он не может представить *сакат-наме*, ему не полагается ничего со времени последнего смотра. Тех, кому нужны лошади, регулярно приводят к Его Величеству, раздающему много лошадей в качестве подарков или как часть жалованья, когда одна часть исчисляется как выплата *ирмас*⁵, а вторая вычитается в рассрочку — четырьмя частями в течение последующих четырёх смотров, а если *ахади* в долгу, то восемью частями.

¹ Иными словами, на 75 или 85 процентов.

² Это согласуется с утверждением одного из историков времён Акбара, что старший *ахади* был повышен до *юзбаши*, что является следующей ступенью.

³ *Ташиха*, следовательно, соответствует «свидетельству о жизни».

⁴ От *саката*, то есть «он [конь] упал».

⁵ Или *армас*. Это слово может быть множественным числом от *рамс* — могила. Бадауни, объясняет *ирмас* словами *завал-и душман* — похороны или уничто-

жение врагов, каковое слово вельможи употребляли вместо *талаб-и аджнас* — просьбы о средствах и т.д. Отсюда *ирмас* — просьба о военных припасах или жалованье.

АИН 5

ДРУГИЕ РАЗРЯДЫ ВОИНОВ

Поскольку я уже рассказал кое-что о *мансабдарах* и *ахади*, я поведаю некоторые подробности о третьем разряде воинов.

Торговец конями определяет качество лошадей, которых тщательно осматривают *бахши*. Затем устное описание, данное этим человеком, заносится на бумагу. Если у воина более одной лошади, они прибавляют к его хозяйству верблюда или вола, за которых он получает половину выплаты, обычно причитающейся воину более высокого ранга; если их ему не дают, то получает прибавку в размере $\frac{2}{5}$.

Воину *якаспа* платят по следующим ставкам. Если его лошадь иракская, он получает 30 рупий в месяц; если *муджанас* — 25 рупий, если турецкая — 20 рупий, если *ябу* — 18 рупий, если *тази* — 15 рупий, если *джангла* — 12 рупий.

Сборщики податей в царских владениях раньше получали 25 рупий, теперь — только 15. Чиновники этого ранга ранее представляли на смотр до 4 лошадей, но теперь приказано приводить не больше 3.

Каждый *дахбаши* должен был представить на смотр 2 воинов *чахараспа*, 3 *сиаспа*, 3 *дуаспа*, 2 *якаспа* [то есть 10 воинов с 25 лошадьми], а остальные *мансабдары* в тех же пропорциях. Но теперь *дахбаши* выставляет только 3 воинов *сиаспа*, 4 *дуаспа*, 3 *якаспа* [то есть 10 воинов с 18 лошадьми].

АИН 6

ПЕХОТА

Я уже рассказал кое-что о кавалерии, теперь сделаю несколько замечаний о пеших воинах. Они разделены на несколько видов и выполняют различные задачи. Его Величество издал для разных видов соответствующие указы и направляет великих и малых, заботясь о них должным образом.

Записывающий эти [приказы] именуется *авара-навис*. Поскольку эти воины важны, их причисляют к пехоте. Их несколько классов. Первый класс получает 500 *дамов*, второй — 400 *дамов*, третий — 300 *дамов*, четвертый — 240 *дамов*.

Бандукчи, или фитильщики

Имеется 12 000 царских фитильщиков. К этой службе приписаны опытный *битикчи*, честный казначей и деятельный *дарога*. Лишь немногие *бандукчи* выбираются на эти должности, остальные занимают нижестоящие. Некоторые выделяются опытом и рвением и поэтому поставлены над другими, дабы единообразие царило повсюду и обязанности выполнялись надлежащим образом и с пониманием. Жалованье для этих [нештатных] чиновников делится на четыре разряда: первый получает 300 *дамов*, второй — 280 *дамов*, третий — 270 *дамов*, четвертый — 260 *дамов*.

Обычные *бандукчи* делятся на пять разрядов, и каждый — на три подразряда. Первый получает — 250, 240 и 230 *дамов* соответственно. Второй — 220, 210, 200 *дамов*. Третий — 190, 180 и 170 *дамов*. Четвертый — 160, 150, 140 *дамов*. Пятый — 130, 120 и 110 *дамов*.

Дарбаны, или носильщики

Тысяча этих энергичных воинов занята в охране дворца. Жалованье *мирдаха* делится на пять категорий: 200, 160, 140, 130 и 120 *дамов*. Обычные *дарбаны* получают от 100 до 120 *дамов*.

Хидматийя¹

Хидматийя также относятся к пехоте. Они охраняют подступы к дворцу и следят за выполнением ряда приказов. *Панджахи* и *бисти* получают 200 *дамов*; *дахбаши* получает 180 и 140 *дамов*. Остальные получают 120, 110 и 100 *дамов*.

Каста, к которой они принадлежат, была знаменита грабежами и разбоем на дорогах; прежние правители не могли держать их в узде. Действенные указы Его Величества привели их на честный путь, и теперь они известны своей надёжностью. Раньше их называли *мави*. Их предводитель получил титул *хидмат рай*. Будучи приближённым Его Величества, он живёт в изобилии. Его людей зовут *хидматийя*.

Мевры²

Они происходят из Мевата и известны как хорошие бегуны. Они приносят издалека, что бы ни потребовали. Они прекрасные лазутчики и выполняют самые деликатные поручения. Их также 1 000, и они готовы выполнить любой приказ. Их жалованье такое же, как у предыдущей группы.

Шамиербазы, или сабельщики

Их делят на несколько видов, но все творят удивительные подвиги. Во время боя они проявляют необыкновенную ловкость и проворство, сочетая храбрость и сноровку, принимая к земле и вновь распрямляясь. Некоторые пользуются в схватке щитами, а некоторые — дубиной. Последних называют *лакrait*. Другие же не используют средства обороны и дерутся только руками; этих именуют *якхатх*. Первые происходят в основном из восточных земель и пользуются небольшими щитами, которые они называют *чирва*. Те же, кто родом с юга, изготавливают щиты таких размеров, что укроют даже всадника. Такой щит называют *тилва*.

Ещё один тип бойцов носит имя *пхараит*. Они не пользуются щитом такого размера, чтобы он укрыл человека, а шириной в *газ*.

Некоторых называют *банаиты*. Они владеют длинным мечом, рукоять которого длиной в *газ*. Держа его обеими руками, они вершат невероятные деяния, свидетельствующие об их мастерстве.

Те, кого называют *банкули*, также знамениты. Они сражаются необычным мечом, загнутым на конце, но прямым у рукояти. Щитом они не пользуются. Их искусство выше всяких похвал. Иные делают разные ножи и стилеты и творят с ними настоящие чудеса ловкости. Каждый разряд этих воинов имеет своё имя, и они также различаются по способу боя. Но невозможно их просто описать, и недостаточно просто послушать мой рассказ о них.

Их более сотни тысяч. 1 000 всегда находится в постоянной готовности при Дворе. Их *сади* (командир сотни) имеет чин *ахади* или даже выше. Их жалованье варьируется от 80 до 600 *дамов*.

Пахлаваны, или борцы

При Дворе много персидских и туранских борцов и мастеров кулачного боя, равно как и метателей камней, атлетов из Индостана, смышлёных *малов* из Гуджарата и

множество других бойцов. Им платят от 70 до 450 *дамов*. Каждый день двое тщательно подобранных бойцов вступают в поединок друг с другом. По этому случаю им дарят многочисленные подарки. К числу лучших борцов нашего времени принадлежат следующие: Мирза-хан из Гиляна, Мухаммад Кули из Табриза, которому Его Величество дал имя *Шер-хамла*, или Нападающий на львов, Садик из Бухары, Али из Табриза, Мурад из Туркестана, Мухаммад Али из Турана, Фулад из Табриза, Касим из Табриза, Мирза Кухнасувар из Табриза, Шах Кули из Курдистана, Хилал из Абиссинии, Садху Дайял, Али, Шри Рам, Канхья, Мангол, Ганеш, Анба, Нанка, Балхадхр, Баджрнатх.

Чела, или рабы³

Его Величество, по религиозным соображениям, не любит слово *банда*, или раб; ибо он полагает, что владыкой может быть только Всевышний. Поэтому он называет эту категорию людей *чела*, каковой термин на языке индусов означает *верный ученик*⁴. По доброте Его Величества многие из них выбрали путь, ведущий к счастью⁵.

Слово *раб* имеет несколько значений. Во-первых, то, что люди обычно подразумевают под словом «раб». Некоторые приобретают власть над теми, кто не принадлежит к их вере, продают и покупают их. Мудрые считают это отвратительным. Во-вторых, рабом называют того, кто оставил путь себялюбия и избрал путь духовного послушания. В-третьих, [так зовут] чьего-либо ребёнка. В-четвёртых, того, кто убил человека, чтобы наследовать его добро. В-пятых, грабителя, который раскаялся и отдал себя в распоряжение того, кого ограбил. В-шестых, убийцу, вина которого искуплена денежной выплатой, в таком случае он становится рабом того, кто его освободил [заплатив деньги]. В-седьмых, того, кто радостно и добровольно принимает образ жизни раба.

Чела получают от 1 рупии до 1 *дама* в день. Его Величество поделил их на группы и передал под руководство опытных наставников, которые обучают их некоторым вещам. Так они обретают знания, продвигаются по службе и учатся исполнять свои обязанности с надлежащим тщанием.

Его Величество поощряет всё превосходное и, зная цену таланту, оказывает честь людям разных сословий, давая им посты в армии и возвышая их из рядовых солдат до вельмож.

Кухары, или носильщики палки

Это сословие людей, характерное для Индии. Они переносят на своих плечах тяжёлые грузы и ходят по горам и равнинам. Когда они несут свои *палки*, *сингхасаны*, *чаудолы* и *дули*⁶, то движутся так ровно, что человек, находящийся внутри, не чувствует ни малейшей тряски. Их много в этой стране; но лучшие происходят из Дахина и Бенгалии. При Дворе их несколько тысяч. Главный носильщик получает от 192 до 384 *дамов*. Рядовые носильщики — от 120 до 160 *дамов*.

Воины дакхили

Определённое количество этих воинов передаётся *мансабдарам*, но платит им государство. Его Величество приказал обозначать таких солдат в реестрах как *нима суваран*, или полувоинов.

Четвёртая часть войск *дакхили* — фитильщики, остальные — лучники.

К этому же разряду принадлежат плотники, кузнецы, водоносы, сапёры.

Неутверждённый [приказом] командир фитильщиков получает 160 *дамов*, или 4 рупии; рядовой фитильщик получает 140 *дамов*. *Мирдахи* лучников получают от 120 до 180 *дамов*, а рядовые лучники — 100 — 120 *дамов*.

Хотя я мог бы рассказать об этом гораздо больше, следует удовлетвориться описанием основных разрядов. Я также привёл некоторые детали, говоря о мастерских и службах при дворцовом хозяйстве.

- ¹ В «Тузук-и Джахангири» их называют *риядахи-йи хидматийя*. При Джахангире их предводителя звали *Рай Ман*. Однажды он поймал юного Шах Шуджу, который выпал из окна верхнего этажа («Тузук-и Джахангири», 303). [От *хидмат* (перс.) — служба, заслуга. Это ещё один пример гибкости кастовой системы, включающей в свою структуру объединения по родовому и профессиональному признаку, в том числе неиндусские.]
- ² «Одним из нововведений Акбара были *дак-мевры*, определённое число которых было расставлено повсюду» («Хафи-хан», I. 243). Следовательно, они были главным образом почтальонами.
- ³ [Чела (хинди) — ученик, последователь.]
- ⁴ Слово *чела* означает то же, что арабское *мурид*, то есть ученик, который безоговорочно верит в своего *мурида* или *пира*, то есть учителя. «И многие из ближайших учеников Его Величества в 991 г.х. [1583 г.] называли себя *челами* в том смысле, как этот термин используют йоги». Бадауни, II. 325.
Автор очаровательной *тазкира*, которая называется «Калимат-аш-Шуара» и содержит биографии поэтов XI века, звался *Чела*. Его настоящее имя — Мирза Мухаммад Афзал; как поэт он был известен под именем *Сархуш*.
- ⁵ Примкнув к Божественной Вере.
- ⁶ [Названия разных видов паланкинов, которые отличались как конструкцией, так и числом носильщиков — от 1 до 4 человек.]

АИН 7

ПРАВИЛА КЛЕЙМЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

Когда Его Величество ввёл в армии чины и изучил качество лошадей, он приказал, чтобы честные *битикчи* составили реестры солдат, куда занесли все их данные. Надлежало зарегистрировать возраст, имя отца, место проживания и род. Назначили *дарогу*, в чьи обязанности входило следить, чтобы людей не брали под стражу незаконно. Они должны были исполнять свои обязанности, не беря взяток и не требуя вознаграждения.

Каждый желающий вступить в армию предстаёт перед Его Величеством, в присутствии коего определяется его чин, после чего чиновники составляют *талика* [см. Аин 10].

Войска *дакхили* принимаются за подписью *мансабдаров*.

Его Величество также назначил пять опытных чиновников, в обязанности коих вменил наблюдение за состоянием людей, их лошадей и выплатой им жалованья. Его Величество приказал собрать солдат на открытом месте и принести несколько списков, после чего воинов с лошадьми передали этим пяти чиновникам. Размер их [солдат] жалованья затем вписывается в конец списков, и эти чиновники также ставят свои подписи, что служит доказательством и исключает подделку. Затем каждый свиток передаётся проверяющему *дароге*. Он передаёт их вышеописанным способом Его Величеству, который отдаёт приказ об уменьшении или увеличении жалованья. Его Величество определяет ценность человека по чертам его лица, на основании чего может изменить жалованье. Он так хорошо отличает ремесленника от воина по выражению лица, что опытные люди поражаются и относят эту способность Его Величества к «тайному знанию». Когда список таким образом заверен, его также подписывают *вакиа-навис* [чи-

новник канцелярии] (Аин 10), *мир арз* и командир стражи. На основании этого свидетельства *дарога*, в ведении которого находится *даг* (клеймение)¹, клеймит лошадей.

Когда клеймо только ввели, оно имело форму верхней части буквы *син* и ставилось лошади на правую сторону шеи. Некоторое время оно имело форму двух *алифов*, скрещённых под прямым углом, наподобие креста, причём вершины *алифов* утолщались, и ставилось на правое бедро. Потом какое-то время оно имело форму лука без тетивы. И, наконец, были введены цифры, что лучше всего позволяет избежать обмана. Цифры изготавливаются из металла, благодаря чему можно избежать нечёткости. Эти новые знаки также наносятся на правое бедро. Ранее каждая лошадь, которая появлялась на смотре впервые, клеймилась цифрой 1, во второй раз — цифрой 2 и т.д.; но затем Его Величество приказал, чтобы лошадям принцев, *мансабдаров*, правителей провинций и других важных лиц присваивались отдельные номера.

Тщательность, с которой соблюдалась система клеймения лошадей, тотчас же принесла свои плоды, позволив давать точные отчёты о павших лошадях. Ибо когда после введения системы повторяющихся отметок солдат приводил лошадь, которую перед тем поменял, он требовал оплаты за время, которое прошло с его последнего жалования, в то время как *бахши* начинал отсчёт с момента, когда тот привёл свою (новую) лошадь. Но с тех пор как было введено нынешнее клеймо, появилось правило, в соответствии с которым любая лошадь, которую воин приводит взамен старой, должна быть описана и заклеена тем же клеймом. На последующих смотрах *бахши*, которые отвечали за клеймо, должны проверить её и руководствоваться этим клеймом. Ранее [воины] даже брали напрокат лошадей, соответствовавших описанию в реестре, и подменяли старых, но теперь, поскольку клейма на ней не было, обман вскрывался, и таким образом воины учились честности.

¹ [Клеймение лошадей как средство учёта реальной военной силы и способ искоренения практики заимствования феодалами воинов для смотров друг у друга пытался ввести ещё Шер шах Сур. Акбар не просто восстановил этот порядок, но и усовершенствовал систему учёта.]

АИН 8

О ПОВТОРНОМ КЛЕЙМЕНИИ

Слуги (*мансабдары*) Его Величества клеймят своих лошадей каждый год и тем поддерживают боеспособность армии, так как благодаря их усилиям беспринципные люди учатся выбирать честный путь. Если *мансабдар* не торопится привести своих воинов на смотр, то удерживается одна десятая часть его *джагира* (*акта*)¹.

Раньше, когда клеймо повторялось, лошадь клеймили, например, цифрой 2, если она была на смотре во второй раз, и т.д.; но ныне, когда у каждого разряда воинов своё клеймо, оно просто повторяется на каждом смотре. В отношении лошадей *ахади* была сохранена прежняя традиция. Некоторые *битикчи* и близкие слуги Его Величества, которым некогда следить за своими *джагирами*, получают жалование деньгами и приводят лошадей на смотры каждые 18 месяцев. Вельможи, чьи *джагиры* очень далеко, приводят лошадей на смотры только по истечении двенадцатилетнего срока, но через шесть лет после последнего смотра их доходы урезаются на $\frac{1}{10}$ часть. Но если *мансабдар* был повышен в должности, и прошло уже три года с тех пор как он представлял на смотре своих лошадей, он получает персональную прибавку к жалованию, но довольствие на новых воинов получает только после того, как в первый раз представит их на смотре. Тогда его прежние и новые воины получают назначения. Если при

повторении клеймения на последующих смотрах воин приведёт лучшую лошадь взамен старой, его представляют Его Величеству, который осматривает и принимает лошадь.

- ¹ Точнее, *икта*. Но в Индии это слово в основном произносится *акта*. Поэтому царя называли *мукти* — тот, кто жалует знать землёй; абстрактное существительное *муктии* означает «раздача земель знати», в чём историографы моголов обвиняют Шер шаха. *Мукта* — тот, кому переданы земли; это слово часто встречается в «Тарих-и Фирузшахи». Со времён Акбара слова *икта* и *джагир* употреблялись как синонимы; до его времени мы находим только *икта*, но встречается и *джагир*. В трудах поздних историков слово *икта* встречается редко.

АИН 9

ПОРЯДОК НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ СМЕННОЙ СТРАЖЕЙ

На хинди стражник называется *чауки*. Есть три вида стражи. Четыре войсковых подразделения поделены на семь частей, каждому из которых назначен один день в неделю [в который они стоят на страже] под командованием надёжного *мансабдара*. Другой начальник, хорошо знакомый с придворными церемониями, назначается *мир арзом*. Все указы Его Величества объявляются этими двумя должностными лицами (*мир арзом* и комендантом дворца). Они круглые сутки охраняют дворец и готовы выслушать любой приказ Его Величества. Вечером царский *кур* [знамя] переносится в государственную залу. Сменная стража стоит справа; сменяемые выстраиваются слева. Обычно Его Величество лично инспектирует стражу и отмечает присутствующих и отсутствующих солдат. Обе смены салютуют Его Величеству. Если более важные дела не позволяют Его Величеству проверить стражу, то один из принцев получает приказ сделать это. Из склонности и стремления обучать солдат их обязанностям, а также желая, чтобы всё вокруг выполнялось наилучшим образом, Его Величество уделяет страже много внимания. Если кто-то отсутствует без уважительной причины или по лени, он лишается недельного жалованья или получает соответствующий выговор.

Царская армия поделена на двенадцать частей, каждая из которых несёт охранную службу в течение месяца. Это даёт возможность всем воинам, как бы далеко они ни служили, побывать при Дворе и напиться от щедрот Его Величества. Но те, кто несут службу на дальних рубежах или выполняют важное задание, посылают подробные отчёты с точным описанием и продолжают выполнять особые поручения Его Величества. Первого числа каждого солнечного месяца стража выстраивается для приветствия Его Величества, равно как и во время еженедельных парадов, когда они получают царские знаки отличия.

Царская армия имеет ещё 12 подразделений, для каждого из которых избирается очередь, чтобы прибыть ко Двору и нести службу при особе Его Величества.

АИН 10

ПРАВИЛА, КАСАЮЩИЕСЯ ВАКИА-НАВИС¹

Ведение учёта — превосходная вещь для управления, и оно столь же необходимо для любого чина. Хотя элементы подобной службы можно обнаружить и в древности, её высшее достоинство было признано только при нынешнем государе. Его Величество назначил четырнадцать усердных, опытных и беспристрастных слуг, двое из которых попеременно несут службу каждый день, так что черёд каждого наступает через две недели².

Несколько других подходящих людей назначены их заместителями, каждый из ко-

торых несёт службу один день; если один из четырнадцати писцов отвлекается на иное важное дело, то этот заместитель выполняет его обязанности. Поэтому их называют *коталы* (заместители).

В обязанности писцов входит записывать приказы и деяния Его Величества и всё, о чем докладывают министры; что Его Величество ест и пьёт; когда он засыпает и когда просыпается; этикет в государственной зале; время, которое Его Величество проводит в гареме; во сколько он отправляется на частные и государственные встречи; как проходит охота; забой животных³; когда он движется, и когда останавливается на отдых; деяния Его Величества как духовного вождя народа; клятвы, принесённые ему; его замечания; какие книги ему читали вслух; какую милостыню он подал; какие он сделал подарки; ежедневные и ежемесячные обряды, которые он исполняет⁴; назначения *мансабов*, численности подразделений войск, жалованья, *джагиров*; выплаты *ирмас*, *суюргалов* (земель без арендной платы); повышение или понижение налогов; договоры; продажи и перечисления денег; *пешкаш* (получение дани); наряды; приказы; документы, подписанные Его Величеством, поступление докладов; их детали; прибытие курьеров; их отбытие; назначение сроков⁵, проверки стражи; битвы, победы и мирное время; смерть известных людей; бои животных и ставки на них; смерть лошадей; смертные казни; помилования, дарованные Его Величеством; описания общих собраний; браки, рождение детей; игры — *чауган*, *чаупар нард*, шахматы, карты и т.д. (см. Аин 29); необычные явления; сбор урожая; отчёты о событиях.

После того как хроника отредактирована одним из слуг Его Величества, она подносится Его Величеству и получает его одобрение. Затем писец делает копии всех докладов, подписывает их и передаёт хронике тем, кому положено иметь её как письменное свидетельство; её подписывают *парванчи*, *мир арз* и человек, представлявший записи Его Величеству. Теперь дневник носит название *яд-дашт*, или докладная записка.

Кроме того, держат несколько переписчиков, обладающих хорошим почерком и ясным стилем. Они получают *яд-дашт* после всех процедур, оставляют его у себя и делают его краткое изложение. Подписав этот новый документ, они отдают его вместо *яд-дашт*, и это краткое изложение подписывают *вакиа-навис*, *рисала-дур*⁶, *мир арз* и *дарога*.

Изложение, теперь полностью оформленное, именуется *талика*, а писец — *талика-навис*.

Цель Его Величества — сделать так, чтобы каждая обязанность выполнялась должным образом, и все службы имели надлежащую численность; чтобы нечестные люди были удалены, а честные были в почёте, и чтобы усердные слуги трудились без страха, а небрежные и забывчивые находились под присмотром.

¹ От слов *вакиа* — событие и *навис* — записывать. Вместо *вакиа-навис* мы также встречаем *маджлис-навис*. *Вакиа-навис*, или протоколист, был в каждой *субе*. Из некоторых высказываний в «Тузук-и Джахангири» можно сделать вывод, что *бахши* в *субах* часто одновременно занимали должность *вакиа-навис*.

² Видимо, порядок был таков: первый день — первый и второй писец, второй день — второй и третий, третий день — третий и четвёртый, и т.д.

³ Акбар хотел ограничить забой животных.

⁴ Особенно посты. [Подробнее о постах, которые соблюдал Акбар, см.: «Акбар-наме». Кн. 2. Приложение. Аин 26. Дни воздержания. С. 332–333.]

⁵ *Таин-и муддат* — запись периодических проверок; противоположное — *бетани амадан*, то есть прийти неожиданно, без договорённости.

⁶ В тексте — *рисала*, что заменяет *рисала-дур*, как в прежние времена *суба* вместо *субадар*. Вместо *мир арз* у прежних историков находим *ариз*.

АИН 11

О САНАДАХ

Все денежные дела решаются надлежащим образом, когда стороны ясно излагают свои мысли, после чего берут в руки перо и записывают условия разборчивым почерком. Каждая такая финансовая запись называется *санад*. Все сословия следуют этой практике.

Санад — это финансовое поручительство, освобождающее казначея от всякой ответственности; по нему производятся выплаты. Честные и опытные чиновники, на челе которых сияет печать точности, записывают контракты на отдельных листах бумаги, с тем чтобы сделка не забылась. Эти отдельные листы, на которых записаны все *санады*, называют *дафтар*¹.

Его Величество ознакомился с этим ведомством и установил в нём надлежащий порядок. Он назначил умных, честных, неподкупных и опытных писцов и доверил *дафтар* беспристрастным чиновникам, находящимся под его непосредственным руководством.

Дафтар царства делится на три части:

1. *Абваб-ал-мал*, или сведения о доходах государства. В этой части *дафтара* расписаны источники доходов царства, приведены подробности об их уменьшении или увеличении и указаны другие источники (например, подарки и т.п.).

2. *Арбаб-ал-тахавил*². В этой части описываются расходы на придворное хозяйство; придворные кассиры заносят сюда весь дебит и кредит; здесь же содержатся записи о ежедневных расходах и т.д., то есть зафиксировано, что покупается и что продаётся.

3. *Тавджих*³. Здесь содержатся сведения о жалованье армейским чинам и о том, как оно выплачивается.

Некоторые *санады* просто скрепляются царской печатью. Другие *санады* сначала подписываются и опечатываются министрами Двора, а затем поступают на подпись к Его Величеству. Многие *санады*, однако, подписываются и скрепляются печатями придворных вельмож. Объяснение этому последует ниже.

Фирман-и сабти

Фирман-и сабти издаётся в трёх случаях:

1. При назначении *мансаба*; при назначении на пост *вакила*; при назначении *силах-салара* (управителя провинции и верховного командующего); опекуна принцев, при производстве в чин *амир-ал-умара*, при назначении на пост *нахияти*, или главы округа; при назначении *визирем*, или министром финансов; при назначении *бахши* (казначеем) и *садром*, или судьёй.

2. При назначении *джагиров* без военной обязанности⁴; при назначении главы вновь завоёванной территории, иногда [при выделении титульных земель].

3. При присуждении *сургалов* (см. Аин 19); при назначении выплат на ежедневное довольство.

После того как была оформлена *талика*, *диван-и джагир* (у которого находятся все счета держателей *джагиров*) выплачивает положенную сумму. Если *джагир* сопряжён с воинской службой и необходимостью представлять лошадей на смотр, то документ на оплату вновь отсылается на проверку к *бахши*, и тогда на обратной стороне его или сбоку появляются слова *хаса*, *о мардум баравард нумаянд*; *каргаран-и ин шугл чихранависи кунанд* (это — особое; можно произвести расчёт жалованья. Соответствующим служащим подготовить реестр). После того как на смотре лошадей заклеят, главный *бахши* берёт *талику* и оставляет у себя, а вместо неё передаёт документ с указанием ежемесячных выплат, надлежащим образом подписанный и снабжённый печатью. Доку-

мент, который *бахши* выдаёт взамен *талики*, называется *сархат*.

Сархаты вносятся в *дафтары* всех младших *бахши* и различаются особыми отметками. Затем *диван* оставляет *сархаты* у себя и готовит смету ежегодного и ежемесячного жалованья, каковую он представляет на рассмотрение Его Величеству. Если Его Величество принимает решение пожаловать *джагир* лицу, указанному в *сархате*, то в верхней части доклада появляются слова: *талика-йи тан калами нумаянд* — следует выписать *талика-йи тан* (расходный ордер). Этого указа для чиновников достаточно; они оставляют его у себя и выписывают чек. Он поступает на проверку к *дивану*, который заверяет его, написав слова *сабт нумаянд* (зарегистрировать). Отметка *дафтара*, печать *дивана*, *бахши* и *счетовода дивана* ставятся по очереди на чек, а назначенная царём сумма написана на полях. Оформленный таким образом документ поступает на подпись к *дивану*.

Сахиб-и тавджих, или *счетовод* по военным делам, оставляет прежнюю *талику* у себя, вписывает данные в *фирман*, подписывает его и ставит печать. Затем *муставфи* проверяет его, подписывает и снабжает печатью. Аналогичным образом поступают *назир* и *бахши*, после того как на нём поставят печать *диван*, его *счетовод* и государственный *вакил*.

Если указание Его Величества велит заплатить наличными, *фирман* выписывается подобным же образом, но его называют *барат* (чек). Внизу приписывается расчёт. После того как его подпишет *назир*, *диван-и буютат*, и он пройдёт через руки *бахши* и *дивана*, его подписывает и пропечатывает *хан саман*⁵. Приходы и расходы царских мастерских, платежи ремесленникам (из которых некоторые получают жалованье по [военному] реестру, а остальные в зависимости от своей службы, например, люди, занятые в конюшнях, загонах для слонов, в мастерских по ремонту и изготовлению подводов) производятся по *баратам*. *Счетовод* каждой мастерской (или конюшни) ежегодно пишет два *барата*; один на шесть месяцев с *фарвардина* (февраль-март) по *шахриюр*, другой — с *михра* (сентябрь) по *исфандармаз*. Он записывает суммы, положенные на оплату зерна, сена и т.д., деньгами и натурой, а также жалованье ремесленникам, и подписывает смету. *Диван-и буютат* проверяет цифры, выписывает ордер на платёж, проверяет, положено ли понижение выплаты или повышение, и пишет на полях *аз тахвил-и фалани барат нависанд* — выписать *барат*, указав сумму взноса такому-то *мушриф*у. *Мушриф* мастерской или конюшни берёт этот документ, выписывает ордер и квитанцию, подписывает и ставит печать. По всем наличным платежам удерживается одна четверть — 25%, на каковую сумму составляется другой *санад*. Затем *диван-и буютат* даёт указание зарегистрировать его. *Мушриф* повинует, ставит подпись и печать на *барат* и квитанцию. Затем документы проходят через руки военного *счетовода*, *назира*, *диван-и буютата*, *хан самана*, *мушрифа дивана* и *вакила*, каждый из которых ставит свои подписи и печати. В каждом случае документ сопровождается сметой, чтобы не было ошибки. Когда он оказывается перед Его Величеством, *мушриф* выписывает квитанцию, которая таким же образом заносится в *дафтары*. Способ выплаты определён на обратной стороне, а именно: четверть надлежит выплачивать золотом (*ашрафи*), половину — серебром (*рупии*), а остальное — медью (*дамы*), соответственно установленному курсу.

Фирманы для *мансабдаров* оформляются таким же образом, но не отсылаются в мастерские и конюшни.

В случае *суюргалов* (см. Аин 19) *фирманы*, после того как их подпишет *муставфи*, заносятся в *дафтары диван-и саадата*, затем их подписывают и снабжают печатью *садр* и *диван-и кул*.

Иногда *фирманы* составляются в форме *тугра*⁶; но в этом случае первые две строки не делаются короткими. Такой *фирман* называют *парванча*.

Парванчи выписываются для выплаты оговоренных сумм на содержание бегим и принцев; для выплаты содержания людям, находящимся под покровительством *диван-и саадата* (см. Аин 19); для жалования *ахади*, *челам* и некоторым чиновникам в мастерских; а также сумм, потребных для оплаты корма лошадям *баркир*. Казначей не требует ежегодно новый *санад*, а производит оплату по простой квитанции с печатью и подписью министра Двора. *Мушриф* (счетовод) выписывает квитанцию, которую подписывает получатель, а затем посылает её к *дивану* для указаний. Затем её подписывают *мушриф*, *мустафви*, *назир-и буютат*, *диван-и кул*, *хан саман* и *мушриф дивана*. В *парванчах*, выдаваемых *ахади*, после *мустафви*, *дивана* и *бахши* требуются печать, подпись и виза *ахадибаши* или командира *ахади*, поскольку Его Величество по доброте своей и желая избежать проволочек приказал, чтобы *парванчи* ему не приносили.

Его Величество также не подписывает *сархаты*, квитанции о покупке и продаже, перечни цен, *арз-намчи* (накладные на суммы, направленные ко Двору сборщиками налогов в царских владениях), *карар-наме* (в которых указаны подати, полученные с крестьян) и *мукаса* (счета, которые *тахвилдары* получают от *мустафви* с указанием, что суммы, которые они получили в качестве взносов, были израсходованы по назначению).

- ¹ Английские писатели прошлого века часто упоминают эту традицию хранения всех документов на отдельных листах вместо книг. Листы удерживаются вместе пропущенной сквозь них нитью. Эта традиция, по моим сведениям, ещё жива в Персии; и она подходит странам Востока, где жаркий и влажный климат быстро разрушает переплёт книги. Слово *дафтар* соответствует греческому *διφθέρα*, то есть «дублёная кожа, пергамент», *сахиб-и дафтар* — министр финансов, то же самое, что *диван* или *вазир*. Дафтари в Индии называется человек, который есть в каждом офисе, в чьи обязанности входит очинять перья, разлиновывать бумагу и т.д.
- ² Букв. «кто получает счета, по которым платит казна». Эта часть *дафтара* содержит все счета придворного хозяйства, как указано выше.
- ³ Или выплата армии *ваджха* (оплаты); отсюда — *тавджих*, военные счета.
- ⁴ *Джагиры*, которые не предусматривали воинской повинности, назывались *бедаг-у махали*, то есть их держатель не имел отношения к армии и не должен был участвовать в смотрах, на которых *мансабдары* получали жалование на свои подразделения, а также его не касался сбор податей в нескольких *махаллах* или *парганах*. Так, Фатх-ал-лах из Шираза получил Басавар в качестве *джагира*, *бедаг-у махали*. Бадауни также имел *джагир* 1 000 *бига*, по поводу которого постоянно ворчал, в шутку называя себя *хазари*, то есть командиром тысячи.
- ⁵ [*Хан саман* (от *саман* (перс.) — 1) порядок, упорядочение; 2) имущество, снаряжение) — отвечал за порядок прохождения денежных документов.]
- ⁶ [*Тугра* — каллиграфически выполненный личный знак правителя, содержащий его полное имя и титулы. Хотя *тугры* исполнялись каллиграфами высочайшего уровня мастерства, тем не менее они считались личной подписью монарха. Указы, скреплённые *тугрой*, издавались по особым случаям. Из-за композиционной сложности *тугру* практически невозможно было подделать.]

СОДЕРЖАНИЕ

	Биография шейха Абу-л Фазла	5
ГЛАВА 1	Во имя Аллаха милостивого и милосердного!	33
ГЛАВА 2	Поход священного войска Шахиншаха из Ахмадабада в порт Камбей и лицезрение им моря	43
ГЛАВА 3	Стремительный поход Его Величества Шахиншаха против Ибрахим Хусейн мирзы, сражение и разгром врага	47
ГЛАВА 4	Его Величество [Шахиншах] планирует захват крепости Сурат	53
ГЛАВА 5	Битва Хан Азам мирзы Азиз Кокалташа с Мухаммад Хусейн мирзой и кланом Фулади, поражение последних	61
ГЛАВА 6	Открытие крепости Сурат ключом возвышенного гения [Его Величества] Шахиншаха	67
ГЛАВА 7	Начало 18-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года шахриюр второго цикла	72
ГЛАВА 8	Возвращение [Его Величества] Шахиншаха в Агру после завоевания Гуджарата	74
ГЛАВА 9	Прибытие Его Величества Шахиншаха в столицу	81
ГЛАВА 10	Второй поход [Его Величества] Шахиншаха в Гуджарат и возвращение с победой	85
ГЛАВА 11	Прибытие [Его Величества] Шахиншаха в Ахмадабад, вознесение знамён завоевания и победа над Мухаммад Хусейн мирзой	96
ГЛАВА 12	Возвращение мирозавоевывающего [Его Величества] Шахиншаха в столицу	113
ГЛАВА 13	Второй поход войска Его Величества [Шахиншаха] в Бенгалию и Бихар и наказание недостойных и строптивых	119
ГЛАВА 14	Отправление принца Султан Салима в школу	127
ГЛАВА 15	Посещение Его Величеством [Шахиншахом] Аджира	132
ГЛАВА 16	Начало 19-го Божественного года с [момента священного] Восшествия на престол [Его Величества Шахиншаха] — года михр второго цикла	134
ГЛАВА 17	Поход [Его Величества] Шахиншаха в восточные области водным путём	142
ГЛАВА 18	Прибытие священной процессии [Его Величества] Шахиншаха в окрестности Патны и начало осады	153
ГЛАВА 19	Взятие крепости Патна, бегство Дауда и стремительный поход Его Величества [Шахиншаха]	158
ГЛАВА 20	Отбытие [Его Величества] Шахиншаха в столицу и получение по пути известий о победе в Бенгалии	168
ГЛАВА 21	Прибытие Его Величества [Шахиншаха] в столицу [Фатехпур Сикри] (и строительство молитвенного дома)	173
ГЛАВА 22	Введение закона о клеймении и направление людей к истине и преданности	180

ГЛАВА 23	Битвы Муним-хана Хан-ханана в Бенгалии, поражение Дауда и другие события	183
ГЛАВА 24	Начало 20-го Божественного года с момента [священного] Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — года абан второго цикла	194
ГЛАВА 25	Приезд Дауда к Муним-хану Хан-ханану и украшение пира согласия	197
ГЛАВА 26	О событиях в провинции Бихар, многочисленных доблестях Музаффар-хана и о том, как он вернул себе благосклонность [Шахиншаха]	201
ГЛАВА 27	Посещение Хиджаза несколькими сокрытыми чадрой дамами Халифата	218
ГЛАВА 28	Мирза Сулейман направляется к мирозащищающему Двору Его Величества Шахиншаха	223
ГЛАВА 29	Передача управления Бенгалией Хан Джахану	237
ГЛАВА 30	Священная процессия [Его Величества Шахиншаха] направляется в Аджмир	242
ГЛАВА 31	Начало 21-го Божественного года [с момента] священного Восшествия на престол [Его Величества] Шахиншаха — года азар второго цикла	245
ГЛАВА 32	Усиление [света] лампы удачи [Его Величества] Шахиншаха и нисхождение раны во мглу бегства	252
ГЛАВА 33	Поход [Его Величества] Шахиншаха в Бенгалию и его возвращение с первого перехода	256
ГЛАВА 34	Поход в Аджмир	267
ГЛАВА 35	Начало 22-го Божественного года [с момента священного Восшествия на престол Его Величества Шахиншаха] — года дай второго цикла	287
ГЛАВА 35 б		292
ГЛАВА 36	Прославление поля брани мечами Вазир-хана и раджи Тодар Мала, а также поражение Музаффар Хусейн мирзы	295
ГЛАВА 37	Ещё одно посещение Аджира Акбаром	301
ГЛАВА 38	Музаффар Хусейн-хан вновь разжигает смуту и терпит поражение	303
ГЛАВА 39	Повествующая об обучении удачливых сыновей Его Величества [Шахиншаха]	310
ГЛАВА 40	Поход Его Величества [Шахиншаха] в Пенджаб, появление кометы и другие события	312
ГЛАВА 41	Поражение, нанесённое радже Мадхукара приумножающейся с каждым днём удачей [Его Величества] Шахиншаха	322
ГЛАВА 42	Начало 23-го Божественного года [с момента] священного Восшествия [на престол Его Величества Шахиншаха] — года бахман второго цикла	332
ПРИМЕЧАНИЯ		338
ПРИЛОЖЕНИЕ		371

Абу-л Фазл Аллами

АКБАР-НАМЕ

Книга пятая

Выпускающий редактор *И.О. Клубкова*
Литературные редакторы *О.Н. Зызлаева, Р.М. Землянская*
Технический редактор *Л.И. Введенская*
Компьютерная вёрстка: *Н.В. Краснова, Н.Г. Чернавских, Э.В. Шумкова*
Корректоры *О.Н. Костина, Р.М. Настина*

Подписано в печать 01.12.2010. Формат 70 x 100/16
Бумага офсетная и мелованная. Усл. печ. л. 33,8
Тираж 3 000 экз. Заказ № 163

© ООО «Издательский дом «Агни», 2010
443110, Россия, Самара, ул. Мичурина, 23
Телефон (846) 269-77-64

Отдел продаж:
Телефоны: (846) 270-23-87, 279-07-06
Факс (846) 270-23-77
book@agniart.ru, www.agni.com.ru
Книга—почтой: 443110, Россия, Самара, а/я 9684

Фотоагентство:
Телефон (846) 270-32-90
Факс 270-20-11
support@agniart.ru, www.agniart.ru

Отпечатано в типографии ООО ПФ «Полиграф-Книга», 2010
160001, Россия, Вологда, ул. Челюскинцев, 3